

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА 6 / 2011

62-я годовщина образования
Китайской Народной Республики

●
События на арабском Востоке
и позиция КНР

●
Сельское хозяйство Китая

●
Шэньчжэнь:
три десятилетия развития

●
Электронное правительство
в Республике Корея

●
Из истории советско-китайских
отношений в 1920-е годы

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

6/2011

Ноябрь — Декабрь

Научный и общественно-политический журнал, выходит шесть раз в год на русском и четыре раза в год на английском языках

Выпускается под руководством Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН

Издается с марта 1972 года

ПОЛИТИКА

- К. Антипов.* События на арабском Востоке и позиция Китая 3
Чэнь Чжисхао. Стратегические интересы Китая и Индии в Афганистане 18

ИТОГИ 11-й и задачи 12-й пятилетки в КИТАЕ

- Л. Волкова.* Сельское хозяйство Китая 26
Е. Крапина. Развитие животноводства Китая 32
В. Чуванкова. Развитие частного предпринимательства в КНР 38

ЭКОНОМИКА

- В. Портяков.* Шэньчжэнь: история успеха 45
Д. Стрельцов. Потенциал российско-японского сотрудничества в сфере энергосбережения и возможности его реализации 62

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

- Д. Гордиенко.* Мировой кризис и экономическая безопасность Китая 71

РОССИЙСКИЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

- И. Гантимуров.* Деятельность пограничных органов по охране биологических ресурсов морей Дальнего Востока 81

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

- Чжо Чжу Хэн.* Стратегия развития местного электронного правительства в Республике Корея 90
А. Королев. Поиски модели медицинского страхования в КНР 98

<i>Д. Бабаян. Демографический компонент российско-китайских отношений: вызовы и выгоды</i>	118
--	-----

ИСТОРИЯ

<i>И. Сотникова. Коминтерн и начало коммунистической работы в Китае</i>	126
<i>А. Юркевич. Советская помощь Гоминьдану в 1920-е годы: к вопросу о критериях оценки</i>	135
<i>А. Хисамутдинов. Русские старообрядцы в Китае</i>	146

РЕЛИГИЯ

<i>Е. Завидовская. Региональные особенности народной религии Китая в социологических исследованиях республиканского периода (первая половина XX века)</i>	155
---	-----

В ОБЩЕСТВЕ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЙ ДРУЖБЫ

<i>Ли Хуэй. Сегодняшний Китай и китайско-российские отношения</i>	166
---	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Цю Юаньтин. Китай и Азия: перспективы совместного развития</i>	172
---	-----

РЕЦЕНЗИИ

<i>Л. Забровская. Снайдер С. Возвышение Китая и две Кореи: политика, экономика, безопасность</i>	177
--	-----

Contents.....	182
---------------	-----

Summary	183
---------------	-----

Содержание журнала «Проблемы Дальнего Востока за 2011 год.....	186
--	-----

Учредители: Российская академия наук, Институт Дальнего Востока РАН

Главный редактор В.Я. Портяков

Редакционная коллегия: Я.М. Бергер (*зам. главного редактора*), А.В. Болятко, О.Н. Борох, К.В. Внуков, Л.М. Гудошников, А.С. Давыдов (*зам. главного редактора*), А.З. Жебин, Е.И. Зеленев, В.О. Кистанов, А.В. Ломанов, С.Г. Лузянин, А.Е. Лукьянов, А.В. Макаров, П.А. Минакир, А.В. Островский, Л.С. Переломов, С.С. Разов, И.А. Рогачев, Д.А. Смирнов, В.Ф. Сорокин, М.Л. Титаренко, Н.С. Тихонов (*ответственный секретарь*), В.Н. Усов.

Политика

События на арабском Востоке и позиция Китая

© 2011

К. Антипов

В статье рассматривается влияние событий в арабском мире на политику КНР. Дан анализ мероприятий Пекина по совершенствованию внешнеэкономической деятельности в регионе. Особое внимание уделяется тенденциям в китайско-американских отношениях, а также возможностям китайско-российского сотрудничества.

Ключевые слова: Китай, Ближний Восток, Африка, Ливия, китайско-американские отношения, китайско-российское сотрудничество.

Развернувшиеся в арабо-африканском регионе с начала 2011 г. события были восприняты в КНР как социально-политическая трансформация огромной важности, которая нарушила баланс политических, религиозных, социально-экономических, конфессиональных и иных факторов и может иметь последствия как для интересов Китая, так и для глобальной безопасности. Широкий отклик в КНР по поводу кризиса на арабском Востоке объясняется тем, что в последние годы в отношении с арабо-африканским регионом наряду с традиционными участниками втянулись тысячи китайских предприятий, банки, инвестиционные компании, нефтяные концерны и другие организации, представляющие многие отрасли китайской экономики. За последние пять лет Китаю удалось не только выдвинуться в число главных торгово-экономических партнеров этого региона, но и обеспечить решение ряда важных задач собственного социально-экономического развития. Особое значение имеет то, что в настоящее время Китай импортирует с Ближнего Востока 58% потребляемой нефти, при этом с 2009 г. он стал главным покупателем саудовской нефти, опередив США. В ряде стран КНР заняла ведущие позиции в качестве торгового партнера и инвестора. В то же время Китай активно участвует в миротворческих операциях ООН, содействует урегулированию ситуации в Ираке и Афганистане, сотрудничает с США в борьбе против терроризма и наркоторговли, последовательно поддерживает процесс ближневосточного урегулирования, оказывает конструктивное воздействие на позицию ХАМАС, ведет работу по обеспечению безопасности в Персидском заливе, а также принимает участие в мероприятиях ООН по борьбе с пиратством в Аденском заливе и акватории Индийского океана. Видную роль Китай играет в развитии мирного процесса в Судане.

Долгосрочная стратегия Китая закреплена в концепции «гармоничного Ближнего Востока», выдвинутой председателем КНР Ху Цзиньтао в ходе визита в Саудовскую

Аравию в 2006 г. В ней подчеркивается приоритетное значение и взаимосвязь стабильности и развития. Однако под влиянием потрясений «арабской весны», особенно в связи с военно-политическим кризисом в Ливии и вмешательством НАТО, в политике Китая появились новые акценты, свидетельствующие, что на первый план выдвинулись вопросы международной безопасности, охватывающие как политические, так и экономические интересы КНР. Как заявил министр иностранных дел КНР Ян Цзечи, «у Китая есть три позиции. Во-первых, Китай придерживается принципа невмешательства во внутренние дела, во-вторых, выступает против применения вооруженных сил, в-третьих, призывает международное сообщество поддерживать усилия стран региона для возобновления политической стабильности»¹. Как отмечал профессор университета «Тунцзи» Ши Цзяньсюнь, «перед лицом серьезного кризиса оказалась безопасность и стабильность не только этого региона, осложнение ситуации будет влиять на безопасность и стабильность во всем мире»². На специальном семинаре экспертов в Шанхае было подчеркнуто, что «Ближний Восток — важный стратегический регион, который затрагивает вопросы, связанные с инвестиционной и энергетической безопасностью Китая»³. Одним из результатов массовых антиправительственных выступлений в Тунисе, Египте, Йемене, Ливии, Джибути и других странах, по мнению китайских специалистов, стала активизация подрывной деятельности исламских фундаменталистов. Кроме того, китайские специалисты отмечают появление новых возможностей для активизации глобального терроризма и продвижения интересов радикальных кругов Ирана, а также сепаратистских сил, представляющих угрозу безопасности и стабильности китайского общества. Ответственность за происходящее они в значительной мере возлагают на политику США, проводившуюся здесь после окончания «холодной войны»⁴.

Внешнеполитическая деятельность КНР в период обострения положения в регионе отмечена рядом важных событий, исследование которых расширяет наши представления о происходящей эволюции китайской дипломатии и об особенностях поведения нашего стратегического партнера в условиях крупнейшего международного кризиса последних лет. Наиболее ярко эти особенности проявились в политике Пекина в отношении событий в Ливии, где общественные перемены приобрели характер гражданской войны с участием вооруженных сил НАТО. Особый интерес вызвали действия Китая, связанные с эвакуацией своих граждан из Ливии, шаги в Совете Безопасности ООН, дипломатия в отношении с ливийской оппозицией, а также мероприятия по защите своих экономических интересов и противодействие попыткам перенести волнения из арабских стран на территорию КНР.

В период с 22 февраля по 5 марта 2011 г. Китай осуществил беспрецедентную операцию по эвакуации 36 тыс. своих граждан и 2 тыс. граждан других стран из Ливии и соседних государств, использовав для этого ракетный корвет «Сюйчжоу» из состава отряда китайских кораблей в Аденском заливе, а также самолеты военно-транспортной авиации. По мнению западных комментаторов, эвакуация с привлечением вооруженных сил КНР могла бы рассматриваться как вмешательство во внутренние дела Ливии. В официальном Вашингтоне в действиях Китая усматривают стремление продемонстрировать силу, а также намерение в дальнейшем действовать в соответствии с возросшим потенциалом страны. Так, по словам высокопоставленного чиновника правительства США, «Китай обладает мощью, а теперь, наконец, и ведет себя соответственно»⁵. Известный китайский международник Янь Сюэтуан оценил действия КНР как отход от «сдержанности» и новый шаг к роли «великой державы»⁶. Эти действия в увязке с голосованием КНР в поддержку резолюции СБ ООН № 1970, введшей санкции в отношении режима Каддафи, способствовали распространению в западных экспертных кругах мнения о начале стратегического отказа Китая от принципа невмешательства и переходе в фазу «зрелости» и «прагматичной ответственности», предполагающей сближение политики Пекина с позицией западных государств⁷. Однако при этом игнорировалось, что помимо санкций, в тексте резолюции содержалось требование к властям Ливии обеспечить защиту иностранных граждан и имущества иностранных компаний. В то время это имело

для Китая первостепенное значение. Ожидания перехода Пекина к сотрудничеству с Западом по Ливии усилились после того, как месяц спустя, в конце марта 2011 г. китайский представитель в СБ ООН не стал блокировать принятие резолюции № 1973, открывшей путь вмешательству НАТО в Ливии. Например, в Европейском Совете по иностранным делам сделали вывод о кризисе традиционной китайской политики невмешательства и намерении КНР воспринять новые подходы к решению современных международных проблем в духе западной политики⁸.

Однако последующие действия Китая показали, что приведенные экспертные оценки пока в большей степени свидетельствуют о желании Запада создать впечатление о «принципиальном характере» произошедших изменений, а не о созревшем решении китайского руководства действительно произвести глубокую корректировку одного из фундаментальных принципов своей внешней политики. В этой связи обоснованным представляется мнение профессора Фуданьского университета Цзянь Цзюньбо, отметившего, что Китай в ливийской ситуации действительно отошел от принципа невмешательства, «но это не основание для успешных выводов о полном отказе» от него⁹. Очевидный контраст между многолетней практикой Китая и его поддержкой «ливийских резолюций» в СБ ООН не остался без комментариев с китайской стороны, которая сочла нужным официально довести до коллег в ООН, что Пекин считает ситуацию в Ливии «совершенно исключительной», и решение поддержать санкции против Ливии «не создает прецедента для будущей китайской политики», которая осуществляется на базе неизменных принципов¹⁰. Тем не менее нельзя исключать, что определенные изменения в отношении КНР к принципу невмешательства наметились. Например, настаивая на недопустимости вмешательства западных сил, Пекин фактически допускает возможность вмешательства африканских стран в дела друг друга. Так, он в течение нескольких месяцев настойчиво выступал за усиление роли в урегулировании ливийской ситуации Африканского Союза, в уставных документах которого предусматривается возможность коллективного вмешательства африканских государств под эгидой Союза в дела друг друга в условиях внутривнутриполитических кризисов и гуманитарных катастроф. Пределы возможных изменений подхода КНР к вопросу о невмешательстве пока не ясны и заслуживают дальнейшего исследования.

Важной вехой не только в китайско-ливийских отношениях, но и в целом в дипломатической практике Китая стало признание Пекином Переходного национального совета (ПНС) Ливии «в качестве правящей власти и представителя ливийского народа». Китайская сторона продемонстрировала при этом определенную последовательность, придерживаясь формулы «уважения выбора ливийского народа». Характерно, что в других странах, где развиваются внутривнутриполитические конфликты, Китай обычно не связывает себя поддержкой одной из сторон, борющихся за власть. Разъяснению своей политики Пекин уделял большое внимание уже на начальном этапе установления официальных контактов с ливийской оппозицией в июне 2011 г. Официальные представители, а также СМИ КНР подчеркивали, что Пекин «уважает самостоятельный выбор народов» и будет иметь дело с теми силами, которые придут к власти в соответствии с волей народа Ливии. В качестве примера своей готовности сотрудничать с новыми властями они ссылались на события в других странах Северной Африки: «После того, как в Тунисе и Египте к власти пришли новые силы, Китай сразу же установил с ними связи» и даже «предоставил всю возможную помощь»¹¹. Примечательно, что исходя из своих долгосрочных интересов, китайская дипломатия уклонилась от официального осуждения Каддафи, хотя отношения Пекина с режимом полковника были вовсе не столь дружественными, как утверждают многие западные комментаторы. Достаточно отметить, что в докризисный период ливийцы принимали подчас жесткие меры, ограничивавшие доступ китайских инвесторов в топливный сектор. Например, в сентябре 2009 г. ливийские власти запретили приобретение Китайской национальной нефтяной компанией канадского

предприятия «Виринекс энерджи» за 462 млн долл.¹² На политическом уровне дело дошло до публичных обвинений Китая в неокOLONиализме¹³.

Судя по заявлениям официальных представителей КНР, решение Китая признать ПНС в качестве законной власти было мотивировано прежде всего переходом фактического контроля в Ливии в руки оппозиции. Говоря об этом решении, представитель МИД КНР Цзян Юй также отметила, что ливийские власти обязались «решительно проводить политику одного Китая и в точности соблюдать все подписанные ранее договоры и соглашения»¹⁴. Оказавшись перед необходимостью прибегнуть к маневрированию, Пекин одновременно предпринял ряд шагов, призванных подтвердить, что китайская дипломатия продолжает руководствоваться принципиальными установками. В этой связи стоит отметить поездки на Ближний Восток специального представителя правительства КНР У Сыкэ. На встречах с палестинскими представителями на Западном берегу реки Иордан У Сыкэ подчеркивал, что «в новых условиях палестинский вопрос остается центральной проблемой Ближнего Востока. Китай будет неизменно поддерживать правое дело палестинцев»¹⁵. Смысл таких заявлений У Сыкэ и других подобных мероприятий, заключается, по-видимому, в том, чтобы сохранить баланс в отношениях со всеми участниками ближневосточного процесса и не допустить ослабления сотрудничества КНР с традиционными союзниками и партнерами, представляющими силы левой ориентации. Пекин стремится особо продемонстрировать, что в новых условиях КНР сохраняет «независимую», как подчеркивает У Сыкэ, внешнюю политику¹⁶.

События «арабской весны» повлияли и на положение в самом Китае, вызвали широкое обсуждение в различных слоях китайской общественности. Уже в январе 2011 г. в США и в КНР с подачи анонимных блогеров началась активная дискуссия о возможности возникновения в Китае массовых выступлений наподобие «жасминовой революции», приведшей к свержению правящего режима в Тунисе. В публичные дебаты оказались втянутыми ответственные представители Совета национальной безопасности США и Госдепартамента, поднимавшие такие вопросы, как готовность Вашингтона к возможности повторения в Китае событий «арабской весны», наличие у него соответствующей программы действий и т.д.¹⁷ Широкое обсуждение этой темы развернулось также в западной печати и общественных кругах. Обращения к китайскому населению осуществлялись через Интернет, они стимулировали проявление общественного недовольства и приобрели системный характер. По мнению видного российского эксперта Я. Бергера, не следует «исключать, что к антиправительственным акциям приложили руку спецслужбы некоторых государств»¹⁸. Призывы из-за рубежа на этот раз не вызвали ожидавшейся «продемократической» реакции в китайском обществе. Многочисленные отклики участников дискуссии обозначили надежду на то, что в отличие от арабских стран в Китае удастся осуществить реформы, не вызывая общественных потрясений. Однако на государственном уровне попытки стимулировать антиправительственную реакцию на волне «арабской весны» были восприняты самым серьезным образом. Так, в плане на XII пятилетку, принятом на сессии ВСНП в марте 2011 г., на обеспечение внутренней безопасности впервые были выделены средства в размере 624,4 млрд юаней, превысившие оборонный бюджет Китая (601,1 млрд юаней)¹⁹. Как отметил авторитетный политолог профессор Ши Иньхун, «возвращение США к политике проталкивания демократии невыгодно ни для КНР, ни для стабильных китайско-американских отношений»²⁰. В этих условиях политика Пекина в арабском мире оказалась напрямую связана с коренными интересами по поддержанию стабильности в КНР. Она вышла за рамки региональных задач и стала оказывать влияние на отношения КНР с Россией и США.

КНР и США на арабском перекрестке

Кризис в арабских странах внес определенные осложнения в отношения КНР и США и способствовал усилению тенденции, в соответствии с которой сфера противоречий этих держав географически не ограничивается Азиатско-Тихоокеанским регионом, а

распространяется на Западную Азию и на африканский континент. Особую озабоченность китайского руководства вызвали действия НАТО в Ливии. Как считают в КНР, вмешательство в Ливии осуществлялось по «косовскому сценарию», который приобрел характер универсальной модели и может быть использован в других странах²¹. В Пекине пришли к выводу, что непосредственные причины широких потрясений в арабском мире связаны с местными социально-экономическими и политическими процессами и не являются прямым следствием конкретных мероприятий зарубежных сил. Однако, как отмечали участники семинара в Шанхае, США достаточно быстро включились в происходящие события и «предприняли шаги, чтобы направить их в русло собственных интересов»²². По словам сотрудника Института по исследованию Западной Азии и Африки Китайской академии общественных наук Чжан Чуньюя, главная причина военной операции НАТО в Ливии — «геополитика, нефть — лишь часть их стратегии»²³. При этом позиция США рассматривается как важнейший фактор, определяющий дальнейшие действия стран Запада в регионе, а также возможные варианты будущего урегулирования. В целом в отношении роли США на Ближнем Востоке китайские эксперты выработали устойчивую негативную оценку, охватывающую все основные направления американской политики в регионе. Она заключается в том, что за последние двадцать лет США, добываясь абсолютного контроля над нефтяными ресурсами арабского мира, нанесли ущерб собственным стратегическим интересам и нарушили в нем хрупкий баланс сил и его социальную структуру. Китайцы усматривают в этом не эксцесс и ошибку периода президентства Буша-младшего, а стратегию, последовательно осуществляемую несколькими поколениями американских лидеров. Дальнейшие усилия Запада по продвижению «демократизации» в арабо-африканском регионе лишь приведут к новым фундаментальным осложнениям²⁴.

Однако Китай, по мнению британских экспертов, стремится не допустить превращения регионального кризиса в поворотный пункт в его отношениях с США и перерастания их в конфронтацию²⁵. С китайской стороны звучат высказывания о необходимости совместных усилий США и КНР по стабилизации обстановки в арабском мире. Например, по словам профессора Цзянь Цзюньбо, у КНР и США «есть общие интересы, заключающиеся в предотвращении прихода к власти в Ливии исламских экстремистов, которые связаны с Аль-Каидой и терроризмом»²⁶. Со своей стороны и США предпочитают сохранять в регионе сбалансированные отношения с КНР, не допуская их обострения. На открытии очередного раунда китайско-американского стратегического диалога в Вашингтоне в мае 2011 г. госсекретарь Х. Клинтон особо отметила необходимость сотрудничества с Китаем в решении проблем на Ближнем Востоке. В пользу сотрудничества по данному вопросу высказались и оба китайских представителя на переговорах — Ван Цишань и Дай Бинго²⁷. Поддержанию приемлемого баланса отношений в арабском мире благоприятствует и продвижение китайско-американского сотрудничества по некоторым другим направлениям, происходящее после визита президента Ху Цзиньтао в США в январе 2011 г.

При этом Вашингтон в основном сохраняет курс на формирование американо-китайского сотрудничества на собственных условиях. На первом плане стоят попытки склонить Китай к поддержке усилий Запада по урегулированию ливийской ситуации в интересах сил, пришедших к власти после падения режима Каддафи. США заинтересованы в том, чтобы использовать отношения КНР с радикальными элементами, играющими видную роль в развитии нынешней ситуации не только в Ливии, но в арабском мире в целом. В русле подобных подходов развиваются уже традиционные идеи привлечения возможностей китайской дипломатии для работы с новым поколением арабских лидеров, особенно — исламской ориентации, которое в ближайшее время начнет выдвигаться на политическую авансцену в странах Северной Африки и Западной Азии. Закрепление роли Китая в качестве одного из основных участников урегулирования, необходимость скорейшей стабилизации обстановки, а также сближение текущих интересов КНР и США в арабском регионе могут стимулировать возможность создания еще одного

направления стратегического диалога между КНР и США. Однако сохраняющееся глубокое взаимное недоверие сторон ограничивает развитие этого процесса.

Параллельно американцы активизировали поиски новых вариантов расширения взаимодействия на международной арене путем вовлечения КНР в совместное с США управление глобальной безопасностью. В частности, в американских кругах обсуждается идея создания международной структуры, способной заменить или дополнить политическую надстройку НАТО и обеспечить участие таких стран, как Китай, Индия и Бразилия²⁸. Усиление неопределенности на арабском Востоке воспринимается как повод для отработки новых моделей отношений с КНР именно в кризисных условиях. Одна из таких моделей предполагает участие Китая в создании в арабском регионе нового баланса сил, опирающегося на американский опыт формирования в последние годы системы международной безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. При этом считается, что присутствие Китая в новой роли, с одной стороны, будет подталкивать местные монархические режимы к укреплению традиционных отношений с США, а с другой — поощрять интерес Китая к более активному взаимодействию с американским партнером.

В нынешней ситуации Китай не заинтересован в значительном сокращении американской роли и возникновении в арабском мире нового вакуума силы, как это произошло с окончанием «холодной войны». Китай не считает себя способным самостоятельно заполнить такой потенциальный вакуум в ближайшем будущем. Кроме того, как отмечают китайские эксперты, необходимо учитывать негативный опыт американской политики, поскольку именно прямая вовлеченность США в дела арабов сыграла пагубную роль для интересов и Америки, и для стран региона. Не исключено, что китайская дипломатия рассматривает несколько вариантов разрешения подобной ситуации, и скорее всего они могут опираться на принцип коллективной ответственности под эгидой ООН. Как отметил специальный представитель Китая на Ближнем Востоке У Сыкэ, «не надо думать, что с уходом Соединенных Штатов Китай обязательно заполнит» образовавшуюся нишу²⁹.

В результате в данном регионе в отношении Китая и США проявляется некоторая специфика. Одним из ее элементов является то, что роль КНР как стабилизирующего фактора в определенной мере пока устраивает США, сохраняющих на Ближнем Востоке доминирующее положение. Дистанцирование Китая от арабского кризиса не отвечало бы целям американской политики, поскольку США стремятся интегрировать Китай в процесс формирования новой ситуации в арабо-африканском регионе. Реализация конкретных вариантов политики КНР в условиях сокращения американского присутствия может начаться уже в ближайшее время в связи с предстоящим выводом вооруженных сил США из Ирака, который Вашингтон планирует провести до конца 2011 г.

Более долгосрочные цели преследует «нефтяная дипломатия» США, стимулирующая сотрудничество с КНР экспортеров нефти из числа ближневосточных союзников США. Растущая зависимость Китая от арабских источников рассматривается в США как важная предпосылка для реализации планов американской дипломатии по «вовлечению» Китая, особенно — в решение задач по поддержанию американской структуры безопасности в регионе. Актуальность этого вопроса возрастает с учетом острой заинтересованности США в сокращении собственных затрат, которые составляют от 40 до 50 млрд долл. в год³⁰. Одновременно предусматривается сдерживание развития отношений Китая с Ираном, а также ограничение традиционной поддержки, оказываемой КНР арабским радикальным режимам и движениям.

В ходе ливийского кризиса наглядно проявилось, что ключевая роль в реализации этой политики отводится Саудовской Аравии, обеспечивающей поставку свыше 25% импортируемой Китаем нефти³¹. США уделяют особое внимание развитию саудовско-китайских отношений, содействуют увеличению экспорта в КНР саудовской нефти. Эти поставки, по замыслу американцев, позволяют снизить интерес Пекина к получению иранской нефти и, таким образом, содействуют расширению возможности американско-

китайского диалога по реализации политики санкций и давления на Иран. Кроме того, такой курс в определенной мере содействует возрастанию политической роли Эр-Рияда по сравнению с Дамаском, Каиром и другими арабскими центрами, которые США пытаются отодвинуть на периферию ближневосточного процесса. Практические шаги по закреплению саудовско-китайских связей были предприняты в феврале 2010 г. во время поездки в регион госсекретаря Х. Клинтон с целью подготовки к возможному удару по Ирану³². В марте того же года с подобной миссией Эр-Рияд посетил тогдашний министр обороны США Р. Гейтс³³. Саудовцы, по словам американских дипломатов, предложили Китаю соответствующие «нефтяные гарантии» на случай принятия ООН новых санкций в отношении Ирана³⁴. Нынешнюю ситуацию в американских кругах считают благоприятной для дальнейшей активизации усилий по склонению КНР к поддержке позиции США в отношении Ирана, сдерживание которого приобрело для американцев особое значение на фоне изменений в арабском мире³⁵. Однако, судя по итогам китайско-иранских переговоров, состоявшихся в Тегеране в июле 2011 г. с участием члена Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК Хэ Гоцяна, Пекин не готов снизить уровень отношений с Ираном и, наоборот, ищет пути обеспечения нефтяной торговли в обход американских санкций, продолжая в то же время наращивать связи с Эр-Риядом³⁶.

Для воздействия на текущую политику КНР в арабском мире, помимо нефтяных рычагов, американцы в состоянии использовать и другие факторы, в том числе — за пределами данного региона. Как утверждает авторитетный американский журнал «Национальный интерес», решение КНР воздержаться от блокирования санкций в отношении режима Каддафи, возможно, является уступкой Вашингтону в ответ на сокращение американской программы военных поставок на Тайвань³⁷.

Еще одним важным элементом китайско-американских отношений в ливийской ситуации является взаимодействие сторон по вопросам посреднической деятельности Китая. Очевидно, что позиция США и их союзников имеет принципиальное значение для возможности осуществления посреднических миссий КНР в этом регионе. Для оценки потенциала этого взаимодействия важно учесть, что Китай и США уже имеют опыт успешного сотрудничества по урегулированию политического кризиса в Судане, а также в других проблемных ситуациях. Значение посредничества КНР может в ближайшие месяцы возрастать с учетом того, что ливийская ситуация все еще далека от нормализации, а необходимость налаживания отношений со сторонниками прежнего режима сохраняет свою актуальность и для нового ливийского режима, и для Запада. Вместе с тем, в настоящее время Китай как посредник выступает уже на другом уровне своих возможностей, имея значительно больший потенциал для сохранения самостоятельного подхода к отношениям с участниками конфликта в Ливии. Это наглядно проявилось на предыдущих этапах развития ливийской ситуации, в которой Китай пытался противодействовать свержению власти в Ливии военным путем, что противоречило устремлениям США. Эта характерная для общего состояния китайско-американских отношений тенденция, показывает, что взаимодействие Китая и США в данном регионе в целом наряду с возможностями расширения сферы сотрудничества содержит и конфликтный потенциал. Это — одна из главных причин возобновляющихся попыток США усиливать давление на интересы КНР на различных направлениях. На данном этапе объектом нажима со стороны Вашингтона стало африканское направление политики Китая.

Хотя сдерживание китайского влияния в Африке имеет для США важное самостоятельное значение, учитывая особое место, отводимое этому континенту в планах администрации президента Обамы, в то же время эта деятельность тесно связана с американскими фундаментальными интересами по сохранению доминирования США на Ближнем Востоке. Примечательно, что во время поездки в Замбию, Танзанию и Эфиопию в июне 2011 г. Х. Клинтон предостерегла африканские страны от использования «китайской модели» развития. Судя по заявлениям госсекретаря, создание «противовеса» сотрудничеству КНР с африканцами будет активизировано под флагом борьбы про-

тив «нового колониализма». Практические мероприятия будут осуществляться при активном содействии посольств США. Американским дипломатам предстоит, в частности, «дать оценку» инвестиционной деятельности Китая в африканских странах³⁸.

По мнению ряда специалистов, именно в Африке в ближайшие годы США могут сфокусировать политику противодействия росту международного влияния Китая. Как выразился работающий в КНР обозреватель Лоренс Брам, «Большая Игра между Западом и Китаем будет проходить в Африке»³⁹. Судя по отклику на его слова китайской печати, в Пекине такую перспективу воспринимают всерьез⁴⁰. Это не означает смещения центра интересов КНР из тихоокеанской Азии в арабо-африканский регион, однако, расширение географии этих интересов, а также диапазона американо-китайских противоречий явно происходит. Как полагают китайские специалисты, «от Африки зависит будущая судьба Востока и Запада». При этом в редакционном комментарии «Жэньминь жибао» по поводу африканской поездки Хиллари Клинтон подчеркивается, что «приход Китая в Африку в интересах развития является отражением государственного решения, одновременно он представляет важное звено стратегии мирного подъема Китая». «Китай не может отказаться и уступить»⁴¹. Такая ситуация при определенных условиях может привести к обострению китайско-американских противоречий. Учитывая традиции политической борьбы в Африке и проявляющуюся здесь нестабильность, данный континент создает гораздо больше возможностей для отработки новых моделей сдерживания Китая с использованием широкого арсенала средств политики США, чем, например, Азиатско-Тихоокеанский регион, куда смещается глобальный центр экономического развития.

На пути к стабилизации и мирному развитию

Ливийские события наряду с другими глобальными вызовами актуализировали вопрос о расширении сферы российско-китайского стратегического партнерства. В ходе развития ливийской ситуации проявилась близость интересов России и Китая в арабском регионе, а также в более широком плане — в обеспечении мира, безопасности и развития и в поддержании принципа невмешательства во внутренние дела других стран. Как подчеркнул министр иностранных дел РФ С. Лавров в ходе переговоров со своим китайским коллегой Ян Цзечи, стороны разделяют обеспокоенность ситуацией на Ближнем Востоке и севере Африки и считают, что сложившаяся обстановка чревата серьезными глобальными потрясениями⁴². Задача обеспечения безопасности в арабо-африканском регионе была зафиксирована главами России и Китая в Совместном заявлении от 16 июня 2011 г., подписанном в Москве в ходе визита в Россию председателя КНР Ху Цзиньтао. Заявление, основанное на принципах невмешательства, требует отказа от «внешнего вмешательства» в дела арабского мира⁴³. Как отмечают эксперты Китайского института современных международных отношений Цзи Чжэ и Фэн Юйсинь, события в арабском мире сделали появление этого Заявления критически важным событием именно в условиях резкого обострения ситуации в Ливии, и теперь оно будет служить «основополагающим документом» для российско-китайского сотрудничества⁴⁴. Ван Хайюнь, вице-президент Китайского общества изучения истории китайско-российских отношений, в этой связи высказал мысль, что общие стратегические интересы Китая и России состоят в том, чтобы обеспечить региональную и глобальную стабильность и осуществить быстрое развитие обеих стран в предстоящие десятилетия⁴⁵.

Принятие данного Заявления на фоне усиления операций НАТО в Ливии не без основания рассматривается в международных кругах как возможное начало нового этапа в российско-китайском стратегическом партнерстве. По мнению видного международника М. К. Бхадракумара, «российско-китайские усилия по координированию их позиций по региональным и международным вопросам были выведены на качественно новый уровень в отношении развития ситуации на Ближнем Востоке». На Западе эти шаги восприняты как «серьезный вызов»⁴⁶.

Вместе с тем, необходимо отметить, что движение России и Китая к новому этапу сотрудничества осуществлялось с известными сложностями, под влиянием неоднозначного отношения к перспективам ливийского режима. Необходимость вывода российско-китайского партнерства на новый уровень возникла в результате различающихся по содержанию международных процессов, развивающихся, с одной стороны, между Россией и Западом — преимущественно на европейском направлении, а с другой стороны — между Китаем и Западом — преимущественно в Азии и Африке. Боевые операции НАТО в Северной Африке ускорили осознание близости интересов и актуальности расширения российско-китайского сотрудничества по вопросам международной безопасности в арабском мире и в глобальном контексте. Шаги Китая и России на международной арене наглядно продемонстрировали готовность сторон действовать в отношении ливийской ситуации прагматично и при необходимости прибегать к дипломатическому маневрированию. Находясь с визитом на Ближнем Востоке в мае 2011 г., министр иностранных дел КНР Ян Цзечи выразил готовность поддержать «любые усилия» по политическому урегулированию ливийского кризиса⁴⁷. Тем не менее, позиция, занятая Россией на встрече лидеров «восьмерки» в Довилле выглядела все же как определенная неожиданность для Пекина.

Характерно, однако, что уже в первых откликах китайской прессы, наряду с явным выражением недовольства по поводу решения российской стороны установить контакты с ливийской оппозицией, достаточно четко проводилась мысль о том, что «Россия защищает свои государственные интересы», «изменение позиции России в основном продиктовано ее желанием защитить свои «инвестиционные интересы» в Ливии» и т.п. Особое внимание китайской прессы уделялось результатам, которые может принести «гибкая политика России по отношению к Ливии». Анализ подобных комментариев, а также последующих действий китайской дипломатии позволяет полагать, что в такой форме китайская сторона развернула подготовку общественного мнения к корректировке собственной позиции и установлению Пекином официальных контактов с ливийской оппозицией⁴⁸.

Наметившееся расширение стратегического партнерства России и Китая потенциально открывает новые возможности для взаимодополняющих усилий по продвижению интересов обеих стран как на арабо-африканском, так и на натовском направлениях. Основу для совместных действий в Ливии создает опыт обеих стран, связанный с поисками решения задач по обеспечению своих интересов в рамках резолюций №№ 1970 и 1973 СБ ООН. Как считает Ф. Лукьянов, «на основе ливийского опыта Москва и Пекин решили вернуться к традиционным подходам»⁴⁹. Обращает на себя внимание то, что Китай в вопросе ливийского урегулирования не претендует на главенствующую роль и в организации посредничества пока предпочитает отдавать первенство Африканскому Союзу или говорит о совместных усилиях заинтересованных сторон. В этом смысле китайская дипломатия продолжает придерживаться известных установок Дэн Сяопина и, очевидно, не считает их устаревшими.

Китай активно содействовал формированию общей позиций стран БРИКС, лидеры которых выступили на состоявшемся в КНР 14 апреля 2011 г. саммите с требованием отказаться от применения военной силы в Ливии и выразили готовность сотрудничать по этому вопросу в ООН⁵⁰. Требование уважать суверенитет арабских государств и не допускать иностранного вмешательства в их дела нашло отражение и в Декларации, принятой участниками юбилейного заседания ШОС по случаю 10-летия создания этой организации⁵¹. Данная позиция отражает осознание членами ШОС усилившейся опасности активизации экстремизма и фундаментализма в Центральной Азии под влиянием событий в арабских странах. Это создает предпосылку для сотрудничества и координации усилий по стабилизации ситуации в странах арабского мира всех участников ШОС. Данная тенденция может привести и к усилению их сотрудничества с Ираном, участвующим в ШОС в качестве наблюдателя.

Ливийские уроки экономической безопасности

Война в Ливии нанесла существенный ущерб китайским компаниям, осуществлявшим там масштабную строительную и инвестиционную деятельность, общая контрактная стоимость которой оценивается в 18,8 млрд долл. Прямые убытки Китая в Ливии на июнь 2011 г. оценивались в 3 млрд долл.⁵² В Китае подчеркивают, что особый ущерб был причинен в результате прекращения поставок нефти, составлявшей 3% в общем объеме китайского нефтяного импорта. В целом события в Северной Африке и на Ближнем Востоке выявили существенные недостатки в организации внешнеэкономической деятельности и поставили перед китайскими политическими и деловыми кругами вопрос о необходимости ее совершенствования. В этой связи можно говорить об уроках экономической безопасности, полученных в Ливии, и их влиянии на дальнейшую внешнеэкономическую деятельность КНР.

В центре дискуссии, развернувшейся в китайских деловых и политических кругах, оказались проблемы обеспечения КНР нефтью. Тревожные сообщения прозвучали в китайской прессе: в июле 2011 г. «Китай впервые в истории обогнал США по степени зависимости от внешних поставок нефти»⁵³. С учетом затянувшегося кризиса в Ливии и угрозы дестабилизации обстановки в других нефтедобывающих странах арабского региона был поставлен вопрос о необходимости форсирования мероприятий по диверсификации источников получения этого сырья. Как заявил генеральный инспектор по финансам Китайской национальной нефтегазовой корпорации (КННК) Чжоу Чуньмин, «стратегический курс заключается в том, что нам необходимо, усиливая работу по разведке и добыче внутри страны, одновременно выделять новые каналы и организовывать новые переговоры о сотрудничестве, например, с Россией и другими экспортерами нефти»⁵⁴.

Другой неотложной мерой явилось увеличение стратегических резервов нефти. По оценке «Дойче банка», отсутствие ливийской нефти в потоке импортных поставок может ощущаться в Китае еще в течение длительного времени и потребует ускорить создание стратегических резервов⁵⁵. В отличие от западных стран, создавших такие резервы в конце 1970-х — начале 1980-х гг. в расчете на возможность обеспечения потребностей в нефти в течение 90 дней, стратегические планы китайского правительства предусматривают создание резерва на 100 дней в объеме 500 млн баррелей нефти. При этом прогнозируется, что под воздействием ливийского кризиса Китай будет увеличивать спрос на нефть против ожидавшегося в течение предстоящих 10–15 лет. Предполагается, что это создаст дополнительную нагрузку на мировой рынок и осложнит положение других импортеров, например — Индии⁵⁶.

Еще одним из вероятных последствий данной ситуации может стать форсирование Китаем освоения энергетических ресурсов в акватории Южно-Китайского моря, на которые в настоящее время предъявляют претензии Вьетнам, Япония, Филиппины и другие страны Азиатско-Тихоокеанского региона.

Наряду с вопросами нефтяного импорта, политическое значение приобрела дискуссия об ущербе, нанесенном китайским строительным компаниям. При обсуждении возможности компенсации понесенных убытков и предупреждения потерь в подобных ситуациях в будущем, значительное внимание было уделено вопросу о защите инвестиций, а также обеспечению безопасности граждан КНР за границей в кризисных ситуациях. Политическое значение этой темы для Китая объясняется тем, что на конец 2010 г. за рубежом находилось около 900 тыс. рабочих и специалистов из КНР, а объем прямых инвестиций превысил 310 млрд долл.⁵⁷ По данным Министерства торговли КНР, беспорядки в Ливии нанесли ущерб 50 проектам, осуществлявшимся 75 китайскими компаниями в рамках инвестиционных контрактов на 18,8 млрд долл. Характерно, что из 75 только 13 были так называемыми «компаниями центрального подчинения». Остальные, скорее всего, были провинциальными предприятиями без должных знаний местных условий. Так, например, многие китайские компании сочли достаточной гарантией безопасности вложений то, что контракты были заключены ими с государственными структурами Ливии.

В некоторых случаях крупные контракты заключались с частными ливийскими субподрядчиками, выступавшими от имени государства. Страхование во многих случаях не предусматривало политические риски. Как заявил заместитель генерального директора страховой компании «China Export & Credit Insurance Corporation» Чжоу Цзиань, «данный инцидент учит нас тому, что при выходе за рубеж наши предприятия прежде всего обязаны научиться охранять себя, затем уже стремиться к конкуренции»⁵⁸.

Можно ожидать, что результаты полемики по вопросам совершенствования методов защиты китайских инвестиций и персонала за рубежом приведут к принятию в Пекине соответствующих решений. В частности, может потребоваться разработка нового подхода к оценке политических рисков и к отношениям китайских представителей с властями стран, где осуществляются крупные инвестиционные проекты. По словам одного из видных экспертов по инвестициям в нефтяные проекты Чжа Даоцзюна, «в будущем китайские компании будут более избирательно относиться к обращениям из стран Северной Африки. Мы проявляли наивность, полагаясь на межправительственные отношения и надеясь, что мы находимся в хороших руках»⁵⁹. В совокупности уроки Ливии могут содействовать формированию новых подходов к внешнеэкономическому сотрудничеству КНР с правительствами не только стран Африки, но и других регионов.

Характерно, что внешнеторговые и внешнеэкономические проблемы, возникшие в результате кризиса в арабском мире, и особенно в Ливии, находятся в центре внимания внешнеполитического ведомства Китая. В ходе переговоров министра иностранных дел КНР Ян Цзечи и других китайских дипломатов с представителями враждующих сторон Пекину в значительной мере удалось решить вопрос о сохранности в Ливии китайских строительных объектов, имущества китайских компаний и инвестиций. По завершении боев представители новой власти подтвердили, что ими были выполнены ранее выдвинутые пожелания китайской стороны об организации охраны китайского имущества и объектов⁶⁰. Руководители временного правительства Ливии официально заверили Пекин в своей готовности и далее обеспечивать необходимые условия для деятельности китайских компаний, соблюдать контракты, заключенные с китайскими компаниями прежними ливийскими властями⁶¹.

В настоящее время перспектива возвращения Китая на ливийский рынок в целом проясняется. Готовность принять участие в восстановлении Ливии прозвучала в ряде официальных заявлений Пекина. Заинтересованность в сотрудничестве с КНР в Ливии демонстрируют и в западных официальных кругах. Там, как и в руководстве Ливии, отмечают, что без участия КНР восстановление ливийской экономики могло бы серьезно осложниться. Китайская делегация, как и представители России и других 30 стран, была приглашена на состоявшуюся в Париже 1 сентября 2011 г. конференцию по восстановлению Ливии. Тем не менее, представители некоторых западных компаний, а также ливийских деловых кругов высказываются за то, чтобы лишить Китай доступа на ливийский рынок, «наказать» его за отказ активно поддержать борьбу против режима Каддафи. Однако дискуссия по этому вопросу среди западных и российских экспертов опирается прежде всего на политические оценки и недостаточно учитывает экономические факторы. В этой связи заслуживает внимания прогноз, подготовленный в банке «Сити-Груп» еще в марте 2011 г., где отмечалось, что возвращение Китая на ливийский рынок не зависит от исхода борьбы в Ливии политических сил. Оно будет обеспечено главным образом за счет высокой деловой репутации китайских инвесторов, приобретенной в последние годы в странах Африки⁶².

Выступая на проводившейся в Нью-Йорке 20 сентября 2011 г. встрече высокого уровня по Ливии, министр иностранных дел КНР Ян Цзечи подтвердил требование китайской стороны о том, чтобы процесс экономического восстановления Ливии проходил под эгидой ООН. При этом китайские представители не только добиваются возобновления своей деятельности в Ливии, но и ставят вопрос о создании для китайских инвесторов новых возможностей, в частности, открытии для них доступа в нефтегазовую про-

мышленность. Так, ответственный сотрудник Министерства торговли КНР Вэнь Чжун-лян, выступая в Пекине, выразил надежду на то, что в Ливии обеспечат защиту интересов китайских инвесторов, и по мере стабилизации обстановки китайско-ливийское инвестиционное сотрудничество сможет возобновиться. Он подчеркнул особый интерес КНР к инвестициям в нефтяную отрасль Ливии. В министерстве также выражают уверенность, что для китайских инвесторов в Ливии сохраняются и «будут открыты новые интересные возможности»⁶³.

Заявления Китая о готовности вернуться, чтобы «играть активную роль в будущей реконструкции Ливии под руководством ООН» может стать шагом на пути к созданию новой модели сотрудничества с развивающимися странами, переживающими внутривнутриполитические кризисы. В целом, по мнению китайского руководства, нынешняя ситуация в арабском мире открывает возможность для усиления роли КНР в этом регионе. Говоря о готовности Китая взять на себя «более весомую роль», специальный представитель правительства КНР по Ближнему Востоку У Сыкз заявил, что «волнения в регионе могут оказать определенное влияние на китайско-арабское сотрудничество, но оно временное. В общем арабские страны придают большое значение отношениям с Китаем, приветствуют политические взгляды Китая. Это открывает широкие возможности для развития китайско-арабских отношений в будущем»⁶⁴. Как отмечал профессор Цзянь Цзюньбо, действия Китая «следует понимать, как проявление готовности второй в мире экономической державы вообще взять на себя более крупную роль в глобальной экономике»⁶⁵. При этом в академических кругах КНР заметно активизировались требования усилить наступательный характер китайской дипломатии, привести внешнюю политику в соответствие с возросшей международной ролью Китая⁶⁶. Очевидно, что события в арабском мире могут ускорить модернизацию внешней политики Китая и выдвигание новых концептуальных подходов, наметившихся в КНР в последние годы.

Промежуточные итоги

Масштабные потрясения на Ближнем Востоке и в Северной Африке дали новый стимул усилению роли Китая в арабо-африканском регионе. При этом качественно расширилась база китайской дипломатии за счет развития отношений стратегического сотрудничества со странами Персидского залива, Турцией и другими союзниками и партнерами США в районе Большого Ближнего Востока. В условиях нынешнего кризиса Пекином была сделана крупная заявка на дальнейшее закрепление позиций и повышение его роли в делах региона, в том числе — в ближневосточном урегулировании.

Объективно сложившееся положение создает условия для развития российско-китайского взаимодействия по ряду направлений. Закономерным является выдвигание на первый план координации усилий в вопросах международной безопасности, взаимодействия в СБ ООН и т.п. По мере стабилизации обстановки в Ливии актуальным может оказаться сотрудничество в сфере обеспечения безопасности экономических интересов двух стран. Как отмечается в китайских комментариях, китайские и российские компании в Ливии оказались в сходной ситуации. Как подчеркивает в этой связи «Жэньминь жибао» в статье «Что делать с потерями Китая в связи с ливийским кризисом?», «урок, который вывело для себе российское правительство, схож с тем, который извлекли китайские власти»⁶⁷.

Действуя в духе идей соразвития, заинтересованные стороны в Китае и России могли бы уже теперь совместно изучить возможности сотрудничества с целью обеспечения безопасности своих проектов в странах, переживающих период нестабильности. Такой подход позволил бы России и Китаю не только укрепить взаимное доверие, но также сформировать одну из перспективных моделей российско-китайского экономического сотрудничества с участием крупных государственных и частных компаний обеих сторон. Стоит обратить внимание на то, что американские компании уже давно предпринимают шаги с тем, чтобы заинтересовать Китай в налаживании хозяйственной кооперации в

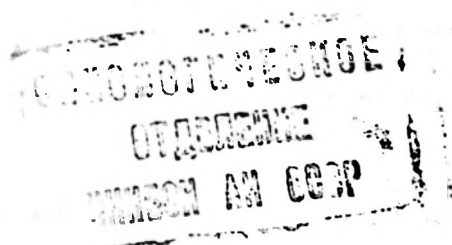
развивающихся странах. При сходстве проблем в реализации инвестиционной политики китайских и российских компаний заслуживает изучения вопрос о возможности разработки ими скоординированных подходов к решению задач в этой области. В сферу взаимодействия могли бы быть включены конкретные меры по защите и эвакуации граждан обеих стран при повторении кризисных ситуаций и вспышек нестабильности, согласованные консульские мероприятия и т.п.

Сотрудничество России с Китаем по нормализации обстановки в арабо-африканском регионе не только не отменяет необходимости развития российско-американского диалога в этой области, но предполагает его активизацию. Это позволило бы создать дополнительные возможности для формирования конструктивных отношений в стратегическом треугольнике Китай — Россия — США и могло бы содействовать наполнению этих отношений позитивным содержанием.

1. Интервью министра иностранных дел КНР Ян Цзечи китайскому центральному телевидению. «Ян Цзечи о сотрудничестве Китая и ССАГПЗ, китайско-арабских отношениях и ситуации в Западной Азии и Северной Африке» // Жэньминь жибао — он-лайн. 2011. 4 мая. — <http://russian.people.com.cn/31520/7368942.html>.
2. Ши Цзяньсюнь. Беспорядки на Ближнем Востоке беспокоят весь мир. // Жэньминь жибао — он-лайн. 2011. 4 марта. — <http://russian.people.com.cn/31520/7305852.html>.
3. Влияние беспорядков в ближневосточном регионе на Китай // Жэньминь жибао — он-лайн. 2011. 4 марта. — <http://russian.people.com.cn/31520/7308133.html>.
4. Ши Цзяньсюнь. Указ. соч.
5. Parello-Plesner J. Civis Sinicus Sum: China's Great Power Burdens in Libya // World Politics Review. 2011. 3 марта. — <http://www.worldpoliticsreview.com/articles/8072/civis-sinicus-sum-chinas-great-power-burdens-in-libya>.
6. Yan Xuetong. How Assertive Should a Great Power Be? // New York Times on-line. 2011. 31 марта. — http://www.nytimes.com/2011/04/01/opinion/01iht-edyan01.html?_r=1&ref=china.
7. Bhadrakumar. Libya puts China in world stage spotlight // Asia Times on-line. 2011. 3 авг. — http://www.atimes.com/atimes/Middle_East/MC08Ak02.html.
8. Parello-Plesner J. Указ. соч.
9. Jian Junbo. China treads new path in Libya // Asia Times on-line. 2011. 17 июля. — <http://www.atimes.com/atimes/China/MF17Ad01.html>.
10. Xinhua Net. 2011. 2 марта. — http://news.xinhuanet.com/english/2010/china/2011-03/02/c_13756411.htm.
11. У Сыкэ. Бу ганьшэ нейчжэн бу дэньюй усо цзовэй // Жэньминь жибао. 2011. 31 мая.
12. Digging into the myths and realities of Chinese aid, investment and economic engagement // China in Africa: The Real Story. 2011. 4 марта. — <http://www.chinaafricarealstory.com/2011/03/china-and-libya-whats-real-story.html>.
13. Simpfendorfer B. What Does Gadhafi's Fall Mean for China, rest of Asia?. August 22, 2011. — <http://blogs.wsj.com/chinarealtime/2011/08/22/what-does-gadhafis-fall-mean-for-china-rest-of-asia/>
14. МИД КНР: Китай неизменно придерживается справедливой позиции в отношении ливийского вопроса // Жэньминь жибао — он-лайн. 2011. 14 сент. — http://russian.news.cn/china/2011-09/14/c_131137058.htm.
15. Гоци жибао. 2011. 25 марта по сообщению Синьхуа от 2011. 25 марта. — <http://www.chinesetoday.com/news/show/id/474072>.
16. У Сыкэ. Указ. соч.
17. Higgins A., Richburg K.B. China mulls impact of Mideast uprisings // The Washington Post. 2011. 31 янв. — http://www.washingtonpost.com/world/china-mulls-impact-of-mideast-uprisings/2011/01/31/ABXQutN_story.html.
18. Скосырев В. Двадцать человек готовят революцию в Китае // Независимая газ. 2011. 18 июля. — http://www.ng.ru/world/2011-04-08/1_china.html.
19. Lam W. «Wei-Wen»' imperative steals the thunder // Asia Times on-line. 2011. 12 марта. — <http://www.atimes.com/atimes/China/MC12Ad01.html>.

20. *Shi Yinhong*. How the Middle East's uprisings affect China's foreign relations // *Asia Forum*. 2011. 17 мая. — <http://www.eastasiaforum.org/2011/05/17/how-the-middle-east-s-uprisings-affect-china-s-foreign-relations/#more-19112>.
21. События в Ливии развиваются по "косовской модели" // *Жэньминь жибао он-лайн*. 2011. 24 мая. — <http://russian.people.com.cn/95181/7388991.html>.
22. Влияние беспорядков в ближневосточном регионе на Китай // *Жэньминь жибао он-лайн*. 2011. 4 марта. — <http://russian.people.com.cn/31520/7308133.html>.
23. Интересы, стоящие за кулисами войны в Ливии // *Жэньминь жибао он-лайн*. 2011. 12 апреля. — <http://russian.people.com.cn/95181/7346985.html>.
24. Влияние беспорядков в ближневосточном регионе на Китай // *Жэньминь жибао он-лайн*. 2011. 4 марта. — <http://russian.people.com.cn/31520/7308133.html>.
25. China calls for stability in Libya after attacks // *Reuters*, Beijing. 2011. 20 марта. — <http://www.reuters.com/article/2011/03/20/us-china-libya-idUSTRE72J0G920110320>.
26. *Jian Junbo*. China's scruples cost it Libyan advantage // *Asia Times on-line*. 2011. 6 апр. — <http://www.atimes.com/atimes/China/MD06Ad01.html>.
27. Remarks at the Opening Session of the U.S.-China Strategic and Economic Dialogue: Documents. May 5, 2011. — <http://www.cfr.org/africa/remarks-opening-session-us-china-strategic-economic-dialogue-may-2011/p24949>.
28. Grunstein J. Libya Intervention Highlights Global Security Gaps // *World Politics Review*. 2011. 28 марта. — <http://www.worldpoliticsreview.com/trend-lines/8322/libya-intervention-highlights-global-security-gaps>.
29. *Kurlantzick J*. China lacks focus in the Arab world, missing a mutual opportunity // *The National*, Abu Dhabi. 2011. 1 апр. — <http://www.cfr.org/china/china-lacks-focus-arab-world-missing-mutual-opportunity/p24560>.
30. *Yetiv S*. China, Saudi Arabia Broaden Ties Under U.S. Security Umbrella // *World Politics Review*. 2011. 6 апр. — <http://www.worldpoliticsreview.com/articles/8428/china-saudi-arabia-broaden-ties-under-u-s-security-umbrella>.
31. Там же.
32. *Borger J*. Hillary Clinton urges Iran to reconsider 'dangerous' nuclear policy // *The Guardian*. 2010. 14 фев — <http://www.guardian.co.uk/world/2010/feb/14/hillary-clinton-iran-nuclear-policy>.
33. Там же.
34. Там же.
35. *Yetiv S*. Указ. Соч.
36. *Скоцырев В*. Иран преодолет санкции ООН с помощью КНР // *Независимая газ*. 2011. 18 июля. — http://www.ng.ru/world/2011-07-18/6_iran.html.
37. *Galen Carpenter T*. The Security Council Vote on Libya: U.S. Concessions to Russia and China? // *The National Interest*, Washington. 2011. 22 марта. — <http://nationalinterest.org/blog/the-skeptics/the-security-council-vote-libya-us-concessions-russia-china-5057>.
38. *Walsh S*. Clinton warns of 'new colonialism' from foreigners who covet Africa's natural resources // *Associated Press*. 2011. 11 июля. — http://www.washingtonpost.com/world/africa/clinton-warns-of-new-colonialism-from-foreigners-who-covet-africas-natural-resources/2011/06/11/AG2yуPH_story.html.
39. *Becker A*. Danger lurks in China's safari // *Asia Times on-line*. 2011. 9 июля. — <http://www.atimes.com/atimes/China/MF09Ad04.html>.
40. Китай в Африке — стресс Запада // *Жэньминь жибао он-лайн*. 2011. 12 июля. — <http://russian.people.com.cn/95181/7437573.html>.
41. Там же.
42. РФ и Китай договорились помогать странам Ближнего Востока и Северной Африки // *Росбалт*. 2011. 6 мая. — <http://www.rosbalt.ru/main/2011/05/06/846332.html>.
43. Совместное заявление Китайской Народной Республики и Российской Федерации по текущей ситуации в мире и основным международным вопросам. М., 16 июня 2011. — http://special.kremlin.ru/ref_notes/967.
44. *Wu Jiao and Qin Jize*. New era for Sino-Russian ties // *China Daily*. 2011. 17 июня. — http://europe.chinadaily.com.cn/china/2011-06/17/content_12721619.htm.
45. Там же.

46. *Бхадракумар М.К.* Россия и Китай бросают вызов НАТО. 2011. 10 мая. — <http://www.inomnienie.ru/debate/5911/>
47. Ян Цзечи о сотрудничестве Китая и ССАГПЗ, китайско-арабских отношениях и ситуации в Западной Азии и Северной Африке: Интервью министра иностранных дел КНР китайскому центральному телевидению // Жэньминь жибао — он-лайн. 2011. 4 мая. — <http://russian.people.com.cn/31520/7368942.html>.
48. Позиция России по ливийскому вопросу: практические меры расширяют дипломатическое пространство // Жэньминь жибао — он-лайн. 2011. 8 июня. — <http://russian.people.com.cn/95181/7403774.html>.
49. *Лукьянов Ф.* ШОС как зеркало мира // Россия в глобальной политике — он-лайн. 2011. 16 июня. — <http://www.globalaffairs.ru/redcol/ShOS-kak-zerkalo-mira-15232>.
50. *Wu Jiao, Li Xing.* For peace and prosperity. Chinawatch // The Washington Post. 2011. 6 May — <http://chinawatch.washingtonpost.com/2011/05/for-peace-and-prosperity.php>.
51. Астанинская декларация десятилетия Шанхайской организации сотрудничества, 15 июня 2011 г. — <http://www.today.kz/ru/news/kazakhstan/2011-06-15/45681>.
52. *Becker A.* Указ. соч.
53. Китай обогнал США по степени зависимости от внешних поставок нефти // Жэньминь жибао — он-лайн. 2011. 4 авг. — <http://russian.people.com.cn/95181/7560445.html>.
54. Из-за событий в Ливии Китай пересматривает свою стратегию импорта нефти в пользу РФ // РОСБАЛТ он-лайн. 2011. 4 апр. — <http://www.rosbalt.ru/main/2011/04/04/835583.html>.
55. *Blas J.* Libya highlights China's lack of strategic reserves // Financial Times. 2011. 28 февр. — <http://www.ft.com/intl/cms/s/0/74e962d6-4316-11e0-aef2-00144feabdc0.html>.
56. Там же.
57. China's Net International Investment Position Hit US\$2 Trillion in Mid-2011 // China Briefing. 2011. 25 Oct. — <http://www.china-briefing.com/news/2011/10/25/chinas-net-international-investment-position-hit-us2-trillion-in-mid-2011.html>.
58. Компании КНР не застраховались от войны // Жэньминь жибао — он-лайн. 2011. 24 мая. — <http://russian.people.com.cn/31518/7389709.html>.
59. *Hook L.* China's future in Africa, after Libya // Financial Times. 2011. 4 марта. — <http://blogs.ft.com/beyond-brics/2011/03/04/chinas-future-in-africa-after-libya/>
60. *Li Lianxing.* China: Libyan opposition 'important dialogue partner // China Daily. 2011. 23 июня. — http://usa.chinadaily.com.cn/world/2011-06/23/content_12757318.htm.
61. МИД КНР: Китай неизменно придерживается справедливой позиции в отношении ливийского вопроса // Жэньминь жибао — он-лайн. 2011. 14 сент. — http://russian.news.cn/china/2011-09/14/c_131137058.htm.
62. *Zhou Yan.* Oil interests in Africa won't be harmed // China Daily. 2011. 18 марта. — <http://www.focac.org/eng/zxxx/t807562.htm>.
63. *Jian Junbo.* China's second coming in Libya // Asia Times on-line. 2011. 31 авг. — <http://www.atimes.com/atimes/China/MH31Ad01.html>.
64. *У Сыкэ.* В китайско-арабских отношениях дружбы и сотрудничества есть потенциал и основа для дальнейшего развития // Жэньминь жибао — он-лайн. 2011. 29 авг. — http://russian.news.cn/china/2011-08/29/c_131080614.htm.
65. *Jian Junbo.* Указ. соч.
66. *Yan Xuetong.* How Assertive Should a Great Power Be? // New York Times on-line. 2011. 31 марта. — http://www.nytimes.com/2011/04/01/opinion/01iht-edyan01.html?_r=1&ref=china.
67. Что делать с потерями Китая в связи с ливийским кризисом? // Жэньминь жибао — он-лайн. 2011. 25 мая. — <http://russian.people.com.cn/31520/7390983.html>.

Стратегические интересы Китая и Индии в Афганистане

© 2011

Чэнь Чжисихао

Автор рассматривает сложные проблемы безопасности в Афганистане, стратегические интересы Китая и Индии в этой стране, анализирует перспективы афганского урегулирования.

Ключевые слова: война в Афганистане, Китай, Индия, НАТО, борьба с терроризмом.

В XIX в. шла "большая игра" между Британской империей и Российской империей за господство в Центральной Азии. Географическое положение Афганистана делало его весьма важным плацдармом в этой "игре". В последние годы Центральная Азия снова приобрела военное, геополитическое, геоэкономическое и геостратегическое значение для ведущих держав мира. «Китай нуждается в них, Россия хочет управлять их распределением, а западные державы хотят получить гарантию, что они не будут монополизированы Москвой или Пекином», — так писала газета «USA Today» 15 декабря 2007 г. об энергоносителях, металлах, транзитных маршрутах Центральной Азии.

Положение Афганистана между Центральной и Южной Азией имеет огромное геостратегическое значение для стран этих регионов, которые не обладают выходом к морю, и их развитие неразрывно связано с безопасностью как в Центральной, так и в Южной Азии. Регионы на западной границе Китая Пекин рассматривает как «жизненно важное пространство»¹.

Западноевропейские державы и США «под зонтиком» НАТО хотят усилить свое присутствие в Центральноазиатском регионе, чтобы противостоять растущей силе и влиянию Пекина и Москвы. В то же время Китай, как в свое время Советский Союз, стремится отодвинуть периметр безопасности на запад, развивая тесные связи со странами региона и гарантируя себе беспрепятственный доступ к их энергетическим ресурсам.

То, что Центральную Азию великие державы не оставят в покое, совершенно очевидно для большинства аналитиков. Россия и Китай непосредственно граничат с регионом. А США хотят усилить свое присутствие в регионе, чтобы противостоять растущей силе и влиянию Пекина и Москвы. США содержат там крупнейший военный контингент и ведут боевые действия, тратя на их обеспечение баснословные суммы. Однако именно в Америке не утихают оживленные споры насчет необходимости присутствия в этом беспокойном регионе. Среди западных аналитиков в данном вопросе бытуют три мнения:

- США должны забыть о Центральной Азии как о полностью бесперспективном регионе планеты;
- США должны оставаться там и до последнего бороться за демократию;
- США должны там находиться, но при этом до минимума сократить свое присутствие.

Президент США Обама заявил, что вывод войск НАТО из Афганистана начнется в июле 2011 г. Этот процесс планируется полностью завершить к 2014 г. 6 февраля 2011 г. президент Афганистана Хамид Карзай объявил о том, что переход ответственности за обеспечение безопасности в Афганистане от НАТО к силам местной армии и полиции начнется 21 марта. Однако это не значит, что американцы покинут Афганистан. Эксперты полагают, что план вывода войск США и НАТО из Афганистана имеет, вероятно, символическое значение. Во-первых, цель американцев состоит в том, чтобы ослабить Талибан и увеличить численность и боеспособность правительственных сил безопасности Афганистана. Однако власти Афганистана вряд ли смогут поддерживать мир во многих районах. Ситуация в Афганистане далека от стабильности. Западные дипломаты указывают, что объявленная дата знаменует лишь начало процесса, и что объемы и темпы вывода американских войск будут определяться прогрессом в достижении двух главных целей — победой над боевиками и созданием афганских сил безопасности. Во-вторых, США намерены сохранить свое присутствие в Афганистане.

Официальные лица в США неоднократно заявляли, что войска будут выводиться постепенно, в зависимости от ситуации в сфере безопасности, и министр обороны США Р. Гейтс сказал, что общая численность войск, в настоящее время составляющая 150 тыс. чел., будет оставаться весьма значительной еще довольно долго. Он заявил, что Соединенные Штаты стремятся к налаживанию долгосрочных отношений партнерства с Афганистаном и после 2014 г., когда все функции по обеспечению безопасности возьмет на себя афганская сторона. Он также не исключил, что американские военные базы могут остаться на территории страны и после 2014 г. «Мы не заинтересованы в наличии постоянных баз на территории страны, однако по желанию афганской стороны мы, несомненно, готовы рассмотреть такую возможность», — подчеркнул министр обороны².

Возможность переноса запланированного срока — 2014 г. — всегда остается, намекают американские чиновники. Вместе с тем, на слушаниях в Конгрессе США 15 марта 2011 г., на которых выступил генерал Петреус, одна из высокопоставленных представителей Пентагона, отвечающая за стратегическое планирование, а именно Мишель Флурной (Michelle Flournoy), подчеркнула, что не все американские силы будут выведены из Афганистана в 2014 г. даже если стороны будут четко придерживаться намеченного графика. «Афганистан должен играть руководящую роль, но он не останется в одиночестве», — заявила Мишель Флурной на слушании, коснувшись вопроса о 2014 г.³

Американские аналитики считают, что США должны сохранить свое присутствие в Центральной Азии и после вывода своих войск из Афганистана. В качестве ключевых интересов США в регионе называются: сохранение независимости пяти стран региона (Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан, Туркменистан, Таджикистан); диверсификация их транзитных возможностей; укрепление гражданских институтов; развитие экономической интеграции стран региона. С точки зрения США, политическая устойчивость стран Центральной Азии может стать положительным фактором, поскольку она гарантирует их независимость и значительную автономию от потенциальных региональных «авторитетов». В то же время такое региональное «своеобразие» не может не сказываться на способности Соединенных Штатов добиваться своих целей в регионе, поощряя развитие политического плюрализма и более глубокую интеграцию в мировую экономику или решение спорных вопросов, связанных с водными и другими ресурсами.

Китай в Афганистане

Китай подходит к региону с позиций будущей экономической сверхдержавы. Он, как в свое время Советский Союз, стремится отодвинуть периметр безопасности на запад, развивая тесные связи со странами региона и гарантируя беспрепятственный доступ

к их энергетическим ресурсам. При этом в иерархии его приоритетов на первом месте стоит безопасность, затем экономические связи и энергоресурсы.

Значение Афганистана для Китая обусловлено также обязательствами Пекина по обеспечению безопасности Пакистана, который является союзником Китая в Южной Азии. Китай рассматривает Афганистан и Пакистан как единое территориальное пространство. Афганистан в представлении пакистанских военных является их сферой влияния. Афганистан воспринимается Исламабадом как «задний двор», и Пакистан приложит все усилия для сохранения этого статуса. Военная элита Пакистана рассматривает Афганистан как свой стратегический ресурс, прежде всего как пространство, где могут размещаться неправительственные формирования и террористические группы, действующие в интересах Пакистана. Ведь лояльный Исламабаду режим в Афганистане может предоставить пространство для маневра и перегруппировки сил в случае конфликта с Индией. Афганистан стратегически важен для пакистанских властей в случае силового противостояния с Индией. Это было одним из факторов, которые привели Пакистан к поддержке «дружественного» режима Талибана в Кабуле.

Нынешний режим в Афганистане воспринимается как режим соперничающий, который может также посягнуть на безопасность Пакистана, заставляя его одновременно противостоять двум угрозам, а обеспечение безопасности Пакистана — императив для Китая.

Обширные пространства Синьцзяна, населенного уйгурами-мусульманами, затрудняют обеспечение безопасности Китая. Так как уйгуры имеют сильные религиозные и этнические традиционные связи с уроженцами Афганистана и соседних центральноазиатских республик, Китай очень хотел бы воспрепятствовать проникновению в Синьцзян воинственной исламской идеологии экстремистских элементов вроде Талибана.

Быстро увеличивающийся спрос Китая на энергоресурсы и полезные ископаемые, плюс его зависимость от импорта нефти заставляют Пекин все больше задумываться о пополнении резервов и обеспечении непрерывности нефтяного потока по разумным ценам. Богатые ресурсами страны Центральной Азии, чьи запасы оцениваются в 23 млрд тонн нефти и 3000 млрд кубометров газа соответственно, имеют большое геэкономическое значение для Китая⁴. Хотя Афганистан не имеет никаких разведанных запасов топлива, но через его территорию пролегает самый удобный маршрут транспортировки энергоресурсов Центральноазиатского региона, и считается, что страна имеет существенные запасы неэнергетических полезных ископаемых, необходимых для индустриализации Китая⁵. Это геэкономическое значение Афганистана для Китая нельзя приуменьшать, рассматривая серьезный интерес последнего к углеводородным ресурсам Каспийского моря.

Месторождение Айнак расположено в 35 км к юго-востоку от Кабула. Айнак является одним из крупнейших в мире меднорудных месторождений. В августе 2006 г. Министерство горнодобывающей промышленности Афганистана пригласило международных инвесторов подавать заявки на предоставление права на добычу руды. В ноябре министр горнорудной промышленности Мохаммед Адель Ибрагим объявил, что в шорт-лист попали девять из 13 претендентов: австралийский консорциум Bahaq, индийская Hindalco Industries, канадская Hunter Dickinson, зарегистрированная в Великобритании казахская горнодобывающая компания «Казахмыс», две китайские компании — Zijin Mining и Металлургическая группа Китая (МГК), американская Phelps Dodge, а также два российских претендента — государственное объединение «Тяжпромэкспорт» и «Союзметалл ресурс» (структура «Базового элемента»). В 2007 г. принадлежащий китайскому государству конгломерат-корпорация МГК заплатил за право вести добычу руды на месторождениях близ кишлака Айнак 3,4 млрд долл. В ближайшие двадцать пять лет планируется извлечь из недр земли около 11 млн тонн меди, что составляет треть от всех разведанных запасов Китая. Кроме того, МГК обязалась построить теплоэлектростанцию мощностью 400 мегаватт и снабжать электроэнергией как медные шахты,

так и нередко страдающий от отключений электричества Кабул. Для нужд ТЭС МГК намерена открыть новую угольную шахту, а также металлургический завод для обогащения медной руды и построить железную дорогу — для перевозки угля на ТЭС и меди в Китай.

Кроме того, Китай пообещал брать на работу в проекте исключительно афганских рабочих и управляющих — около 20 тыс. чел. Вместе с тем, в МГК признают: многих из них придется обучать с нуля: раньше в Афганистане горнодобывающие работы почти не велись. Хотя разведкок проводилось немало — и американскими, и советскими, и афганскими геологами.

Айнакский проект свидетельствует о том, что китайская сторона, располагая значительными финансовыми ресурсами и держа под контролем как правительственные, так и крупнейшие промышленные структуры, преследует как стратегические, так и деловые, и государственные интересы. Пекин закрепил за собой права на жизненно необходимый ему ресурс, организовал крупнейший в истории Афганистана инвестиционный проект, обязался создать тысячи новых рабочих мест в Афганистане и превратился одновременно в ведущего внешнеторгового партнера и главный источник налоговых поступлений в бюджет этой страны.

Айнак — не единственный инвестиционный проект Китая в Афганистане. В феврале 2008 г. две китайские компании выиграли тендер на проведение Интернета в административные центры всех афганских провинций. Магистральная оптоволоконная сеть пройдет по кольцу Кабул — Газни — Кандагар — Герат — Мазари-Шариф — Пули-Хумри — Кабул.

Китай планирует в ближайшие годы построить международную железнодорожную линию, которая соединит китайский город Кашгар с афганским Гератом через Таджикистан и Кыргызстан. Ее протяженность составит 1 тыс. 972 км. Далее дорога пройдет в Иран. В октябре 2010 г. в Душанбе состоялась встреча министров транспорта Китая, Афганистана, Ирана, Таджикистана и Кыргызстана. На ней был обсужден вопрос строительства международной железнодорожной линии, которая соединит пять стран. В ходе встреч также обсуждались вопросы развития транспортной инфраструктуры региона, участие в нем крупных компаний, способных стать потенциальными инвесторами проектов. Прежде всего, речь идет о коммерческих структурах Китая, который в последнее время наращивает в регионе свое влияние, а строительство упомянутой железнодорожной магистральной способно укрепить его позиции в северных районах Афганистана. 15 ноября 2010 г. министр иностранных дел Ирана Манучер Моттаки заявил, что правительства Ирана, Афганистана, Таджикистана и Кыргызстана намерены принять участие в строительстве данной железной дороги. Практические работы по строительству начнутся в 2011 г.⁶

В реализации этого международного железнодорожного проекта больше всего заинтересованы Китай и Иран, у которых есть большие финансовые возможности. По мнению эксперта по социально-экономическим вопросам Сайфулло Муллоджонова, по сути данная дорога имеет для Китая и Ирана стратегическую важность, учитывая долгосрочную перспективу. Исходя из этого, участники проекта могут спокойно игнорировать возражения третьих стран в вопросе его финансирования.

Война между НАТО и Талибаном в Афганистане зашла в тупик. США и НАТО не в состоянии обеспечить стабильность в этой стране. Западные дипломаты призывали Китай направить свои войска в Афганистан. Однако китайские руководители осторожно относятся к этому предложению.

В ноябре 2008 г. в Нью-Йорке на семинаре Совета по международным отношениям премьер-министр Великобритании Гордон Браун заявил, что к коалиционным войскам в Афганистане может присоединиться китайский контингент. По его словам, участие новых стран в борьбе с терроризмом на территории Афганистана вполне возможно. Одним из таких государств, по его мнению, может быть Китай. 17 ноября 2008 г. пред-

ставитель МИД КНР Цинь Ган провел очередную пресс-конференцию. Комментируя заявление премьер-министра Великобритании о том, что Китай мог бы присоединиться к коалиционным силам в Афганистане, Цинь Ган сказал, что китайское правительство "неизменно поддерживает усилия афганского правительства и народа по поддержанию стабильности, развитию экономики и восстановлению государства. За исключением миротворческих операций, проводимых под эгидой ООН, Китай никогда не пошлет свои войска за рубеж. В связи с этим так называемого вопроса о размещении китайского контингента в рядах коалиционных войск в Афганистане просто не существует"⁷.

На пресс-конференции, организованной 23 декабря 2008 г. Министерством обороны КНР, официальный представитель министерства Хуан Сюэпин сообщил, что правительство Китая приняло решение направить в Аденский залив и сомалийские воды свои военные корабли для борьбы с пиратством. Один американский журналист задал вопрос: собирается ли Китай отправлять свои войска для участия в антитеррористической операции в Афганистане и Ираке? Хуан Сюэпин сказал, что Китай, будучи ответственным членом мирового сообщества, несет ответственность за сохранение мира, безопасности и стабильности в регионе и в мире. В будущем китайские вооруженные силы будут оказывать соответствующую поддержку и помощь на цели обеспечения региональной и международной стабильности⁸. Это первый случай, когда Китай официально объявил, что, вполне возможно, он будет отправлять войска в Афганистан. Однако выступление представителя МИД КНР Цинь Гана *просило* позицию китайского правительства (Китай не собирается присоединиться к коалиционным силам НАТО в Афганистане). Китайские войска участвуют в военных операциях, которые проводятся только в соответствии с резолюциями СБ ООН. Иными словами, если западные страны будут соглашаться на решение афганской проблемы в рамках ООН, тогда Китай будет проводить военное сотрудничество с НАТО в Афганистане.

Позицию Китая определяют следующие факторы:

Во-первых, Китай выступает против военных действий США и НАТО в обход ООН. Применение превентивных военных действий против государства-члена в обход ООН создает опасный прецедент в практике международных отношений, способствует возникновению новых локальных и региональных конфликтов.

Во-вторых, в настоящее время военные операции в Афганистане осуществляются под командованием блока НАТО. А если афганская проблема будет решаться в рамках ООН, тогда Китай, являющийся постоянным членом Совета Безопасности ООН, сможет действовать более активно. Америка продолжает в одиночку вести нелегкую войну и не желает решать афганскую проблему в рамках ООН, однако ситуация в Афганистане не улучшается. Активность операций «Талибана» в регионе в последние годы только нарастает. Нынешнее положение в Афганистане показывает, что США и НАТО не в состоянии обеспечить стабильность в этой стране. В ближайшем будущем, вероятно, им придется искать больше помощи у других стран и у международных организаций, и Китай ждет этого момента.

Индия в Афганистане

Индия также стремится к приобретению топливно-энергетических ресурсов из Центральной Азии, а Афганистан является «воротами» в богатую энергоресурсами Центральную Азию. Но ее интересы в этом регионе не ограничиваются только энерго-экономической сферой, все большее значение приобретают соображения безопасности и стратегические интересы. Индия заинтересована в стабилизации положения в Афганистане и снижении влияния Пакистана на афганскую ситуацию.

Индия является одним из крупнейших доноров Афганистана и стремится занять соразмерное своим инвестициям положение в Кабуле. Она занимает в настоящее время

шестое место по объему инвестиций в экономику Афганистана (они составляют \$2,1 млрд)⁹. Широкую поддержку Кабулу Индия начала оказывать почти 10 лет назад после падения режима талибов. Тогда официальный Нью-Дели решил установить крепкие связи с новыми афганскими лидерами. Уже к началу 2002 г. Индия открыла для Афганистана кредитную линию в размере 100 млн долл. и предоставила кредит в 10 млн долл. на приобретение различного оборудования для сферы образования, здравоохранения, сельского хозяйства и транспорта. Индия построила дороги в западных пустынях и электростанцию в Кабуле. Также Нью-Дели строит новое здание парламента и предлагает бесплатное медицинское обслуживание в клиниках по всему Афганистану. При наличии своих сложных социальных проблем, она предоставила более 1,3 млрд долл. в качестве помощи развитию Афганистана. В настоящее время в Афганистане находится более 4 тыс. граждан Индии, главным образом, специалистов, участвующих в различных проектах по восстановлению Афганистана (подготовка афганских полицейских, помощь в области образования, здравоохранения, энергетики и сфере телекоммуникаций).

Правительство Индии частично финансировало развитие морского порта Чабар в Иране, а в 2008 г. было завершено восстановление дороги Диларам-Зарандж на границе с Ираном, которая обеспечивает дополнительный выход к морю через Иран. Таким образом, был создан альтернативный — в обход Пакистана — путь поставки товаров в Афганистан.

Благодаря этим шагам Индия сумела обеспечить себе довольно широкое присутствие в Афганистане. Сегодня Кабул рассматривает Нью-Дели как своего стратегического партнера. Карзай не скрывает своего предпочтения в пользу Индии. Президент, который получил образование в Индии, часто приветствовал помощь со стороны Нью-Дели, редко упоминая о помощи от Пакистана. Остальные официальные лица Афганистана едва скрывают свое недоверие к Пакистану. Пакистан хочет построить «марионеточное государство в Кабуле», заявил советник Министерства иностранных дел Мурадиан. «Индия желает видеть стабильный, плюралистический Афганистан».¹⁰ Стабилизация в Афганистане и укрепление центральной власти в Кабуле соответствуют стратегическим интересам Индии, так как это способствует снижению террористических угроз в регионе. Для Нью-Дели нежелательно еще одно повстанческое исламское правительство в Кабуле. «Мы хотим стабилизации ситуации в Афганистане, поскольку она непосредственно связана с нашей безопасностью»¹¹, — заявил посол Индии в Афганистане Джаянт Прасад.

Исламисты пытаются помешать укреплению индийских политических позиций в Кабуле. Индийские специалисты, которые работают в Афганистане, постоянно получают угрозы со стороны талибов и других экстремистских организаций, действующих на территории Афганистана. В 2008 г. террористом-смертником было совершено нападение на посольство Индии в Афганистане, в результате чего погибло более 40 чел. Шестеро индийцев были убиты боевиками в ходе строительства финансируемой индийской стороной дороги. В 2010 г. талибы взорвали две небольших гостиницы в самом центре Кабула. Там жили иностранцы, главным образом индийские врачи и медики, которые работали в детских больницах. Погибли 15 гражданских лиц, 32 получили ранения. Бой с боевиками длился три часа. «Это дело рук тех, кто жаждет подорвать дружбу между Индией и Афганистаном и не хочет, чтобы он стал сильным демократическим государством», — заявил МИД Индии. Нью-Дели был вынужден временно приостановить свои медицинские и образовательные миссии в Кабуле. Индия обвинила в нападении базирующуюся в Пакистане группировку «Лашкар-э-Тайба», считая, что она стояла за террористическими нападениями, совершенными в Мумбаи в 2008 г. Судя по высказываниям индийских официальных лиц, к атакам на индийские учреждения и фирмы приложила руку межведомственная разведка Пакистана (ISI). В Дели полагают, что Пакистан, используя талибов, ведет в Афганистане борьбу против своего главного противника — Индии. Цель этого — помешать утверждению индийского влияния в стране. Это обвинение

Пакистан гневно отрицает. «Индия всегда использовала Афганистан против нас», — заявил посол Пакистана Садик¹².

Некоторые эксперты выражают обеспокоенность тем, что действия Индии в Афганистане могут привести к еще большей нестабильности и подольют масла в огонь конфессионально-этнических конфликтов в регионе. Бывший командующий сил США и НАТО в Афганистане генерал Стэнли Маккрystal высказал мнение, что «хотя деятельность Индии приносит немалую пользу афганскому народу, увеличение влияния Индии в Афганистане, скорее всего, усугубит напряженность в регионе и будет способствовать контрмерам Пакистана», предупредил он в докладе в конце 2009 г.¹³

* * *

Американское общество устало от войны. С 4 по 5 марта 2011 г. в ряде штатов США производился социологический опрос. Как показывают результаты опроса, 52% американцев считают необходимым завершить вывод американских войск из Афганистана¹⁴. Стабилизации в Афганистане не происходит. Американцы не сумели за все годы проведения военной кампании реализовать две важнейшие цели: разгромить «Талибан» и «Аль-Каиду», чтобы их восстановление стало невозможным. 2010 г. стал самым кровавым для коалиционных сил за всю историю афганской кампании. Погибли свыше 700 военнослужащих, большинство из них — американцы. По данным ООН, прошедший год стал рекордным и по числу погибших мирных афганских жителей.

Основное беспокойство Нью-Дели вызывает то, что американские войска могут покинуть Афганистан до того, как правительство Карзая сможет полностью осуществлять контроль над страной. Досрочный вывод, как опасается Индия, может позволить Исламабаду и талибам получить больше влияния в Афганистане.

Пекин считает, что необходимо безотлагательно заканчивать военные действия Запада и выступает в поддержку процесса национального примирения в Афганистане. Китай не исключает и участия движения Талибан в афганском урегулировании, что в принципе согласуется с линией Хамида Карзая на вовлечение в процесс урегулирования всех основных общественно-политических сил Афганистана.

Проблемы безопасности, особенно если говорить об исламском терроризме и радикализме, являются серьезной угрозой для Китая и Индии. Террористы из Афганистана орудут в китайском Синьцзян-Уйгурском автономном районе и индийском штате Джамму и Кашмир. Оба государства заинтересованы в стабилизации положения в Афганистане. Но это не означает отсутствия разногласий в отношении Афганистана. Индия традиционно выступает в роли противовеса пакистано-пуштунскому влиянию в Афганистане. Она стремится к снижению влияния Пакистана на Афганистан. А Китай является главным союзником Пакистана, он поддерживает политику Пакистана в отношении Афганистана. Индийцы настаивают на участии в разрешении конфликта в Афганистане «региональных сил» — России, КНР, Ирана, Индии и государств Центральной Азии. Смысл позиции Пекина — в переносе ответственности за урегулирование в Афганистане на Совет Безопасности ООН при ведущей роли «пятерки» постоянных членов СБ ООН (США, КНР, Россия, Великобритания, Франция).

В середине 2011 г. США и НАТО начинают вывод войск из Афганистана. Это событие будет являться катализатором и своего рода лакмусовой бумажкой дальнейшего развития ситуации в регионе. Для того, чтобы эта операция прошла успешно, страны, заинтересованные в будущем Афганистана, должны будут пойти на определенные компромиссы: необходима кооперация и признание того факта, что каждая из держав имеет собственные интересы и собственные основания для присутствия в регионе.

1. *Tarique Niazi*. The Ecology of Strategic Interests: China's Quest for Energy Security from the Indian Ocean and the South China Sea to the Caspian Sea Basin, // *China and Eurasia Forum Quarterly*. 2006. Vol. 4, No. 4, P. 97–116.
2. Э. Пессин, Р. Гейтс: США готовы к выводу войск из Афганистана, // *Голос Америки*, 2011. 7 марта.
3. Афганистан: Переговоры с талибами — главная надежда на установление стабильности в Кабуле // *Эксперт*, Eurasianet.org. 2011. 18 марта.
4. *Asma Shakir Khawaja*: Pakistan and the 'New Great Game', // *Islamabad Policy Research Institute*. 2003. April Paper No. 5.
5. Significant Potential for Undiscovered Resources in Afghanistan. United States Geological Survey Report.
6. "Китайская железная дорога может протянуться до Персидского залива". — http://news.xinhuanet.com/mil/2010-11/24/c_12810410.htm.
7. Жэньминь жибао. 2008. 18 ноября.
8. Пресс-конференция 23 дек. 2008 г. у официального представителя Министерства обороны КНР Хуан Сюепин — http://live.people.com.cn/note.php?id=697081223085929_ctdzb_001.
9. *Савченко Д.* Пакистан и Индия в борьбе за Афганистан // *Афганистан.Ру*, 17.03.2011. — <http://www.afghanistan.ru/doc/19737.html>.
10. *Салливан Т.* Индия завоевывает сердца афганцев. — *zpress.kg*, 28 апреля 2010.
11. Там же.
12. *Скосырев В.* США зачистят Кандагар — Индия несет потери в Афганистане // *Независимая газ.* 2010. 2 марта.
13. *Салливан Т.* Op. cit.
14. <http://www.islamnews.ru/news-39901.html>.

Итоги 11-й и задачи 12-й пятилетки в Китае

Сельское хозяйство Китая

© 2011

Л. Волкова

Характеризуя развитие аграрного сектора китайской экономики в 2010 г. и за весь период 11-й пятилетки, автор уделяет особое внимание производству зерновых как основе продовольственной безопасности страны. Рассмотрены основные факторы, определяющие состояние зернового производства. Отмечены также проблемы и трудности в развитии сельского хозяйства в Китае.

Ключевые слова: производство зерновых, урожайность, ирригационное строительство, пахотный фонд, доходы крестьян.

Прошедшая пятилетка стала наиболее успешной для большинства отраслей аграрной сферы. Прирост валовой продукции земледелия, животноводства, лесного и рыбного хозяйства достиг в 2010 г. 4049,7 млрд юаней, или на 1807,7 млрд юаней больше по сравнению с последним, 2005 г. 10-й пятилетки при ежегодном темпе прироста в 4,5%. Добавленная стоимость, созданная в аграрной сфере (1-я сфера общественного производства), в течение пятилетия ежегодно возрастала, хотя по темпам прироста традиционно уступала 2-й и 3-й сферам (промышленному производству и сфере услуг). В 2010 г. прирост 1-й сферы составил 4,3%, 2-й — 12,2%, 3-й — 9,5%. Доля добавленной стоимости 1-й сферы в 2010 г. составила 10,2% совокупного валового общественного продукта, в 2005 г. было 12,2%¹, т.е. сохраняется тенденция сокращения доли сельского хозяйства в совокупном валовом продукте страны.

Доля 2-й сферы в аграрной экономике (промышленность волостей и деревень) в течение 11-й пятилетки осталась неизменной — 21,6% ВВП страны, доля 3-й сферы почти не изменилась: 12,5% в 2010 г. и 12,2% в 2005 г.² Стабильно прирастала валовая продукция растениеводства: при среднегодовом темпе прироста в 4,4% ее объем в 2010 г. составил 3693,3 млрд юаней. Сбор зерновых, составляющих основу продовольственной безопасности страны, постоянно увеличивался в течение 7 лет (2004–2010 гг.), чего не наблюдалось в предшествовавшие пять десятилетий. При этом производство зерна на протяжении 4-х лет 10-й пятилетки ежегодно превышало 500 млн т: в 2007 г. —

501,6 млн т, в 2008 г. — 528,71 млн т, в 2009 г. — 530,82 млн т, в 2010 г. — 546,41 млн т при среднегодовом приросте в 2,5%.

Поскольку потребности страны в зерновых ежегодно увеличиваются на 3,5–4,0 млн т, руководство КНР планирует сохранить их производство к концу 12-й пятилетки на уровне, несколько превышающем 540 млн т, а к 2020 г. увеличить этот показатель на 50 млн т³, что предусмотрено «Планом по приросту производства зерновых в стране (2009–2020 гг.)».

Рекордный показатель был достигнут за счет увеличения на 4,8% осеннего урожая, тогда как летний урожай оказался меньше уровня 2009 г. Посевная площадь под зерновыми составила 109,87 млн га, или на 890 тыс га больше, чем в 2009 г. Площадь под осенними зерновыми в 2010 г. возросла на 1,4%, ее доля в общей площади под зерновыми составила 71,7%, сбор — 391,2 млн т. В целом посевы зерновых абсолютно преобладают по сравнению с другими культурами — 68% общей посевной площади⁴.

Решающий фактор увеличения производства сельскохозяйственных культур — рост урожайности. В 2010 г. урожайность зерновых поднялась по сравнению с 2009 г. на 1,02 ц/га, что обеспечило почти 70% прироста их сбора⁵. Самый высокий показатель достигнут в образцовых хозяйствах на площади почти в 3 млн га — (более 98 ц/га⁶).

Таблица 1

Производство зерновых культур в годы 11-й пятилетки

Годы	Производство зерновых		Посевная площадь		Урожайность	
	Произв-во по валу (млн т)	Прирост (%)	Площадь (млн га)	Прирост (%)	Урожайность (ц/га)	Прирост (%)
2006	498,04	2,9	104,96	0,7	47,45	2,2
2007	501,60	0,7	105,64	0,6	47,48	0,1
2008	528,71	5,4	106,79	1,1	49,51	4,3
2009	530,82	0,4	108,99	2,1	48,71	-1,6
2010	546,41	2,9	109,87	0,8	49,73	2,1
Среднегодовой прирост	—	2,5	—	1,1	—	1,4

Источник: Зеленая книга по экономике деревни [Нунцунь цзинцзи люйтшиу: Чжунго нунцунь цзинцзи синши фэнъси юй юйцэ (2010–2011)]. Пекин, 2011. С. 044.

Из 31-й провинции, районов и городов центрального подчинения производство зерновых в 2010 г. увеличили 20, в 11 административных единицах произошло его сокращение. В 13 провинциях, являющихся основными производителями зерновых (75,4% валового сбора) было получено 411,85 млн т зерна (прирост — 14,75 млн т). Богатый урожай собран в Северо-Восточном регионе и во Внутренней Монголии: увеличение по сравнению с 2009 г. почти на 14 млн т. Из-за засухи пострадали Гуанси-Чжуанский автономный район, провинции Гуйчжоу и Юньнань, где сбор зерна сократился на 3,8% (1,6 млн т) по сравнению с 2009 г.⁷

Положительная в целом динамика в течение 11-й пятилетки наблюдалась и по другим сельскохозяйственным культурам, а также в животноводстве и водном хозяйстве. Производство маслосемян в 2010 г. увеличилось на 2,7%, составив 32,4 млн т, чайного листа — 1,45 млн т (прирост — 6,4%). Сбор хлопка-сырца снизился (на 6,3%, до 4,85 млн т) главным образом из-за сокращения на 100 тыс. га его посевов. Производство сахарносов уменьшилось в 2010 г. почти на 2% (до 120,45 млн т), несмотря на увеличение площади под ними на 30 тыс. га.

В течение 10-й пятилетки ощущалось определенное напряжение со снабжением овощами. Осуществление программы «овощная корзина» несколько улучшило положение — и в отношении увеличения объемов производства, и в расширении ассортимента. В 2010 г. производство овощной продукции достигло 640 млн т — на 3,1% больше по сравнению с предшествующим годом.

Китай в течение нескольких лет вынужден импортировать некоторые виды сельскохозяйственной продукции, чтобы удовлетворить потребности внутреннего рынка. Объем внешнеторгового оборота в торговле сельскохозяйственными продуктами в 2010 г. вырос на 32,2% по сравнению с 2009 г.⁸ Наиболее сильно Китай зависит от импорта таких видов продовольствия и сырья, как бобовые, растительное масло и хлопок, в последние годы к ним добавилась кукуруза. Китай за 10 лет превратился из ее экспортера в чистого импортера: в 2010 г. ввезено 1,573 млн т. Лидировали по объему импорта бобовые: в 2010 г. он составил 54,8 млн т. Поставки сельскохозяйственной продукции на китайский рынок ведутся главным образом из США, Бразилии, Аргентины, Канады и Австралии. Первые четыре из них являются основными поставщиками на мировой рынок генномодифицированных продуктов.

Успешное в целом — вопреки стихийным бедствиям — развитие аграрной отрасли произошло благодаря претворению в жизнь экономической политики, нацеленной на поддержку производственной и социальной сферы села. Увеличение объемов финансирования по различным направлениям, в том числе и на решение социальных проблем, обеспечивали основу развития производства. Только в течение 2010 г. центральное и местные правительства выделили на нужды сельского хозяйства более 1 трлн юаней⁹. Капиталовложения в основные фонды сельского и лесного хозяйства, животноводства и рыбного хозяйства достигли 396,6 млрд юаней — на 18,2% больше, чем в 2009 г. Расходы центрального бюджета на поддержку сельского хозяйства, деревни и крестьянства возросли с 339,7 млрд юаней в 2005 г. до 818,3 млрд юаней в 2010 г. — в 2,4 раза, а их доля в расходной части бюджета повысилась с 14,5% до 17,5%.

Курс руководства на модернизацию аграрной сферы и его воплощение в конкретных условиях различных регионов сыграл чрезвычайно важную роль в достижении положительных итогов работы отрасли в 2010 г. и в течение 11-й пятилетки. Все большее значение приобретает внедрение агрономических достижений не только в практику крупных хозяйств, но и в небольшие хозяйственные объединения крестьян, в подрядные крестьянские хозяйства. В 2010 г. высококачественными семенами риса было засеяно 22 млн га (75% посевной площади под ним); посевы всех других культур более чем на 95% производились элитными семенами. Показатель комплексной механизации сельскохозяйственных работ в 2010 г. достиг 52%, к концу 12-й пятилетки его предполагается довести до 60%¹⁰. Планы по модернизации отрасли составляли не только в общегосударственном масштабе, они разрабатывались и для крупных регионов, и для меньших административных единиц. Так, в ноябре 2010 г. Комитет по развитию реформ и Министерство сельского хозяйства приняли «Указания относительно ускорения перехода Северо-Востока к новой модели развития современного сельского хозяйства»¹¹. В документе запланировано к 2015 г. довести коэффициент отдачи от использования агротехнических новаций до 60%, показатель переработки сельскохозяйственной продукции в регионе до 70%, а комплексную механизацию до 80%.

Внесение минеральных удобрений по-прежнему широко применяется для увеличения производства и повышения плодородия земли, однако их малоконтролируемое применение в чрезмерных количествах наносит ущерб экологии и небезопасно для здоровья людей. Производство минеральных удобрений увеличивается из года в год. В 2010 г. оно составило 67,4 млн т. (на 5,6% больше, чем годом ранее). Применяются меры на всех уровнях по усилению контроля за применением удобрений, химических средств защиты растений и животных. В апреле 2011 г. канцелярия Госсовета КНР приняла спе-

циальное «Уведомление об основных направлениях работы в 2011 г. по обеспечению безопасности пищевых продуктов»¹², в котором потребовало усилить контроль за использованием химических продуктов, и особенно — пресекать действия хозяйствующих организаций и отдельных лиц, занимающихся исследованиями, производством и реализацией высокотоксичных препаратов, используемых в сельском хозяйстве.

Среди факторов, влияющих на уровень земледелия в условиях Китая, важнейший — орошение во многих его видах и формах — от грандиозных оросительных систем до небольших объектов «орошения на полях». Об эффективности орошения дает представление таблица 2.

Таблица 2

Сравнение урожайности зерновых при различных типах орошения и без искусственного орошения

Районы	При естеств. орошении (ц/га)	Урожайность на заливных полях		Урожайность при орошении на суходольных полях	
		ц/га	в сравнении с орошением (%)	ц/га	в сравнении с естественным орошением (%)
Северо-Восток	22,35	50,85	127,5	36,00	61,1
Бассейны Хуанхэ, Хуайхэ, Хайхэ	22,35	73,05	226,8	60,75	171,8
Северо-Запад	11,18	46,95	320,1	30,53	173,2
В среднем и нижнем течении Янцзы	26,85	76,95	186,6	47,70	77,9
Примор. р-н Юго-Вост. Китая	31,35	77,85	148,3	70,50	124,9
Юго-Запад	30,75	70,05	127,8	61,16	98,9

Источник: Зеленая книга по экономике деревни 2010–2011. С. 221.

В зависимости от вида орошения урожайность зерновых возрастает в 2–3 раза. В 10-й пятилетке руководство страны заметно усилило внимание к проблемам ирригации, которые и сейчас остаются, без преувеличения, чрезвычайными. В 2009 г. орошаемая площадь в КНР составляла 65,165 млн га¹³. В 2010 г. площади эффективного орошения увеличились на 1,634 млн га, а площади орошения при экономном использовании воды — на 1,975 млн га. Орошение проводится на 70% площади, занятой под зерновыми, в том числе на 80% площади баз по производству товарного зерна и на 90% площади под техническими культурами. Доля пахотной площади, на которой производится эффективное орошение, составила в конце 2009 г. 48,7%¹⁴. Недостаточное внимание к строительству и содержанию ирригационных объектов, к финансированию их ремонта поныне является очень серьезной проблемой, хотя с начала 2000-х гг. положение стало улучшаться. За период 2001–2010 гг. капитальные вложения в ирригационное строительство увеличились с 55,88 млрд юаней до 113,91 млрд юаней при ежегодном приросте 10,5%. В начале 2011 г. ЦК КПК и Госсовет КНР приняли «Решение об ускорении реформы в сфере ирригации»¹⁵.

Укрепление материально-технической базы аграрной отрасли, более широкое использование агротехнических достижений, повышение материальной заинтересованности производителей, в том числе и с помощью дотаций (на приобретение высококачественных семян, сельскохозяйственной техники и современных орудий), установление минимального уровня закупочных цен помогли повысить производительность труда, прежде всего в зерновом производстве. Этот показатель за пятилетие увеличился на 33,2% (см. табл. 3).

Таблица 3

Производительность труда в зерновом производстве в 11-й пятилетке

Годы	Пронзв-во зерновых (млн т.)	Числ. занятых в сельхозпроиз-ве (млн чел.)	Произведено в среднем на одного занятого (кг)
2006	498.04	325,61	1530
2007	501.60	344.44	1595
2008	528.71	306.54	1725
2009	530.82	297,08	1787
2010	546.41	287.91	1898
Рост за 5 лет (%)	—	—	133,2%

Примечание: Рост производительности за 5 лет рассчитан, исходя из величины производства одним занятым в 2010 г. по сравнению с 2005 г.

Источник: Зеленая книга по экономике деревни 2010–2011. С. 064.

Несмотря на положительные итоги отрасль продолжает испытывать существенные трудности по ряду направлений развития. Премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао в отчетном докладе на 4-й сессии ВСНП 17-го созыва отметил хроническую слабость сельскохозяйственного базиса, нескоординированность городского, сельского и регионального развития¹⁶.

Одной из самых серьезных проблем развития аграрной отрасли является сокращение пахотной площади, чего не удастся приостановить. Продолжается изъятие пашни на нужды промышленного, ирригационного, транспортного, жилищного строительства; нередко она выпадает из оборота в результате стихийных бедствий. Только в течение 2010 г. площадь, занятая под строительство, составила 428 тыс. га — на 18,4% больше, чем в 2009 г.¹⁷ Планом экономического и социального развития КНР на 12-ю пятилетку предусмотрено сохранить пахотную площадь к 2015 г. на уровне 121,2 млн¹⁸ и т.д. Т.е. фактически признано сокращение пахотной площади по сравнению с концом первого десятилетия XXI в. (2008–2009 гг. — 121,72 млн га) по меньшей мере на 500 тыс. га. Меры противодействия уменьшению пахотной площади, таким образом, оказались, как и в прежние десятилетия, недостаточно эффективными.

Основной путь компенсации — распашка целинных земель, общая площадь которых по данным на 2008 г. составляла 108 млн га¹⁹. Освоение их требует немалых затрат, с учетом их качества и расположения в отдаленных районах.

Важное направление уменьшения потерь пашни — ужесточение требований по исполнению земельного законодательства. В 2010 г. были разработаны и в марте 2011 г. утверждены «Правила распашки целинных земель», заменившие соответствующий документ от 1988 г. Эти Правила декларируют принцип: «Сколько пашни убыло, столько и распашки». Перечислены виды деятельности (промышленное, ирригационное, транспортное, а также жилищное строительство, горнорудные разработки), которые чаще всего влекут убывание пахотных земель. Процедура получения разрешений на занятие земель осталась прежней: от местных правительств уезда и выше до центральных органов, ведающих природными ресурсами, земледелием. Ужесточены требования к качеству работ по рекультивации и по распашке целины. Предусмотрены штрафные санкции за несвоевременное выполнение работ, их низкое качество или за фактический отказ от проведения работ по распашке новых земель взамен утраченных. Размер штрафов колеблется от 50 тыс. до 500 тыс. юаней в зависимости от вида нарушений²⁰.

Как и по ходу всей 11-й пятилетки, в 2010 г. продолжался рост доходов крестьян. Отличительной особенностью на сей раз стало превышение «прибавки» для крестьян (10,9%) над показателем у жителей городов и поселков (8,9%)²¹. Средний годовой доход в 2010 г. составил 5919 юаней. Среднедушевой доход в категории бедных крестьян: 1274

юаней. Численность таковых составляет 26,88 млн, что на 9,09 млн меньше по сравнению с 2009 г.²²

К положению бедных крестьян руководство страны в 2010 г. проявило усиленное внимание. Общегосударственная программа в экспериментальных районах, где использовались новые формы помощи бедным, охватила 102,77 млн крестьян. В течение года 52,3 млн малообеспеченных крестьян получили государственную помощь. В 2010 г. Министерство гражданской администрации приняло два документа: «Методы управления структурами, обслуживающей систему пяти обеспечений в деревне» и «Мнение об эксперименте в системе социального обеспечения беднейших крестьян»²³.

В структуре расходов сельских жителей продолжались положительные изменения: доля расходов на продовольствие продолжала сокращаться, коэффициент Энгеля с 45,5% в 2005 г. снизился до 41,1% в 2010 г. Структура потребления в деревнях постепенно становилась более сбалансированной, снижалась доля потребления зерновых: в 2010 г. по сравнению с 2005 г. она уменьшилась на 13,1%, составив 181 кг в среднем на человека. Одновременно увеличилось потребление молока и молочных продуктов — до 3,6 кг на человека, или на 24% больше, чем в 2005 г. Потребление продуктов водных промыслов достигло 5,2 кг (рост на 4,3%), яиц — 5,1 кг (рост на 8,6%).

Планом экономического и социального развития КНР на 12-ю пятилетку предусмотрено повысить к 2015 г. среднедушевой доход сельских жителей до 8310 юаней в год при среднегодовых темпах прироста, превышающих 7%²⁴.

1. Жэньминь жибао. 2011. 1 марта.
2. Нунцунь цзинцзи люйпишу. Чжунго нунцунь цзинцзи синши фэньси юй юйцэ (2010–2011) [Зеленая книга по экономике деревни. Анализ положения в экономике китайской деревни и прогноз]. Пекин, 2011. С. 044. (Далее — Зеленая книга по экономике деревни. 2010–2011).
3. Цюши, 2011. № 3. С. 32; Вестник Госсовета КНР. 2010. № 35. С. 20.
4. Жэньминь жибао. 2011. 1 марта; Зеленая книга по экономике деревни, 2010–2011. С. 004.
5. Цюши, 2011. № 3. С. 33.
6. Там же. С. 34.
7. Зеленая книга по экономике деревни, 2010–2011. С. 005.
8. Там же. С. 109.
9. Чжунго нунцунь цзинцзи. 2010. № 8. С. 23.
10. Цюши, 2011. № 3. С. 35; Жэньминь жибао. 2011. 17 марта.
11. Вестник Госсовета КНР. 2010. № 35. С. 19–25.
12. Вестник Госсовета КНР. 2011. № 10. С. 13–16.
13. Зеленая книга по экономике деревни, 2010–2011. С. 191.
14. Там же. С. 191–192.
15. Там же. С. 239.
16. Жэньминь жибао. 2011. 16 марта.
17. Там же. 2011. 1 марта.
18. Там же. 2011. 17 марта.
19. Чжунго тунцзи чжайяо—2010. Пекин, 2010. С. 5.
20. Вестник Госсовета КНР. 2010. № 8. С. 21–26.
21. Жэньминь жибао. 2011. 1 марта.
22. Там же.
23. Вестник Госсовета КНР. 2011. № 6; 2010. № 15.
24. Жэньминь жибао. 2011. 17 марта.

Развитие животноводства Китая

© 2011

Е. Крапина

В КНР создана одна из самых передовых систем селекции высокопродуктивных пород домашней птицы и всех видов скота, эффективные ресурсосберегающие технологии животноводства для различных регионов страны. Растет число крупных свиноводческих и молочных хозяйств.

Ключевые слова: индустриальное животноводство, пастбищные ресурсы, селекционные программы, научно-производственные комплексы, ветеринарные вакцины.

Доля животноводства в валовой продукции сельского хозяйства Китая составляет 32,3%¹. В 11-й пятилетке (2006–2010 гг.) сектор добился значительных успехов в обеспечении стабильных поставок на внутренний рынок мяса, яиц и молока. Особенно динамично рос спрос на свинину и молоко, что привело к быстрому увеличению производства данных видов продукции, а также кормов для скота (в первую очередь на основе сои). КНР — главный в мире производитель свинины и домашней птицы. В 2010 г. производство мяса, яиц и молока составило, соответственно, 79,3 млн т, 27,7 млн т и 35,7 млн т. Рост этих показателей в течение пяти лет достиг 13,1%, 13,2% и 31%. Производство мяса и яиц в подушевом пересчете сейчас выше среднемирового². В общем поголовье домашних животных свиньи составляют 49,8%, овцы и козы — 32,4%, крупный скот — 17,8%³.

Руководство страны прилагает значительные усилия для трансформации огромного числа личных хозяйств в более современные животноводческие предприятия. В 2010 г. количество крупных свиноводческих ферм (более 50 голов) и молочных (более 20 голов) составило 66% и 47% всех аграрных предприятий соответствующего профиля. По сравнению с уровнем 2005 г. эти показатели выросли на 29% и 20%. Как прогнозируют китайские эксперты, потребление сои к концу 12-й пятилетки (2011–2015 гг.) вырастет на 30,5%, свинины и птицы — на 32,9% и 39% соответственно, производство молока и молочной продукции на 31,9%⁴.

В годы 11-й пятилетки КНР вошла (вместе с США и Индией) в тройку мировых лидеров по производству молока и молочных продуктов, оттеснив на четвертую позицию Россию. Правительство поддерживает внутренний молочный рынок, субсидирует рост производства сырья. В рамках государственной программы «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков агропродукции, сырья и продовольствия» поставлены задачи внедрения новых технологий в молочном животноводстве, формирования племенного ядра крупного рогатого скота для повышения продуктивности дойного стада⁵.

Это соответствует стратегическим направлениям прогресса мирового сельскохозяйственного производства в XXI в. — опоре на науку с использованием достижений вы-

соких технологий как одному из важнейших средств устойчивого сбалансированного получения продуктов питания. Их внедрение напрямую связано с выживанием человечества в нестабильной среде, способствует сокращению загрязнений и сохранению биоразнообразия. Они сегодня определяют уровень развития страны, ее продовольственную и экологическую безопасность⁶.

В животноводстве Китая все большее значение приобретает использование биологического блока инноваций, от которых непосредственно зависит уровень продуктивности и эффективности отрасли. Новые биотехнологические способы производства, ускорители роста помогают получению и применению биоактивных веществ: кормовых добавок; трансплантации эмбрионов и зигот; созданию высокопродуктивных и генетически устойчивых к болезням пород скота и птицы. Одно из важнейших направлений — методы разведения животных с использованием генной и клеточной инженерии, направленные на создание новых трансгенных типов с улучшенной продуктивностью, устойчивых к заболеваниям.

Научно-производственные комплексы становятся центрами, определяющими главные направления модернизации животноводства, обеспечивающими эффективное использование техники, гарантирующими соответствующий полезный эффект. Это позволяет минимизировать совокупные затраты на производство, переработку и сбыт продукции; стимулирует повышение и дифференциацию качественных показателей, расширение ассортимента, рациональное размещение, продуктивную, технологическую и территориальную специализацию, ликвидацию или сокращение зависимости от сезонности. Особое значение придается созданию технологических систем хранения и переработки для каждого вида сырья, возрастает внимание к разработке специальных рецептов продукции и технологических схем ее производства для разных возрастных категорий населения.

К настоящему времени в КНР сформировалась одна из самых передовых в мире систем селекции высокопродуктивных пород домашней птицы, свиней, крупного и мелкого скота, разработаны интенсивные формы их содержания. Китайскими учеными на основе фундаментальных и прикладных исследований разработаны эффективные ресурсосберегающие технологии производства продукции для различных регионов страны с учетом современных эколого-экономических требований. Совершенствуются методы генной и клеточной инженерии: раскрыты нейроэндокринные механизмы регуляции обмена веществ и процессов репродукции живых организмов, предложены способы и препараты для повышения плодовитости животных и птиц. Уже применяются разнообразные методы иммуноферментного анализа для стимуляции и контроля состояния животных и птиц, их продуктивных и репродуктивных качеств, профилактики заболеваний. Благодаря применению ветеринарных вакцин, лекарств и диагностических тестов значительно улучшается качество продуктов животноводства.

Впечатляют достижения в биотехнологии на клеточном уровне с помощью переноса генов и клонирования. К ним относятся: создание генетически модифицированных коров, овец и свиней с пониженным содержанием жира и повышенным — постного мяса; проекты по генетическому картированию, позволяющие выявлять высокопродуктивных особей для включения их в селекционные программы; вакцины для стимуляции иммунной системы птиц (например, индюшек), подавляющие тенденцию к прекращению откладывания яиц, повышающие эффективность переваривания кормов или влияющие на продукцию гормонов (ускоряющие рост животных), способствующие синтезу большего количества молока или снижению жирности мяса. В результате коровы производят молоко с повышенной долей белков, необходимых для полноценного вскармливания детей или производства кисломолочной продукции.

Китайские биотехнологи разработали метод получения большего количества овечьей шерсти за счет добавления в корм овцам генномодифицированного люпина. Генетически модифицированные версии других кормовых культур повышают качество

белков, жиров и способствуют усвояемости энергии изготавливаемых на их основе кормов. Создаются культуры для увеличения срока хранения говядины за счет повышения антиоксидантных свойств жиров, входящих в ее состав.

Обезвреживание отходов животноводческих ферм — в числе важных задач обеспечения экологической безопасности сельскохозяйственных территорий. Во всем мире большинство районов расположения крупных животноводческих и птицеводческих объектов являются экологически неблагополучными. Наибольшую опасность представляют поля утилизации бесподстилочного навоза и помета. Навоз, особенно свиной и птичий, характеризуется высоким содержанием азота и фосфора, что может вызывать загрязнение почв и водоемов. Игнорирование этой проблемы обуславливает снижение качества продукции, загрязнение грунтовых и поверхностных вод, воздушного бассейна, увеличивает угрозу эпидемий и пандемий.

Ежегодно животноводы КНР сталкиваются с необходимостью утилизации миллионов тонн навоза. Один из эффективных и экологически оправданных методов, сочетающих обеззараживание и утилизацию — изготовление биотоплива. Из 1 т сухого вещества навоза при оптимальных условиях анаэробного метанового сбраживания получается 340 куб. м биогаза с калорийностью до 6 тыс. ккал/куб. м, без сероводорода. Получаемые при этом жидкие, концентрированные органические удобрения не содержат патогенной микрофлоры, яиц гельминтов, семян сорняков, нитратов и нитритов. При их применении урожайность сельскохозяйственных культур повышается в 2–2,5 раза, а срок окупаемости установок, производящих биотопливо, не превышает полгода⁷.

Некоторые генномодифицированные кормовые культуры способствуют снижению экскреции животными азота и фосфора, уменьшению неприятного запаха и количества навоза в целом. В Китае выведены свиньи, получившие название «Энвайропиг» («EnviroPig»), в геном которых встроен ген, обеспечивающий повышенное содержание в слюне животных фермента фитазы, улучшающего усвояемость фосфора и соответственно уменьшающего его выделение с навозом. Цель создания этой породы — снижение риска загрязнения грунтовых вод на территориях, непосредственно прилегающих к животноводческим фермам.

Методики репродукции и клонирования, а также вакцины и лекарственные препараты, разработанные для скота и домашней птицы, полезны и для сохранения видовой разнообразия дикой природы. Биотехнология предоставляет принципиально новые подходы к сохранению видов, находящихся под угрозой исчезновения, разнообразия живого мира, более здоровых популяций. В КНР создано более 400 научных генетических центров по размножению диких животных. Недавно китайские ученые объявили, что благодаря использованию метода межвидового клонирования они близки к созданию клона почти исчезнувшей с лица Земли большой панды.

В эпоху глобализации с сопутствующими ей ростом коммуникаций, непредсказуемым усилением миграций и перенаселенности в ряде регионов планеты, а также терроризма (включая биотерроризм) одной из наиболее актуальных проблем становится борьба с инфекционными заболеваниями. Реальные научные возможности их преодоления достигаются средствами биотехнологии и биоинженерии. В последние годы в КНР заметно увеличено финансирование проектов в области ветеринарной и биологической безопасности, благодаря чему на данный момент уже созданы на государственном и провинциальных уровнях центры по контролю и профилактике эпизоотий, государственная лаборатория по серьезным эпизоотиям, региональные — по диагностированию⁸.

Несколько десятков китайских научно-технических разработок удостоены государственных наград. Из них следует особо отметить проект разработки и применения вакцин против «подвида вируса птичьего гриппа H5N1», а также «репродуктивно-респираторного синдрома свиней (PPCC)» (смертность от него среди заболевших поросят достигает 100%). В рамках проекта созданы вакцины методом «обратной генетики».

Они широко применяются и уже играют решающую роль в быстрой и надежной локализации эпидемий. Ежегодно в Китае проводится международный симпозиум по ветеринарной и биологической безопасности (по инициативе Китайского национального центра по контролю и профилактике эпизоотий среди животных).

Решающее значение для развития животноводства имеет кормовая база. Она включает естественные угодья, полевое кормопроизводство, отходы овощеводства и других растениеводческих отраслей, пищевые отходы, рыбную муку, питательные добавки, рыбий жир, корма промышленного изготовления (комбикорма, витамины, биопрепараты и др.).

По площади степных угодий (400 млн га, или 40% территории) Китай занимает 2-е место в мире после Австралии, располагая 15% всех степей планеты. На душу населения приходится 0,33 га, т.е. 50% от среднемирового показателя. Большая часть степей расположена в западной части Северо-Восточного Китая, на севере и северо-западе провинций Сычуань и в Тибетском автономном районе. Пастбища нуждаются в крупных мелноративных работах, производственный уровень скотоводства низок: выход животноводческой продукции с 1 га в десятки раз меньше, чем в экономически развитых странах. Особенно тяжелое положение складывается в зимний период⁹.

Из-за ненормированной эксплуатации (перевыпаса скота, неумеренного сбора лекарственных трав, заготовок топлива) уничтожается растительность, разрушается верхний дернистый слой почвы. Изреживание травяного покрова способствует раздуванию песков, заносам, процессам опустынивания. К основным неблагоприятным воздействиям относятся и распашка целинных земель, развитие транспортной инфраструктуры в пределах ранимых степных экосистем, без соблюдения должных мер по их защите. Пастбищные угодья страдают и от степных пожаров (на антропогенные причины приходится 98% всех случаев).

К середине 1970-х гг. обозначилась угроза полной деградации практически всей степной зоны Китая. 4-й Всеитайский мониторинг опустыненных земель, проведенный в 2009 г. Главным управлением лесного хозяйства, установил, что их площадь составляет 4,38 млн кв. км, или 45% территории страны. В настоящее время ведется обследование пастбищных угодий в провинциях и автономных районах (главным образом, в Северном, Северо-Восточном и Северо-Западном Китае). Собраны данные о их типах, разрядах, размещении и природных условиях. Выявлено, что из общей площади под пастбища могут использоваться 220 млн га, из них 18% — потенциально первоклассные, 46% — среднего качества и 36% — бедные. Около 90% пастбищ подвержены деградации: опустыниванию — 35,6%, потенциальному опустыниванию — 46,7%, засолению — 5,7%. Скорость восстановления отстает от темпов деградации (около 5% в год). По мнению китайских ученых, для таких районов очень важно сохранять природную растительность, особенно на песчаных почвах, остановить чрезмерный выпас скота, создавать защитные лесонасаждения¹⁰.

В последние годы экологические проблемы значительно обострились: засухи стали более длительными и частыми, наводнения — более обильными и разрушительными. Зимой случаются сильные снегопады, а весной на востоке — катастрофические половодья. По мнению ученых, эта тенденция объясняется глобальным изменением климата и в перспективе будет усиливаться. Ситуация с засухами крайне обострилась в юго-западных районах. Обезвоживание ведет к падению эффективности скотоводства, непредсказуемым эпизоотиям.

В развитых странах проблемам экологической защиты степей, расширению площадей культурных пастбищ придается огромное значение. В Канаде последние составляют 20% общей площади, в Новой Зеландии — 80%, а в Китае — всего лишь 3%. Хотя их устройство требует крупных капиталовложений, продукции они дают в 50 раз больше, чем естественные¹¹. В ряде скотоводческих районов КНР начато строительство улучшенных пастбищ: ого-

раживаются участки, строятся колодцы, создается оросительная сеть, высаживаются полевые защитные лесополосы, сеются кормовые злаки, травы, бобовые. С целью реанимирования распаханых целинных земель организуются семейные хозяйства площадью в 1–2 га угодий, увеличиваются государственные инвестиции. Практикуется превращение обширных участков степей в заповедники с запретом выпаса скота.

За последние 5 лет площадь искусственных пастбищ выросла на 51,4%, что стало прорывом в деле сохранения и расширения кормовой базы для скота. Например, в пров. Шаньдун планируется очистить территорию в 67 тыс. га под пастбища и луга — в 12-й пятилетке она станет одной из главных баз страны по производству, переработке и экспорту продукции животноводства¹². К настоящему времени площади улучшенных степей достигли 15 млн га, огороженных — 33 млн га, на 1/5 части годных для пользования степей запрещен выпас скота или введена система оборота¹³.

Рост производства комбинированных кормов — одно из важнейших условий подъема животноводства. Чтобы увеличить поголовье молочных коров, долю говядины и баранины в общем объеме мяса. Китай активно развивает кормовую промышленность и уже 17 лет занимает по этой позиции второе место в мире, уступая лишь США. В данной сфере функционирует более 15 тыс. предприятий¹⁴.

* * *

5-й пленум ЦК КПК 17-го созыва (15–18 октября 2010 г.), одоблив рекомендации ЦК КПК по 12-му пятилетнему плану (2011–2015 гг.), отметил необходимость ускорения реформы животноводства. Для увеличения производства продукции поощряется применение генетически модифицированных пород скота. В сфере научного обеспечения инновационных прорывов в животноводстве выделены следующие направления:

- разработка и применение новых методов генетического контроля и управления селекционным процессом для улучшения существующих и выведения новых пород, типов и линий сельскохозяйственных животных и птиц;
- применение методов регуляции процессов реализации потенциала высокой продуктивности и создание новых эффективных систем кормления;
- прогнозирование и разработка программ развития отраслей и моделей высокоэффективных предприятий с учетом условий различных зон страны;
- создание новых конкурентоспособных линий и кроссов, разработка методов повышения конверсии кормов, энергосберегающих технологий производства и переработки продукции;
- разработка новых ресурсосберегающих, экологически безопасных технологий производства с заданными параметрами качества;
- разработка нового поколения биологических препаратов для диагностики, терапии и профилактики наиболее распространенных болезней животных и птиц с учетом достижения физико-химической биологии, биотехнологии и молекулярной иммунологии;
- усовершенствование существующих и разработка новых технологий обеспечения ветеринарно-санитарного благополучия отраслей производства качественных и экологически безопасных продуктов;
- механизация, электрификация и автоматизация производства¹⁵.

В докладе о работе правительства на 4-й сессии ВСНП 11-го созыва (5 марта 2011 г.) Премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао особо отметил важность дальнейшей стабилизации свиноводства и осуществления программы подъема молочного хозяйства, контроля по линии стандартизации и ветеринарно-санитарной безопасности, профилактики и локализации серьезных зоо- и фитологических эпидемий в целях обеспечения продовольственной безопасности страны¹⁶.

1. Чжунго тунци чжайяо [Краткий китайский статистический ежегодник]. Пекин, 2010. С. 15.
2. http://www.stats.gov.cn/english/newsandcomingevents/t20110228_402705764.htm.
3. http://www.stats.gov.cn/english/newsandcomingevents/t20110226_402540784.htm.
4. www.chinadaily.com.cn/english/doc/2011-02/20/content_391693.htm.
5. www.chinadaily.com.cn/english/doc/2011-04/06/content_482697.htm.
6. Transgenic plant and world agriculture. Information note // Plant varieties and skeds. 2010. № 12. С. 7.
7. World Resources Institute. Climate, Biodiversity, and Forests. Washington, 2008.—URL: www.wri.org.2009/16/09.
8. <http://www.ecolife.ru/info/eco-bio2009-03-14.shtml>.
9. Analysis and forecast on China' rural economy (2007-2008). Beijing, 2008. P. 202.
10. Green book of environment. Crisis and breakthrough of China's environment. Peking, 2008. P. 95.
11. Нунцунь цзинци лойшуну. Чжунго нунцунь цзинци синши фэнсье юй юэцзэ [Зеленая книга по экономике деревни. Анализ и прогноз положения в экономике китайской деревни]. 2009-2010. Пекин, 2010. С. 106.
12. Синьхуа. 2011. 5 febr.
13. http://www.agri.gov.cn/government/txt/2009-02/03/content_964723.htm.
14. <http://russian.people.com.cn/31319/6219220.html>.
15. Жэньминь жибао. 2010. 18 окт.
16. Там же. 2011. 16. 18 марта.

Развитие частного предпринимательства в КНР

© 2011

В. Чуванкова

В статье показано современное состояние индивидуальной и частной экономики, рассмотрены новые постановления государства, обеспечивающие благоприятные экономические и правовые условия для стимулирования частного предпринимательства.

Ключевые слова: индивидуальные и частные предприятия, инвестиции, экономический потенциал, реформирование монопольных отраслей, правовая база.

Индивидуальный и частный сектора экономики, чьи масштабы и потенциал в годы 11-й пятилетки выросли в разы, показали себя наиболее жизнеспособной силой в экономической структуре КНР, внесли значительный вклад в борьбу с последствиями мирового финансово-экономического кризиса и в обеспечение занятости. Количественный рост индивидуальных и частных предприятий сопровождался быстрым расширением сфер хозяйственной деятельности, масштабов производства и увеличением объема основных фондов.

К концу 2010 г. зарегистрировано более 42 млн индивидуальных и частных предприятий, на которых занято свыше 180 млн чел. (105,4 млн из них трудятся в городах и поселках), что составило более 20% экономически активного населения и в 2,7 раза превысило численность рабочих и служащих на предприятиях госсектора (65,16 млн чел.). В минувшей пятилетке численность частных предприятий (хозяйственных субъектов с числом наемных работников не менее 8 чел.) возрастала в среднем на 14,3% в год и достигла 8,4 млн, или почти удвоилась по сравнению с 2005 г. Среднегодовые темпы роста их уставного капитала составили 20,1%, а общая сумма втрое превысила показатель 2005 г., достигнув 19 трлн юаней. Число индивидуальных хозяйств (привлекающих не более 7 наемных работников) и их уставный капитал увеличились по сравнению с показателями конца 2005 г. на 40,9% и 133% соответственно — до 34 млн хозяйств и 1,3 трлн юаней¹.

В этот период имел место быстрый рост промышленного производства в частном секторе и эффективности предприятий. Согласно данным ГСУ КНР, они лидировали среди предприятий всех форм собственности по объему добавленной стоимости и реализованной прибыли на протяжении всей пятилетки, включая кризисные годы (см. табл. 1). В 2010 г. прирост этих показателей по сравнению с предшествующим годом составил 20 и 49,4% соответственно. Частные промышленные предприятия обеспечили прибыль в размере 1,43 трлн юаней. Объем налоговых выплат, уплаченных частными предприятиями, превысил 1,1 трлн юаней, что на 172,4% больше по сравнению с 2005 г., и на 12,7% выше показателя государственного сектора благодаря ежегодному росту в среднем на

22,2%. Общий объем экспорта предприятий негосударственного сектора достиг 481,3 млрд долл. США, увеличившись по сравнению с показателем 2005 г. на 223%³.

Таблица 1

Динамика прироста промышленного производства в 2006–2010 гг. (%)

Год	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.
<i>Прирост добавленной стоимости хозрасчетных промышленных предприятий*</i>					
Всего	16,6	18,5	12,9	8,3	15,7
Государственные и контролируемые государством предприятия	12,6	13,8	9,1	6,9	13,7
Коллективные	11,6	11,5	8,1	10,2	9,4
Акционерные	17,8	20,6	15,0	13,3	16,8
На иностранном капитале и капитале Гонконга, Макао и Тайваня	16,9	17,5	9,9	6,2	14,5
Частные	24,4	26,7	20,4	18,7	20,0
<i>Прирост прибыли хозрасчетных промышленных предприятий**</i>					
Всего	31,0	36,7	4,9	7,8	49,4
Государственные и контролируемые государством предприятия	27,0	29,6	—14,5	—4,5	59,1
Коллективные	29,5	25,2	29,5	10,3	34,6
Акционерные	32,3	35,1	11,4	4,2	49,4
На иностранном капитале и капитале Гонконга, Макао и Тайваня	26,7	34,3	—3,1	16,9	46,3
Частные	43,6	50,9	36,6	17,4	49,4

Примечание: * Предприятия с годовым доходом от сбыта не менее 5 млн юаней.

** 2007–2010 гг. — данные за 11 месяцев.

Источник: Жэньминь жибао. 1 марта 2007; 29 февр. 2008; 27 февр. 2009; 25 февр. 2010; 1 марта 2011.

Продолжился рост зарплаты рабочих и служащих, занятых на частных предприятиях. По данным ГСУ КНР, в 2010 г. среднегодовая зарплата на частных национальных предприятиях в городах и поселках увеличилась на 14,1% по сравнению с 2009 г. и составила 20,76 тыс. юаней (см. табл. 2). В восточных районах страны она достигла 22,71 тыс. юаней, в западных — 18,64 тыс., в северо-восточных — 18,53 тыс. и в центральных — 17,25 тыс. юаней. Прирост за год составил 14,5, 14,8, 12,9 и 12 процентов соответственно.

Наивысший уровень зарплаты, превышающий ее средний показатель почти в 1,5 раза, был зарегистрирован в отраслях информатики, компьютерного технического обслуживания и освоения программного обеспечения — 31,23 тыс. юаней. Второе место заняла финансовая отрасль — 30,51 тыс. юаней, третье — научные исследования, техническое обслуживание и геологические изыскания — 28,89 тыс. юаней. Самыми низкооплачиваемыми оставались работники, занятые в общественном управлении и общественных организациях — 8,9 тыс. юаней, а также в сфере пригородного сельского хозяйства, лесоводства, животноводства и рыбоводства — 16,37 тыс. юаней, в сфере услуг и гостиничного хозяйства — 17,53 тыс. юаней. Соотношение между наивысшим и самым низким средним уровнем зарплаты в частном секторе составило 3,5:1, на предприятиях других форм собственности — 4,7:1.

Опубликованные данные свидетельствуют также о том, что среднестатистическая зарплата труженников в национальном частном секторе значительно ниже, чем во всех других секторах экономики и составила в 2010 г. лишь 55,9% от их общего среднего

показателя (37,15 тыс. юаней), 52,9% от показателя на госпредприятиях (39,47 тыс. юаней), 45,1% от показателя в акционерных компаниях (45,99 тыс. юаней), 51,7% от показателя на предприятиях, основанных на иностранном капитале (40,18 тыс. юаней) и 85% от показателя на коллективных предприятиях (24,43 тыс. юаней)¹.

Таблица 2

Динамика роста среднегодового уровня зарплаты занятых в городах и поселках в 2009–2010 гг.

Годы	Частные национальные предприятия			Предприятия других форм собственности		
	2009	2010	2010 к 2009, %	2009	2010	2010 к 2009, %
Средний уровень зарплаты в городах и поселках, тыс. юаней в том числе в регионах:	18.20	20.76	14.1	32.74	37.15	13.5
Восточный	19.84	22.71	14.5	38.00	42.81	12.7
Центральный	15.40	17.25	12.0	27.48	31.59	15.0
Западный	16.23	18.64	14.8	29.12	33.13	13.8
Северо-Восточный	16.41	18.53	12.9	28.38	31.88	12.3
<i>Самые высокооплачиваемые отрасли, тыс. юаней</i>						
Финансы	30.45	30.51	0.2	70.26	80.77	15.0
Информатика, компьютерное техническое обеспечение, освоение программного обеспечения	28.17	31.23	10.9	59.92	66.60	11.1
Научные исследования, техническое обслуживание и геологические изыскания	26.19	28.89	10.3	50.87	57.32	12.7
<i>Самые низкооплачиваемые отрасли, тыс. юаней</i>						
Общественное управление и общественные организации	8.19	8.90	8.7	36.27	39.33	8.4
Сельское хозяйство, лесоводство, животноводство, рыболовство	14.59	16.37	12.2	14.91	17.34	16.3
Гостиничное хозяйство и сфера услуг	15.62	17.53	12.2	21.19	23.81	12.4

Источники: Составлено по: http://www.stats.gov.cn/tjfx/jdfx/t20110503_402722862.htm; http://www.stats.gov.cn/tjfx/jdfx/t20110503_4027228855.htm.

Большой разрыв в уровне зарплаты рабочих и служащих в различных отраслях, регионах и секторах экономики стал одной из серьезнейших проблем, требующих неотложного решения. Улучшение качества жизни населения, как подчеркивалось на 4-й сессии ВСНП 11-го созыва (март 2011 г.), будет положено в основу трансформации модели экономического развития в 12-й пятилетке¹.

Основой обеспечения динамичного и эффективного развития в 11-й пятилетке стали решения XVI и XVII съездов КПК, очередных пленумов ЦК КПК, сессий ВСНП, а также разработка и введение в действие постановлений, направленных на создание благоприятного правового и рыночного климата для равноправной конкуренции всех секторов экономики, на стимулирование малого и среднего бизнеса и инвестиционной деятельности населения.

Важный импульс для повышения предпринимательской активности дали установки документа, изданного накануне 11-й пятилетки (февраль 2005 г.) — «Некоторые соображения Госсовета КНР о мерах поощрения, поддержки и направления развития индивидуального, частного и других видов необщественного сектора экономики»⁵, который вобрал в себя все стратегические установки на содействие частной экономике и открыл частному национальному капиталу свободный доступ в ранее закрытые для него отрасли и сферы производства, включая государственные монополии (электроэнергетику, информатику, телекоммуникации и связь, инфраструктуру, железнодорожный транспорт, гражданскую авиацию, финансы, оборонно-технический комплекс, разведку и разработку минеральных ресурсов, коммунальное хозяйство и т.д.). Облегчались условия мобилизации финансовых ресурсов — как на фондовых рынках, так и на рынке кредитов. Поощрялось также расширение участия частного предпринимательства в развитии и преобразовании социальной сферы, в возрождении промышленной базы Северо-Востока, освоении Западных и развитии Центральных регионов страны. Все это позволило данному сектору добиться высоких позиций в экономике, продолжить свое поступательное развитие в условиях мирового финансового кризиса и накопить огромные капитальные ресурсы.

Накануне 12-й пятилетки Госсовет КНР издал два новых документа, направленных на поощрение развития частного предпринимательства и активное вхождение национального частного капитала в реализацию инновационных программ государства, перестройку индустриальной структуры и ускорение формирования новых отраслей стратегического характера, в процессе более глубокого реформирования монопольных отраслей с целью привлечения дополнительных источников финансирования этих направлений экономического развития Китая. Первый — «Некоторые соображения Госсовета КНР по вопросам поощрения, здорового развития и ориентирования частных национальных инвестиций» (май 2010 г.)⁶. В китайской печати его кратко называют «36 новых установок». Второй документ — «Уведомление канцелярии Госсовета КНР о разделении функций по стимулированию и здоровому развитию частных национальных инвестиций» (июль 2010 г.)⁷.

По сравнению с изданным в 2005 г. документом, который также содержал 36 пунктов, «новые 36 установок» заметно расширили охват отраслей для доступа частных инвесторов, в том числе основных монопольных и высокотехнологических отраслей. Документ четко определил необходимость поощрения и ориентирования частного капитала в базовую индустрию, инфраструктуру, коммунальные услуги и плановое жилищное строительство, финансовые и социальные услуги, торговлю, оборонную промышленность, научно-техническое обеспечение, в такие «отрасли высокой монополии», как нефть и газ, атомная энергетика, железные и автомобильные дороги, порты, гражданские аэропорты, авиационное общего назначения, почтовая связь и телекоммуникации, водогазо- и теплоснабжение, добыча и разведка полезных ископаемых.

Одновременно поощрялось вложение частного капитала в поворазвивающиеся отрасли: энергосбережение и охрану окружающей среды, информационные технологии нового поколения, биотехнологии, высокоуровневое машиностроение, новые материалы и источники энергии, высокоскоростные железные дороги. Значительно расширился доступ частных инвестиций в финансовый сектор — в частности, в создание сельских и городских финансовых кооперативов, кредитных компаний, в деятельность коммерческих банков в качестве акционеров. Кроме того, документ предусматривает участие частного капитала в реорганизации госпредприятий, повышении их международной конкурентоспособности, а также в повышении собственных возможностей к самостоятельной инновации и модернизации своих предприятий.

В документе указывалось, что правительству еще предстоит:

– установить порог допуска и масштабы инвестирования для различных секторов экономики, а также создать условия для справедливой конкуренции и равноправного доступа к рынку;

– четко определить сферы для государственных инвестиций, поскольку таковые должны в основном использоваться для обеспечения национальной безопасности, поддержки и укрепления жизнедеятельности основных отраслей промышленности и конкурентоспособности ключевых сфер. Рынок не в состоянии эффективно распределять все ресурсы, обеспечивать экономическую и социальную стабильность;

– совершенствовать порядок допуска частных инвестиций в монопольные отрасли. Расширять сферы и рамки участия частных инвестиций в различных формах производственного и финансового сотрудничества: путем передачи части объектов на правах собственности, аренды, долевого участия, покупки акций и других форм государственно-частного партнерства;

– обеспечить соответствующие условия частному капиталу для равноправного доступа к рынку акций, создать механизм компенсаций и государственных субсидий для участников тендеров, заключающих договоры лизинга, благоприятный налоговый и административный режим и т.д.

Более широкое открытие базовых и монопольных отраслей должно способствовать притоку частных инвестиций в сферу материального производства. В годы 11-й пятилетки частный капитал не смог еще занять заметного места в монопольных отраслях китайской экономики, несмотря на создание в них большого количества новых рабочих мест. Например, до настоящего времени частный сектор контролировал лишь 14% рынка электроэнергии, 10% финансовых услуг, по 8% в сферах связи и транспорта и 7% услуг водоснабжения⁸.

Наряду с конкретным перечнем отраслей, доступ к которым поощряется и открывается для частного инвестирования во втором документе выделены 40 рабочих направлений реализации «новых 36 установок». Ответственность за осуществление надзора и контроля за их внедрением возложена более чем на 20 министерств и ведомств, а также на правительства и соответствующие организации на уровне провинций, автономных районов и городов центрального подчинения.

Кроме того, для повышения статуса и более активного расширения сфер хозяйственной деятельности лиц, занимающихся индивидуальной трудовой деятельностью, в апреле 2011 г. Госсовет КНР издал «Положения об индивидуальных предприятиях в промышленности и торговле», вступающие в силу с 1 ноября⁹ взамен действовавших с 1 сентября 1987 г. «Временных положений об управлении индивидуальными хозяйствами в промышленности и торговле в городе и деревне»¹⁰.

Документ внес ряд изменений в регулирование деятельности индивидуальных предприятий с учетом современных условий и задач активного вовлечения частного капитала в экономическое строительство. Постановление предусматривает облегчение условий регистрации индивидуальных предприятий, улучшение финансового обслуживания и расширение доступа к получению кредитов, отмену оплаты управленческих расходов и сборов за ежегодные инспекции — теперь при регистрации индивидуального предприятия требуется внести только регистрационный взнос.

Сняты также социальные ограничения для граждан, желающих заниматься индивидуальным бизнесом, и рамки разрешенных сфер деятельности. Регистрирующие органы обязаны в соответствии с законом осуществлять государственную регистрацию всех индивидуальных предпринимателей, если только оформляемые ими сферы хозяйственной деятельности не входят в перечень отраслей, доступ в которые для них запрещен законодательством. Жителям Гонконга, Макао и Тайваня, имеющим китайское гражданство, также разрешается регистрироваться в качестве индивидуальных предпринимателей. Индивидуальные предприятия могут быть как личными, так и семей-

ными. Государство гарантирует им равный доступ на рынок и участие в справедливой конкуренции. Повышается административная и правовая ответственность за нарушения правил регистрации.

Народным правительствам на местах и Ассоциациям труженников-единиличников всех уровней вменяется в обязанность создавать благоприятные условия для предпринимательской деятельности и профессионального обучения тем, кто желает заняться индивидуальным бизнесом, способствовать внедрению технических инноваций, оказывать информационные и консалтинговые услуги, обеспечивать участие в социальном страховании и т.д.

Новый важный момент — отмена лимита на количество наемной рабочей силы на индивидуальных предприятиях, напомию, ранее разрешалось использовать не более 7 человек (одного—двух помощников и трех—пяти учеников). Теперь индивидуальным предприятиям в промышленности и торговле разрешается нанимать персонал «в соответствии с требованиями бизнеса» и заключать трудовые договоры, определяющие права и обязанности сторон, выполнять договорные обязательства, не ущемляя законные права и интересы работников. Тем самым отменено установленное ранее различие между индивидуальными и частными предприятиями по факту привлечения наемной рабочей силы.

4-я сессия ВСНП 11-го созыва приняла ряд установок, направленных на дальнейшую активизацию роли частного национального капитала в период 12-й пятилетки. Поставлены следующие задачи:

— Поощрять, поддерживать и ориентировать развитие необщественных секторов экономики, создавать институциональную среду, обеспечивающую различным секторам экономики основанный на законе равный доступ к компонентам производства, возможность на равных участвовать в рыночной конкуренции, будучи под охраной закона.

— Совершенствовать инвестиционную структуру, активно претворяя в жизнь «новые 36 установок» Госсовета, приступать к разработке открытых и прозрачных критериев допуска на рынок, соответствующей политики поддержки, практически расширяя этот допуск, преодолевать всякого рода барьеры, поощрять и ориентировать негосударственный капитал на вхождение в базовые производства и инфраструктуру, в городские коммунальные службы, в социальную сферу, финансовый сервис и т.д.

— Стимулировать развитие новых производств стратегического характера, поддерживать развитие малого и среднего бизнеса, а также индустрию сервиса, активно продвигать отраслевое структурное регулирование, слияние и реструктуризацию предприятий, их техническую реконструкцию.

— Помогать формированию инновационного потенциала, выявлять роль малых и средних предприятий научно-технического типа. Мобилизовать предприятия на совместное финансирование общеприменимых ключевых технологий, поощрять их сообща делить риски и пользоваться достижениями.

— Побуждать негосударственные предприятия к самостоятельной инновации, трансформации и эскалации, поощрять и направлять негосударственный капитал на путь реорганизации и слияния, на участие в реформе госпредприятий, совершенствовать обслуживание и ориентирование негосударственных капиталовложений, а также нормирование и управление ими.

— В соответствии со структурными особенностями китайской рабочей силы всемерно обеспечивать развитие трудоемких отраслей, сервиса, малых и мини-предприятий, а также научно-технических предприятий инновационного типа в целях максимального удовлетворения многоуровневых потребностей в рабочих местах.

— Оздоровлять многоярусную систему рынков капитала, ускоренно развивать фондовый и фьючерсный рынки, увеличивать пропорцию прямой аккумуляции денежных средств, энергично культивировать финансовые органы нового типа на селе. Выде-

лять дополнительные средства на повышение субсидий для погашения процентов по наибольшим гарантированным кредитам и расширение поддержки такого кредитования.

– Посредством ускорения строительства инфраструктуры общественного обслуживания для средних и малых предприятий и расширения каналов аккумуляции средств создавать благоприятную среду для их развития.

– Продолжать реализацию политики льготного подоходного налогообложения для части малых низко rentабельных предприятий в целях поддержания развития малых и средних предприятий. Реализовать налоговые льготы, способствующие сокращению энергозатрат и вредных выбросов, охране окружающей среды и увеличению занятости.

– Расширять политику поощрения самостоятельного предпринимательства, налаживать работу по оказанию помощи в трудоустройстве, профессиональной подготовке, повышении квалификации и обучении организации бизнеса выпускников вузов, мигрирующей сельской рабочей силы и тех категорий городского населения, которым сложно найти работу, а также военнослужащих, вышедших в запас¹¹.

1. Mail.ru-http://polpred.com/?ns=18ns_id=283784www.russian.china.org. 20.01.2011 № 283784; Чжунго тунцзи чжайяо — 2011. Пекин, 2011. С. 45.
2. <http://russian.people.com.cn/31518/7060384.html>.
3. http://www.stats.gov.cn/tjafx/jafx/t20110503_4027228855.htm.
4. Жэньминь жибао. 2011. 16 марта.
5. Жэньминь жибао. 2005. 25 февр.
6. Жэньминь жибао. 2010. 15 мая.
7. http://www.gov.cn/zwqk/2010-07/26/content_1663933.htm.
8. http://uabanker.net.daily//2010/05/05/410_0910.shtml.
9. Жэньминь жибао. 2011. 28 апр.
10. Жэньминь жибао. 1987. 19 авг.
11. Жэньминь жибао. 2011. 16. 18 марта.

Экономика

Шэньчжэнь: история успеха

В. Портяков

Анализируется тридцатилетнее развитие Шэньчжэня — одного из наиболее известных символов китайской политики модернизации, экономических реформ и внешнеэкономической открытости. Выделены три этапа этого процесса. На период 1980–1991 гг. пришлось становление специальной экономической зоны Шэньчжэнь. В 1992–2002 гг. Шэньчжэнь играл роль общекитайского авангарда в углублении рыночных преобразований и освоении страной функций «мировой фабрики». В 2003–2010 гг. на первые роли вышли инновационная и интеграционная функции Шэньчжэня.

Ключевые слова: специальная экономическая зона, Шэньчжэнь, внешнеэкономическая открытость, инновационная модель развития, интеграция с Гонконгом.

Феномен Шэньчжэня относится к числу наиболее известных в мире символов успеха китайской политики модернизации, экономических реформ и внешнеэкономической открытости. Небольшой поселок близ Гонконга с населением всего в несколько десятков тысяч человек превратился в мегаполис, занимающий четвертое место в стране (после Шанхая, Пекина и Гуанчжоу) по объему валового регионального продукта и второе, несомненно уступая Шанхаю, по объему внешней торговли¹. За три десятилетия объем ВВП Шэньчжэня вырос в 979 раз, а экспорта — в 339 раз. ВВП на душу населения в Шэньчжэне достиг 13,6 тыс. долл. США² при среднекитайском показателе за 2009 г. порядка 3700 долл. Столь высокие темпы экономического роста, безусловно, стали одной из очевидных особенностей развития Шэньчжэня, породившей уже в середине 1980-х гг. выражение «шэньчжэньские темпы», или «шэньчжэньская скорость».

Однако Шэньчжэнь прославился не только темпами роста, но в первую очередь тем, что на протяжении вот уже более 30 лет играет роль первопробной, экспериментальной площадки на ключевых направлениях политики реформ и внешнеэкономической открытости Китая. Отдельного упоминания заслуживает также роль Шэньчжэня в поиске магистрального пути строительства социализма с китайской спецификой в целом, в апробации важных элементов административной реформы, в получении Китаем статуса «мировой фабрики», а в последние годы — в деле реализации в КНР концепций «гармоничного общества» и «инновационного государства». Не слишком афинируемой, но абсолютно незаменимой оказалась роль Шэньчжэня в создании благоприятной среды для

возвращения Гонконга в 1997 г. под юрисдикцию Китая в качестве Особого административного района КНР.

Именно по приоритетности тех или иных общегосударственных функций, выполнявшихся Шэньчжэнем в разное время, уместно проводить периодизацию его развития. Здесь выделяются три крупных этапа.

Период 1980–1991 гг. можно охарактеризовать как этап становления специальной экономической зоны Шэньчжэнь и строительства Шэньчжэня как крупного современного города. Главными функциями Шэньчжэня на этом этапе являлись обретение общезначимого опыта широко понимаемых внешнеэкономических связей и отработка рыночных принципов организации экономической жизни. Доминантами периода 1992–2002 гг. явились: углубление рыночных преобразований в экономике, авангардная роль в освоении Китая функций «мировой фабрики», отработка модели «управления страной на основе закона». В период 2003–2010 гг. на первое место выдвигаются инновационная и интеграционная — по отношению к Гонконгу — функции Шэньчжэня.

Период 1980–1991 гг.

Хорошо известно, что официальный старт политике модернизации, реформ и внешнеэкономической открытости КНР дал 3-й пленум ЦК КПК 11-го созыва, проведенный в декабре 1978 г. и провозгласивший «поворот центра тяжести политики всей партии и всей страны на экономическое строительство»³.

Решения 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва продемонстрировали ясное понимание китайским руководством того обстоятельства, что одной из причин неуклонно нараставшего отставания Китая от развитых стран явилась доведенная до абсурда политика «опоры на собственные силы». Лидеры Китая, провозгласив поворот от прежнего полужизнищадничества к политике открытости, взяли курс на самое активное использование внешнеэкономических связей для получения необходимых стране инвестиций, управленческого опыта, передовой техники и технологии, рынков сбыта.

Поворот Китая к диверсифицированным формам внешнеэкономических связей создал необходимые и достаточные условия для реализации такого его уникального преимущества, как наличие в мире весьма состоятельной китайской диаспоры. Ее собственный интерес к освоению новых форм и методов взаимодействия с экономикой КНР не в последнюю очередь был продиктован структурной перестройкой в Гонконге и Восточной Азии в целом, требовавшей ускоренного освобождения от части «отживших свое» производств (текстиль, одежда, продовольствие, несложная бытовая техника), в т.ч. и путем их выноса за национальные границы. В обмен Китай получал дополнительные каналы трудоустройства, практически бесплатное налаживание почти отсутствовавшего у него производства ряда потребительских товаров длительного пользования (магнитофоны, телевизоры, стиральные машины и т.п.), да плюс к этому, как вскоре выяснилось, очаги спонтанного роста экономики и естественного освоения рыночных принципов хозяйствования.

Особо значимое место в расширении масштабов взаимодействия экономики КНР с мировым хозяйством принадлежит специальным экономическим зонам «первой волны», ставшим общепризнанным символом китайской политики открытости.

Принципиальное решение о создании специальных экономических зон было принято ЦК КПК в июле 1979 г. по инициативе Дэн Сяопина, впервые высказанной в апреле 1979 г. на рабочем совещании ЦК КПК. С сентября 1979 г. началась подготовительная работа по созданию зон Шэньчжэнь и Чжухай, а позднее и Шаньтоу. Датой официального учреждения СЭЗ считается 26 августа 1980 г., когда Постоянный комитет Всекитайского собрания народных представителей утвердил «Положение о специальных эко-

номических зонах провинции Гуандун». В октябре 1980 г. с санкции Госсовета КНР в пров. Фуцзянь была создана СЭЗ Сямэнь.

Как декларировали в Китае, «теоретической основой» учреждения СЭЗ в КНР явились положения В.И. Ленина о возможности использования государственного капитализма для экономического развития социалистической страны и суждения К. Маркса и Ф. Энгельса об интернационализации производства и формировании мирового рынка, «полностью применимые к социалистическому Китаю 80-х годов XX века». На практике в КНР внимательно изучался и мировой опыт «зон свободной торговли», «свободных портов» и «районов экспортной переработки продукции».

В июле 1981 г. ЦК КПК и Госсовет КНР приняли решение развивать Шэньчжэнь (площадь 327,6 кв. км) и Чжухай (начальная площадь 6,7 кв. км) в качестве комплексных СЭЗ, а Сямэнь (начальная площадь 2,5 кв. км) и Шаньтоу (1,67 кв. км) главным образом как зоны экспортной переработки.

Первоначальная цель создания СЭЗ состояла в более активном привлечении в экономику КНР средств из-за рубежа, прежде всего инвестиций китайских соотечественников из Гонконга и Макао, расширении экспорта, увеличении валютных доходов, заимствовании передовой техники и методов управления, пополнения Китаем опыта международного экономического сотрудничества в целом. Поскольку в ходе практической деятельности специальные экономические зоны продемонстрировали способность осваивать новую информацию о мировом рынке и быстро распространять ее внутри страны, то они начали рассматриваться и как «опорный пункт», «мост для проникновения Китая на мировой рынок». С другой стороны, освоение в СЭЗ производства некоторых самых современных видов продукции породило в Китае надежды на превращение их в базу новых отраслей промышленности и даже в «ступень, стимулирующую технический прогресс и во внутренних районах Китая».

В начале 1984 г. с целью инспекции хода создания СЭЗ в Гуандуне и Фуцзяни побывал Дэн Сяопин. Он всецело одобрил деятельность специальных экономических зон и охарактеризовал их как «окно техники, знаний, управления, внешней политики»¹. Под последним имелся в виду демонстрационный эффект специальных экономических зон, позволявший внешнему миру на их примере уяснить суть проводимой в Китае политики реформ и открытости.

В первой половине 1980-х гг. были заложены законодательные основы функционирования СЭЗ, создана первичная коммунальная и промышленная инфраструктура, шла активная отработка практических вопросов привлечения иностранного капитала — принципов и схем льготного налогообложения, землепользования, упрощенной процедуры создания предприятий с иностранными инвестициями.

Законодательно вопросы деятельности СЭЗ регулировались рядом общекитайских законов — о смешанных предприятиях, основанных на китайском и иностранном капитале, а в дальнейшем также и законами о предприятиях, полностью основанных на иностранном капитале, и о контрактных предприятиях с участием иностранного капитала. В то же время изначально был взят курс на разработку для СЭЗ специального законодательства. В частности, были приняты такие юридические акты, как временные положения провинции Гуандун о регистрации предприятий в СЭЗ, о правилах въезда и выезда для СЭЗ, о труде и заработной плате в СЭЗ, утвержденное Госсоветом КНР положение об управлении смешанными и иностранными банками в специальных экономических зонах КНР, положения СЭЗ Шэньчжэнь о правилах землепользования, об экономических контрактах с границей, об импорте техники.

В соответствии с идеей Чжао Цзыяна, бывшего в первой половине 1980-х гг. премьером Госсовета КНР, — «использовать притягательность налоговой системы... для иностранного капитала», — китайское законодательство установило подходящий налог для всех видов предприятий с участием иностранного капитала в СЭЗ в размере 15%;

они были освобождены от местных налогов на прибыль (на большей части территории страны ставка налогообложения составляла 33%). Импорт (за исключением спиртных напитков и сигарет) и экспорт СЭЗ осуществлялись беспондинно. Дополнительные льготы предоставлялись предприятиям с объемом иностранных инвестиций свыше 5 млн долл., предприятиям, применяющим новейшую технику и технологию, а также при использовании для производства продукции на экспорт китайского оборудования и сырья, при реинвестировании прибыли на месте. На период 1982–1985 гг. предусматривалась 30–50-процентная скидка в плате за аренду земли в СЭЗ Шэньчжэнь, определенной с учетом соответствующих расценок в Гонконге и варьировавшейся от 10 до 100 юаней за квадратный метр в зависимости от характера объекта. Установленные правила землепользования давали определенные выгоды китайской стороне, поскольку право пользования землей было превращено ею в «материализованный капитал». Так, в смешанных предприятиях плата, причитающаяся китайской стороне за использование земли иностранным партнером, выступала как часть ее денежного пая, а в договорных предприятиях земля (оцененная в деньгах в зависимости от местоположения участка) являлась непосредственным «овеществленным» капиталом китайской стороны, соединяемым с денежным капиталом или техникой (до 20% паевого капитала) иностранного предпринимателя. В чистом виде арендная плата взималась фактически лишь с предприятий, полностью основанных на иностранном капитале. В целом введенные правила налогообложения и землепользования позволяли китайской стороне получать 70% налогов и прибыли при 50-процентной доле иностранного капитала в совместном предприятии.

В предреформенный период уезд Баоань, где находился Шэньчжэнь, представлял собой классический пример отсталого района с преобладанием сельского хозяйства. В 1979 г. из 310 тыс. чел., проживавших в уезде, сельское население составляло 257 тыс. чел., а из 175 млн юаней совокупной продукции сельского хозяйства и промышленности на сельское хозяйство приходилось около 115 млн, а на промышленность — примерно 60 млн юаней. Поэтому на начальном этапе создания СЭЗ Шэньчжэнь первоочередная задача заключалась в подготовке площадок под промышленное строительство и в инфраструктурном обеспечении территории, включая строительство морского порта в Шэкоу — районе Шэньчжэня, сооружении линий электропередач, водопровода, шоссеиных дорог. Параллельно налаживалось экспортное производство с привлечением иностранных средств в таких простейших формах, как компенсационные сделки, сборочные производства, изготовление изделий из материалов и по образцам заказчика. В период 1979–1982 гг. более 90% привлеченного Шэньчжэнем гонконгского капитала составляли небольшие инвестиции в вышеперечисленных формах. Однако развертывание капитального строительства и налаживание инфраструктуры предопределило постепенное повышение доли инвестиций в промышленные объекты: с 8% в 1979–1982 гг. до 39% в 1983 г. и 35% в 1984 г. Общий объем фактически использованных иностранных средств неуклонно рос: в 1979 г. 120 млн гонконгских долл., в 1980 г. — 250 млн, в 1981 г. — 590 млн, в 1984 г. — 1,7 млрд гонконгских долл.⁵ На конец 1984 г. объем фактически использованных в Шэньчжэне иностранных инвестиций составил 580 млн ам. долл. В 1984 г. предприятия с участием иностранного капитала дали половину промышленного производства зоны, составившего 1,6 млрд юаней.

Для СЭЗ Шэньчжэнь оказалось характерно комплексное развитие, включавшее туризм, международную торговлю, промышленность, подготовку кадров, обслуживание разработки месторождений нефти в Южно-Китайском море, выполнение транспортно-логистических функций. Это обусловило динамичное изменение структуры национального дохода СЭЗ при высокой динамике роста его объема. Если в 1979 г. доля промышленности в местном национальном доходе (70,6 млн юаней) составила 11,9%, строительства 19,2% и сельского хозяйства 40,8%, то в 1984 г. доля промышленности в национальном доходе (1,25 млрд юаней) выросла до 29,3%, строительства — до 33,7%, а доля сель-

ского хозяйства снизилась до 3,3%⁶. Происходили определенные изменения и в структуре вводимых в эксплуатацию промышленных предприятий, количество которых к концу 1984 г. превысило 600. Хотя не менее половины из них составляли предприятия трудоемкого профиля, стало мало-помалу расти число предприятий, оснащаемых передовым оборудованием. Появились и первые предприятия, производящие высокотехнологичную продукцию.

К концу 1985 г. в Шэньчжэне и трех других СЭЗ было освоено 7,63 млрд юаней инвестиций, развернуты строительные работы на площади 60 кв. км, утверждено создание 1665 предприятий с участием иностранного капитала. Объем фактически использованных иностранных средств достиг суммарно 1,17 млрд долл.⁷

Специальные экономические зоны не только дали Китаю возможность в сжатые сроки приобрести опыт многообразного по формам взаимодействия с мировым рынком и зарубежными деловыми кругами, но и стимулировали крупномасштабную перестройку всей организации внешнеэкономической деятельности. С учетом примера и с использованием конкретного опыта СЭЗ в КНР были учреждены такие ареалы внешнеэкономической открытости, как зоны технико-экономического развития, открытые приморские города и открытые приморские районы, открытые города на реке Янцзы, а в дальнейшем — и открытые приграничные города и уезды и зоны беспешинной торговли. В 1988 г. статус СЭЗ получил остров Хайнань, выделенный в самостоятельную провинцию. Параллельно СЭЗ первой волны широко использовались при создании комплексной зоны внешнеэкономической открытости Пудун в Шанхае.

В 1980-е гг. весьма существенной оказалась и роль СЭЗ, особенно Шэньчжэня, как авангарда и экспериментальной площадки экономических реформ в КНР.

Опора СЭЗ на «смелую реформу экономической системы и методов управления» изначально выступала необходимым условием реализации поставленных перед ними задач. В связи с этим в Шэньчжэне уже в 1981 г. начал проводиться комплекс реформ в сфере управления, включая разделение административных, партийных и хозяйственных органов, предоставление предприятиям достаточно широких прав во внешнеэкономической деятельности, производстве и сбыте продукции. Главным принципом функционирования экономики зон было провозглашено рыночное регулирование.

Особый интерес представлял опыт Шэньчжэня в реформе системы труда, заработной платы, цен и ценообразования. Здесь практиковался контрактный найм новых рабочих. Набираемый персонал сначала подписывал с предприятием опытный контракт на полгода, а затем, при согласии обеих сторон, и официальный контракт, определявший взаимные обязанности предприятия и рабочих и служащих. Предприятие имело право увольнять не соответствующий требованиям контракта персонал. Позже конкретный найм рабочих стал широко применяться по всему Китаю.

На начальном этапе создания зоны в области заработной платы действовал принцип «ниже, чем в Гонконге, выше, чем во внутренних районах страны». При этом фактический доход рабочих и служащих складывался из сравнительно низкой заработной платы и многочисленных надбавок, в сумме превышавших основную зарплату (за проживание в пограничном районе, на транспортные расходы, на квартиру, на оплату воды и электроэнергии, на лечение членов семей и т.д.). Первым шагом реформы зарплаты явилось включение надбавок в основную зарплату и переход к самостоятельной оплате рабочими и служащими всех бытовых услуг. Данная система действовала с 1981 г. по октябрь 1983 г., а затем началась и всесторонняя реформа заработной платы, т.е. переход к ее разделению на твердую и колеблющуюся составные части. Зарплата на всех предприятиях стала включать следующие элементы: основная зарплата (прежняя зарплата по разрядам); зарплата за пост или должность; колеблющаяся зарплата, зависящая от итогов хозяйственной деятельности предприятия и трудового вклада самого работника и, наконец, надбавка за пограничный район (15 юаней) и действовавшая с декабря 1979 г. по

всей стране надбавка в 5 юаней ежемесячно за повышение розничных цен на некоторые виды продовольствия. По итогам первого квартала 1984 г. в промышленном районе Шэкоу СЭЗ Шэньчжэнь среднемесячная заработная плата составила 193,76 юаня (по КНР в среднем в 1984 г. 80 юаней), в т.ч. основная зарплата 30,5%, за трудовые посты и должность 37,2%, колеблющаяся зарплата 22% и надбавки 10,3%.

Главными элементами реформы системы цен в Шэньчжэне явились, во-первых, передача прав установления цен на большинство товаров непосредственно предприятиям и компаниям и, во-вторых, существенное расширение сферы действия колеблющихся и свободных цен как на предметы потребления, прежде всего, продовольствие, так и на средства производства. К концу 1984 г. единые цены действовали на железнодорожные, морские, авиационные транспортные перевозки, почтово-телеграфные услуги, плату за жилье, воду, электроэнергию, медицинское обслуживание, городской транспорт, обучение. По плановым ценам продавалась и централизованно распределяемая для Шэньчжэня часть материальных ресурсов (порядка 25% общего объема необходимых ресурсов). 75% главных видов средств производства в зоне закупалось по колеблющимся ценам. С 1 ноября 1984 г. в Шэньчжэне были введены свободные цены на овощи и верхние «ограничительные» цены на зерно и зернопродукты, растительное масло, свинину при отмене нормированного снабжения ими (например, на растительное масло вместо прежней преysкурантной цены в 1,86 юаня за килограмм была введена верхняя «ограничительная» цена в 3,6 юаня). На три года сохранялись провинциальные дотации к розничным ценам на зерно, а дотации к ценам на другие виды продовольствия были отменены.

Одной из наиболее сложных в деятельности СЭЗ на первых порах явилась проблема обеспечения нормального денежного обращения. Неконвертируемость юаня предопределила стремление иностранных инвесторов вкладывать деньги в СЭЗ не в виде непосредственно валютных средств, а в форме поставок оборудования, сырья и полуфабрикатов. Трудности с конвертацией прибыли, получаемой в жэньминьби, в твердую валюту стимулировали широкое хождение в Шэньчжэне гонконгского доллара и валютных сертификатов, эмиссия которых началась в Китае в 1980 г. и предназначалась почти исключительно для иностранцев (см. Табл. 1).

Таблица 1.

Доли различных валют в структуре денежного обращения в Шэньчжэне (1981–1984 гг., процентов)

Год	Жэньминьби	Валютные сертификаты	Гонконгский доллар
1981	75,1	19,6	5,2
1982	63,6	22,2	13,2
1983	53,1	16,2	30,7
1984	45,5	9,5	45,0

Источник: Мао Лянь, Чэнь Юнминь. Дэн Сяопин цзинцзи тэцуй сысян яньцзю [Изучение идей Дэн Сяопина о специальных экономических зонах]. Сямэнь, 1995. С. 261.

Как следствие, в сфере денежного обращения в Шэньчжэне возник ряд негативных явлений: вытеснение из оборота жэньминьби и ее обесценение по отношению к твердым валютам, широкое распространение черного рынка валют.

В декабре 1985 г. в Шэньчжэне был создан центр валютного регулирования, обеспечивший более или менее нормальное функционирование СЭЗ в условиях дисбаланса ее валютных доходов и расходов и, что немаловажно, позволивший накопить опыт для общей реформы системы валютного регулирования в стране.

Успех преобразований в Шэньчжэне побудил китайское руководство поставить перед СЭЗ новую задачу: «искать путь для социалистического экономического строительства и реформы хозяйственного механизма всей страны»⁸.

Во второй половине 1980-х гг. СЭЗ закрепили за собой функцию общекитайского авангарда экономической реформы.

Под лозунгом «научить СЭЗ играть в мяч по международным правилам» в Шэньчжэне в 1986–1988 гг. был проведен ряд достаточно радикальных экспериментов. Была введена более гибкая по сравнению с общекитайской система управления учетной ставкой, допускавшая отклонение банковского процента по депозитам вверх и вниз от базовой ставки центрального банка, а по кредитам — вниз от нее. Кроме того, в Шэньчжэне был создан первый в стране паевой коммерческий банк с участием государства, предприятий и частных лиц (Банк развития Шэньчжэня) и первый банк, учрежденный консорциумом предприятий (Чжаошан). Учреждение в Шэньчжэне одной из первых в Китае инвестиционных компаний позволило начать поиск путей разделения функций административного управления, осуществляемого правительством, и управления государственным имуществом, реализуемого через специально создаваемые для этих целей институты. Также начались широкие эксперименты по акционированию государственных предприятий, созданию фондового рынка, реформе жилищной системы и системы землепользования с передачей иностранным инвесторам права пользования землей в аренду на длительные сроки.

Экономические реформы позволили сохранить высокую динамику роста объемов промышленного производства и внешнеэкономических связей СЭЗ. Усилилось и их экономическое взаимодействие с внутренними районами страны за счет развития горизонтальных хозяйственных связей.

За 1986–1988 гг. объем фактически использованных в четырех специальных экономических зонах прямых иностранных инвестиций составил 2,73 млрд долл. — в 2,7 раза больше, чем за пять предшествующих лет. Объем промышленного производства СЭЗ с 11,75 млрд юаней в 1986 г. вырос до почти 26 млрд юаней в 1988 г. (в постоянных ценах 1980 г.). На базе развития промышленного производства, значительную долю которого давали предприятия с иностранными инвестициями (в 1988 г. в Шэньчжэне и Шаньютоу более 60%, в Сямэне 41%, в Чжухае 25%), экспорт СЭЗ в 1989 г. удалось довести до 3,48 млрд долл., т.е. увеличить примерно вчетверо по сравнению с 1985 г.⁹

Особенно быстро росли масштабы внешнеэкономической деятельности СЭЗ Шэньчжэнь, объем внешней торговли которой за 1986–1989 гг. удвоился и достиг 3,75 млрд долл. (см. Табл. 2).

Таблица 2.

Внешнеэкономические связи СЭЗ Шэньчжэнь в 1986–1989 гг. (млн долл.)

	1986	1987	1988	1989
Внешняя торговля	1847	2558	3442	3752
экспорт	726	1414	1849	2174
импорт	1121	1144	1593	1578
Использование иностранных инвестиций	365	274	444	450

Составлено по данным «Экономических ежегодников Китая» за 1987–1990 гг.

Курс «оздоровления и упорядочения экономики», последовавший за Тяньаньмэньскими событиями лета 1989 г. и проводившийся в Китае в период 1989–1991 гг., в известной мере затронул и специальные экономические зоны. Здесь, как и по всей стране, имела место проверка деятельности и частичная ликвидация многочисленных компаний и объединений, возникших в 1986–1987 гг. на месте прежних административных органов под официальным прикрытием линии на разделение административных и хозяйственных функций. Рабочее совещание Госсовета по деятельности СЭЗ в феврале 1990 г. ориентировало зоны на сосредоточение привлекаемых инвестиций на развитие инфра-

структуры, экспортного и технически сложного производства, а также на укрепление собственной сырьевой и компонентной (для сборки электронных изделий) базы. Перед зонами была поставлена задача переходить от ориентации на высокие темпы развития к ориентации на эффективность, понимаемую как наращивание производства наукоемкой продукции с хорошей конкурентоспособностью на мировых рынках.

В целом в начале 1990-х гг. специальные экономические зоны представляли собой уже не просто районы проведения различных экспериментов по переводу системы хозяйствования на рыночные рельсы, не только «площадку» отработки тех или иных инноваций в сфере внешнеэкономической открытости Китая, а принципиально важную и весомую составную часть внешнеэкономического комплекса КНР, один из важнейших и наиболее «нормативно» функционирующих узлов связи экономики Китая с мировым хозяйством, рынка внутреннего с рынком внешним.

Особенно впечатляли результаты развития в Шэньчжэне, валовой внутренний продукт которого в 1992 г. увеличился в 144 раза по сравнению с 1979 г.

Количество промышленных предприятий в Шэньчжэне увеличилось с 244 в 1979 г. до 4 тыс. в 1992 г., при этом номенклатура производимой продукции достигла 3500 наименований, а экспортируемой — свыше 1000 наименований. По уровню экспорта — 6,6 млрд долл. в 1992 г. — Шэньчжэнь вышел на второе место среди городов Китая, уступая лишь Шанхаю. Объем фактически использованных Шэньчжэнем иностранных инвестиций достиг 4,3 млрд долл. — 14% от общекитайского показателя.

При этом 60% экспорта и 72% промышленного производства дали предприятия с участием иностранных инвесторов. За годы существования СЭЗ Шэньчжэнь туда были ввезены 12 тыс. комплектов производственного оборудования стоимостью свыше 50 тыс. долл. США, в т.ч. 20% — передового мирового уровня.

Рост города — а постоянное население Шэньчжэня к началу 1990-х гг. достигло 600 тыс. чел. — потребовал реорганизации административного устройства территории. В 1992 г. по решению Госсовета КНР уезд Баоань был ликвидирован. Его территория была разделена на два района, вошедшие в состав города. 45 тыс. крестьян, проживавших здесь, получили статус горожан¹⁰.

Период 1992–2002 гг.

Новый импульс специальным экономическим зонам дали требования Дэн Сяопина ускорить их развитие, высказанные им в ходе поездки в Шэньчжэнь и Чжухай в январе 1992 г. Особый акцент архитектор китайских реформ сделал на успешности политики открытости и ее полном соответствии главной для страны задаче — раскрепощению и развитию производительных сил. Заявив о необходимости создавать еще больше предприятий с участием иностранного капитала и заимствовать у развитых стран все полезное для Китая (например, акции), Дэн Сяопин высказал предположение, что провинция Гуандун в течение 20 лет сможет достичь уровня «четырех азиатских драконов» (Тайвань, Южная Корея, Сингапур, Гонконг). Тем самым СЭЗ получили не только своеобразную «политическую индульгенцию», но и ориентиры долгосрочного развития.

В Шэньчжэне была поставлена задача в течение двух десятилетий приблизиться по объему ВВП к Сингапуру, по уровню городской инфраструктуры и управления — к уровню Сингапура и Гонконга, по уровню науки и техники — превзойти Сингапур и Южную Корею. В целом намечалось превратить Шэньчжэнь в многофункциональный интернациональный город Азиатско-Тихоокеанского региона с развивающимися финансами, торговлей, транспортной, информационной сферой, туризмом, высокотехнологичными разработками и современной рыночной экономикой. На первом этапе, до 2000 г. ВВП намечалось увеличить до 90 млрд юаней при среднегодовом приросте 20%. В период 2001–2012 гг. ВВП предполагалось увеличить до 280 млрд юаней при среднегодовом

приросте 12%. При этом по среднему душу ВВП Шэньчжэнь должен был бы опередить Тайвань и Южную Корею и приблизиться к Сингапуру и Гонконгу. Главные пути реализации этой стратегии выдвинулись в опережающем развитии науки и техники и переходе к высокотехнологичному типу развития, в укреплении экспортноориентированной промышленной базы и освоении широкой гаммы современных услуг, включая информатику, рынок ценных бумаг, банковские операции¹¹.

Принципиально важное значение имело предоставление собранию народных представителей Шэньчжэня и его постоянному комитету права принятия законодательных актов. Соответствующее решение 1 июля 1992 г. по представлению Госсовета КНР утвердил Постоянный комитет Всекитайского собрания народных представителей 7-го созыва. С этого момента юридическая база развития Шэньчжэня стала обретать все более детальный и комплексный характер. Эта практика не только обеспечила оперативное решение проблем самого города, но и послужила, по сути дела, общекитайским экспериментом в деле пропаганды и внедрения принципа «управления страной по основе закона», занявшего видное место в политической платформе Цзян Цзэминя — руководителя КНР периода 1990-х — начала 2000-х гг.

В 1992–1994 гг. собрание народных представителей Шэньчжэня приняло 29 законодательных актов. В основном они имели целью приспособить к местной специфике базовые общегосударственные акты. В частности, были приняты положения о товариществах (включая товарищества с ограниченной ответственностью), о паевых компаниях, о кооперативных паевых компаниях, о коллективных рынках продукции сельского хозяйства и подсобных промыслов, об аукционной распродаже имущества, об использовании трудовых услуг (регулирующее найм работников, не являющихся жителями Шэньчжэня), о трансфере и регистрации недвижимого имущества, о пресечении незаконных действий в виде производства и реализации фальшивых товаров, об аренде помещений, об управлении культурным рынком в Шэньчжэне.

Учреждение в Шэньчжэне в 1991 г. второй китайской биржи ценных бумаг — первая была открыта в 1990 г. в Шанхае — пришлось на время решительного перехода экономики страны на рыночные принципы хозяйствования, почву для которых, кстати говоря, готовили эксперименты 1980-х гг. в самом этом городе. В данном контексте вполне естественно, что одной из доминант экономической жизни Шэньчжэня в 1990-е гг. явилось становление рынка акций. Если в 1991 г. на Шэньчжэньской бирже котировались всего 6 видов акций, то затем их количество из года в год стабильно и довольно динамично росло: 24 вида в 1992 г., 77 — в 1993 г., 120 — в 1994 г., 135 — в 1995 г., 237 — в 1996 г., 362 — в 1997 г., 413 — в 1998 г., 465 — в 1999 г.¹² Биржа ценных бумаг в Шэньчжэне изначально задумывалась как преимущественно биржа акций. Высокий спрос населения на акции обусловил быстрый рост объема торговли ими в первой половине 1990-х гг. — с 4,3 млрд юаней в 1992 г. до 128 млрд в 1993 г. и 239 млрд юаней в 1994 г.¹³ В 2000 г. он вырос почти до 3 трлн юаней.

Но по объему торговли акциями Шэньчжэнь поначалу вполне успешно конкурировал с Шанхаем, но затем стал уступать. Здесь сказалось то обстоятельство, что часть действовавших и потенциальных клиентов Шэньчжэньской биржи ценных бумаг оттянул на себя Гонконг, на бирже которого после 1 июля 1997 г., т.е. после возвращения под юрисдикцию КНР, стали размещать свои акции некоторые крупные «материковые» компании. Тем не менее, Шэньчжэньская биржа сохранила свои сильные стороны, и именно здесь уже в первом десятилетии XXI в. были учреждены площадки для торговли, соответственно, акциями малых и средних предприятий и высокотехнологичных компаний.

Одной из важнейших особенностей функционирования СЭЗ Шэньчжэнь в 1990-е гг. явилось опережающее развитие в ее рамках зон беспошлинной торговли, призванное обеспечить максимально эффективную стыковку СЭЗ с мировым рынком.

Так, на развитие беспошлинной зоны Футянь в Шэньчжэне площадью 1,35 км² отводилось всего два года. Призванная всемерно облегчить процесс экономической интеграции Гонконга с Китаем, зона Футянь была связана с Гонконгом специальной транспортной развязкой, позволившей грузовому автотранспорту курсировать между нею и Гонконгом без заезда в Шэньчжэнь. 70–80% земли в Футяни передано в аренду на длительные сроки с целью освоения и комплексной застройки участков. Стоимость права пользования землей на 50 лет под промышленные объекты составила 2350 гонконгских долларов за 1 м² (порядка 280–300 ам. долл.), под склады — 3 тыс. гонконгских долларов и под торговые объекты — 2800 долл. По окончании срока аренды территория с возведенными на ней постройками должна остояти в собственности КНР. По утверждению администрации Футяня, это не пугает иностранных инвесторов, поскольку срок окупаемости всех первоначальных затрат не превышает 7–8 лет.

В создании зон беспошлинной торговли Китай учел мировой опыт функционирования подобных зон. Их особенностями являются: изъятие из общего таможенного режима страны (завозимые в зону товары освобождаются от таможенных пошлин и лицензирования), продвинутые налоговые льготы (в частности, перерабатывающие предприятия в первые два года освобождаются от налогов, в последующие три года платят половинный налог, затем — 15%, как в СЭЗ в целом), свободное обращение валюты, включая вывоз валютной выручки.

Зоны беспошлинной торговли Шэньчжэня — кроме Футяни, это Шатоуцзяо и Яньтянь — в настоящее время являются одними из крупнейших в стране, уступая лишь аналогичной зоне Вайгаоцзяо в Шанхае. В 2009 г. объем торговли трех этих зон превысил 35 млрд. долл. и составил более четверти всей внешней торговли СЭЗ Шэньчжэнь, в т.ч. треть ее импорта¹⁴. В целом в развитие СЭЗ Шэньчжэнь и всего Шэньчжэня в 1990-е гг. выглядит достаточно успешным (см. табл. 3).

Таблица 3.

Развитие г. Шэньчжэнь в 1990-е годы

Годы	Валовой региональный продукт, млрд. юаней	Внешняя торговля, млн долл.			Прямые иностранные инвестиции, млн долл.
		Оборот	Экспорт	Импорт	
1991	13.18	5967	3446	2521	399
1992	28.43	7977	5097	2880	451
1993		10 500			
1994	56.0	34 983	18 309	16 674	
1995	79.6	38 158	20 811	17 947	1300
1996		38 770	20 540	18 230	
1997		45 017	25 620	19 397	
1998	128.9	45 277	26 398	18 879	1663
1999	143.65	50 428	28 208	22 219	1778

Источник: Составлено по данным экономических и статистических ежегодников Китая за различные годы и «Белой книги по внешнеэкономическим связям и внешней торговле Китая» за 1997 г.

Объем валового регионального продукта города в 1999 г. превысил 143 млрд юаней — шестое место среди крупных и средних городов Китая. В 2000 г. Шэньчжэнь вышел по этому показателю уже на 4-е место в стране — 166,5 млрд юаней.

В городе функционировали 12 тыс. предприятий с участием иностранного капитала из 66 стран. Они давали около 80% объема промышленного производства (в 1999 г. — 165,2 млрд юаней из 207,9 млрд, в 2000 г. — 200,9 млрд из 251,7 млрд юаней).

Производство высокотехнологичной продукции в 2000 г. составило 106,4 млрд юаней — более 42% общего промышленного производства. В 1999–2000 гг. Шэньчжэнь вышел на уровень производства более 9 млн штук фотоаппаратов, свыше 8 млн. штук цветных телевизоров и 800 тыс. штук персональных компьютеров в год. В городе в 1999 г. была проведена первая всекитайская ярмарка научно-технических достижений, которая стала регулярной.

К началу столетия фактическое население Шэньчжэня перевалило планку в 4 млн чел. — 3,94 млн в 1998 г., 4,05 млн в 1999 г. и 4,33 млн человек в 2000 г.¹⁵

Объем внешней торговли Шэньчжэня вырос на порядок — с 6 млрд. долл. в 1991 г. до 64 млрд долл. в 2000 г. Ежегодный объем использованных прямых иностранных инвестиций, составлявший несколько сот миллионов долларов в начале десятилетия, вплотную подошел к двухмиллиардному рубежу.

Тем не менее, азиатский финансовый кризис оказал определенное негативное воздействие на Шэньчжэнь, в том числе и косвенно, через те трудности, которые в 1997–2002 гг. пришлось преодолевать Гонконгу. Сказалось и то обстоятельство, что со вступлением КНР во Всемирную торговую организацию в 2001 г. резко снизилась посредническая роль Гонконга в экономических связях Китая с внешним миром. Это, разумеется, затронуло и теснейшим образом связанный с Гонконгом Шэньчжэнь. У жителей города возникло ощущение, что «дух реформ» исчез из города. В концентрированном виде подобные настроения отразились в материале «Шэньчжэнь, кто покинул тебя», опубликованном в ноябре 2002 г. и буквально всколыхнувшем весь город. Пессимистические настроения углубила эпидемия атипичной пневмонии, начавшаяся в первые месяцы 2003 г. в Гуандуне и довольно серьезно затронувшая Гонконг, а следовательно, и Шэньчжэнь. С учетом всего этого Шэньчжэню в период правления Ху Цзиньтао пришлось взять своего рода новый старт.

Период 2003–2010 гг.

Алгоритм развития Шэньчжэня в первом десятилетии XXI в. оказался в значительной мере задан высказываниями Ху Цзиньтао в ходе его инспекционной поездки в город 11–12 апреля 2003 г. Новый лидер страны призвал сделать развитие Шэньчжэня более скоординированным и обратить особое внимание на наращивание его преимуществ в сфере новаторства¹⁶. Эти идеи Ху Цзиньтао были поддержаны и развиты премьером Госсовета КНР Вэнь Цзябао, который во время пребывания в Шэньчжэне в сентябре 2005 г. указал на необходимость проведения в городе комплексной реформы, призванной накопить опыт для важных институциональных реформ в Китае в целом. Вэнь Цзябао подчеркнул также, что на современном этапе главной специфической особенностью Шэньчжэня становится его особая способность к новаторству¹⁷.

Местная администрация отреагировала на установки лидеров принятием двух специальных документов, призванных ускорить развитие высокотехнологичных отраслей в городе. В январе 2004 г. партком и правительство Шэньчжэня приняли «Решение о совершенствовании системы новаторства и стимулирования устойчивого быстрого развития новых и высоких технологий». А в самом начале 2006 г. было обнародовано «Решение о реализации стратегии самостоятельного новаторства и строительстве города инновационного типа общегосударственного уровня»¹⁸.

Налаживание производства широкой гаммы современных видов продукции перерабатывающей промышленности, основанных на новых и высоких технологиях, стало магистральным направлением экономического развития Шэньчжэня в последние 7–8 лет. При этом особое внимание уделялось разработке и запуску в серийное производство продукции собственных торговых марок с правом интеллектуальной собственности на нее. Смена приоритетов нашла отражение в лозунге, задавшем общий вектор развития:

«От собрано в Шэньчжэне — к произведено в Шэньчжэне, от произведено в Шэньчжэне — к создано в Шэньчжэне».

Уже в середине десятилетия (2005 г.) доля затрат на НИОКР в Шэньчжэне была втрое выше, чем в целом по Китаю. По заявкам на патенты город вышел на 3-е место в стране, а по заявкам на изобретения — на 1-е место. Приоритетными инновационными отраслями стали: производство средств связи, цифровая аудио- и видеотехника, аккумуляторы и батареи нового поколения, биомедицина и медицинские инструменты, программное обеспечение, интегральные схемы¹⁹. В 2004 г. Шэньчжэнь произвел около 49 млн мобильных телефонов, 18,5 млн телевизоров и 7,35 млн персональных компьютеров.

В 2006 г. доля высокотехнологичной продукции в валовой промышленной продукции города достигла 52%; при этом 58% — 371 млрд юаней из 629 млрд юаней — составили изделия собственной интеллектуальной собственности. Число предприятий, производящих продукцию новых и высоких технологий, превысило полторы тысячи²⁰.

Ряд из них вырос в крупные компании, получившие не только всекитайскую, но и мировую известность. К ним относится компания «Хуавэй», входящая в число 500 крупнейших в мире. В 2009 г. ее продажи составили 21,8 млрд долл., что превышает пятую часть общего объема мирового рынка оборудования беспроводной связи. Компания сделала 46 тыс. запросов на патенты²¹. Компания Бяиди (BYD) прославилась как тем, что 10% ее акций принадлежит известному американскому миллиардеру — специалисту по выгодным инвестициям Уоррену Баффету, так и разработкой экологически дружелюбной высокотехнологичной продукции — электромобилей и автомобилей с гибридным двигателем, солнечных панелей, аккумуляторных батарей нового поколения. Вслед за центральным правительством власти Шэньчжэня с июня 2010 г. стали субсидировать покупку электромобилей и автомобилей с гибридным двигателем, прежде всего для нужд общественного транспорта²².

Помимо освоения высокотехнологичной ниши, еще одним важным фактором развития Шэньчжэня в 2000-е гг. стало его активное экономическое сближение с Гонконгом. Оно прямо стимулируется общегосударственными и провинциальными проектами экономической интеграции Китая с Гонконгом, Макао и Тайванем, в том числе стартовавшим в 2003 г. Соглашением о тесном экономическом партнерстве КНР с Гонконгом (СЕРА — Close Economic Partnership Agreement) и различными программами сотрудничества в дельте р. Чжуцзян²³. Подчас даже ставится задача преобразовать Гонконг и Шэньчжэнь в единую крупную городскую агломерацию. Такой город (для него уже придумали название — Сянчжэнь — от Сянган + Шэньчжэнь) содинил бы сложившиеся сильные стороны каждой из составных частей и в перспективе мог бы стать городом мирового класса, сопоставимым с Нью-Йорком и Лондоном. Представляется, что все более тесное взаимодействие Шэньчжэня с Гонконгом призвано обеспечить не только текущие бытовые и экономические выгоды, но и — в перспективе — мягкую стыковку Гонконга с материком в случае, если сохранение за ним особых прав в рамках курса «одна страна — два строя» не будет продлено после завершения 50-летнего переходного периода, начавшегося в 1997 г. Симптоматично, что в середине 2006 г. 98 тыс. квартир, или 9,5% их общего количества в Шэньчжэне, принадлежали собственникам из Гонконга, Макао и Тайваня²⁴.

В целом развитие Шэньчжэня и в третьем десятилетии существования оказалось достаточно успешным (см. табл. 4). Валовой региональный продукт города в 2010 г. превысил 950 млрд юаней (в текущих ценах) по сравнению со 195,4 млрд юаней в 2001 г. Это 4-е место в Китае. Динамика экономического роста в Шэньчжэне несколько опережала динамику развития всей страны. Дальнейшие глубокие изменения претерпела структура экономики. По итогам 2010 г. доли добавленной стоимости трех подразделений общественного производства составили, соответственно, 0,1%, 47,5 и 52,4%. Свыше половины добавленной стоимости промышленности дали предприятия с иностранным

капиталом (включая капитал из Гонконга, Макао и Тайваня). Шэньчжэнь остается одним из крупнейших портов Китая²⁵.

В то же время динамичный сам по себе рост внешней торговли — как города в целом, так и специальной экономической зоны (см. табл. 4) — несколько отставал от общеитайских показателей. Снизилась и относительная доля Шэньчжэня в привлеченных Китаем иностранных инвестициях (к концу 2008 г. накопленный объем использованных прямых иностранных инвестиций в Шэньчжэне составил 37,4 млрд долл.).

Такая ситуация объясняется тем, что после вступления Китая в ВТО определенное ослабление функции Шэньчжэня как «окна в мир» для всего Китая было вполне закономерным.

Одновременно усилилось значение иных общегосударственных функций Шэньчжэня, связанных с поиском путей дальнейшей модернизации страны и гармонизации ее общественного развития. Выступая в сентябре 2010 г. на торжественном собрании, посвященном 30-летию учреждения СЭЗ Шэньчжэнь, Ху Цзиньтао декларировал необходимость для специальных экономических зон «вернуться лицом к модернизации, к миру, к будущему», быть в авангарде продвижения научной концепции развития и содействия общественной гармонии. Новая миссия, возложенная на СЭЗ, требует от них прорывных достижений в деле изменения модели экономического развития за счет создания рыночно ориентированной инновационной системы, опирающейся на предприятия и соединяющей производство, научные исследования и опытно-конструкторские разработки. Большое значение придается также увеличению потребления населения, отлаживанию структуры распределения национального дохода, формированию благоприятной общественной среды, отработке методов совершенствования политического строя. На СЭЗ возложена и задача обеспечения долговременной стабильности и процветания Гонконга и Макао, успешного развития межбереговых отношений (т.е. связей КНР с Тайванем)²⁶.

Таблица 4.

Динамика развития г. Шэньчжэнь в первом десятилетии XXI века

Наименование	Ед. изм.	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	
Валовой региональный продукт	млрд юаней	166,5	195,4	223,9	286,0	342,3	492,7	581,3	680,1	780,6	820,1	950,0	
Внешняя торговля:	млрд долл. США	экспорт	63,94	68,61	87,22	117,4	147,28	182,82	237,4	287,53	299,95	270,16	346,74
		импорт	35,56	37,48	46,54	62,96	77,84	101,52	136,1	168,50	179,71	161,98	204,18
		экспорт импорт	29,47	31,13	40,68	54,44	69,44	81,30	101,3	119,03	120,24	108,18	142,56
в т.ч. внешняя торговля СЭЗ Шэньчжэнь:	млрд долл. США	экспорт		35,79	45,38	60,40	73,80	87,59	112,79	135,81	140,89	128,01	346,74
		импорт		17,81	22,23	30,22	36,36	46,78	63,56	78,63	80,68	72,77	204,18
		экспорт импорт		17,98	23,15	30,18	37,44	40,81	49,23	57,18	60,21	55,24	142,56
Прямые иностранные инвестиции	млн долл. США	1961		2686	2129	2350	2969	3269		4031	4160		

Источники: Хайгуань тунцзи [Таможенная статистика], Пекин, 2003–2010; Чжунго дуй вай цзинцзи маои байтициу 2003 [Белая книга по вопросам внешнеэкономических связей и торговли Китая], Пекин, 2003; Чжунго цзинцзи няньцзянь [Экономический ежегодник Китая] за 2001, 2002, 2005 г.;

Чжунго тунцзи няньцзянь [Статистический ежегодник Китая] за 2001–2010 гг.;

Shenzhen investment guide — Shenzhen, 2006;

Данные сайта <http://sz.people.com.cn/GB/>

Шэньчжэнь цзинцзи фацжэнь баогао (2010) [Доклад о развитии экономики Шэньчжэня — 2010]. Пекин, 2010.

Работа в этом направлении в Шэньчжэне уже ведется. В мае 2009 г. Госсовет КНР утвердил Генеральный план проведения всесторонней комплексной реформы в г. Шэньчжэнь. В отличие от других районов проведения комплексной реформы — нового района Биньхай близ Тяньцзиня и Шанхайского Пудуна — в Шэньчжэне на первое место поставлена задача реформы административной системы. 29 июня 2009 г. на основе решения Госсовета мэрия Шэньчжэня одобрила План проведения комплексной реформы в городе на 2009–2011 гг.²⁷

31 июля был принят План реформы структуры правительства в г. Шэньчжэнь. Таким образом, Шэньчжэнь в очередной раз стал экспериментальной площадкой для всей страны, на этот раз в деле реформы политико-административных институтов.

Суть административной реформы в Шэньчжэне состоит в более четком разграничении функций правительственных ведомств, которые подразделены на «комитеты», ведающие выработкой политики, планов, стандартов; «управления», имеющие исполнительные или надзорные функции; и «канцелярии», не несущие самостоятельных административных функций, а сосредоточенные на помощи работе мэра. Общее количество ведомств мэрии было сокращено с 46 до 31, высвобождено около 500 управленцев.²⁸

С 1 июля 2010 г. СЭЗ Шэньчжэнь была расширена до масштабов всей административной территории города. К прежним районам Лоху, Футянь, Наньшань и Яньтянь, входившим в СЭЗ, добавились внешние районы Баоань и Лунгань. Площадь СЭЗ Шэньчжэнь выросла с прежних 327,5 кв. км до 1991 кв. км. (Одновременно до масштабов всего города Сямэнь была расширена СЭЗ Сямэнь — со 150 до 1560 кв. км).²⁹

Состоявшаяся 15–19 января 2011 г. 2-я сессия Собрания народных представителей г. Шэньчжэнь 5-го созыва рассмотрела задачи развития города на пятилетие 2011–2015 гг. Намечено увеличить валовой региональный продукт Шэньчжэня до 1,5 трлн юаней при среднегодовом приросте порядка 10%, довести среднедушевой ВВП до 20 тыс. долл. (в 2010 г. — 14,6 тыс. долл.). Доля фактора научно-технического прогресса в экономическом росте к концу пятилетия должна составить 60%. Новейшие отрасли, связанные с низкоуглеродной энергетикой, биотехнологиями, Интернетом, должны дать до 20% ВРП, сфера услуг — 60% ВРП.³⁰

Шэньчжэню в следующие пять лет предстоит решать и особые задачи, связанные с интеграцией прежней СЭЗ и «внешнего» города в единое целое. Здесь сложилась уникальная система «один город — два вида законодательства», которую надо менять. Есть и проблема устранения разного рода бытовых, инфраструктурных и даже психологических барьеров, связанных с тридцатилетним существованием 90-километровой административной границы между двумя частями Шэньчжэня с пятью контрольно-пропускными пунктами.

Особенно трудные задачи стоят перед Шэньчжэнем в социальной сфере. Существующие здесь проблемы отчасти связаны с просчетами в градостроительной политике, отчасти — с общим для всего Китая эпохи реформ небрежением социальным развитием ради экономического роста. Город отличает весьма скученная застройка — плотность населения здесь составляет 17 150 чел./км², что заметно выше, чем в Пекине (11 500 чел.) и в Шанхае (12 400 чел./км²). Остро не хватает пресной воды.³¹

Весьма запутана ситуация с населением. В 2006 г. зарегистрированное население составляло 1,82 млн чел., постоянное — 8,27 млн и обслуживаемое — 12,17 млн чел.³² В настоящее время о Шэньчжэне говорят как о городе с 15 млн жителей. Все это создает огромное давление на общественную безопасность, жилищный рынок и т.п. Высокая стоимость жилья и жизни в целом снижает привлекательность Шэньчжэня для профессиональных кадров высокой квалификации, выдавливает из города малые и средние предприятия. Задача координации демографической политики с потребностями развития города приобретает для Шэньчжэня первостепенную важность.

Многочисленные самоубийства в последние годы работников Шэньчжэньской компании «Фокскон» (принадлежит тайваньскому капиталу) выявили как нередко чрезмерную интенсивность труда, далеко не всегда адекватно оплачиваемого, так и общую повышенную напряженность, характерную для жизни в Шэньчжэне. Судя по всему, в деле гармонизации общественных отношений здесь явно есть над чем работать.

Пока не достиг Шэньчжэнь уровня Гонконга и Сингапура, на которые начал ориентироваться еще в 1990-е гг. и в чисто экономическом плане: в 2009 г. ВВП на один квадратный километр составил здесь 400 млн юаней, тогда как в Гонконге — 1,43 млрд, а в Сингапуре — 1,84 млрд юаней³³. На этом направлении Шэньчжэню также предстоит пройти немалый путь.

Надо полагать, многое из той специфики, которую обрел город за три десятилетия существования СЭЗ Шэньчжэнь, будет уходить, меняться, трансформироваться (в частности, с 2008 г. идет рассчитанный на пять лет процесс перехода местных предприятий на общекитайскую единую ставку подоходного налога). Но сам настрой на новаторство, на выполнение авангардных функций сохранится. И в этом смысле у Шэньчжэня будет своя специфика как минимум до середины XXI в., то есть до завершения модернизации Китая.

* * *

Мао Цзэдуну приписывается ставшее знаменитым выражение «Ветер с Востока одолевает ветер с Запада». Однако, если говорить о реальной географии «политических ветров» в Китае, то особую роль в судьбах страны не раз играл «южный ветер».

После Синьхайской революции и до середины 1920-х гг. опорой революционных сил и правительства Сунь Ятсена были г. Гуанчжоу (Кантон) и провинция Гуандун.

Важным каналом связи с мировым рынком для Китайской Народной Республики долгие годы была Гуанчжоуская ярмарка экспортных товаров.

Точно так же в 1979 г. провинция Гуандун была избрана местом учреждения трех из четырех специальных экономических зон КНР, в том числе самой успешной из них — Шэньчжэня. СЭЗ Шэньчжэнь стала не только символом успеха политики внешнеэкономической открытости, но и экспериментальной площадкой для продвижения множества конкретных новаций — от реформы системы заработной платы до создания первого в КНР технопарка и получения опыта реформы системы управления государственным имуществом. Кроме того, Шэньчжэнь явился настоящим китайским «плавильным котлом» для огромного количества молодых людей со всей страны, выросших в квалифицированных рабочих и управленцев.

То обстоятельство, что Шэньчжэнь стал общекитайским символом духа новаторства, было учтено и использовано архитектором китайских реформ Дэн Сяопином. В начале 1992 г. в своих выступлениях и беседах именно в Шэньчжэне Дэн Сяопин сумел переломить консервативно-изоляционистские настроения китайской элиты, порожденные «Тяньаньмэньским синдромом», и повернуть страну на путь ускорения рыночных реформ и крупномасштабной внешнеэкономической открытости. Все достижения КНР последнего двадцатилетия самым прямым образом связаны со стратегическим выбором Дэн Сяопина, сделанным в Шэньчжэне.

Вряд ли случайно летом 2010 г. премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао призвал к проведению политических реформ в стране в выступлениях именно по случаю 30-летия учреждения СЭЗ в Китае.

Южный ветер в Китае — это ветер свободы, исторически непосредственно связанный с географической близостью Гонконга. Здесь играло роль практически все — обширные родственные связи гонконгцев и жителей Гуандуна, беспрецедентно частые визиты жителей Гонконга именно в Гуандун — и по делам, и в связи с географической близостью, и уникальная осведомленность гонконгских СМИ относительно новостей

пекинской «политической кухни». Этот южный ветер чувствуется и сегодня. В Гуандуне выходят высокопопулярные у населения и наиболее критичные к действиям властей средства массовой информации — газета «Наньфан чжоумо» и журнал «Наньфэн чуан».

В конце 1980-х гг. в Китае имела хождение поговорка: «В Пекине феодализм, в Шанхае социализм, в Гуанчжоу капитализм». Возможно, сегодня те стадии общественного развития, которые существуют в Пекине, Шанхае и Гуанчжоу, надо называть как-то иначе. Но разница между ними в мировосприятии и в числе степеней свободы существует по-прежнему.

Наверное, доминирующий тренд именно южного ветра как символа перемен и стремления к большей личной и общественной свободе является спецификой КНР. Однако само по себе явление большей открытости каких-то регионов или даже конкретных городов к внешним влияниям, к широко понимаемому прогрессу — это явление если и не универсальное, то достаточно широко распространенное. Закономерно, что центрами познания, освоения и распространения новаторских традиций зачастую служат зоны наиболее интенсивных контактов с внешним миром — порты, торговые города и т.п.

Так что изучение процесса становления и развития Шэньчжэня, эволюции выполняемых им общегосударственных функций, отслеживание дальнейшей судьбы этого уникального города имеет не только китаеведное, но и более широкое общесоциологическое измерение.

1. С начала 1990-х гг. и до недавнего времени Шэньчжэнь занимал первое место среди городов КНР по объему внешней торговли. Лишь в самые последние годы его опередил Шанхай. Так, в 2009 г. внешняя торговля Шанхая составила 277,75 млрд долл., а Шэньчжэня — 270,15 млрд долл. В 2010 г. внешняя торговля Шанхая составила 368,9 млрд долл., а Шэньчжэня — 346,75 млрд долл. — Хайгуань тунци [Таможенная статистика]. Пекин, 2009. № 12. С. 14–15; 2010. № 12. С. 14–15.
2. Сюйсе «Шэньчжэнь чжуаньци» [Продолжая писать «шэньчжэньское чудо»]: Специальный доклад журнала «Ляован» // Ляован. Пекин, 2010. 23 марта. С. 21.
3. Коммюнике 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва. // Информационный бюллетень агентства Синьхуа. Пекин, 1978 г. 24 дек.
4. Мао Лянь, Чэнь Юнминь. Дэн Сяопин цзинци тэшой сысян яньцзю [Изучение идей Дэн Сяопина о специальных экономических зонах]. Сямэнь, 1995. С. 144.
5. Данные за 1979–1983 гг. — Чжунго цзинци няньцзянь 1984 [Экономический ежегодник Китая 1984]. Пекин, 1984. С. VI—180–181; за 1984 г. — Гоцзи маон [Международная торговля]. Пекин, 1985. № 3. С. 17.
6. Мао Лянь, Чэнь Юнминь. Указ. соч. С. 240.
7. Чжунго дуйвай кайфан дицхой тоуцзы хуаньцзин хэ чжэнцэ [Открытые районы Китая: инвестиционная среда и политический курс]. Куньмин, 1993. С. 24.
8. Жэньминь жибао. 1985. 8 марта.
9. Мао Лянь, Чэнь Юнминь. Указ. соч. С. 268–269; Чжунго тунци няньцзянь 1989 [Статистический ежегодник Китая]. Пекин, 1989. С. 73–74.
10. Чжунго дуйвай кайфан дицхой тоуцзы хуаньцзин хэ чжэнцэ. Куньмин, 1993. С. 34–41.
11. Там же. С. 42–44.
12. Чжунго тунци няньцзянь 2000 [Статистический ежегодник Китая]. Пекин, 2000. С. 643.
13. Чжунго чжэнцюань тунци няньбао 1995 [Ежегодник статистики пеппых бумаг Китая 1995]. Пекин, 1996. С. 71–72.
14. Чжунго хайгуань тапци. 2009. № 12. С. 19.
15. Чжунго цзинци няньцзянь 2000 [Экономический ежегодник Китая 2000]. Пекин, 2000. С. 559–561; Чжунго цзинци няньцзянь 2001 [Экономический ежегодник Китая 2001]. Пекин, 2001. С. 634–638.
16. Ху Цзиньтао чжичи Шэньчжэнь гайгэ фачжань цизиши [Заметки о поддержке Ху Цзиньтао реформ и развития Шэньчжэня] // Ляован. Пекин, 2010. 23 авг. С. 26.
17. Там же. С. 21.

18. 2007 нянь: Чжунго Шэньчжэнь фачжань баогао [Доклад о развитии китайского Шэньчжэня — 2007]. Пекин, 2007. С. 83.
19. Shenzhen investment guide. Shenzhen 2006. P. 28–34.
20. Доклад о развитии китайского Шэньчжэня — 2007. С. 88–89.
21. Жэньминь жибао. 2010. 8 сент.
22. BYD: Building a Greener Tomorrow // Beijing Review. 2010. 18 Nov. P. 22–23.
23. Речь, в частности, идет об интеграции в малой дельте р. Чжуцзян (города Гуанчжоу, Шэньчжэнь, Чжухай, Фошань, Дунху, Чжуншань, Хуйчжоу, Цзянмэнь), интеграции региона малой дельты Чжуцзяна с Гонконгом и Макао и т.п. (Доклад о развитии китайского Шэньчжэня — 2007. С. 306). В конце 2008 г. Госсовет КНР официально утвердил Программу развития дельты р. Чжуцзян на 2008–2020 гг.
24. Там же. С. 268.
25. http://www.szass.com/citizen_news/newscontent.asp?id=5339.
26. Жэньминь жибао. 2010. 7 сент.
27. Шэньчжэнь: Чжунго ши тэцуй 30 нянь [Шэньчжэнь: 30 лет особому району китайского типа] // Синьхуа юэбао. Тянься. Пекин, 2010. № 9. С. 26.
28. *Ян Цзюнь, Чжэн Гао*. Шэньчжэнь, вновь пионер реформы. // Китай. Пекин, 2010. Сент. С. 18–19.
29. Beijing Review. 2010. 19 Aug. P. 31.
30. <http://sz.people.com.cn/GB/13746988.html>.
31. Ляован. 2010. С. 23. 23 авг.
32. Доклад о развитии китайского Шэньчжэня — 2007. С. 181–182.
33. Ляован. 2010. 23 авг. С. 21–22.

Потенциал российско-японского сотрудничества в сфере энергосбережения и возможности его реализации

© 2011

Д. Стрельцов

Сотрудничество с Японией в сфере энергосбережения позволит России повысить экспортный потенциал энергодобывающих отраслей. В статье рассматриваются конкретные виды сотрудничества, которое начало активно развиваться после подписания в мае 2009 г. соответствующего российско-японского меморандума.

Ключевые слова: российско-японское сотрудничество, энергосбережение, проекты совместного осуществления, «умный бизнес» в энергетической сфере, ветроэлектростанции.

Сотрудничество с Японией в сфере энергосбережения имеет большую практическую ценность для России, для которой повышение эффективности энергопотребления остается одной из актуальных задач экономического развития. Например, удельная энергоемкость российского ВВП в 2,5 раза превышает показатели США и в 4 с лишним раза показатели Японии¹. Причины: суровые климатические условия и обширность территории, повышающие энергетические издержки производства, архаичная структура промышленного производства, технологическая отсталость энергоемких отраслей промышленности и жилищно-коммунального хозяйства. Свою роль также играет недооценка стоимости энергоресурсов, не стимулирующая энергосбережение².

Россия обладает огромным потенциалом в сфере энергосбережения и повышения эффективности использования энергетических ресурсов. По мнению заместителя директора департамента государственной энергетической политики и энергоэффективности Минтопэнерго России С. Доржинкевича, потенциал энергосбережения и повышения энергоэффективности ТЭК в структуре российской экономики превышает 50%, или более 213 млн т условного топлива в год от общего потенциала в 421,15 млн т³.

В этой связи Энергетической стратегией России ставится задача уменьшения энергоемкости российской экономики на период до 2020 г. на 40–48%, что высвободит существенные объемы нефти и газа для экспортных нужд и позволит повысить конкурентоспособность российской продукции на мировых рынках⁴. Политика в этой области опирается на ряд нормативно-правовых актов. Важнейший из них — подписанный в июле 2008 г. российским президентом Указ «О некоторых мерах по повышению энергетической и экологической эффективности российской экономики», в котором ставится задача по снижению к 2020 г. энергоемкости ВВП России не менее чем на 40% по сравне-

Стрельцов Дмитрий Викторович, доктор исторических наук, заведующий кафедрой востоковедения Московского государственного института международных отношений (университета). E-mail: d.streltsov@inno.mgimo.ru.

нию с 2007 г.⁵ Эта же задача была закреплена Федеральным законом № 261 «Об энергосбережении и повышении энергоэффективности», подписанным президентом РФ 23 ноября 2009 г. Законом, в частности, предъявляется требование к бюджетным организациям снижать энергопотребление на уровне 3% в год.

Один из путей достижения поставленной цели — активизация сотрудничества в этой сфере с зарубежными странами. Страной, сотрудничество с которой в сфере энергосбережения сулит наибольшие возможности, является Япония.

Глубокий потенциал такого сотрудничества кроется в нескольких важных обстоятельствах. Прежде всего, для России в последние десятилетия существенно возрастает значение восточноазиатского региона в долгосрочной стратегии развития энергетической отрасли. Россия намерена уделять странам этого региона приоритетное внимание по той причине, что именно в этом регионе сосредоточены наиболее активные покупатели энергоресурсов, обеспечивающие до 45% перспективного прироста мирового спроса на нефть. По словам главы Минпромэнерго РФ В. Христенко, если в настоящее время более 90% экспортируемых Россией энергоносителей поставляется в страны Европы, то к 2020 г. доля стран Азии в российском экспорте возрастет с 3% в 2005 г. до 30% по нефти и с 5% до 25% по газу⁶. Знание реалий азиатского рынка, перспективный анализ динамики потребностей отдельных стран региона позволили бы своевременно вносить коррективы в планы развития энергодобывающих мощностей Сибири и Дальнего Востока. Повышение энергоэффективности российской экономики в результате сотрудничества с Японией в сфере энергосбережения позволит высвободить значительную часть энергоресурсов для реализации на восточноазиатских рынках и повысить экспортный потенциал энергодобывающих отраслей.

Актуализации данного вопроса способствует и повышение роли энергетического сотрудничества и, в частности, вопросов энергосбережения в деятельности формирующихся в регионе региональных структур экономической и политической интеграции. Общая цель всех выдвигаемых в последние годы концепций экономического сотрудничества стран Восточной Азии — снижение чрезмерной зависимости стран региона от поставок нефти с Ближнего Востока. Энергетическая тематика получила прочную «прописку» в повестке дня ежегодных встреч на высшем уровне стран «большой восьмерки». Например, в 2006 г. в Санкт-Петербурге и в 2008 г. — на озере Толя (Япония), на Восточноазиатском саммите, где в 2007 г. была принята Декларация об энергобезопасности, и других международных форумах. В целом наблюдается процесс политизации сферы международной энергетической безопасности, в рамках которой особую значимость приобретают не столько усилия отдельных стран по поиску новых возможностей поставок (имеющие по понятным причинам естественные пределы), сколько политика снижения потребностей в энергоресурсах (расширяющая свои возможности по мере развития научно-технического прогресса). Таким образом, если Россия, активно вступающая во все региональные форматы экономической интеграции, не сможет позиционировать себя в качестве страны, добивающейся реальных успехов в деле снижения собственных энергетических потребностей, она рискует оказаться на обочине основного тренда развития, в рамках которого движется международное энергетическое сотрудничество. Это, в свою очередь, «гальванизирует» положение России как страны, способной лишь поставлять необработанные сырьевые товары на азиатские рынки, т.е. как сырьевого придатка восточноазиатского экономического ареала. Между тем реальная задача России заключается в том, чтобы использовать энергетические связи со странами Северо-Восточной Азии в качестве ресурса для развития Востока России.

С другой стороны, следует учитывать и то обстоятельство, что роль Японии как «инкубатора технологий» энергосбережения в многосторонних структурах международного сотрудничества будет возрастать. Именно Япония имеет все необходимое для того, чтобы занимать в подобных структурах позицию лидера, поскольку располагает репута-

щей «технологического донора», мощными финансовыми ресурсами, высоким авторитетом среди большинства стран региона.

Более 30 лет Япония последовательно проводила политику энергосбережения, которая позволила ей снизить энергоёмкость единицы ВВП более чем на 30%. Внедрение энергосберегающих технологий даёт ей право называться «мировой энергетической державой». Именно благодаря успехам политики энергосбережения Японии удастся обеспечить стабильность своего экономического положения в период высоких мировых цен на углеводороды. В числе достижений, позволивших ей существенно снизить потребности в углеводородных энергоносителях, — разработка экономичных двигателей в автомобилестроении, постепенная популяризация «гибридных автомобилей», совмещающих использование электродвигателя с двигателем внутреннего сгорания. К 2030 г. правительством ставится амбициозная цель довести средний уровень потребления топлива в расчёте на один автомобиль до 5 л на 100 км². Японские нормативы энергопотребления диктуют направление дизайнерской и конструкторской мысли в автомобилестроении всего мира.

Законодательницей моды выступает Япония и в области перехода на новые виды топлива, — таких как биоэтанол, диметилэфир, жидкое горючее из газа GTL (gas to liquid), метангидрат. Передовые позиции занимает Япония в разработках т.н. «новых источников энергии», в частности, энергии солнца и ветра. На нее приходится более половины мирового производства отдельных солнечных батарей, как и готовых модулей-генераторов. Япония заняла прочную позицию «инкубатора технологий» в сфере энергосбережения.

Для Японии задача активизации помощи в сфере энергосбережения приобрела особую актуальность на рубеже двух тысячелетий в условиях лавинообразного повышения мировых цен на углеводородное сырьё. Она исходит из того, что технологическое содействие зарубежным странам в сфере энергосбережения позволяет им сократить потребление энергии и обеспечить высокий уровень энергетической безопасности, что в конечном счёте отвечает интересам и самой Японии, внешние условия существования которой оказываются более стабильными в условиях предсказуемого спроса на энергоносители. Немаловажно и то, что энергосбережение является важной частью задач сбережения окружающей среды и предотвращения глобального потепления, решение которых неотделимо от задач экономического развития.

Значимость международных аспектов политики энергосбережения отражена в основных программных документах по вопросам энергетической политики, принятых японским правительством в первое десятилетие 2000-х гг. К наиболее важным следует отнести одобренную правительством в мае 2006 г. средне- и долгосрочную программу энергетического развития, известную под названием «Новая государственная энергетическая стратегия»⁸. Ее положения получили дальнейшее развитие в опубликованном в марте 2007 г. Министерством экономики, торговли и промышленности Японии «Основном плане государственной политики в сфере энергетики»⁹. В его разделе, посвящённом международному сотрудничеству в сфере энергетики и охраны окружающей среды, перед правительством поставлены такие задачи, как укрепление международного сотрудничества в рамках многосторонних форматов — в частности, Международного энергетического агентства, АСЕАН, Международного энергетического форума и т.д., углубление координации государственной политики с зарубежными странами во всех сферах энергетики, включая нефтяную и газовую отрасли, дальнейшее развитие новых источников энергии, ядерной энергетики, а также сферы энергосбережения.

В этих условиях объективной потребностью становится переориентация российско-японских отношений в сфере энергетики, которые в основном развиваются в плоскости партнёрства поставщика и покупателя энергоресурсов, в направлении технологического сотрудничества. Таким образом, проблеме двустороннего сотрудничества в

сфере энергосбережения следует рассматривать в более широком контексте опыта взаимоотношений двух стран в энергетической области.

Следует отметить, что для развития полноценного сотрудничества России и Японии в сфере энергосбережения сформировались многие необходимые предпосылки. Во-первых, большое значение имеет тот факт, что защита окружающей среды становится для них одним из приоритетных направлений как ее внутренней, так и внешней политики. Важно и то, что в энергетической области между двумя странами уже сформировались отношения взаимного партнерства, имеющие давнюю историю. Позитивная динамика этих отношений позволила России усилить свое присутствие на японских рынках энергоносителей. С 2006 г. она наращивает поставки нефти с Сахалина, составившие год спустя 6,8 млн т. В феврале 2009 г. на юге Сахалина вступил в эксплуатацию завод по сжижению природного газа, построенный при инвестиционном и технологическом содействии Японии. Как ожидается, в рамках этого самого долгосрочного (рассчитанного на 20 лет) российско-японского проекта в сфере энергетики 60% производимого заводом СПГ будут поставляться в Японию, обеспечивая до 8,5% потребностей Японии в газе¹.

Между тем в японских политических кругах традиционно недооценивались технологические возможности России как партнера в реализации проектов энергосбережения. Во многом это было связано с отсутствием взаимодополняемости экономик двух стран — в отличие от экономических отношений Японии с Китаем, странами АСЕАН, Южной Кореей, где налицо тесные логистические цепочки, позволяющие сформировать единый экономический механизм. Это создает у Японии кровную заинтересованность в снижении издержек производства и, следовательно, в повышении его энергоэффективности. С Россией же подобного механизма не складывалось в силу «полуколониальной» структуры внешнеэкономических связей: из РФ вывозится сырье, а ввозятся в нее готовые промышленные товары (в основном, потребительские). В результате Россия выглядит сырьевым придатком (хотя и весьма важным для Японии).

Вместе с тем, Японию тревожит ситуация на Дальнем Востоке и в Сибири, где наблюдаются большой контраст с соседним Китаем в динамике и уровне экономического развития. Токио с пониманием относится к задаче включения этих российских регионов в интеграционные процессы АТР, что подтверждает, в частности, его инициатива, выдвинутая в 2007 г. во время встречи на высшем уровне в Хайлигендамме, о налаживании японо-российского взаимодействия в регионах российского Дальнего Востока и Восточной Сибири по восьми направлениям. Энергетика среди них занимает видное место.

С середины 2000-х гг. в на фоне обострения ситуации на энергетических рынках АТР, связанного с ростом цен на углеводороды и с обострением конкуренции за источники поставок, наблюдается определенный качественный сдвиг: японское руководство осознает значимость России как партнера по сотрудничеству в сфере энергосбережения. Пришло понимание того, что многие потенциальные возможности российских поставок энергоносителей могут быть заблокированы из-за переориентации производственных мощностей по добыче нефти и газа на внутренние потребности России. Один из примеров — рынок газа: дополнительные объемы добычи сахалинского газа, в связи с поставленной на государственном уровне задачей приоритетной газификации российских городов и сел, должны быть направлены не в Японию, а в дальневосточные области России. В этих условиях оказание технологического содействия России, страдающей от непомерных энергетических затрат на производство, обогрев жилья и иные первоочередные нужды, позволило бы высвободить дополнительные ресурсы и облегчить ситуацию на энергетических рынках.

Другим важным фактором переосмысления российского направления в этой сфере стал запуск механизма торговли квотами на эмиссию в рамках Киотского протокола. Япония все активнее позиционирует себя как «зеленая сверхдержава», выступая с

инициативами по сокращению выбросов парниковых газов. Позиция Москвы в вопросах реализации Киотского протокола оказывается для Токио гораздо ближе позиции Вашингтона, который принципиально отказывался идти на его ратификацию. Уместно вспомнить, что именно поддержка России позволила в 2004 г. обеспечить вступление протокола в силу. По сути, в качестве союзников по вопросам Киотского протокола на саммитах «Большой восьмерки» выступали эти две страны (например, на встрече на озере Тоя в 2007 г.).

В рамках данного международного механизма Россия заняла позицию продавца, а Япония — покупателя квот на эмиссию парниковых газов. Россия решила основной упор делать не на прямую торговлю квотами, а на проекты совместного осуществления (ПСО) с зарубежными странами, позволяющие привлекать передовые иностранные технологии в обмен на квоты. К 2008 г. в России были созданы структура и механизм рассмотрения «проектов совместного осуществления», приняты соответствующие законодательные акты и создано «окно» приема проектов по сокращению вредных выбросов в атмосферу. По словам начальника отдела Минэкономразвития РФ О. Плужникова, курирующего проблему глобального изменения климата, в период 2008–2012 гг. в России излишки квот на выбросы в атмосферу составят примерно 3 млрд т¹⁰.

Это соответствовало базовым установкам Японии, которая, помимо покупки дополнительных квот, взяла курс на выполнение своих обязательств по протоколу за счет «проектов совместного осуществления», предполагающих содействие в сфере энергосбережения. И возможности сотрудничества с Россией здесь особенно велики. За счет подобных проектов она планирует сократить выбросы на 100–200 млн т в углеродном эквиваленте, что соответствует 10% объема ежегодных выбросов Японии¹¹.

Принципиальная договоренность начать полномасштабный двусторонний диалог по вопросам борьбы с глобальным потеплением была достигнута 9 февраля 2008 г. в рамках встречи заместителя Председателя Правительства РФ С.И. Иванова и министра иностранных дел Японии М. Комуры на международной конференции по безопасности в Мюнхене¹². Уже в конце февраля того же года в Токио состоялись российско-японские консультации по вопросам, связанным с объемами квот и закупочных цен на них. Учитывая активную позицию Японии в вопросах международного сотрудничества по борьбе с выбросами парниковых газов, российская сторона неоднократно заявляла о готовности придать новый импульс поиску и реализации «проектов совместного осуществления».

Сотрудничество в сфере энергосбережения прочно вошло в повестку дня политических и экономических отношений двух стран. Например, в совместном заявлении глав правительств двух стран в ходе визита премьер-министра РФ В.В. Путина в Японию в мае 2009 г.¹³ Проблема содействия со стороны Японии в сфере энергосбережения в контексте технологического сотрудничества стала активно обсуждаться и на двусторонних бизнес-форумах — в частности, на 4-м российско-японском инвестиционном форуме, прошедшем в рамках Санкт-Петербургского экономического форума в ноябре 2010 г. В РФ такое взаимодействие с Японией рассматривается в качестве одного из путей в направлении модернизации страны.

12 мая 2009 г. министр энергетики РФ С. Шматко с министром экономики, торговли и промышленности Японии Т. Никаем подписали Меморандум о сотрудничестве в сфере энергоэффективности и возобновляемых источников энергии¹⁴. Была достигнута договоренность с созданием совместного комитета для разработки и реализации долгосрочной совместной программы сотрудничества и для выработки ежегодного совместного плана действий. Было решено подключить к данному процессу в случае необходимости представителей всех заинтересованных органов и организаций двух стран.

Первое заседание Совместного комитета сотрудничества России и Японии в сфере энергоэффективности и возобновляемых источников энергии с участием Минэнерго России, ОАО «РусГидро», ОАО «Интер РАО ЕЭС», ФГУ «Российское энергетиче-

ское агентство» состоялось 1–2 марта 2010 г. в Японии. На нем были рассмотрены возможности внедрения в России японских технологий энергосбережения, в частности, в рамках проектов повышения энергетической эффективности. По итогам встречи представители Минэнерго России и Министерства экономики, торговли и промышленности Японии подписали план совместных действий в области повышения энергоэффективности и использования возобновляемых источников энергии. Кроме того, Российским энергетическим агентством и Японским бизнес-альянсом развития умной энергии в мире (JASE-W) подписан Меморандум о сотрудничестве в энергетических проектах.

9 июля 2010 г. в Минэнерго России состоялось 2-е заседание Российско-японского совместного комитета по реализации сотрудничества в сфере энергосбережения и возобновляемых источников энергии. В нем приняли участие представители Минэнерго России, ОАО «ИНТЕР РАО ЕЭС», ОАО «Холдинг МРСК», ОАО «РусГидро», Российского союза промышленников и предпринимателей, Торгово-промышленной палаты, ГК «Ростехнологии», Российского энергетического агентства. С японской стороны участвовали представители крупнейших министерств и ведомств Японии, ряда крупнейших «мозговых центров» и планирующих организаций в сфере энергетики — Центра энергосбережения, Института энергетической экономики и Организации по развитию новых источников энергии и промышленных технологий. Среди представителей бизнес-сообщества — компании «J-Power», «Mitsui & Co.», члены бизнес-альянса JASE-W — «Кавасаки Хэви Индастриз», «Тоё Инжиниринг», «Никкэн Сэккэй», «Маэкава Мануфэкчуринг», «Сумитомо», «Марубэни»¹⁵.

На встрече обсуждались потенциальные направления сотрудничества в проектах повышения энергетической эффективности, в том числе, японская система энергетического менеджмента и контроля энергосбережения на производстве, взаимодействие в рамках программы научно-технического сотрудничества, проект строительства Дальневосточной ветроэлектростанции¹⁶.

22 сентября 2010 г. Российское энергетическое агентство и Японский институт экономики энергетики провели Первый российско-японский Круглый стол по обмену опытом в энергосбережении и энергоэффективности, в котором приняло участие около ста высококвалифицированных специалистов в сфере энергетики. Обе стороны выступили с докладами, представив свои концепции и разработки в данной области, поделились лучшими практиками, предложили меры по стимулированию энергосбережения¹⁷.

Среди востребованных аспектов опыта Японии в вопросах политики энергосбережения, имеющих наибольшие перспективы внедрения в российских условиях:

- нормативно-правовое регулирование энергопотребления в различных сферах деятельности — в частности, правоприменение Закона о рациональном использовании энергии; использование нормативных стандартов энергопотребления приборов и оборудования «Топранер» («лидер гонки»);

- вопросы энергосбережения на промышленных предприятиях (в частности, опыт внедрения в кадровую структуру японских предприятий должностей управляющих по вопросам энергопотребления и специалистов по планированию энергопотребления);

- опыт работы «компаний энергетического обслуживания» (ESCO), создаваемых для предоставления консультаций и проведения в жизнь технологических и управленческих решений по сокращению спроса на энергоресурсы и снижению эмиссии углекислого газа;

- финансово-экономические методы реализации политики в сфере энергосбережения — в частности, применение системы льготного налогообложения и целевых государственных дотаций для повышения энергоэффективности и снижения эмиссии парниковых газов.

Большой интерес вызывает деятельность Японского бизнес-альянса развития «умной энергии» в мире (Japanese Business Alliance for Smart Energy Worldwide, JASE-

W), выступающего с японской стороны субъектом ряда потенциально значимых проектов. Эта организация, основанная 30 октября 2008 г., объединила в своих рядах более 80 японских компаний и организаций различных профилей и видов деятельности, включая государственные. Согласно информации, размещенной на Интернет-сайте этого бизнес-альянса, «для эффективного распространения в мире «умных» энергетических продуктов и технологий, находящихся в собственности японских промышленных компаний, было бы недостаточно использовать обычные виды корпоративной организации, в связи с чем необходимо создать новую структуру»¹⁸. В ходе своей деятельности бизнес-альянс «обсуждает пути преодоления препятствий, направляет миссии для изучения новых возможностей и предоставления полезной информации с целью развития «умного» бизнеса в энергетической сфере»¹⁹.

Обращает на себя внимание широкий спектр специализации входящих в бизнес-альянс компаний, в число которых входят крупнейшие узкопрофильные и многопрофильные корпорации (Kyosera Corporation, Sekisui House, Ltd., Sojitz Corporation, Toyo Engineering, Hitachi Zosen, Mayekawa MFG, Kawasaki Heavy Industries, Sumitomo, and Mabuchi и др.), 19 бизнес-объединений и специализированных институтов в сфере энергетики (Japan Association of Energy Service Companies, Japan Photovoltaic Energy Association, Nippon Keidanren (Japan Business Federation), The Energy Conservation Center, Japan (ECCJ) и др.), а также такие влиятельные государственные структуры, как министерство экономики, торговли и промышленности, министерство иностранных дел Японии, Японский банк для международного сотрудничества (JBIC), Японская организация внешней торговли (JETRO), Организация по развитию новой энергии и промышленной технологии (NEDO) и др. Столь представительный состав альянса позволяет планировать проектную деятельность на основе синергетического эффекта, создаваемого за счет консолидации возможностей отдельных участников объединения.

В числе организованных бизнес-альянсом восьми рабочих подгрупп, создаваемых с целью разработки проектов энергосбережения, имеется подгруппа по России. Ее силами было организовано две миссии в Москву для обсуждения возможных проектов в сфере энергосбережения. Так, в ходе поездки, состоявшейся в октябре 2010 г. был организован семинар «Возможности расширения российско-японского сотрудничества в области энергетической эффективности и энергосбережения (совместное финансирование проектов)», в котором с российской стороны приняли участие руководители российских регионов. В ходе семинара большое внимание было уделено японскому применению различных механизмов финансирования проектов в области энергетической эффективности и энергосбережения. Для успешного решения проблемы финансирования совместных проектов в 2010 г. между Японским банком для международного сотрудничества и ОАО «Сбербанк России» был подписан Протокол о сотрудничестве. Большой интерес на семинаре вызвал доклад представителя Сбербанка России, посвященный формированию нового рынка инвестиций (доходность от углеродных квот) в условиях наращивания потенциала энергосбережения и государственных стимулов его вовлечения в оборот.

В рамках сотрудничества с Россией компаниями-членами бизнес-альянса рассматривается возможность налаживания взаимодействия по широкому спектру технологического сотрудничества. Большой интерес среди российских нефтедобывающих компаний вызывают, например, разработки корпорации Toyo Engineering в области технологий производства жидкого газового топлива GTL (gas-to-liquid). Применение микроканального реактора GTL обеспечивает экономичность производства и имеет большие перспективы применения на нефтяных месторождениях и трудноизвлекаемых месторождениях газа

Данная технология приобретает для России особую актуальность в связи с необходимостью реализации постановления Правительства Российской Федерации от 8 января 2009 г. № 7 «О мерах по стимулированию сокращения загрязнения атмосферного воз-

духа продуктами сжигания попутного нефтяного газа на факельных установках». В 2010 г. в России было добыто 65,4 млрд кубометров ПНГ, сожжено 15,7 млрд кубометров. Т.е., показатель сжигания в целом по России в 2010 г. составил 24%. Правительством ставится задача снизить этот показатель до 18% к 2012 г. и до 5% к 2014 г.²⁰

Представляет интерес предложение компании Kawasaki Heavy Industries Ltd по внедрению технологий когенерации. Газотурбинные системы, позволяющие одновременно производить электроэнергию и генерировать тепло, имеют большие перспективы использования в производственной, жилищно-бытовой и коммерческой сферах, включая гостиничное хозяйство, медицинские стационарные учреждения и т.д.

Компания Nikken Sekkei, специализирующаяся на архитектурных и дизайнерских услугах, провела по поручению Организации по развитию новой энергии и промышленной технологии (NEDO) технико-экономическое обоснование пилотного проекта строительства в Москве офисного комплекса с использованием новейших технологий энергосбережения. В проекте предусмотрено использование современных изоляционных материалов и стекла с повышенной износостойкостью, внедрение систем ветряной и солнечной энергии, энергии биомассы и энергии отходов, энергосберегающих систем освещения и т.д. Расчеты показали, что эффект энергосбережения, учитывающий как первичное потребление электроэнергии, так и эмиссию двуокси углерода, должен составить 18,5%.

Первый крупный совместный проект использования возобновляемых источников энергии — строительство Дальневосточной ветроэлектростанции на островах Русский и Попова. Сооружение ветропарков на территории России проходит в рамках правительственного распоряжения о достижении целевых показателей использования возобновляемых источников энергии до 2020 г. (4,5% в энергобалансе РФ). В соответствии с заключенным в мае 2009 г. между ОАО «РусГидро» и японскими компаниями Mitsui и J-Power меморандумом о сотрудничестве на островах Русский и Попова были начаты ветроизмерения для оценки силового потенциала ветряной энергии. Наблюдения велись одновременно по нескольким параметрам: скорости и направлению ветра, давлению и влажности воздуха. Российская сторона обеспечила установку одной ветроизмерительной мачты, японская — двух. Результаты замеров использовались для точного моделирования параметров ВЭС. Цикл ветроизмерений, продолжавшихся один год, завершился к июню 2010 г.²¹ По итогам обследования компании Mitsui и J-Power приняли решение о соинвестировании проекта. С российской стороны для его реализации во Владивостоке было зарегистрировано ОАО «Дальневосточная ВЭС». Строительство ВЭС, начатое в марте 2011 г., планируется завершить в первом квартале 2012 г. Мощность ветростанции может составить до 36 МВт. Дальневосточная ветроэлектростанция была включена в перечень объектов электроснабжения саммита АТЭС в 2012 г.

Особенность строительства в том, что управляющая компания была создана исключительно для целей данного проекта. При этом сама компания, несущая всю полноту ответственности за финансовое и организационное управление, не рассматривается участниками проекта в качестве «отстойника», позволяющего снизить коммерческие риски через ее банкротство в непредвиденных обстоятельствах. Понижению риска призвано способствовать соучастие в проекте крупнейших бизнес-операторов с обеих сторон, с которыми управляющая компания связана контрактными отношениями.

Большую роль в успехе данного проекта будет играть, как ожидается, гибкая схема его финансирования, а также активное участие государства. Предполагается, что электроэнергия будет закупаться по согласованным ценам государственной электрогенерирующей компанией «РАО — Дальний Восток». Со стороны государства будут предоставлены налоговые и иные льготы, связанные с ввозом необходимого оборудования, обеспечена выдача необходимых разрешений, урегулированы вопросы с подключением к инфраструктурным объектам, решены вопросы безопасности и т.д.

* * *

«Тройной удар» от стихийных бедствий и технологической катастрофы 11 марта 2011 г. (землетрясение, цунами и авария на АЭС «Фукусима дайити») с особой остротой поставил на повестку дня вопрос об энергетической безопасности Японии.

Десятки лет японцам внушали мысль о надежности и безальтернативности атомной энергии для Японии, лишенной собственных источников энергии. Несомненно, что определенные выводы относительно ее перспектив как безопасного источника, будут сделаны. И это однозначно будет иметь последствия и для глобального развития атомной энергетики. Внушает определенный оптимизм то обстоятельство, что Япония занимает лидирующие позиции в мире в сфере энергосбережения. Катастрофа, по видимости, ускорит процессы разработок в этой области и позволит ей еще больше нарастить свой технологический потенциал.

Международное сотрудничество по энергосбережению становится важнейшим аспектом политики в сфере энергетической безопасности, проблема которой существенно обострилась для Японии в связи с аварией на АЭС «Фукусима дайити». Неминуемая задержка в развитии атомной энергетики и, соответственно, усиление внутреннего спроса на углеводороды, по всей видимости, заставят Токио интенсифицировать усилия по укреплению отношений с основными сырьепроизводящими странами и диверсификации источников поставок, что, в свою очередь, неизбежно приведет к усилению конкуренции с Китаем и Индией на Ближнем Востоке и в Африке. Новые горизонты в этой связи открываются перед Японией в отношениях с Россией.

1. <http://www.cemi.rssi.ru/mei/articles/zvet-1p07-1.pdf>, с. 6.
2. Яновский А., Михайлов С. Повышение энергоэффективности экономики // Экономика России: XXI век. № 20. — http://www.ruseconomy.ru/nomer20_200511/ec21.html.
3. http://www.enginrussia.ru/news/2010/09/24/REA_sovmesno_s_YAponskim_institutom_ekonomiki_ene/
4. Независимая газ. 2009. 17 марта.
5. Рос. газ. 2008. 5 июня.
6. Энергия промышленного роста. 2005. № 2. — <http://www.epr-magazine.ru/archive/2005/2-2>.
7. <http://eneken.ieej.or.jp/en/data/pdf/408.pdf>, слайд 2.4.
8. <http://www.enecho.meti.go.jp/english/newnationalenergystrategy2006.pdf>.
9. <http://www.enecho.meti.go.jp/topics/kihonkeikaku/keikaku.pdf>, с.48–49.
10. Нихон кэйдзай. 2008. 21 марта.
11. Там же.
12. Нихон кэйдзай. 2008. 10 февр.
13. http://www.kantei.go.jp/foreign/asospeech/2009/05/12kaiken_c.html.
14. <http://interenergportal.ru/portal/5548-memorandum-o-sotrudnichestve-v-oblasti.html>.
15. http://www.enginrussia.ru/news/2010/09/24/REA_sovmestno_s_YAponskim_institutom_ekonomiki_ene/
16. http://www.r-energo.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=315:2010-07-15-06-54-26&catid=17:2009-12-05-19-39-49&Itemid=72.
17. http://www.enginrussia.ru/news/2010/09/24/REA_sovmestno_s_YAponskim_institutom_ekonomiki_ene/
18. <http://www.jase-w.eccj.or.jp/eng/mission.html>.
19. Там же.
20. <http://www.ecoindustry.ru/news/view/28201.html>.
21. <http://mcep.ru/issue/news.php?id=12167>.

Теория и методология

Мировой кризис и экономическая безопасность Китая

© 2011

Д. Гордиенко

Проблематика экономической безопасности КНР рассматривается на фактах мирового кризиса через синтез 19 показателей хозяйствования, взятых в последние годы на вооружение рядом отечественных и зарубежных аналитиков.

Ключевые слова: экономическая безопасность государства; антикризисная программа Китая; интегральные индикаторы хозяйствования.

Мировой финансово-экономический кризис 2008–2010 гг. не подорвал китайскую экономику, ее развитие продолжилось, чему, как известно, способствовала антикризисная политика руководства КНР, подробно описанная и проанализированная экспертами ИДВ РАН. Приоритетными направлениями экономического развития страны в этот период стали: сельское хозяйство при целенаправленном повышении доходов сельских жителей; строительство инфраструктуры, усиление акцента на новые высокие технологии и технические инновации, программа экономического жилья, развитие транспортной сети и др.¹

Для реализации этих задач, напомним, уже в декабре 2008 г. была в экстренном порядке подготовлена первая часть антикризисной программы экономического стимулирования, в соответствии с которой Госсовет выделил первый транш на финансирование антикризисных мероприятий в размере 100 млрд юаней (в т. ч. 10 млрд — на строительство дешевого жилья для населения, 34 млрд — на капитальное строительство в деревне, 25 млрд — на создание железных дорог, шоссе, аэропортов, 13 млрд — на социальное строительство, 12 млрд — на экологию, 6 млрд — на развитие собственных инноваций). Из суммы дополнительных затрат государства, выделяемых для финансирования указанных программ, 30% (1,18 трлн юаней) приходилось на средства центрального бюджета, остальное (2,82 трлн юаней) — на ассигнования местных бюджетов и кредиты государственных банков.

В 2007 г. китайский ВВП на 37% формировался за счет экспорта, тогда как за 7 месяцев 2009 г. объем внешней торговли составил лишь 1,15 трлн долл., или на 22,7% меньше показателя 2008 г. Естественно, что главной задачей центральных и местных властей было объявлено всемерное увеличение внутреннего спроса, чтобы в условиях падения китайского экспорта реально поддержать рост производства и занятость населения.

Важнейшими мерами по обеспечению роста потребления среди более чем 800-миллионного сельского населения Китая стали:

Гордиенко Дмитрий Владимирович, доктор военных наук, профессор, действительный член (академик) Академии военных наук, ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН. Тел.: (499) 129–12–77.

- повышение доходов крестьян путем регулирования закупочных цен на зерно (с января 2009 г. повышены на 15%) и другую сельхозпродукцию);
- увеличение помощи в приобретении высокосортных семян и сельхозтехники;
- субсидирование правительством (до 10–13%) талонов на приобретение деревенскими жителями бытовой техники (в 2008 г. ассигнования центрального бюджета на субсидии крестьянам составили 102,77 млрд юаней — более чем вдвое больше уровня 2007 г.)².

В 2009 г. правительство КНР финансировало три программы стимулирования потребления в сельской местности, которые включали:

- субсидирование покупок автомобилей, бытовых электроприборов и электроники, сельскохозяйственных машин (суммарно на 65 млрд юаней);
- укрепление рынка недвижимости;
- развитие системы медицинского, пенсионного и социального обслуживания.

В частности, пакет мер Госсовета КНР по стимулированию рынка недвижимости, принятый в декабре 2008 г., разрешал гражданам продавать жилье без уплаты налогов в случае, если собственник владеет этим жильем не менее 2 лет (ранее — не менее 5 лет). В случае, если жилье находится в собственности продавца менее 2 лет, он уплачивает налог только с разницы между ценой продажи и ценой приобретения (ранее — с цены продажи). Для активизации покупок жилья гражданам, имеющим жилье «размером меньше среднего», было разрешено покупать второе жилье с использованием льготного кредитования³.

Одновременно в КНР активизировалось жилищное строительство, повышалась зарплата, снижались кредитные ставки для малообеспеченных граждан; были ослаблены требования для получения ипотечных кредитов. Все это способствовало снижению численности беднейших слоев населения.

В русле этой стратегии в 2009 г. базовое медицинское обслуживание охватывало уже 1,2 млрд чел. Только в течение 2009–2011 гг. предполагалось направить на развитие здравоохранения 124 млрд долл. Выделяемые на это средства проходили отдельной статьей финансирования, т.е. не были включены в «стимулирующий пакет».

В 2009 г. на основе принятых Госсоветом КНР «Руководящих положений о введении в опытный порядок нового пенсионного обеспечения сельского населения» в Китае была введена система пенсий для селян. Крестьяне в возрасте старше 60 лет стали получать пенсии от государства, размер которых определяется в зависимости от района проживания и других факторов. Были повышены пенсии для работников городских предприятий. Также реализуется требование ЦК Компартии Китая и Госсовета КНР о системе оказания помощи населению города и деревни. На эти цели в 2009 г. китайское правительство выделило 54 млрд юаней (8,2 млрд долл.) — на 49% больше, чем в 2008 г. Охват системой социального обеспечения 20% городской бедноты способствовал увеличению потребительские расходы населения на 10 млрд юаней.

Совершенствование экономической структуры в Китае увязывается с дальнейшим реформированием промышленного производства, его техническим перевооружением и повышением уровня научного сопровождения, обеспечением конкурентоспособности китайских товаров на международном рынке.

Антикризисные меры принесли определенные положительные результаты: макроэкономические показатели китайской экономики в совокупности демонстрируют устойчивую тенденцию к ее «выздоровлению»⁴.

При этом правительство КНР, прибегая к быстрому, мощному и всеохватывающему государственному воздействию на народное хозяйство и стремясь к всемерному оживлению внутреннего инвестиционного и потребительского спроса, не упускает из виду международные аспекты действий и стремится заложить основы для существенного укрепления позиций Китая в посткризисном мире.

Итак, финансово-экономический кризис внес коррективы в перспективы экономического развития Китая, повлек изменение уровня его экономической безопасности на ближайшее десятилетие. Наглядно это может быть представлено в виде лепестковых диаграмм, состоящих из нормированных относительно соответствующих пороговых уровней значений частных показателей-индикаторов экономической безопасности Китая (рис. 1, 2)⁵.

По мнению ряда российских и зарубежных экономистов⁶, *показателями-индикаторами* экономической безопасности государства могут послужить нижеследующие 19 позиций:

1. Объем ВВП;
2. Валовой сбор зерновых;
3. Доля инвестиций в основной капитал (в % к ВВП);
4. Доля расходов на оборону (в % к ВВП);
5. Доля затрат на «гражданскую» науку (в % к ВВП);
6. Доля инновационной продукции в общем объеме промышленной продукции (в %);
7. Доля машиностроения и металлообработки в промышленном производстве (в %);
8. Доля лиц с денежными доходами ниже прожиточного минимума (в %);
9. Децильный коэффициент дифференциации доходов населения;
10. Уровень безработицы (в % к экономически активному населению);
11. Уровень монетизации (в % к ВВП);
12. Внешний долг (в % к ВВП);
13. Внутренний долг (в % к ВВП);
14. Доля расходов бюджета на обслуживание государственного долга (в % общего объема расходов бюджета);
15. Дефицит федерального бюджета (т.е. бюджета центрального правительства) (в % к ВВП);
16. Уровень инфляции (в %);
17. Объем золотовалютных резервов (млрд долл.);
18. Отношение выплат по внешнему долгу к у годовому экспорту (в %);
19. Доля продовольствия, поступившего по импорту, в общем объеме продовольственных ресурсов (в %)⁷.

Оценка *общего интегрального уровня* экономической безопасности государства базируется на определении значений ее *общего нормированного показателя* национальной экономики, расчетная формула при этом может иметь вид:

$$U_{ЭБ,j} = \prod_{i=1}^{19} \beta_{i,j}^{\alpha_{i,j}} \prod_{\substack{k=1, \\ k \neq j}}^K \left(\prod_{i=1}^{19} \beta_{i,j} \prod_{i=1}^{19} \beta_{i,k} \right)^{\alpha_k} \cdot \prod_{i=1}^{19} \alpha_{i,j} = 1,$$

где: $U_{ЭБ,j}$ — общий нормированный показатель-индикатор уровня безопасности национального хозяйства j -ого государства,

$\alpha_{i,j}$ — вес i -го нормированного частного показателя-индикатора, характеризующего экономическую безопасность j -ого государства,

α_k — вес взаимодействия j -ого государства с k -ым государством в условиях глобализации и взаимозависимости экономики j -ого государства от национального хозяйства k -ого государства,

$\beta_{i,j}$ ($\beta_{i,k}$) — значение i -го нормированного частного показателя, характеризующего экономическую безопасность j -ого (k -ого) государства,

K — количество рассматриваемых государств мира.

При этом предполагается, что *наименьшее возможное значение* i -ого *нормированного частного показателя-индикатора* экономической безопасности государства — $\beta_{i,min} = 0,01$ — соответствует наименьшему уровню его экономической безопасности при

фиксированных значениях остальных частных показателей-индикаторов. И, наоборот, *наибольшее возможное значение* i -ого нормированного частного показателя — $\beta_{i,max} = 100$ — соответствует наибольшему уровню безопасности национального хозяйства также при фиксированных значениях остальных частных показателей-индикаторов. *Единичное значение* i -ого нормированного частного показателя — $\beta_i = 1$ — соответствует пороговому уровню экономической безопасности государства.

Пороговыми (на диаграммах — единичными) уровнями экономической безопасности КНР считаются:

- для объема валового внутреннего продукта (ВВП) — 4 000 млрд долл. (в ценах 2003 г.);
- для валового сбора зерновых — 600 млн т (масса до обработки);
- для доли инвестиций в основной капитал — 16% к ВВП;
- для доли расходов на оборону — 1,1% к ВВП;
- для доли затрат на «гражданскую» науку — 1,5% к ВВП;
- для доли инновационной продукции в общем объеме промышленной продукции — 15%;
- для доли машиностроения и металлообработки в промышленном производстве — 25%;
- для доли лиц с денежными доходами ниже прожиточного минимума во всей численности населения — 7% к всему населению страны;
- для децильного коэффициента дифференциации доходов населения — 8%;
- для уровня безработицы — 8% к экономически активному населению;
- для уровня монетизации — 25% к ВВП;
- для внешнего и внутреннего долга — 40% и 30% к ВВП соответственно;
- для доли расходов бюджета на обслуживание государственного долга — 20% к общему объему расходов бюджета центрального правительства;
- для дефицита бюджета центрального правительства — 3% к ВВП;
- для уровня инфляции — 25%;
- для объема золотовалютных резервов — 26 млрд долл.;
- для выплат по внешнему долгу к объему годового экспорта — 25%;
- для доли продовольствия, поступившего по импорту, в общем объеме продовольственных ресурсов — 20%.

При одинаковой значимости компонент безопасности национальных хозяйств развитых государств мира (т.е. при $\alpha_{i,j} = 1$) и отсутствии взаимозависимости их национальных хозяйств (т.е. при $\alpha_k = 0$) *наименьшее возможное значение* общего нормированного показателя экономической безопасности j -ого государства — $U_{эб,j,min} = 10^{-38}$ — соответствует наименьшему уровню безопасности национального хозяйства.

И, наоборот, *наибольшее возможное значение* этого показателя — $U_{эб,j,max} = 10^{38}$ — соответствует наибольшему уровню экономической безопасности государства.

Единичное значение общего (интегрального) нормированного показателя экономической безопасности государства — $U_{эб,j} = 1$ — соответствует критическому уровню безопасности национального хозяйства, понижение которого определяет опасность для экономики j -ого государства. Это значение соответствует общему (интегральному) условному «порогу», который, тем не менее, дает представление о некоторой границе между состояниями защищенности и незащищенности экономики от внешних и внутренних угроз⁸.

Навряд ли стоит искать какой-либо физический смысл в значениях общих (интегрированных) показателей экономической безопасности государства. Тем более нельзя абсолютизировать эти значения и применять к ним правила математического анализа. И все же полученные таким образом значения общих (интегрированных) показателей позволяют судить о том, насколько уровень защищенности народного хозяйства поднялся (или опустился) относительно условно обозначенного порога и, следовательно, насколько

ко этот уровень приблизился к уровню абсолютной защищенности (или абсолютной незащищенности).

Для нашего случая уровень абсолютной экономической безопасности государства составляет 10^{38} , а уровень абсолютной незащищенности национального хозяйства страны минус 10^{-38} . Разумеется, разные компоненты безопасности национального хозяйства имеют разную значимость для общего (интегрированного) показателя (уровня) экономической безопасности государства.

В частности, такая разнозначимость особенно проявляется для условий функционирования национального хозяйства в мирное время, в угрожаемый период и в военное время, а также в условиях мировых экономических катаклизмов, сравнимых с продолжающимся мировым финансово-экономическим кризисом.

Антикризисные меры китайского правительства, программные выступления высоких должностных лиц КНР, материалы директивного характера подтверждают, что Китай и дальше намерен твердо проводить активную финансовую политику в целях сохранения платежной системы страны, целенаправленно заниматься макрорегулированием, выполняя программы «единого планирования города и деревни» и согласованного развития регионов страны, а также совершенствованием экономической структуры, уделяя при этом особое внимание инновациям, экономии энергии и защите окружающей среды. Как принято считать в КНР, «глобальный финансово-экономический кризис создает благоприятные условия, которыми необходимо умело воспользоваться»⁹. В этой связи увеличение внутреннего спроса, гарантирующее успешное развитие экономики страны, будет оставаться в числе главных приоритетов в планах китайского правительства по обеспечению экономической безопасности.

Своевременная переориентация производства на внутреннего потребителя в рамках курса на обеспечение экономической безопасности страны в условиях мирового финансово-экономического кризиса позволила:

- во-первых, сохранить платежную систему страны;
- во-вторых, смягчить существующие социальные проблемы;
- в-третьих, создать условия для последующего экономического роста.

Таким образом, хотя кризис нанес урон народному хозяйству КНР, однако по ряду показателей ее экономическая безопасность даже возросла. Т.е. влияние кризиса на возможности КНР по повышению уровня своей экономической безопасности оказалось незначительным (рис. 3).

Значения общего (интегрального) показателя экономической безопасности Китая в предкризисный, кризисный и посткризисный периоды определяются величинами вышеназванных 19-ти нормированных частных показателей, характеризующих объем ВВП и т.д. (табл. 1). При этом становится очевидным, что положительная динамика общего (интегрального) показателя экономической безопасности Китая в последнее десятилетие определялась, прежде всего, возрастанием значений нормированных частных показателей, характеризующих объем ВВП и золотовалютных резервов, внешний долг и долю расходов бюджета на обслуживание государственного долга, доли инвестиций в основной капитал, расходов на оборону и затрат на «гражданскую науку» в объеме ВВП, доли инновационной продукции и продукции машиностроения и металлообработки в общем объеме промышленного производства.

Сравнительная оценка значений общих (интегральных) показателей экономической безопасности Китая, России, США и Индии, рассчитанных по аналогичным частным показателям, позволяет определить падение уровня экономической безопасности этих стран в период мирового финансово-экономического кризиса (табл. 2). Понижение темпов роста уровня экономической безопасности Китая в 2008–2010 гг. можно определить как допустимое, не приводящее к необратимым социально-экономическим последствиям в кризисной ситуации, практически не нарушившее защищенность его нацио-

нального хозяйства. Результаты расчетов значений общих (интегральных) показателей экономической безопасности КНР, а также России, США, Японии, Германии, Великобритании, Италии, Южной Кореи и Индии в период 1997–2010 гг. и в перспективе до 2020 г. представлены на рис. 4. Анализ этих значений позволяет предположить, что представленный подход к оценке уровня экономической безопасности государства позволяет, с одной стороны, оценить динамику изменения экономической безопасности государства в целом, а с другой — сравнить уровни безопасности национальных хозяйств разных стран в докризисный и посткризисный периоды.

Полученные значения общих нормированных показателей экономической безопасности указанных стран в период 1997–2009 гг. и в перспективе до 2020 г. вполне адекватно, на наш взгляд, отражают те явления и процессы, которые происходили и происходят в период мирового финансово-экономического кризиса, будут происходить в экономике перечисленных стран и в мировом хозяйстве в целом в посткризисный период в случае реализации правительствами этих стран антикризисных мер. В частности, изменения уровней экономической безопасности перечисленных государств свидетельствуют об их «падении» в годы кризиса, как и росте в случае реализации конструктивной антикризисной политики их правительствами. Становится очевидным влияние мирового кризиса на уровень экономической безопасности Китая, а также потенции относительного повышения этого уровня в перспективе до 2020 г. в случае реализации антикризисных планов экономического роста и социально-экономического развития страны.

Таблица 1

Нормированные частные и общие (интегральные) показатели экономической безопасности КНР

Нормированные частные показатели экономической безопасности	2001	2003	2005	2007	Прогноз без учета влияния мирового кризиса (дан в 2007 г.) / расчет (оценка) по фактически имеющимся статист. данным, прогноз с учетом влияния мирового кризиса (дан в 2010 г.)				
					2008	2009	2010	2015	2020
Объем ВВП	1,380	1,669	1,989	2,590	2,789	2,999	3,454	5,947	8,794
					2,554	2,883	3,114	5,505	8,756
Валовой сбор зерновых	0,754	0,797	0,859	0,889	0,890	0,890	0,900	0,950	1,000
					0,884	0,890	0,900	0,950	1,000
Доля инвестиций в основной капитал	2,238	2,269	2,288	2,529	2,649	2,553	2,369	2,453	2,464
					2,532	2,512	2,561	2,592	2,631
Уровень безработицы	0,286	0,293	0,297	0,303	0,302	0,294	0,271	0,270	0,270
					0,295	0,276	0,300	0,320	0,387
Уровень монетизации	5,840	5,099	4,916	4,819	4,999	4,999	4,523	4,082	3,708
					4,871	4,735	4,682	4,403	4,000
Внешний долг	13,79	23,55	28,58	33,99	92,990	88,990	40,000	55,990	63,000
					24,990	37,274	13,872	13,800	12,100
Доля расходов на оборону	1,364	1,289	1,364	1,823	1,823	1,823	1,823	1,823	1,823
					2,462	2,273	2,180	2,180	2,180
Доля затрат на «гражд.» науку	0,733	0,749	0,899	1,000	1,060	1,070	1,200	1,530	1,970
					1,000	1,000	1,130	1,433	1,770
Доля инновационной продукции	0,622	1,029	1,299	1,499	1,850	1,890	2,400	3,600	4,800
					1,590	1,601	2,391	3,600	4,800
Уровень инфляции	8,915	5,569	4,099	3,999	4,300	4,310	4,569	4,990	6,170
					3,694	2,520	3,503	4,050	4,990
Золотовалютные резервы	6,863	8,079	24,69	55,89	95,990	97,990	98,620	100,000	100,000
					84,080	90,610	95,620	100,000	100,000

Нормированные частные показатели экономической безопасности	2001	2003	2005	2007	Прогноз без учета влияния мирового кризиса (дан в 2007 г.) / расчет (оценка) по фактически имеющимся статист. данным, прогноз с учетом влияния мирового кризиса (дан в 2010 г.)				
					2008	2009	2010	2015	2020
Отношение выплат по внешнему долгу к годовому экспорту	3,521	4,067	4,959	4,790	4,999	4,999	5,130	5,560	7,140
					4,893	4,902	5,029	5,560	7,140
Внутренний долг	2,002	2,149	1,989	1,851	1,887	1,882	1,760	1,590	1,250
					1,832	1,541	1,500	1,490	1,250
Доля расходов бюджета на обслуживание гос. долга	0,870	0,799	0,909	1,089	1,150	1,160	1,180	1,320	1,480
					1,140	1,160	1,180	1,320	1,480
Дефицит бюджета центрального прав-ва	1,174	1,089	1,089	1,094	1,429	1,459	2,000	4,000	5,000
					1,281	1,411	2,000	4,000	5,000
Доля маш-строения и металлообработки в пром. производстве	0,930	1,088	1,079	1,099	1,109	1,111	1,120	1,200	1,280
					1,100	1,111	1,120	1,200	1,280
Доля лиц с денежн. доходами ниже прожиточн. минимума	0,275	0,336	0,399	0,479	0,499	0,528	0,693	0,920	1,400
					0,437	0,491	0,529	0,920	1,400
Децильный коэфф. дифференциации доходов населения	0,430	0,445	0,499	0,459	0,459	0,469	0,473	0,440	0,460
					0,443	0,453	0,439	0,440	0,460
Доля импортного продовольствия в общем объеме продов.	1,265	1,349	1,399	1,399	1,399	1,399	1,423	1,451	1,520
					1,381	1,391	1,414	1,451	1,520
Общий (интегралн.) показатель экономич. безопасности	2 044	7 921	77164	630268	7503313	8504226	9508465	140975119	1202900954
					960824	1108762	1806501	37011614	330015121

Таблица 2

Интегральные показатели экономической безопасности для разных государств

	1999	2001	2003	2005	2007	Прогноз без учета влияния миров кризиса (дан в 2007 г.) / расчет (по имеющимся статистич. данным, прогноз с учетом мирового кризиса (дан в 2010 г.)				
						2008	2009	2010	2015	2020
КНР	8,7E+2	2,0E+3	7,9E+3	7,7E+4	6,3E+5	7,5E+6	8,5E+6	9,5E+6	1,4E+8	1,2E+9
						9,6E+5	1,1E+6	1,8E+6	3,7E+7	3,3E+8
Россия	3,1E-4	2,31	5,43	9,5E+2	4,6E+4	6,0E+5	3,0E+6	1,0E+7	1,3E+9	2,6E+11
						1,1E+2	9,06	1,6E+1	5,6E+3	4,5E+6
США	3,9E+6	9,6E+6	2,6E+6	1,1E+6	5,4E+5	7,0E+5	8,5E+5	1,5E+6	4,0E+6	1,3E+7
						1,5E+5	8,3E+4	7,3E+4	5,1E+5	2,0E+6
Индия	3,9E+1	1,3E+2	2,8E+2	1,9E+3	6,0E+3	1,0E+4	2,0E+4	5,0E+4	8,3E+5	1,3E+7
						9,4E+3	1,3E+4	4,1E+4	7,6E+5	1,1E+7

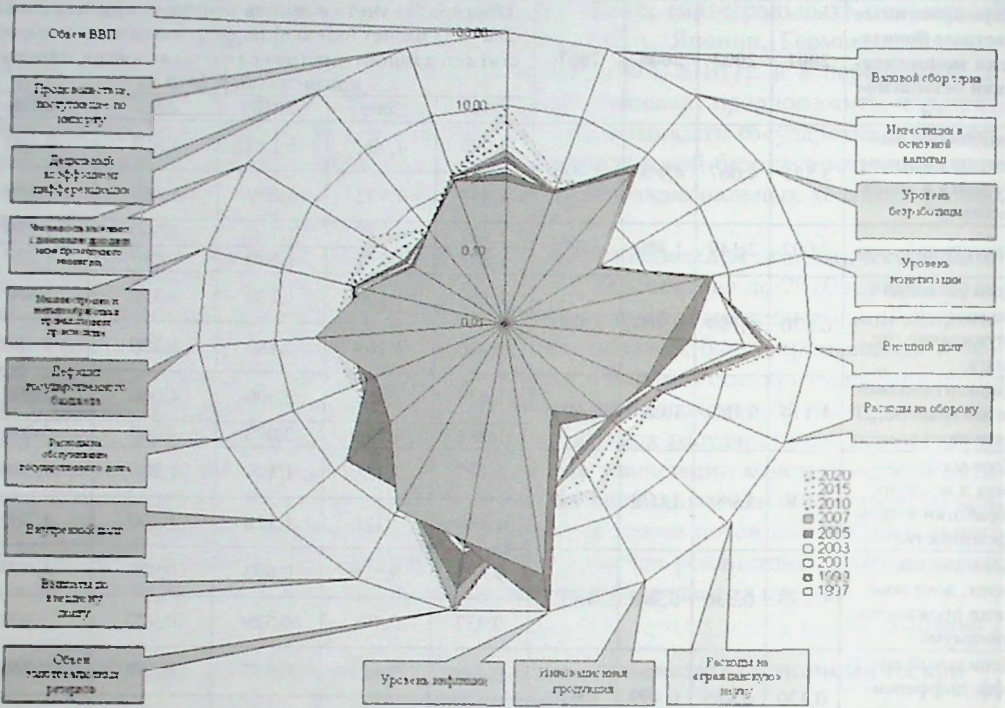

Рис. 1. Показатели экономической безопасности КНР в период 1997–2020 гг. (прогноз 2008 г.)

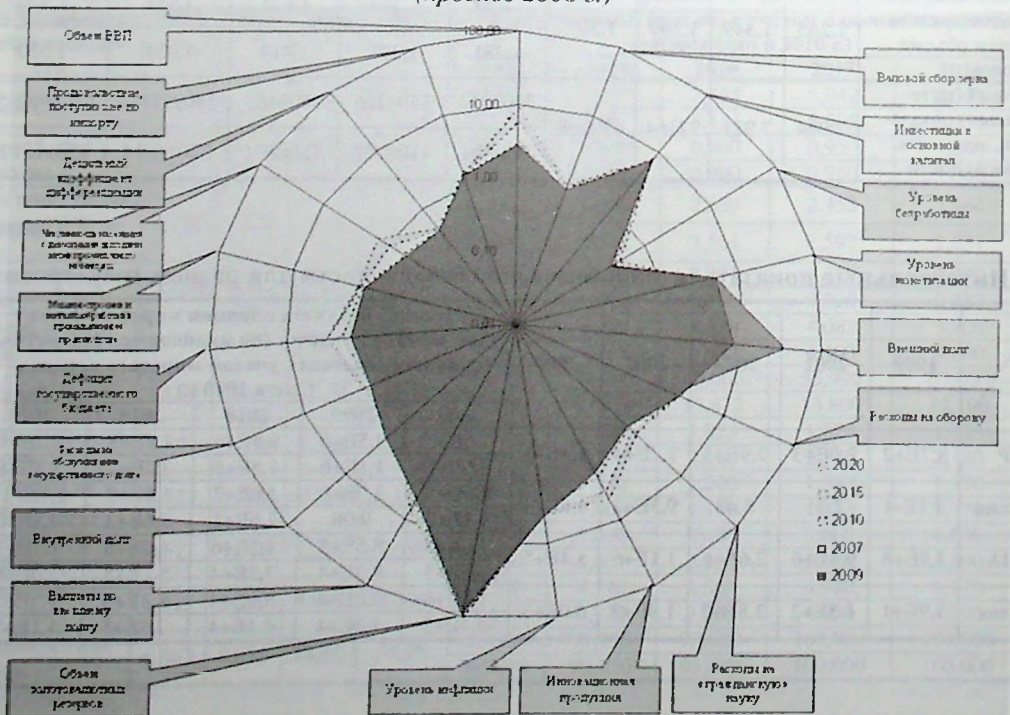

Рис. 2. Показатели экономической безопасности КНР в период 1997–2020 гг. (с учетом влияния мирового финансово-экономического кризиса, прогноз 2010 г.)

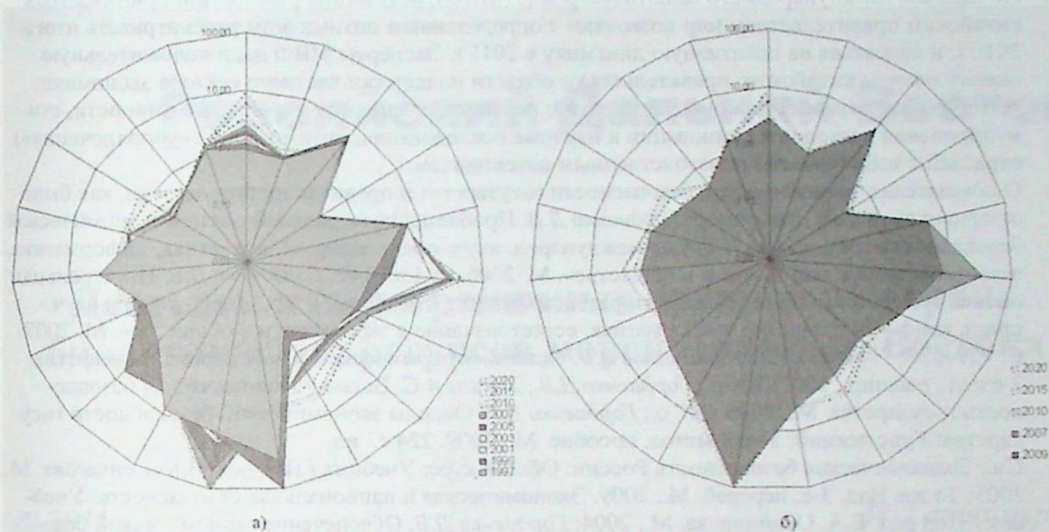

Рис. 3. Динамика изменения уровня экономической безопасности КНР в период 1997–2020 гг без учета влияния мирового финансово-экономического кризиса (диаграмма а), прогноз на 2008–2020 гг. дан в 2007 г.) и с учетом влияния мирового финансово-экономического кризиса (диаграмма б), оценка произведена в 2010 г.)

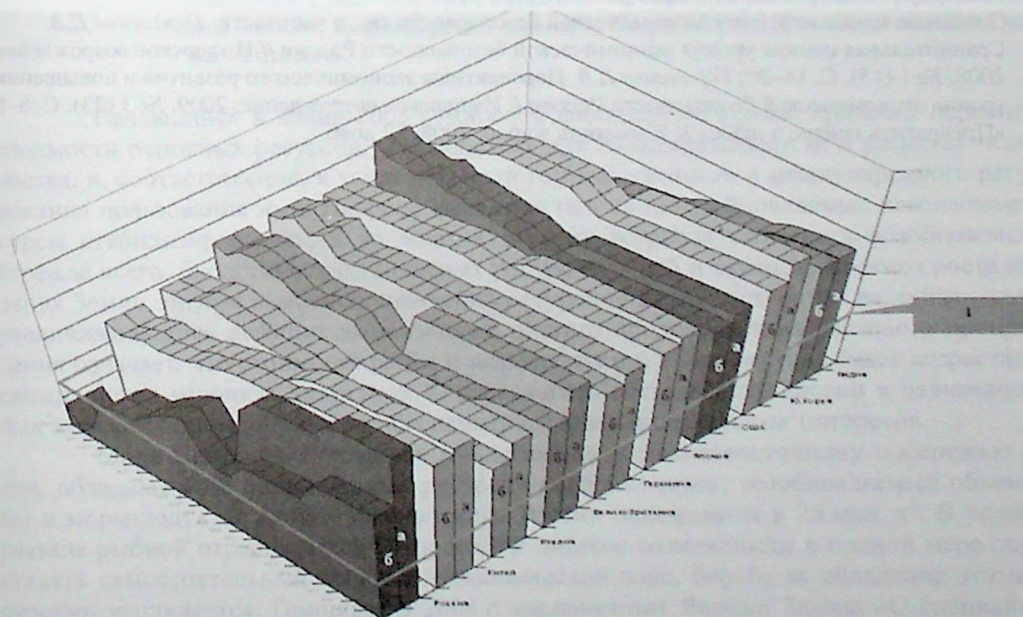

Рис. 4. Сравнительная оценка динамики изменения уровней экономической безопасности государств мира без учета мирового кризиса (а) и с учетом влияния мирового кризиса (б)

1. Чжунго гайгэбао. 2008, 2 дек.
2. См.: Синьхуа. 5.01.2009.
3. См.: Синьхуа. 10.01.2009.

4. По данным Международного валютного фонда (МВФ), результаты реализации принимаемых китайским правительством мер позволяют с определенным оптимизмом рассматривать итоги 2010 г. и надеяться на позитивную динамику в 2011 г. Эксперты МВФ дали положительную оценку планам китайского правительства в области поддержки частного сектора экономики, технического перевооружения предприятий, повышения энергетической эффективности, стимулирования расходов на инновации и научные исследования, оптимизации («упорядочения») отраслей с избыточным производственным потенциалом.
5. О показателях экономической безопасности государства и правилах их нормировки, как было отмечено выше, см., например: *Гордиенко Д.В.* Проблемы интегральной оценки экономической безопасности государства // Труды междунар. науч.-практ. конф. «Математика, информатика, естествознание в экономике и в обществе». М. 2006. С. 136–142; *Гордиенко Д.В.* Интегральная оценка экономической безопасности развитых государств мира // Труды междунар. науч.-практ. конф. «Математика, информатика, естествознание в экономике и в обществе». М. 2007. С. 129–133; *Гордиенко Д.В., Баскаков В.В.* Основы экономической безопасности государства. 2-е изд., расшир., 2007. 164 с.; *Гордиенко Д.В., Хохлов А.С.* Военно-экономическая безопасность государства. М., 2008. 297 с.; *Гордиенко Д.В.* Основы экономической безопасности государства: Курс лекций. Учеб.-метод. пособие. М., 2009. 224 с.: ил.
6. См.: Экономическая безопасность России: Общий курс: Учебник / Под ред. В.К. Сенчагова. М., 2005; То же. Изд. 3-е, перераб. М., 2009. Экономическая и национальная безопасность: Учебник / Под ред. Е.А. Олейникова. М., 2004; *Гордиенко Д.В.* Обеспечение экономической безопасности государства. М., 2009; *Гордиенко Д.В., Баскаков В.В.* Основы экономической безопасности государства. М.: 2-е изд., расшир., 2007. 164 с.; *Гордиенко Д.В., Хохлов А.С.* Военно-экономическая безопасность государства. М., 2008.
7. По оценке ряда экспертов ИДВ РАН, авторы перечня из 19 показателей «экономической безопасности» упустили из вида зависимость экономики от импорта-экспорта, особенно остро проявляющуюся как раз в отношении Китая (*Прим. ред.*)
8. О подходе к оценке уровня экономической безопасности см., в частности: *Гордиенко Д.В.* Сравнительная оценка уровня экономической безопасности России // Имперское возрождение. 2008. № 1 (15). С. 14–20; *Гордиенко Д.В.* Перспективы экономического развития и повышения уровня экономической безопасности России // Имперское возрождение. 2009. № 3 (23). С. 6–13.
9. «Превратить кризис в шанс» // Жэньминь жибао. 2008. 12 нояб.

Российский Дальний Восток

Деятельность пограничных органов по охране биологических ресурсов морей Дальнего Востока

© 2011

И. Гантимуров

В статье освещается деятельность пограничных органов России по защите национальных интересов в ее дальневосточных морских акваториях. Особое внимание уделяется противодействию иностранному браконьерству в целях обеспечения функционирования рыбохозяйственного комплекса страны.

Ключевые слова: морские пограничники, охрана биологических ресурсов, Дальний Восток, браконьерский промысел биоресурсов, 200-мильная морская экономическая зона.

Начавшийся в конце 2008 г. мировой финансовый кризис привел к переоценке стоимости основных ресурсов, необходимых для жизнедеятельности и развития человечества, и, соответственно, к усилению роли государственного и международного регулирования пользования ими. На фоне снижения цен на невозобновляемые ископаемые ресурсы стабилизировалась, а во многих странах возросла стоимость возобновляемых (прежде всего, биологических) пищевых ресурсов морей и океанов. Прогноз роста населения Земли, низкое самовосстановление ресурсной базы, рост затрат на добычу сырья, увеличивающийся дефицит экологически чистого продовольствия белкового происхождения означает, что стоимость рыбы и морепродуктов в перспективе будет возрастать. В сложившихся условиях актуально — исследовать деятельность России в дальневосточных морских пространствах по обеспечению своих национальных интересов.

Моря Северной Пацифики, прилегающие к дальневосточному побережью России, обладают 40% общемировых ресурсов гидробионтов; возобновляемый объем рыбы и морепродуктов экономической зоны России оценивается в 26 млн. т¹. В условиях развала рыбной отрасли, из-за которого РФ лишена возможности в полной мере осуществлять самостоятельный вылов в экономической зоне, борьба за обладание этими ресурсами усиливается. Принятие в 2008 г. парламентом Японии Закона «О специальных мерах, способствующих решению проблем северных территорий», игнорирующего основные положения международного права, явилось первой ласточкой дестабилизации установившегося порядка в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Последовавшие действия Японии, в т.ч. инцидент 30 января 2010 г., когда два японских рыболовных судна, произ-

водившие лов в районе о. Кунашир, не реагировали на сигналы пограничников и даже на предупреждающую стрельбу, представляют собой серьезный вызов, поскольку МИД Японии в ответе на российскую ноту протеста утверждал, что японские промысловики якобы действовали «в рамках законодательства».

Борьба за морские пространства в Тихоокеанском регионе и, соответственно, (за их ресурсы), развернулась во второй половине XX в., когда многие государства начали устанавливать в одностороннем порядке свой суверенитет на 200-мильные морские зоны, прилегающие к их берегам. В условиях отсутствия международно-правовой регламентации этой деятельности об установлении рыболовных (экономических) зон в 1977 г. заявили США, Япония и КНДР. Советский Союз (обладавший самым большим морским и океаническим рыболовным флотом), предвидя вытеснение своих экспедиционных промысловых судов из Мирового океана, также был вынужден принять соответствующие шаги. С 1 марта 1977 г. были введены сначала временные, а с 1 марта 1984 г. — постоянные меры, предусматривающие право регулировать использование ресурсов 200-мильных прибрежных морских районов².

По ходатайству Министерства рыбного хозяйства, невооруженные суда которого не справлялись с задачами контроля за иностранным промысловым флотом, к охране ресурсов прибрежных советских вод были привлечены пограничные войска КГБ СССР, т.е. эта деятельность была приравнена к обеспечению безопасности государства³. 25 февраля 1977 г. Совет Министров СССР определил права погранвойск и органов рыбоохраны в отношении иностранных рыболовных судов. Им предоставлялось право останавливать и осматривать суда: проверять документы и производить осмотр груза и помещений; задерживать суда, нарушающие правила промысла, и доставлять их в один из открытых портов СССР; применять меры административной ответственности и направлять документы для привлечения виновных к ответственности по суду⁴. Для организации слаженности действий всех заинтересованных министерств и ведомств 6 апреля 1977 г. был подписан совместный приказ, утвердивший «Инструкцию о взаимоотношениях и взаимодействии пограничных войск и органов рыбоохраны с силами и средствами Минобороны, Минморфлота, Министерства гражданской авиации и Минрыбхоза при охране рыбных и других живых ресурсов в морских районах, прилегающих к побережью СССР»⁵.

Командование Тихоокеанского погранокруга (начальник войск — генерал-лейтенант В.И. Константинов, начальник морского отдела — контр-адмирал И.А. Шкодин) организовало контроль за иностранным промыслом в тесном взаимодействии с органами рыбоохраны, распределив имеющиеся силы и средства в пяти районах, соответствующих районам ответственности дальневосточных бассейновых управлений рыбоохраны. Организация охраны биологических ресурсов в каждом из районов была возложена на командиров соединений пограничных кораблей, дислоцирующихся в Находке, Невельске, Корсакове, поселке Малокурильское и Петропавловске-Камчатском.

Начавшееся патрулирование с применением пограничной авиации и кораблей в районах, разрешенных для промысла, привело к противодействию со стороны японских рыбаков. Капитаны промысловых судов заявляли, что ведут лов в своей зоне, и предъявляли разрешения на промысел, выданные японскими властями. Им разъясняли принадлежность Курильских островов и предупреждали о недопустимости нарушения законодательства СССР, однако инциденты продолжались. Промысловые суда опасно маневрировали, создавая аварийные ситуации, грозившие столкновением, выбрасывали по курсу приближающегося сторожевого корабля сети, что могло привести к наматыванию их на винты и потере хода корабля. Постепенно силовые действия советских кораблей заставили промысловиков подчиниться требованиям пограничников.

Для координации действий всех сил, осуществлявших контроль за иностранным рыболовством, в ноябре 1977 г. были сформированы Центральный и окружные опера-

тивные штабы. Решениями этих штабов 2–4 раза в год, обобщался опыт охраны живых ресурсов, вырабатывались предложения по ее совершенствованию⁶. Итоги деятельности по охране экономической зоны, обобщавшиеся ежегодно центральным оперативным штабом, показали, что действия пограничных кораблей значительно усилили контроль промысла. Если в 1977 г. кораблями Тихоокеанского пограничного округа было проверено 393 иностранных промысловых судна, из которых 31 оштрафовано за нарушение правил промысла на 165 тыс. руб. и 2 задержаны, то в 1988 г. в результате совместных действий Дальневосточных бассейновых управлений и пограничных войск Камчатского и Тихоокеанского пограничных округов было осуществлено 3785 проверок, вскрыто 250 нарушений, совершенных судами Японии и КНДР, в т.ч. 217 — в экономической зоне и 33 — в Тихом океане на контроле лососевых. Сумма наложенных штрафов и возмещения ущерба составила 1,29 млн руб.⁷

С 1986 г. возникла проблема работы в запретном районе судов третьих стран, в т.ч. тайваньских. Судами Камчатрыбвода отмечалась работа дрейфтерных радиобуев, обнаруживались сети, аналогичные тем, что имелись у тайваньских судов. Часть таких сетей выбиралась рыбоохранными судами. В конце 1986 г. главный инспектор Японии Такэмото передал Камчатрыбводу информацию, что в данном районе работало до 50 тайваньских судов⁸. В 1988 г. пограничным кораблем, выделенным для оказания содействия органам рыбоохраны, по наводке погрансамолета были задержаны суда Тайваня «Ицзи», «Чанг Дар № 1», «Шэнь Фэнь № 11», производившие незаконный промысел лососевых (анадромных) видов за пределами экономической зоны СССР в запретном районе, и японское судно «Кинтоми-Мару № 5»⁹.

Принятие действенных, порой жестких мер пограничниками приводило к тому, что нарушители, боясь ответственности, шли на всяческие ухищрения: заходили в морские районы СССР, как правило, в темное время суток или в тумане, закрывали фанерными щитами, брезентом или сетями бортовые и регистрационные номера и другие опознавательные знаки, устанавливали на судах ложные надстройки из фанеры с целью изменить их силуэт, а иногда даже топили свои суда, как это, к примеру, произошло 20 августа 1978 г., когда экипаж промыслового судна КНДР № 506 затопил его у причала порта г. Находка, не желая выплачивать штраф, наложенный судом.

Действия пограничников позволили отстоять экономическую политику государства, обеспечить регулирование промысла в экономзоне СССР, создав возможность практически беспрепятственной работы советскому рыболовному флоту, ограничив иностранный промысел. Добыча рыбных ресурсов в СССР была поставлена на промышленную основу. В 1988 г. вылов советским флотом по Дальневосточному бассейну стал максимальным, составив 4965 тыс. т. (в 1960 г. — 861 тыс. т. в 1975 г. — 3599 тыс. т). Это позволило существенно улучшить рацион питания населения, который стал составлять 23,2 кг рыбы и рыбопродуктов в среднем по стране на душу населения в год (в 1960 г. — 9,9 кг, а в 1970 г. — 12,6 кг)¹⁰. При этом душевое потребление морепродуктов в среднем по СССР составляло только 69,5% от душевого потребления рыбной продукции в Норвегии и 57% от душевого потребления рыбной продукции в Японии¹¹.

Высокие темпы приловов повлекли истощение наиболее рентабельных объектов рыболовства. Запасы минтая уменьшились наполовину, практически невозполнимый урон был нанесен популяциям камчатского и ряда других видов краба, природный цикл воспроизводства которых составляет 8–10 лет. Существенно подорваны ресурсы лососевых видов рыбы, трески, морского ежа и других беспозвоночных. 1988 г. дал последнюю высокую отметку в развитии дальневосточной рыбной промышленности, далее начался повсеместный спад.

Последствия топливно-экономического кризиса конца 1970-х гг., переход на самофинансирование во второй половине 1980-х гг. привели к крайне тяжелой ситуации. Парадигма развития дальневосточного региона основывалась на идее, когда необходи-

мые ресурсы (капитальные вложения, материально-технические фонды, денежные средства) поставлялись централизованно. К концу 1980-х гг. в СССР уже не существовало реальных источников наращивания объемов инвестиций, и уже в 1989 г. регион был ограничен в капиталовложениях¹². Ситуация вышла из-под контроля, и обнаружился беспрецедентный кризис. Экономика оказалась на грани краха, инфляция стремительно нарастала. В преддверии обещания правительством РФ радикальной реформы хозяйственная жизнь страны оказалась в состоянии паралича. Ожидания чуда «от рывка в рынок» не оправдались¹³.

Суда, поступившие в эксплуатацию в 1960–1970 гг., требовали замены. Высокий процент изношенности флота отмечался еще в декабре 1986 г. на профсоюзной конференции работников морского и речного флота, где говорилось о значительном превышении эксплуатационных сроков судов и о полном отсутствии запчастей для ремонта двигателей¹⁴. В 1990 г. дальневосточный флот уже недоиспользовал 21% своей мощности, а в 1991 г. — 41%. При этом степень износа основных фондов рыбной отрасли региона к 1991 г. составляла 50,9%¹⁵. Резкое повышение цен на энергоносители и другие материально-технические ресурсы, постоянный рост транспортных тарифов, неоправданно жесткая налоговая, кредитная и таможенная политика, отсутствие доступной государственной поддержки — все это повлекло к спаду в рыбопромышленном производстве. Если СССР в мировой иерархии добычи морепродуктов занимал в 1988 г. третье место, то РФ с 1991 г. сместилась на восьмое. Общий объем улова рыбы и добычи других морепродуктов сократился вдвое.

Ликвидация КГБ Законом СССР от 3 декабря 1991 г. привела к череде реорганизаций. В 1991 г. был создан самостоятельный Комитет по охране границы СССР, в июне 1992 г. пограничные войска включили в состав нового Министерства безопасности, а с декабря 1993 г. была создана самостоятельная Федеральная пограничная служба — Главное командование погранвойск, реформированная в декабре 1994 г. в самостоятельную Федеральную пограничную службу Российской Федерации. 2 марта 1995 г. утверждено Положение о ФПС РФ, которое рассматривало ее как федеральный орган исполнительной власти, обеспечивающий реализацию пограничной политики России, в т.ч. и в сфере охраны континентального шельфа и исключительной экономической зоны¹⁶.

На фоне тяжелой экономической ситуации в стране для многих государственных правоохранительных органов, в т.ч. и пограничной службы, возникли существенные проблемы финансирования. В 1994 г. потребности ФПС были удовлетворены на 75%, в 1995 г. — на 50%, в 1996–1997 гг. — на 37%. В этот период морские соединения погранвойск не могли в полном объеме и на должном уровне выполнять поставленные перед ними задачи. Коэффициент использования корабельного состава в службе по охране границы и исключительной экономической зоне резко снизился. Большая часть пограничных кораблей и судов простаивала у причалов. В 1998 г. по причине отсутствия топлива и запчастей из примерно тысячи кораблей и катеров на патрулирование подконтрольных территорий выходило 27–30. В Камчатском морском соединении, к примеру, в 1999 г. имелось только 3 корабля, технически готовых к несению службы¹⁷.

В первые постсоветские годы произошел значительный отток офицеров и мичманов из морских соединений и управлений погранвойск. Причинами этому были частые реорганизации, как и неоднозначное отношение части офицеров к демократизации общества и переводу экономики страны на рыночные отношения, появление нестабильности и неуверенности в завтрашнем дне, обнищание, не позволяющее обеспечить нормальное существование семей. Многие офицеры увольнялись и уходили в коммерческие структуры, где были востребованы их знания и опыт, да и платили больше. Немалую роль сыграли развернутая СМИ кампания по дискредитации КГБ и падение престижа погранслужбы. Некомплект офицерско-мичманского состава в некоторых соединениях

доходил до того, что службу в море несла «сборная команда», переходившая при смене кораблей с одного на другой.

На этом фоне активизировалась деятельность рыболовных судов Японии, Польши, Китая, Южной Кореи, КНДР, Вьетнама и Тайваня по проникновению в экономзону России. Широкий размах приняло браконьерство на южно-курильском направлении. В 1992 г. здесь было зафиксировано 6,700 случаев незаконного промысла, а в 1993 г. количество нарушений приблизилось к 8 тыс.¹⁸ По данным Главного контрольного управления Президента РФ размер неучтенного экспорта рыбы, незаконно добытой в российских водах и вывезенной за рубеж, оценен в 2,5 млрд долл. Наряду с иностранными компаниями и фирмами незаконным промыслом стали активно заниматься и российские рыбаки. Со стороны образовавшихся новых фирм и акционерных предприятий стали отмечаться массовые нарушения по квотам вылова и экспорта рыбопродукции. Законодательство России в должной мере не скорректировало систему контроля и меры ответственности в сложившихся условиях. Лозунг «разрешено все, что не запрещено законом» открыл широкую дорогу для злоупотреблений со стороны отдельных российских фирм и предприятий с привлечением иностранных юридических и физических лиц¹⁹.

Дошло до того, что правительство Японии начало принимать меры по наведению порядка в этой сфере. В 1993 г. Япония создала систему наблюдения за рыболовством в Южно-Курильском районе, включавшей 6 радиолокационных станций в Раусу, Сибэцу, Ёцукай, Ноцукэ, Носапун и Отииси. Она способна обнаруживать суда водоизмещением до 5 т на расстоянии до 25 км на 400-километровой участке от мыса Сиррэтоку до мыса Отииси. Арестовав уже в 1993 г. первых двух нарушителей, японские государственные органы, признав проблему браконьерства, наметили свои пути ее решения²⁰.

В 1994–1996 гг. количество правонарушений в сфере рыбного промысла увеличилось втрое — до 150 тыс. в год, объем конфискованной продукции возрос в 16 раз. Проводимые государством мероприятия не в полной мере решали проблему согласованных действий всех участников процесса реализации пограничной политики. Полномочия и направления деятельности взаимодействующих министерств и ведомств не всегда отвечали интересам друг друга в сфере обеспечения пограничной безопасности. Наглядный пример такой несогласованности: попытка разграничения пределов ведения в сфере охраны морских биоресурсов²¹.

Учитывая, что пограничники являлись серьезным препятствием для браконьеров и обладали необходимыми для выполнения таких функций кораблями, авиацией, базами, подготовленным и дисциплинированным личным составом, Указом Президента России от 29 августа 1997 г. на ФПС была возложена охрана ресурсов территориального моря, исключительной экономической зоны и континентального шельфа Российской Федерации. Для этого была создана Морская охрана (МОХР), прообразом которой должна была послужить береговая охрана США. С 1998 г. в состав МОХР были переданы отделения охраны биоресурсов из Министерства сельского хозяйства, позже реформированные в региональные инспекции, а затем — в государственные морские инспекции.

Во второй половине 1990-х гг. была обновлена нормативно-правовая база охраны биоресурсов. Эти документы не содержали принципиально новых положений, поскольку, как и предыдущие, основывались на Конвенции по морскому праву 1982 г., однако отражали новые сложившиеся реалии. В 1999 г. была установлена система морских контрольных пунктов (точек), через которые должны проходить все промысловые суда, следующие на промысел в исключительную экономическую зону и выходящие из ее пределов по окончании промысла. На Тихом океане было установлено 15 таких пунктов.

В результате решительного противодействия браконьерскому промыслу со стороны пограничников к 2000 г. наметилась тенденция положительных сдвигов. Это стало возможным в результате применения оружия кораблями и пограничными самолетами по судам-нарушителям, в т.ч. и на поражение. Пограничники стали ежегодно

задерживать около 50 судов, привлекая их капитанов к административной и уголовной ответственности.

В мае 2003 г. Указом Президента России ФПС была упразднена, пограничные органы и войска были переданы в ФСБ России. С июля 2004 г. морская охрана была реорганизована в Береговую охрану, основной задачей которой, по-прежнему, осталась охрана экономических интересов страны на море. По результатам 2003 г. за нарушение правил добычи биоресурсов задержано 460 промысловых судов, из которых 5 конфисковано, изъято более 5 тыс. т добытой морепродукции. Сумма штрафов, взысканных за ведение незаконного промысла, составила 160,9 млн руб. и 165,7 тыс. долл.²²

С 2003 г. в Дальневосточном бассейне, в котором вылавливалось 99% лососевых, 100% крабов, свыше 90% камбаловых, около 60% моллюсков и 90% водорослей от общероссийского улова, промысел стабилизировался и рекомендуемый ежегодный вылов стал составлять 3431,6 тыс. т. При этом из 2000 видов различных видов гидробионтов российские рыбаки, в отличие от японских, корейских и китайских, использовали всего несколько десятков, недоиспользуя значительные объекты рыбного промысла, такие как ставрида, скумбрия, криль, сайра²³.

В последние годы приемы браконьерства и незаконного экспорта добытой морепродукции стали разнообразнее. В связи с этим постоянно совершенствуются и меры борьбы с этими массовыми явлениями. Браконьерство в запрещенных районах, промысел запрещенными активными орудиями лова, сокрытие истинных уловов в радиоточках и промысловых журналах, вывод из строя датчиков ведомственной системы автоматического контроля, нелегальная миграция между территориальными водами России, исключительной экономической зоной и иностранными портами, неучтенные перегрузы уловов в море на российские и иностранные транспорты, многообразные квалифицированные формы подделки промысловых документов, коносаментов, печатей таможенных и пограничных служб, уклонение от уплаты таможенных платежей и налогов, увод судов под «чужой флаг», подкуп должностных лиц — основные способы нарушения российских законов, регламентирующих вылов морепродуктов²⁴.

Борьба с браконьерством является приоритетным направлением в работе береговой охраны ФСБ России, совершенствующей формы и методы силовых воздействий на нарушителей. Учитывая эффективность применения корабельных вертолетов, их все чаще стали использовать для освещения обстановки и высадки осмотровых групп на суданарушители. В 2008 г. в Пограничном управлении ФСБ России по Приморскому краю введены в строй вертолетные комплексы на патрульных судах «Шкипер Гек», «Маньчжур» и «Херлуф Бидstrup». Увеличилось число контрольно-проверочных мероприятий, проведенных инспекторами Государственной морской инспекции: 3800 в 2009 г. против 1800 в 2007 г. И, как следствие, вдвое увеличилось количество выявленных нарушений природоохранного законодательства. За неполный год силами береговой охраны задержано за различные правонарушения 9 промысловых судов, 7 из которых — иностранные. Общая сумма наложенных на нарушителей штрафов превысила 13 млн руб.

Значительная активизация применения сил и средств Пограничной службы, открытое силовое воздействие по отношению к браконьерам привели к существенному сокращению объемов незаконного вывоза морепродукции за пределы России, однако коренным образом переломить ситуацию пока не удастся. Практика показала, что одними силовыми действиями без формирования правовой базы отношений в рыбной отрасли преодолеть ситуацию невозможно. Несмотря на постоянное совершенствование законодательства, главные недоработки остаются неискорененными. В их числе следующие.

1. Крайне низки санкции, накладываемые на нарушителей. Они должны быть на уровне тех, что накладываются в США, а именно, приводить к разорению фирмы, даже если нарушение совершило одно из судов. Минимальный штраф должен быть эквивалентен 1 млн долл. США.

2. Изжило себя положение, когда наказанию подвергается только капитан судна. На борту каждый, вплоть до буфетчицы, знает, что идут «браконьерить», и знает, какой ущерб будет нанесен государству. Поэтому целесообразно, чтобы ответственность распространялась на весь экипаж.

3. Необходимо учитывать и «вспомогательные» положения Уголовного кодекса Российской Федерации, такие как, например, ст. 227 УК РФ «Пиратство». «Плавание без флага, названия судна или с подложными документами, либо с документами, по которым нельзя определить хозяина судна» — все это также должно приравниваться к пиратству, поскольку в таковое состояние приводятся вполне, поначалу, законопослушные суда, либо уже похищенные (захваченные) с целью последующего использования для реализации разнообразных криминальных умыслов.

4. Назрела и необходимость, делая упор на экономические рычаги, принять меры по переводу основных рынков (аукционов) рыбопродукции, добываемой в российской дальневосточной экономзоне, с японской территории на территорию прибрежных российских регионов.

Концепция развития рыбного хозяйства Российской Федерации на период до 2020 г., одобренная распоряжением Правительства России от 2 сентября 2003 г., предполагает совершенствование системы государственного контроля, надзора и охраны морских биологических ресурсов и среды их обитания, усиление ответственности в целях предотвращения и пресечения браконьерства, нелегального производства рыбной продукции и вывоза этой продукции за рубеж, нарушений правил рыболовства. Она предусматривает и создание мер по развитию российского рыбохозяйственного комплекса, стимулированию рыбопромыслового флота⁵⁵. На деле, окончание первого этапа реализации Концепции рассчитано до 2012 г., а фактически, принимаемые на федеральном уровне и в регионах меры носят, по большей части, половинчатый и декларативный характер, не подкрепляются адекватной финансовой и законодательной базой, механизмом их реализации.

Слабую эффективность принимаемых мер наглядно демонстрируют бюджетные показатели деятельности рыбопромышленного комплекса Сахалинской области в соответствии с соответствующими показателями японского порта Момбецу, оперирующего на начальных этапах реализации и переработки добываемой в российской экономической зоне, рыбопродукции.

Чистая прибыль рыбопромышленников порта Момбецу, согласно официальным отчетам, только на крабе, добываемом в российской экономзоне, составляет 15 млрд японских иен. Ежегодно в качестве налогов перечисляются суммы, аналогичные 24–28 млн долл. А консолидированный бюджет Сахалинской области и суммы налоговых отчислений в федеральный бюджет от 580 предприятий рыбной отрасли составляют около 720 млн руб. (29 млн долл. США). Примерное равенство поступлений в казну от рыбопромышленников только одного порта Хоккайдо и рыбопромышленного комплекса всей Сахалинской области (удельный вес которой в освоении водных биологических ресурсов Дальнего Востока составляет 21,8%) свидетельствует, что российская рыбопромышленная отрасль и российские морские ресурсы фактически ориентированы на обеспечение экономических выгод и продовольственной безопасности Японии, Южной Кореи и других стран АТР и лишь в последнюю очередь — России.

Много нерешенных вопросов в рамках правового поля остается и в деятельности государственной морской инспекции Пограничной службы. Ряд ведомств постоянно, с момента передачи функций охраны морских биологических ресурсов пограничникам в 1997 г., предпринимает попытки взять под контроль эту сферу деятельности. Дело в том, что в настоящее время нет таких организаций, которые имеют соответствующие силы и средства и были бы способны выполнять функцию охраны морских ресурсов. Федеральное агентство по рыболовству, правопреемник органов рыбоохраны Минрыбхоза, ранее

занимавшихся охраной биоресурсов, не имеет, да и не имело достаточного количества специалистов и судов. Опыт показал, что, в лучшем по всем показателям 1988 г. к охране экономзоны органами всех дальневосточных управлений рыбоохраны Минрыбхоза привлекалось 7 судов рыбоохраны и 28 судов производственного объединения «Дальрыба». Причем на патрулировании постоянно находилось не более 12 судов²⁶.

Анализ законодательно-нормативной базы позволяет сделать вывод, что Федеральное агентство по рыболовству функционирует, в первую очередь, как оператор по извлечению прямых валютных поступлений от продажи морских биологических ресурсов, затем, как один из малоэффективных элементов охраны этих ресурсов и уже в последнюю очередь — как ответственный организатор рыбопромышленного комплекса страны, обязанный обеспечить экономическую и продовольственную безопасность России в современных экономических и геополитических реалиях. Уже давно назрела необходимость проведения проверки обоснованности многих решений по предоставлению права продажи рыбных ресурсов иностранным компаниям, принятым по ходатайству Госкомрыболовства администрациями регионов. Ими, кроме всего прочего, нарушается положение п. 3 ст. 9 Закона «Об исключительной экономической зоне Российской Федерации» от 17 декабря 1998 г. № 191-ФЗ, которая гласит: «Иностранные заявители могут использовать живые ресурсы в научных, промысловых и других целях после удовлетворения всех заявок российских заявителей при условии, что российские заявители не имеют возможности выловить весь допустимый улов заявленных видов живых ресурсов в конкретных промысловых районах...»²⁷.

А тем временем российские рыбаки, не имея современного оборудования и технологий, не способны обеспечить морепродуктами население России. Тем более, не в состоянии выступать в качестве равноправного партнера на Азиатско-Тихоокеанском рынке, где наши экспортные возможности сводятся лишь к поставкам сырья и мороженных полуфабрикатов по соответствующим ценам. Нынешнее состояние рыбохозяйственной отрасли, многочисленные противозаконные ухищрения российских рыбаков спровоцированы, по большей части, еще и тем, что в отечественных портах их ожидают не только высокие налоговые сборы, административный пресс многочисленных контролирующих служб, но также и сомнительные штрафы, таможенные и портовые сборы (к примеру, за остатки топлива, питьевой воды и т.п.), чрезмерно высокие цены за снабжение, профилактические, осмотровые и ремонтные работы. Вытесняемые таким образом в иностранные порты и под «чужие флаги», российские рыболовецкие суда увозят туда же потенциально сопутствующую прибыль отечественных судоремонтников, снабженцев, рыбопереработчиков, а также рядовых оптово-розничных торговцев.

1. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. Р—266. Оп. 1. Д. 700. Л. 120–125.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 7523. Оп. 117. Д. 1133. Л. 3.
3. ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 16. Д. 315. Л. 196–198.
4. Собрание постановлений правительства СССР. 1977. № 11. Ст. 68.
5. *Мошков Ф.А.* Морпогранохрана России: от Петра I до наших дней: Кр. истор. очерк. М., 2005. Вып. 2. С. 276.
6. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 8202. Оп. 23. Д. 419. Л. 13–20.
7. РГАЭ. Ф. 8202. Оп. 23. Д. 1342. Л. 18–19.
8. РГАЭ. Ф. 8202. Оп. 22. Д. 965. Л. 36–37.
9. РГАЭ. Ф. 8202. Оп. 23. Д. 1320. Л. 3–5.
10. ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 144. Д. 841. Л. 8–9.
11. ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 102. Д. 180. Л. 45–46.
12. Государственный архив Приморского края (ГАПК). Ф. Р-113. Оп. 1. Д. 461. Л. 56.
13. *Ишаев В.И.* Стратегическое планирование регионального экономического развития. — Владивосток, 1998. С. 37.

14. ГАХК. Ф. Р-801. Оп. 2. Д. 600. Л. 33.
15. ГАПК. Ф. Р-801. Оп. 1. Д. 719. Л. 34.
16. *Мошков Ф.А.* Указ. соч. С. 316–320.
17. Там же. С. 322–323.
18. *Боярский В.И., Дмитриев В.А., Кудинов Н.Н.* Пограничный надзор на море: Истор. документ. очерк. М., 2006. С. 196–198.
19. *Тварковский Л.С., Минервин И.Г.* Охрана живых ресурсов российского Дальнего Востока (вторая половина XIX—XX в.). Н. Новгород, 2003. С. 106–107.
20. *Боярский В.И., Дмитриев В.А., Кудинов Н.Н.* Указ. соч. С. 202–203.
21. *Кравчук С.А.* Формирование пограничной политики России в Дальневосточном регионе (90-е годы XX века). Хабаровск, 2007. С. 24.
22. *Боярский В.И., Дмитриев В.А., Кудинов Н.Н.* Указ. соч. С. 232–234.
23. Государственный архив Сахалинской области (ГАСО). Ф. 264. Оп. 1. Д. 5324. Л. 1.
24. РГАЭ. Ф. 8202. Оп. 23. Д. 1342. Л. 18–19.
25. Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 36. Ст. 355.
26. РГАЭ. Ф. 8202. Оп. 23. Д. 1241. Л. 5–6.
27. Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 51. Ст. 6273.

Государство и общество

Стратегия развития местного электронного правительства в Республике Корея

© 2011

Чжоу Чжун Хэи

Все основные виды деятельности местных органов власти были компьютеризированы к концу 2007 г. Сейчас проект местного электронного правительства находится на второй стадии и движется к третьей и четвертой стадиям. Предстоит рассмотреть вопрос о развивающейся модели, перспективах и специфических путях, демонстрирующих систему местных электронных правительств в Корее. *Ключевые слова: информационные технологии, местное электронное правительство, информатизация администраций местного самоуправления, непрерывное управление.*

Введение

Основная инфраструктура электронного правительства Республики Корея была сформирована во второй половине 1980-х гг., а в ноябре 2002 г. начал свою работу сайт электронного правительства (www.egov.go.kr), который предоставлял административные услуги (представление необходимых документов по жалобам и требованиям граждан, а также выдача различных документов) в режиме он-лайн.

При президенте Ли Мен Баке был осуществлен переход к электронному управлению органов местной власти. В декабре 2008 г. создан «Основной план информатизации страны» и выдвинута стратегия «Креативность и высокоразвитое информационное общество», обещающая превратить РК в высокоразвитое государство.

Формирование местного электронного правительства как основы регионализации и децентрализации, началось в 1987 г. и носило поэтапный характер, но достижений пока немного. Хотя в отдельных учреждениях доля операций по электронному обслуживанию уже превышает 90%¹, системная связь между ведомствами и обмен административной информацией, необходимые для предоставления гражданам бесперебойных услуг и обеспечения высокоэффективной политики, в настоящий момент ведутся в ограниченном режиме, а управление информационными ресурсами по-прежнему производится разрозненно. Несмотря на то, что на административную модернизацию направлены огромные бюджетные инвестиции, она до сих пор находится в процессе внедрения.

Чжоу Чжун Хэи, докторант университета Чунан (г. Сеул, Республика Корея), ведущий консультант SAMSUNG SDS. E-mail: jooahaeng.cho@samsung.com.

Современное состояние и проблемы местного электронного правительства РК

Роль и функции местного электронного правительства РК

Местное электронное правительство создано в целях представления в электронном виде административной деятельности местных органов самоуправления, а также для сокращения разрыва в уровне информатизации между центром и регионами или между отдельными регионами. Хотя такой способ информатизации, направленный на выполнение совместных действий, критикуется за то, что не учитывает различные условия, в которых находятся органы местного самоуправления, он все же является основой для развития стратегии информатизации, отдельно подготовленной для каждого органа самоуправления. Большой плюс также в том, что появляется возможность сократить огромные инвестиционные расходы на информационные ресурсы, которые могут возникнуть при формировании единой системы по каждому органу самоуправления.

Местное электронное правительство — это основной источник первичной информации. Таковая появляется на административной площадке города—уезда—района и сосредоточивается вокруг определенного домена в провинции или городе с правами провинции, в связи с чем центральное правительство должно уметь планировать политику, имеющую высокую степень реализуемости.

Содействие развитию местного электронного правительства Республики Корея

К настоящему времени с помощью местного электронного правительства, в Корею были произведены разного рода проекты по трем основным осям: эффективная внутренняя обработка административных данных, улучшение услуг, предоставляемых гражданам, информационно-ориентированное управление.

Начнем с обработки данных. Проект по информатизации местной администрации на уровне города — уезда — района начался в 1987 г. с создания базы данных административной информации, связанной с регистрацией граждан, недвижимостью и повседневной жизнью граждан, а уже на настоящий момент в 232 органах местного самоуправления по стране используется одинаковая система по выполнению 31 вида работ.

Проект по информатизации города и провинции также начался с целью преодоления разрыва в уровне информатизации между регионами. Также была создана стандартная система по выполнению 24 общих административных задач и завершено ее распространение в 16 городах и провинциях, а на настоящий момент формируется территориально-административная система, осуществляемая путем слияния с географической информационной системой (GIS).

Второе — развитие системы услуг, предоставляемых гражданам. Для этого еще с 1991 г. осуществляется работа по оказанию услуг, наиболее тесно связанных с повседневной жизнью граждан, — регистрация нового бизнеса, рождение ребенка, внесение изменений в регистрацию гражданина, гражданская оборона и т.п. На настоящий момент работает услуга «заявление по требованиям и жалобам не выходя из дома», включающая в себя выдачу электронной копии регистрационной карточки гражданина через сайт электронного правительства (www.egov.go.kr).

Третье — информационно-ориентированное управление как способ интегрированного управления внедряемыми информационными ресурсами: создан центр технической поддержки при Корейском научно-исследовательском институте развития локальной информации; осуществляется мониторинг ошибок в режиме реального времени, а также интегрированное управление информационной системой. Для повышения квалификации госслужащих с 2005 г. работает система дистанционного образования.

Проблемы в развитии местного электронного правительства

Хотя формирование местного электронного правительства привело к таким достижениям, как предотвращение двойных инвестиций, сокращение инвестиционного разрыва, обеспечение стандартной основы в информатизации местных правительств, нельзя не упомянуть и о существующих проблемах, таких как односторонняя информатизация, проводящаяся под руководством центра, недостаточные инвестиции в информатизацию местных правительств, масштабность сферы интегрированного управления.

Проблема в системе развития проекта: парадокс системы развития и характера выполняемых работ. В проекте местного электронного правительства в РК сложилась парадоксальная ситуация в отношениях между заданиями, требующими горизонтального сотрудничества, и организационной структурой, требующей системы подчинения по вертикали. Конкуренция и конфликт между ведомствами больше всего проявляются в области информатизации работ и с самого начала имели предрасположенность к обострению возникающей между ведомствами проблемы обособления². Такого рода конфликты и соперничество между центральными ведомствами несут опасность возникновения двойных инвестиций в информатизацию местного органа самоуправления.

Проблемы финансовой независимости: плохие условия для финансовой независимости и низкий процент инвестиций в информатизацию. Доля финансовой независимости местных органов самоуправления составляет в среднем 52,2% по стране, а на долю инвестиций в информатизацию приходится 0,86%³. Эти показатели говорят о том, что для стимулирования информатизации собственными силами бюджетных средств недостаточно. Если в прошлом разница в уровне информатизации была связана с различиями уровня инфраструктуры между регионами, в настоящий момент она ощущается в разнице качества доступа к контенту предоставляемых услуг.

Предоставление услуг «по Интернету» позволяет избежать пространственных и временных ограничений, и некоторые органы самоуправления уже оказывают разного рода услуги таким способом. Но хотя наличие различных каналов доступа расширяет возможности граждан, разрыв в уровне информатизации между органами самоуправления из-за разницы в финансовых возможностях все больше увеличивается, отчего развитые становятся еще развитее, а неразвитые еще больше отстают.

Проблемы в компетенции управления: масштабность сферы управления информационными ресурсами. За время продвижения информатизации количество вычислительной техники росло в среднем на 20% в год, а количество серверов, используемых органами местных самоуправлений превышает более 8800 штук⁴, вызывая такие проблемы, как увеличение затрат на техническое обслуживание серверов, а также чрезмерное потребление электроэнергии. В каждом органе самоуправления установлены и обслуживаются компьютерные залы, увеличивается количество внедренных серверов, требующих увеличения операционного персонала, 77% из которых заняты на обслуживании залов⁵.

Настало время комплексного управления вычислительными ресурсами и выделения средств на издержки по замене персонала.

Направления развития местных электронных правительств

Модель развития местных электронных правительств

Компания Gartner Group предлагает модель четырехступенчатой реализации электронного правительства, а именно: первая ступень — это подача, вторая — взаимодействие, третья — он-лайн транзакция и последняя — преобразование. В конечном счете, предоставление комплексных услуг осуществляется на последней ступени⁶.

Большинство моделей развития электронных правительств сосредоточены на внутренней концепции преобразования. При таком подходе обратная связь между про-

цессом изменения конечного результата самой «услуги» получателем этой услуги и предприятиями может остаться незамеченной.

Следовательно, в новой модели должны быть учтены не только внутренние особенности органов самоуправления, но и обзор услуг электронных правительств, а также политика участия на основе обратной связи с получателями услуг электронного правительства — народом и предприятиями.

По теории четырехступенчатой модели компании Gartner Group для развития каждой ступени местного электронного правительства необходимо следующее⁷:

	1 ступень	2 ступень	3 ступень	4 ступень
Ключевые ценности	Увеличение производительности труда внутри организации	Увеличение производительности труда между организациями	Достижение взаимодействия в работе местных правительств и центральных правительств/ведомств	Формирование партнерских отношений с частным сектором
Основное содержание	Компьютеризация бухгалтерской работы, данных и информации главных документов	Группирование видов работ между организациями и центральным правительством/ведомствами	Фактические сделки правительства и частного сектора	Создание устойчивых ценностей через соединение основ сектора местных правительств и гражданского сектора
Основные сферы	G2E (правительство для сотрудников)	G2G (правительство для правительства)	Правительство и горожанин, правительство и предприятие	Создание взаимной сети между сектором местных правительств, гражданским сектором, предпринимательским сектором
Основные драйверы	Руководство поставщика услуг (правительство)	Руководство поставщика услуг (правительство)	Руководство пользователя (горожанин)	Руководство пользователя (горожанин)
Уровень услуг	Обеспечение обычной информацией (информация об организациях, информация о деятельности, возможность скачивания формы административных организаций)	Форма портала местных правительств	Предоставление в персонализированном, индивидуальном виде	Развиваясь в сторону интеллектуализации, создание ценного портала в сети повышения ценности
Средство предоставления услуги	Сочетание он-лайн и офф-лайн услуг	Перенос многих частей в форму он-лайн	— Сочетание существующей формы предоставления услуг он-лайн с беспроводной формой — Балансировка качества услуг между средствами предоставления услуг	Ступень повсеместного канала с полностью сбалансированным и равномерным качеством

	1 ступень	2 ступень	3 ступень	4 ступень
Уровень бизнес-интеграции	Полностью изолированная от других отделов форма	Частичная интеграция внутри формы, связующей функции различных организаций, имеющих аналогичный характер или аналогичную цель деятельности	— Полная интеграция внутри формы, связующей функции различных организаций, имеющих аналогичный характер или аналогичную цель деятельности — Ренижинринг повторяющихся бизнес-процессов между ведомствами	Формирование внутрикластерной сети и постоянное повышение процесса создания новой цепочки ценностей
Гражданское участие	Основная работа ограничена лишь принятием жалоб и советов через окошко,	— Ценность, ориентированная на рядового горожанина — Взаимодействие местных правительств и гражданского сектора через электронную почту и интернет-форум (доски объявлений)	— Функция такого участия как обратная связь и высказывание мнения на каждую отдельную транзакцию услуги. — Развитие концепции Управления по связи с горожанином	Групповая обратная связь с несколькими ведомствами или с соответствующими организациями и учреждениями по поводу одного мнения

Вектор развития местного электронного правительства в РК.

На настоящее время развитие местного электронного правительства в РК прошло вторую ступень и находится на пороге третьей, но для дальнейшего перехода необходимо «взять 9 больших стратегических высот».

Непрерывность потоков информации

Для предоставления бесперебойных услуг необходим гибкий интегрированный процесс, в то время как в настоящее время преобладает линейный процесс, при котором информация движется вверх-вниз и ни в коем случае не попадает в соседнюю организацию, — такая модель приводит к своего рода монополии на информацию.

Для непрерывности потока информации требуется, чтобы накопленные в городе, уезде, районе данные «двигались» бы не только вертикально по цепочке центр — город и провинция — город, уезд, район, но и горизонтально — между местными правительствами.

Необходимым также является создание инфраструктуры обмена информацией, в которой информация будет собираться в режиме реального времени. Для этого необходима разработка и обслуживание стандартизированной электронной информационной основы, состоящей из общей информации, приложений, технологических платформ, и сети. Так станет возможным обмен информацией и ресурсами, и работа станет более рациональной.

Что же касается системы предоставления непрерывных услуг гражданам по их требованиям и жалобам, то ее основой является получение услуги в любом месте и в любое время по одному заявлению. Для этого необходим переход действующего процесса рассмотрения жалоб на систему работы с совместным использованием информации разными ведомствами, инновационная деятельность операционного офиса, а также обеспечение «одного окна», через которое горожане и предприятия смогут легко и удобно воспользоваться административными услугами.

Предоставление гражданам персонализированных, индивидуализированных услуг

Для поддержки клиентов и поиска прибыли в гражданском секторе, используется управление взаимоотношениями с клиентами (далее «CRM»), при применении которого необходимо учитывать следующие ограничительные условия:

Во-первых, основным условием успеха CRM является «обмен информацией». В случае с государственным сектором в РК, где сотрудничество между ведомствами осуществляется тяжело, непрерывный обмен информацией ограничен. Это делает невозможным интегрированное управление отношениями с клиентами и затрудняет предоставление гражданам и предприятиям индивидуализированных пакетов услуг.

Во-вторых, основным объектом применения CRM является «ценный частный клиент». Но для предоставления индивидуальных услуг обязательным является хранение и анализ данных огромного масштаба, отчего возникают большие издержки на создание необходимой инфраструктуры.

В-третьих, обеспокоенность общества личной конфиденциальностью и безопасностью может стать большим препятствием, поэтому обязательно следует учитывать инвестиции на защиту личной информации и безопасное управление, необходимое для получения общественной поддержки.

Оказание индивидуальных услуг, в том числе таких, как заявление или изменение даты и места тренировочного дня резервных войск и служб гражданской обороны, заблаговременное уведомление о регулярных обновлениях таких разрешительных бумаг, как разрешения, лицензии, проверки, и др., возможно уже сейчас.

Сбор обширной информации и расширение возможностей для прогнозирования

Развитие информатизации должно осуществляться в сторону укрепления аналитического потенциала и сбора базовой информации, необходимой для принятия стратегии. Для этого нужно обеспечение информацией из различных источников, а также безошибочный процесс сбора и анализа данных. То есть, необходима возможность оказания своевременной поддержки политического решения путем многомерного анализа и различных видов моделирования.

Для этого полученные через различные каналы опыт и знания должны быть эффективно интегрированы в процесс политического решения, плюс создана инфраструктура обмена знаниями и их проверки.

Осуществление эффективного администрирования

С 1980-х гг. тенденция максимизации эффективности постепенно усиливается⁸. Уже в 2005 г. ведущие местные правительства разработали самую главную часть системы управления результатами — так называемый индекс эффективности.

Целью контроля эффективности было совершенствование процесса принятия решений менеджеров-организаторов, повышение ответственности за работу с гражданами, экономия бюджетных средств и рациональное распределение финансов. Результаты оценок продуктивности использовались и как стандарт для определения наказания или вознаграждения сотрудников.

В будущем контроль эффективности должен укрепляться путем тщательной диагностики стратегических элементов политических целей, установленных местными правительствами. Это станет способом поощрения и инновационным инструментом в улучшении рабочей атмосферы (избавит от таких иррациональных элементов, как землячество, принцип старшинства и др.), благодаря чему будет сформирован квалифицированный персонал. Целью этого контроля должна быть не сама оценка, а постоянная бизнес-инновация, а также укрепление навыков принятия решений, улучшение коммуникации и совместной деятельности внутри структуры.

Гражданское участие и прозрачность.

Несмотря на то, что институциональные рамки, предназначенные для укрепления права на получение информации граждан и увеличения государственной прозрачно-

сти, расширены пересмотренным Законом о свободе информации, на сегодняшний день уровень контроля свободы информации, ощущаемый народом, невелик. Кроме этого, для усиления прозрачности процесса принятия решений по требованиям и жалобам граждан необходимо, чтобы он проходил открыто.

В настоящее время экономика, культура и форма деятельности претерпевают изменения под напором таких технологий как Web2.0, ценный возможностью совместного пользования информацией, и Web3.0, предлагающий индивидуально-ориентированные услуги, в связи с чем ожидается проникновение в стратегический процесс новых форм, таких как социальные сети, используемых ранее только в потребительской сфере.

С точки зрения интерактивности, доступности и простоты использования, следует активно рассмотреть предоставление услуг с помощью Web X.0, мобильных платформ, цифрового телевидения, краудсорсинг, находящий стратегические идеи с помощью интернета и решающий возникающие проблемы, и активное внедрение оказания административных услуг в форме редактируемых страниц «Вики», позволяющих интенсифицировать обратную связь.

Эффективное использование информации

Существующую систему управления знаниями органов самоуправления можно определить как расширение знаний методом копирования. Для качественного расширения этой системы необходимо увеличение количества информации и знаний, создающихся внутри организации, а также система, контролирующая этот процесс.

Для этого, в свою очередь, необходимо внедрение новой системы связей, которая соединит знания с базовой моделью органов самоуправления, интеграция процессов создания знаний и выполнения работ.

Высокоэффективные экологически чистые услуги

Правительство РК, пропагандируя политику «низкоуглеродного зеленого роста»⁹, прилагает усилия для изменения экономики, структуры промышленности, а также образа жизни народа. Для этого необходимо обеспечить безбумажное оказание административных услуг населению, а также создать систему управления информационными ресурсами, основанную на «облачной» обработке данных.

Создание интеллектуальной системы управления

Технологическое развитие меняет образ жизни людей, ускоряя переход общества на обмен информацией с помощью подключения к сети, не испытывающей ограничений во времени и пространстве. Технология считывания и анализа информации в режиме реального времени позволяет оптимально реагировать на определенную ситуацию, делая анализ и прогноз, взаимно соединяя результаты считывания и оцифровывая информацию с помощью технологий типа: сенсорные сети, радиочастотная идентификация, географически привязанные сервисы, замкнутая телевизионная система. Также она может оказать воздействие на другие области, делая возможным применение информационных технологий в таких сферах, как мониторинг окружающей среды, борьба со стихийными бедствиями и разрушениями, логистика.

Следовательно, с помощью выявления сходного набора элементов основных технологий должен быть найден путь создания общей платформы, позволяющей заранее устранять лишние затраты и увеличивать взаимодействие.

Диверсификация методов финансирования с помощью местного электронного правительства

Низкий уровень финансирования органов самоуправления может привести к ограничениям и без того низкой автономной информатизации, сделать невозможным участие в деятельности центрального правительства, увеличить разрыв в информатизации между органами самоуправления, имеющими разное финансовое обеспечение.

Государственное финансирование обеспечивает надежное и последовательное осуществление стратегии, но улучшения качества местных электронных правительств по всей стране, требующих крупномасштабных денежных вливаний, в действительности, достичь не позволяет. Отсюда следует, что настало время не только финансирования из госбюджета, но и активного привлечения инвестиций частных и государственных компаний. Местному правительству необходимо сократить инвестиционные риски и начальные затраты, создав инновационную бизнес-модель, и одновременно проводить активизацию инвестиций, предоставляя гражданам мотивацию для предоставления качественных электронных услуг. Правительству же нужно предоставить руководящие принципы для инвестиций, необходимых в государственно-частное партнерство реализации информатизации, а также составить план общего финансирования в значимые, но рыночно непривлекательные проекты.

Заключение

Местному электронному правительству в РК, завершающему в настоящий момент второй этап своего развития, необходимо готовиться к третьему и четвертому этапу одновременно. Но нынешняя ситуация сложилась таким образом, что развитие местных электронных правительств отстает от уровня развития центральных властей из-за неправильного подхода. Местное электронное правительство — это ключевой источник поставки первичной информации для выработки государственного политического курса и базовая бизнес-среда для реализации электронного правительства в целом. Поэтому необходимо развивать его системно, рассматривая его как одно целое с электронным правительством страны.

Для того, чтобы планируемые результаты стали реальностью, необходимы время, старание и срочные бюджетные вливания. Не менее необходимо сформировать постоянно действующий совет местных электронных правительств, в котором будут участвовать ИТ-директора центральных ведомств, городов и областей, а также уездов и районов. Также необходимо увеличение восприятия информатизации со стороны жителей регионов, а также более усиленная поддержка для сокращения внутренних административных затрат.

1. Министерство государственного управления и безопасности. 2007 Annual Report for e-Government project. Сеул, 2008. С. 62.
2. Чжон Чун Сик. Теория электронного правительства. 2-е изд. Сеул, 2009. С. 416–418.
3. Министерство государственного управления и безопасности: Сб. материалов по положению с административно-информационными ресурсами». Сеул, 2006. С. 18.
4. SAMSUNG SDS. Научный отчет о направлениях развития информатизации местного правительства. Сеул, 2009. С. 94.
5. Там же. С. 95.
6. Gartner's Four Phases of E-government Model: Research Note. 12. 2000.
7. Там же. С. 95.
8. Исследовательский центр оценки политики Кореи. Предпосылки и цель внедрения системы управления результатами. Сеул, 2004. С. 1.
9. Развитие путем уменьшения выбросов тепличных газов, за счет снижения потребления углеводородов в качестве топлива.

Поиски модели медицинского страхования в КНР

© 2011

А. Королев

С 2002 г. в сфере здравоохранения в Китае наблюдается переход от чрезмерной маркетизации к новым формам государственного регулирования, предпринимаются попытки вновь сделать предоставление медико-санитарных услуг общественно финансируемой отраслью. Поиски оптимальной модели медицинского обеспечения представлены как процесс развития четырех независимых систем страхового охвата населения: базовой медицинской страховки для городских работников, новой кооперационной схемы медицинского страхования сельских жителей, системы страхования городских жителей и базовой схемы медицинского страхования для трудовых мигрантов: с их последующей интеграцией во всеобщий страховой план, принятый в марте 2009 г. По прошествии нескольких десятилетий рыночных реформ китайское руководство старается вновь включиться в управление здравоохранением и сделать его эффективным инструментом институционального строительства.

Ключевые слова: Китай, медицинское страхование, модели медицинского обеспечения

С тех пор как на 3-м пленуме ЦК КПК 11-го созыва в декабре 1978 г. китайское руководство решило вступить на путь социальной модернизации и запустило политику реформ и открытости, Китай выдерживал беспрецедентные в истории темпы экономического развития. На протяжении последних 30 лет ВВП Китая ежегодно рос на 9,6%, а доля населения, живущего за чертой бедности, сократилась с 85% до 15,9%, т.е. на 600 млн чел.¹ Такие внушительные достижения стали возможны благодаря внедрению в китайскую экономику рыночных механизмов, что повысило ее эффективность и производственный потенциал. Однако, помимо впечатляющих темпов роста ВВП, свободное воздействие рыночных факторов на распределение ресурсов создало множество серьезных проблем в сфере социальных услуг и гарантий. С этой точки зрения одним из наиболее интересных аспектов современной институциональной трансформации Китая является эволюция его системы здравоохранения.

С конца 1980-х гг., в ходе рыночных реформ китайское руководство предпринимало существенные шаги по маркетизации и приватизации здравоохранения. Значительно уменьшилось государственное финансирование, появился ряд негосударственных акторов, активно внедрялись рыночные принципы и практики. Предоставление медико-санитарных услуг в значительной степени стало ориентироваться на получение дохода. В сфере здравоохранения, характеризующейся большой информационной асимметрией и острой проблемой «фиаско рынка» (market failure)², последствиями таких перемен стали неэффективное использование медицинских ресурсов и «порочные стимулы» (perverse incentives) в системе расчетов. Остро встала проблема неадекватности покрытия меди-

инских страховок, резко возросли «выплаты из своего кармана». На фоне стремительного роста цен в здравоохранении все это привело к обострению социального неравенства в сфере использования медуслуг. Такая ситуация нашла выражение в популярной в народе фразе «*каньбин нань, каньбин гуй*» (ходить в больницу сложно и дорого) и в известной сельской поговорке: «Как только завоет сирена скорой помощи, приходится продавать свинью; стоит лечь в больничную койку, как целый год работы уходит в трубу; если подхватишь серьезную болезнь, десять лет сбережений сводятся на нет». Очевидно, что в социальной сфере КПК, которая в 1978 г. провозгласила курс на социалистическую модернизацию, сделала китайское общество еще в большей степени капиталистическим, чем большинство рыночных экономик Запада.

Однако с 2002 г., то есть с переходом власти к новым лидерам страны во главе с Ху Цзиньтао, руководство КНР начало реформировать социальную сферу и принимать активное участие в регулировании здравоохранения, пытаясь сделать медицинские услуги более доступными для большинства китайских граждан. В число основных реформаторских инициатив этого периода вошли: новая схема сельского кооперативного страхования, система страхования городских жителей, базовая схема медицинского страхования для трудовых мигрантов и модернизация уже существовавшей схемы медицинского страхования для городских рабочих и служащих³. Кроме того, в марте 2009 г. была запущена «новая реформа здравоохранения», согласно которой все эти четыре схемы интегрируются в новую национальную систему всеобщего охвата, которая должна гарантировать равный доступ к основным услугам здравоохранения для всех граждан к 2012 г.⁴

Предпосылки: от плана к рынку в здравоохранении

Эволюция китайской системы здравоохранения в период с 1949 по 2002 гг., так же как и последствия политики маркетизации и приватизации медицины в 1980—1990-х гг., хорошо освещены в литературе⁵. Проблемы, вышедшие на передний план в первую четверть века рыночных реформ, многочисленны и взаимосвязаны. В обобщенном виде китайское постреформенное здравоохранение до 2002 г. можно охарактеризовать такими макротенденциями, как быстрый ежегодный рост общих расходов на здравоохранение, пропорциональное снижение роли государства в этих расходах, сокращение страхового покрытия. Все эти процессы шли одновременно и свидетельствовали об отказе (или неспособности) государства выступать основным гарантом защиты здоровья граждан.

В постреформенный период ежегодный рост общих расходов на здравоохранение в Китае достигал 11,8% и, таким образом, значительно опережал темп роста ВВП, который в среднем составлял 9,6% в год⁶. Период наиболее стремительного роста пришелся на вторую половину 1990-х гг. (1996—2002), когда ежегодный прирост ВВП отставал от роста расходов на здравоохранение в среднем на 5 процентных пунктов (табл. 1). За период с 1978 по 2003 гг. доля подушевого дохода, затрачиваемая на медицинские услуги, возросла с 1,9% до 4,7%⁷. В денежном эквиваленте ежегодные подушевые расходы на здравоохранение выросли в 40 раз: с 11 до 442 юаней (или с 1,35 до 55 долл. США)⁸.

В то же время значительно изменилась структура расходов. Государственные расходы на здравоохранение выросли по абсолютному показателю, но их доля в общих затратах по этой статье упала с 32,1% в 1978 г. до 15,7% в 2002 г. Участие государства в общих расходах на здравоохранение росло в период с 1978 по 1985 гг., после чего начало стремительно сокращаться и за 17 лет с 1985 г. по 2002 г. сократилось на 22,9 процентных пункта. Аналогичная картина наблюдалась в случае с социальным страхованием, доля которого в структуре общих расходов сократилась с 47,4% в 1978 г. до 26,6% в 2002 г. Что касается некомпенсируемых индивидуальных выплат «из кармана», то они почти утроились как по абсолютным, так и по относительным показателям: с 20,4% в 1978 г. до 60% в 2001 г. (табл. 2).

Таблица 1

Рост расходов на здравоохранение в КНР (1996—2009, %)

Год	Прирост ВВП	Прирост общих расходов на здравоохранение	Доля ВВП, расходуемая на здравоохранение
1996	10.01	18.13	3.81
1997	9.30	16.22	4.05
1998	7.83	16.11	4.36
1999	7.62	11.44	4.51
2000	8.43	11.06	4.62
2001	8.30	7.37	4.58
2002	9.08	14.52	4.81
2003	10.03	10.85	4.85
2004	10.09	7.81	4.75
2005	10.43	9.95	4.73
2006	11.65	9.71	4.67
2007	11.93	9.03	4.52
2008	9.00	8.9	4.83
2009	8.7	10.9	4.96

Источник: Чжунго вэйшэн шиэ фачжань цинкван цзяньбао [Краткие доклады о состоянии развития здравоохранения в КНР]. — <http://www.moh.gov.cn/publicfiles/business/htmlfiles/zwgkzt/pnb/index.htm>

Таблица 2

Структура расходов на здравоохранение в КНР 1978–2009 гг.

Год	Общие расходы (млрд юаней)	Доля государства (%)	Доля социального страхования (%)	Индивидуальные расходы (%)
1978	11.021	32.1	47.4	20.4
1980	14.323	36.2	42.6	21.2
1985	27.900	38.6	33.0	28.5
1990	74.739	25.1	39.2	35.7
1995	215.513	18.0	35.6	46.4
1996	270.942	17.0	32.3	50.6
1997	319.671	16.4	30.8	52.8
1998	367.872	16.0	29.1	54.8
1999	404.750	15.8	28.3	55.9
2000	458.663	15.5	25.6	59.0
2001	502.593	15.9	24.1	60.0
2002	579.003	15.7	26.6	57.7
2003	658.410	17.0	27.2	55.9
2004	759.029	17.0	29.3	53.6
2005	865.991	17.9	29.9	52.2
2006	984.334	18.1	32.6	49.3
2007	1157.397	22.3	33.6	44.1
2008	1453.540	24.7	34.9	40.4
2009	1720.481	27.2	34.6	38.2

Источник: 2010 Чжунго вэйшэн тунци няньцзянь [Статистический ежегодник здравоохранения КНР за 2010 г.]. — <http://www.moh.gov.cn/publicfiles/business/htmlfiles/zwgkzt/ptjnj/index.htm>

Рост общих расходов и изменения в структуре финансирования происходили в отсутствие стратегии медицинского страхования. В городских и сельских районах Китая доля застрахованного населения (и без того представленная меньшинством) продолжала постоянно сокращаться. Согласно данным 3-го национального исследования медицинских услуг в Китае, доля городского населения, охваченная схемами медицинского страхования (будь то базовая медицинская страховка для городских работников или старые схемы трудовых и государственных страховок), сократилась с 70,9% в 1993 г. до 49,8% в 1998 г. и до 39,0% в 2003 г. В сельских же районах доля застрахованного населения сократилась с 5,8% в 1993 г. до 4,7% в 1998 г. и до 3,1% в 2003 г.⁹ Более того, застрахованные, как правило, имели сравнительно высокий доход и даже в отсутствие страховок были менее уязвимы материально. Процент участия в страховых планах среди групп с низким доходом был еще ниже. Эти тенденции усугублялись тем фактом, что стоимость медицинского обслуживания росла существенно быстрее доходов населения. В сопоставимых ценах доход на душу населения в период с 1989 по 2001 гг. в Китае вырос в 5,44 раза в городах и в 3,93 раза в сельских районах, тогда как цены на диагностические, лечебные и стационарные услуги в городах и деревнях возросли в 9,65 раза и 9,98 раза соответственно¹⁰. Другими словами, стоимость медицинских услуг росла почти вдвое быстрее доходов городского населения и втрое быстрее доходов сельского населения.

Такая ситуация создавала множество проблем и часто провоцировала социальную напряженность, которая подрывала общественную поддержку взятого руководством экономического курса и ставила под угрозу успех его реализации. Все это заставило новое китайское руководство предпринять более решительные меры по реформированию здравоохранения.

Реформы здравоохранения в КНР после 2002 г.

Руководство КНР осознало, что для осуществления «сбалансированного развития» и строительства «гармоничного общества» необходимы более активные инициативы в социальной сфере. В этом смысле 2002 г. можно считать началом исторической трансформации: отхода от сугубо экономической политики 1980—1990-х гг. к новой модели развития, в которой социальная политика вновь обретает важность и становится эффективным инструментом государственного развития¹¹.

Во-первых, изменились идеологические установки. На XVI съезде КПК руководящая формула китайских экономических реформ «Отдавать предпочтение эффективности при надлежащем внимании к справедливости» сменилась новой — «Отдавать предпочтение эффективности в первичном распределении, придавать особое значение справедливости в перераспределении»¹². Это означало, что руководство КНР намеревается более активно регулировать влияние рыночных факторов на распределение ресурсов посредством налогообложения, изменения законодательной базы и других мер, нацеленных на предоставление гарантий социально незащищенным группам. Во-вторых, смена идеологических установок развития была подкреплена интенсивными практическими мерами. Как показано в табл. 1 и 2, начиная с 2002—2003 гг. темп роста общих расходов на здравоохранение замедлился почти на 5 процентных пунктов (табл. 1), а доли государства и социального страхования в структуре общих расходов увеличились на 11,4% и 8% соответственно. В то же время, доля индивидуальных расходов сократилась на 17,3% (табл. 2).

За этими переменами стоит серия конкретных реформ в сфере здравоохранения. Были созданы четыре «сетки гарантий» («*баосянь ван*», буквальный перевод английского термина «safety net»): 1) базовая медицинская страховка для городских рабочих и служащих (БМСГР); 2) новая кооперативная система медицинского страхования (НКМС) для сельских жителей; 3) базовая медицинская страховка для городских жителей

(БМСГЖ) и 4) базовая медицинская страховка (БМС) для трудовых мигрантов. Чтобы показать путь к страховому плану всеобщего охвата, принятому в 2009 г., рассмотрим каждую из четырех реформ отдельно.

Схема 1: Базовая медицинская страховка для городских работников

Базовая медицинская страховка для городских работников (БМСГР) впервые была принята в 1998 г. Это была первая система социального медицинского страхования в реформенном Китае. Ее основной задачей было предоставление страхового покрытия большему числу городских работников, а также сдерживание стремительно растущих цены на медуслуги¹³. БМСГР должна была интегрировать две старые системы медицинского страхования — «*лао бао*» — страховка для рабочих государственных предприятий — и «*гунфэй иляо*» — государственная страховка для всех госслужащих, ветеранов-инвалидов, преподавателей университетов и студентов, которые обеспечивали городскому населению доступ к основным услугам здравоохранения со времени основания КНР. Однако БМСГР в корне отличалась от предшествующих схем медобеспечения. Эти отличия предопределили необходимость ее модернизации в последующие годы.

Первое отличие заключалось в том, что тогда как «*лао бао*» и «*гунфэй иляо*» носили обязательный характер, то участие в БМСГР было добровольным. В случае с «*лао бао*» работодатель был обязан предоставить базовый страховой пакет своим работникам и нес ответственность за гарантии его исполнения. Расходы на здравоохранение рабочих были включены в издержки каждого производственного проекта, а конкретные суммы выплат определялись согласно расчетным листам предприятий. В 1969 г. Министерство финансов издало постановление о создании Социального фонда работников предприятий¹⁴, что свидетельствовало об обязательном характере системы «*лао бао*». В случае с «*гунфэй иляо*» правительство осуществляло финансирование по принципу «специальные средства для специального пользования» (специальное пользование, в данном случае, означало предоставление медицинских услуг), что тоже свидетельствовало об обязательном характере системы. Таким образом, присоединение к «*лао бао*» и «*гунфэй иляо*» было практически автоматическим для всех работников соответствующих учреждений.

В случае с БМСГР участие не было обязательным. Финансово успешные предприятия часто приобретали другие, более полные страховые пакеты самостоятельно. Предприятия, в которых преобладали молодые работники, предпочитали не вступать в БМСГР. Финансово стесненные организации не имели ресурсов на участие. Как следствие, страховое покрытие работающего городского населения стало крайне неоднородным, а решение о присоединении к БМСГР, по большей части, зависело от воли работодателя, а не от нужд работника¹⁵.

Второе отличие заключалось в страховом охвате. Как «*лао бао*», так и «*гунфэй иляо*», так или иначе, включали членов семей работников. В случае с «*лао бао*» прямые родственники рабочих могли пользоваться бесплатными диагностическими и лечебными услугами в поликлиниках и госпиталях при предприятиях, а также рассчитывать на 50-процентное возмещение расходов на операции и лекарства. В случае с «*гунфэй иляо*» трудовой коллектив (*даньвэй*) создавал пул средств для оплаты медицинских расходов на лечение родственников или привлекал необходимые ресурсы из иных социальных фондов¹⁶. Таким образом, хотя до начала экономических реформ качество медицинских услуг и не было высоким, комбинация страховых схем «*лао бао*» и «*гунфэй иляо*» обеспечивала недорогой и равный доступ к медицинским услугам фактически для всех городских жителей. Новая система БМСГР не охватывала членов семей и иждивенцев, а также самозанятых, работников неформального сектора и трудовых мигрантов. Поэтому переход к системе БМСГР не реализовал поставленных целей. Доступ к медицинским услугам стал определяться не нуждами, а уровнем дохода городских жителей. В 1998 г. доля застрахованных в нижнем квинтиле доходов составляла лишь 20,1%, тогда как среди са-

мых состоятельных — 63,3%. К 2003 г. застрахованная часть граждан среди бедных и богатых составляла 12,2% и 70,3% соответственно¹⁷. Из-за этого БМСГР прозвали «клубом для богатых»¹⁸, поскольку социально незащищенные группы оставались за бортом новой системы.

Таким образом, расширить страховое покрытие не удалось. Наоборот, доля застрахованного городского населения сократилась с 49,9% в 1998 г. (когда БМСГР еще не существовала) до 43% в 2003 г.¹⁹ Несмотря на то, что одной из главных целей БМСГР было увеличение числа застрахованных среди городских работников, фактический охват сократился на 6,6%.

На 3-м пленуме ЦК КПК 16-го созыва 14 октября 2003 г. руководство КПК приняло «Решение ЦК КПК по некоторым вопросам совершенствования системы социалистической рыночной экономики», где в качестве приоритетных задач были провозглашены «улучшение трудоустройства, перераспределение доходов и укрепление системы социального обеспечения»²⁰. В рамках данного подхода страховой охват БМСГР был расширен посредством включения в него работников негосударственного сектора, городских самозанятых и неформальных рабочих.

В сентябре 2004 г. Госсовет КНР обнародовал Белую книгу о политике Китая в сфере социального обеспечения, в которой утверждалось, что «государство будет и дальше расширять охват медицинского страхования, чтобы постепенно предоставить базовую медицинскую страховку городским работникам всех сфер занятости»²¹.

Двумя годами позже, в ноябре 2006 г., еще один документ — «План развития трудового и социального обеспечения в одиннадцатой пятилетке 2006—2010 гг.»²² подчеркнул важность создания всесторонней системы социального обеспечения. В качестве основных ставились задачи: гарантии равного доступа к базовым медицинским услугам для людей всех сфер занятости, улучшения управления БМСГР, внедрения полноценного механизма защиты здоровья, развития системы фондов экстренной медицинской помощи, постепенного создания многоуровневой системы страхования с акцентом на базовые медицинские услуги²³.

В результате этих и ряда других мер количество застрахованных по программе БМСГР в 2005 г. составило 137 млн, а к 2006 г. эта цифра возросла до 157 млн — значительный прогресс по сравнению с 2003 г., когда система покрывала только 109 млн работников (табл. 3).

Таблица 3

Городское население со страховкой БМСГР после 2003 г.

Год	Охват БМСГР		
	Общее число застрахованных (млн чел.)	Работающие (млн чел.)	Пенсионеры (млн чел.)
1998	—	—	—
2003	109,02	79,75	29,27
2004	124,04	90,45	33,59
2005	137,83	100,22	37,61
2006	157,32	115,80	41,52
2007	180,20	134,20	46,00
2008	199,96	149,88	50,08
2009	219,38	164,11	55,27

Источник: 2011 нивь Чжунго вэйиэи туици тияо [Обзор статистики здравоохранения КНР, 2011 г.]. — <http://www.moh.gov.cn/publicfiles/business/htmlfiles/zwgkz/tpjty/index.htm>

Однако дальнейшее расширение БМСГР наталкивалось на ряд сложностей. Помимо проблем с мигрирующими рабочими, сложно было выработать страховые форматы для работников организаций со смешанной собственностью и негосударственных предприятий. В то же время низкодоходные предприятия, неспособные (или нежелающие) осуществлять страховые платежи, оставляли своих работников без страховки. Вставала необходимость введения дополнительной схемы страхования, способной охватить тех, кто не вполне подходил под форматы БМСГР. Такая схема — Базовая медицинская страховка для городских жителей (БМСГЖ) вступила в действие в 2007 г. Для сохранения хронологического порядка предварим ее анализ рассмотрением новой кооперативной системы страхования сельских жителей (НКМС).

Схема 2: Новая кооперативная система страхования сельских жителей

Эволюция сельского здравоохранения в Китае представляет особый интерес, поскольку в значительной мере свидетельствует о политике руководства КНР в отношении самой многочисленной и в то же время самой малообеспеченной демографической группы — сельских жителей.

Будучи приоритетом государственной политики дореформенного периода, сельское здравоохранение оказалось в крайне невыгодном положении после начала экономических реформ. В дореформенный период сельское здравоохранение было организовано в известную кооперативную систему медицинского страхования, которая была официально принята в ноябре 1959 г., после того как Министерство здравоохранения провело в провинции Шаньси общенациональную конференцию, посвященную проблемам здравоохранения на селе. Через 6 лет, 26 июня 1965 г., Мао Цзэдун огласил директиву 626 — «люэрю чжишии», потребовав основной акцент работы здравоохранения перенести в деревню²⁴. Данная директива послужила толчком к развитию коллективной системы «босоногих врачей» в деревенских и поселковых клиниках. Ориентированная на бедные слои населения, кооперативная система сельского медицинского страхования стала приоритетом китайской политики в области здравоохранения.

В начале 1960-х гг., сельская кооперативная система охватывала 20—30% сельского населения; в 1975 г. охват достиг 84,6%²⁵ и превысил 90% к концу 1970-х гг.²⁶ — достижения, получившие высокую оценку Всемирной организации здравоохранения в 1980 г. и сделавшие китайскую систему здравоохранения на селе всемирно известной как образец высокой эффективности.

С началом экономических реформ в китайской деревне была внедрена подрядная «система производственной ответственности» («Ляньчянь чэнтао цзэжэнь чжи»). Согласно новой системе, коммуны, формировавшие экономическое ядро кооперативной системы страхования, замещались домашними хозяйствами как основной производственной единицей. В результате был дезинтегрирован экономический базис кооперативной системы и количество застрахованных начало сокращаться. Процесс ускорился после ликвидации системы народных коммун в 1983 г. Так, если в 1979 г. доля сельских жителей, практиковавших коллективную медицину, составляла 90%, то в 1985 г. она упала до 5%. В 1989 г. эта цифра составила 4,8%²⁷. Без поддержки коллективной экономики сельская кооперативная система медицинского страхования окончательно рухнула.

В 1990-е гг. предпринимались многочисленные попытки воссоздать кооперативную систему и повторить успешный опыт 1960—1970 гг. Но несмотря на множество решений на официальном уровне²⁸, из-за недофинансирования значительного прогресса здесь достичь не удалось. После десятилетних попыток кооперативная система страхования не была восстановлена. Ее охват никогда не превышал 10% сельских жителей²⁹. В сельском Китае, где уровень доходов населения не позволял платить за медицинские услуги из своего кармана, это порождало тревожные тенденции.

37% сельских жителей, нуждавшихся в медицинских услугах, не могли попасть к врачу, 65% нуждавшихся в госпитализации не были госпитализированы. В 1993 г. 58,8% из них не были госпитализированы из-за неспособности платить; в 1998 г. эта цифра составила 65,25%. Более того, национальное исследование медицинских услуг, проведенное в 1993 г., показало, что «бедность из-за болезней» (poverty due to illness), составила 21,61% общей бедности в сельских районах КНР. В некоторых районах эта цифра превышала 50%³⁰. По словам профессора политологии Китайского университета Гонконга Ван Шаогуана, все это затягивало крестьянские семьи в порочный круг: «обнищание — болезнь — обнищание»³¹. Из-за низких доходов сельские семьи не могли оплачивать ни медуслуги, ни страховые взносы. Коммерческие страховые компании, заинтересованные в повышении собственной прибыли, не хотели работать с неплатежеспособными крестьянами. В Китае с его огромным сельским населением такое положение дел подрывало доверие к властям и создавало ряд серьезных проблем для дальнейшего проведения экономических реформ.

Ситуация начала меняться с 2003 г. (график 1), после того как руководство КНР осознало серьезность положения и учредило «Новую кооперативную систему медицинского страхования».

В ноябре 2002 г. ЦК КПК и Госсовет КНР приняли «Решение о дальнейшем усилении сельского здравоохранения»³², которое определило основные цели развития новой кооперативной системы. «Решение» требовало от правительств разных уровней разработки системы медицинского страхования, которая снизила бы для сельских жителей риски «катастрофических» затрат на здравоохранение. Ожидалось, что новая система покроет всех сельских жителей к 2010 г. Параллельно с развитием НКСМС «Решение» потребовало создать государственно финансируемую программу защиты от непредвиденных медицинских расходов («*цзяо цзючжунь*»)³³, нацеленную на поддержку самых бедных групп населения в деревнях и городах, особенно тех, кто подпадал под программы социальной помощи («*тао кунь*» (особо бедные) и «*ди бао*» (минимальные гарантии))³⁴. Эти меры стали важным дополнением к новой кооперативной системе.

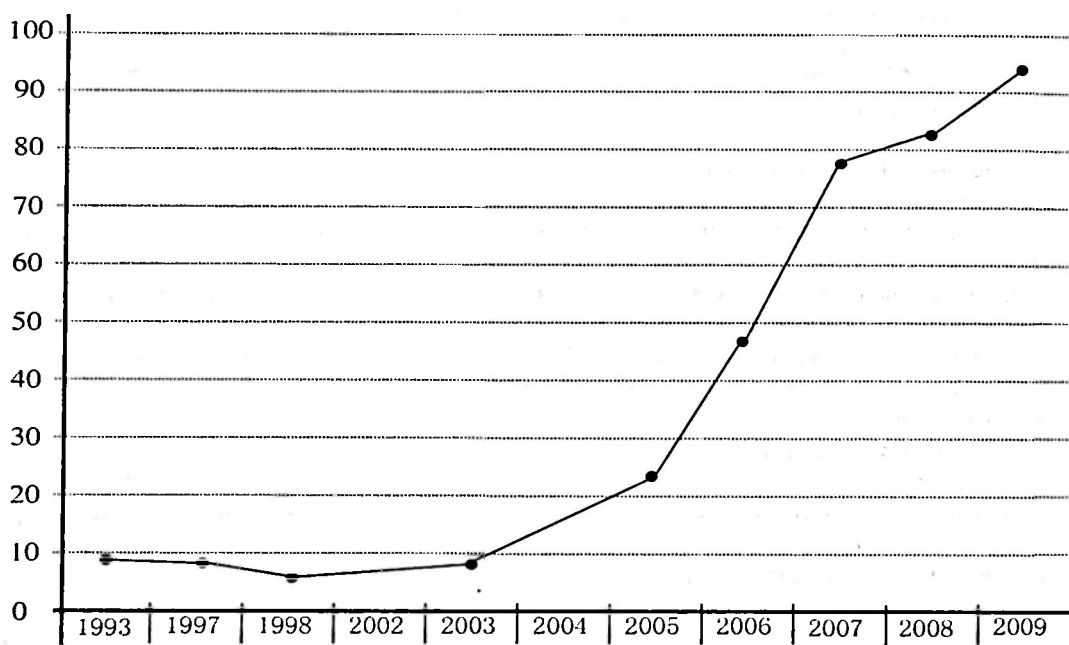
В том же году Госсовет КНР провел общенациональную конференцию в Пекине, посвященную проблемам сельского здравоохранения, где были разработаны основные направления развития НКСМС. Во-первых, участие в НКСМС объявлялось добровольным. Во-вторых, административное управление системой закреплялось за уездным уровнем. В-третьих, часть финансирования предписывалось получать от правительства (центрального и регионального), а часть — из взносов самих крестьян. Также НКСМС подразумевала участие всех членов семьи³⁵.

Официально НКСМС была принята в январе 2003 г., когда Госсовет КНР одобрил «Уведомление о создании НКСМС» («*Гуанюй цзяньли синьсин нунцунь хэцзо шяо чжиду цзюань дэ тунчжунь*»), после чего новая система стала быстро развиваться. Количество уездов, в которых была введена НКСМС, возросло с 310 в 2004 г. до 2451 в 2007 г. и до 2716 в 2009 г.³⁶ Доля застрахованных возросла с 9,5% сельского населения в 2003 г. до 82,83% в 2008 г.³⁷ Согласно статистике Министерства здравоохранения КНР, в 2009 г., охват НКСМС достиг 94% сельского населения³⁸.

Основной характеристикой НКСМС стало усиление роли государства. В 2003 г. центральное правительство КНР субсидировало программы НКСМС в центральных и западных провинциях в размере 10 юаней на человека в год. В 2006 г. субсидии как центрального, так и местных правительств на каждого жителя центральных и западных провинций возросли до 20 юаней³⁹. Руководство страны обещало к 2010 г. увеличить страховые субсидии в центральных и западных районах до 80 юаней на человека в год, из них 40 юаней должно было выплачивать центральное правительство и 40 — местные⁴⁰.

График 1

Страховой охват НКСМС в период 1990—2000-х гг. (процент сельского населения)

Источник: 2011 нянь Чжунго вэйшэн тунци тияо [Обзор статистики здравоохранения КНР, 2011 г.] —

<http://www.moh.gov.cn/publicfiles/business/htmlfiles/zwggkzt/ptjty/index.htm>

Официальная статистика также фиксирует рост ставок страховых премий, выплачиваемых по программе НКСМС. В 2006 г., страховые выплаты в среднем составляли 52,1 юаней на человека; в 2007, 2008 и 2009 гг. суммы выплат возросли до 58,9, 96,3 и 113,4 юаней соответственно. Помимо сумм, резко возросло и количество выплат. Так, в 2004, 2005, 2006, 2007, 2008 и 2009 гг., количество индивидуальных компенсационных выплат составило 76, 122, 272, 453, 585 и 759 млн человек-раз с общими суммами компенсаций 2,64, 6,18, 15,58, 34,66, 66,20, 92,29 млрд юаней соответственно (табл. 4).

Таблица 4

Страховые премии НКСМС (2004—2009)

Год	Сумма страховых премий (чел/юань)	Кол-во выплат (млн. человек-раз)	Общая сумма страховых выплат (млрд. юаней)
2004	50,4	76	2,64
2005	42,1	122	6,18
2006	52,1	272	15,58
2007	58,9	453	34,66
2008	96,3	585	66,20
2009	113,4	759	92,29
2010	156,6	1087	118,78

Источник: «2011 нянь Чжунго вэйшэн тунци тияо [Обзор статистики здравоохранения КНР, 2011 г.] — <http://www.moh.gov.cn/publicfiles/business/htmlfiles/zwggkzt/ptjty/index.htm>

Увеличение финансирования способствовало быстрому развитию новой системы. Тем не менее, НКМС — это лишь один, хотя, возможно, наиболее важный компонент формирующейся системы здравоохранения КНР. По-прежнему остро стоит вопрос предоставления медико-санитарных услуг, исчисляемых миллионами трудовым мигрантам, перебирающимся из деревень в города в поисках трудоустройства. По мнению некоторых аналитиков, принимая во внимание огромную численность «подвижного населения» и его важную роль в экономическом развитии Китая, успех реформы здравоохранения в значительной мере будет определяться тем, насколько страховая медицина сможет «дотянуться» до этой группы⁴¹. С 2002 г. развитие НКМС сопровождалось рядом мер, нацеленных на решение этой задачи.

Схема 3: Базовая медицинская страховка для трудовых мигрантов

По мере экономического развития Китая, интенсивных процессов модернизации и урбанизации значительно повысилась мобильность китайского населения, особенно возросла миграция из деревень в города. Предоставление страховых гарантий постоянно мигрирующему сегменту населения представляет ряд трудностей. Как было показано выше, основной каркас существующей системы медицинского страхования в Китае состоял из БМСГР и НКМС, а также дополнительной схемы защиты от непредвиденных медицинских расходов «цзяо цзючжун». Присоединение к той или иной схеме и получение того или иного пакета услуг определялось местом жительства и пропиской, городской или сельской. В такой ситуации трудовые маятники «нунминьгун» (работающие в городах крестьяне), будучи одновременно и крестьянами, и рабочими, оказались в страховом вакууме.

Как жители с сельской пропиской *нунминьгун* должны быть охвачены сельской системой НКМС. Но жизнь и работа в городах делает возврат в деревню каждый раз, когда возникает нужда в медицинских услугах едва ли возможным. Кроме того, хотя в некоторых случаях НКМС может оплатить счета из городских больниц, процедуры оплаты обычно крайне длительны и обременительны. Часто оказывается неясным, какие из конкретных медучреждений в городах подпадают под политику НКМС, что вызывает путаницу. Более того, из-за частых травм, получаемых в ходе работы на городских стройках, возрастает потребность в сложных медицинских услугах, для оплаты которых страховые пакеты НКМС недостаточны. Как следствие, большинство трудовых мигрантов предпочитают не участвовать в НКМС⁴².

С другой стороны, включение трудовых мигрантов в городскую систему БМСГР по месту работы также затруднено. Страховые взносы БМСГР, предназначенные для городских рабочих, слишком высоки как для самих мигрантов, которые имеют низкие заработки, так и для их работодателей — мелких и средних предприятий, использующих дешевую рабочую силу мигрантов и не обладающих достаточными финансовыми ресурсами для приобретения городских страховых пакетов⁴³. Таким образом, с точки зрения медицинского страхования, трудовые мигранты оказываются самым проблемным сегментом населения.

Понимая тот факт, что высокая заболеваемость и смертность и, как следствие, утрата трудоспособности среди трудовых мигрантов оказывает крайне негативное влияние на общие стандарты жизни и экономический рост Китая, центральное и местное руководство КНР разработало специальную «дорожную карту» расширения страхового охвата и предоставления страховых гарантий «подвижному населению».

Первый шаг был сделан на уровне центрального правительства. В 2003 г. Министрство труда и социальной защиты издало «Руководство об участии в базовом медицинском страховании для временных городских рабочих». В 2004 г. были приняты «Рекомендации для получения медицинского страхования» работниками предприятий смешанной и негосударственной форм собственности. Эти документы явились первым ша-

гом в разработке программы медицинского страхования непосредственно мигрантов. Оба документа требовали от местных властей предоставления медицинских страховок всем трудовым мигрантам, работающим по найму и имеющим стабильные трудовые отношения с городским работодателем. Самозанятые трудовые мигранты должны были присоединяться к существующим городским страховым схемам на временной основе⁴⁴.

В марте 2006 г. Госсовет КНР издал директивный документ № 5 — «Некоторые мнения о решении проблем трудовых мигрантов», в котором подчеркивалась «важность решения проблемы высоких медицинских расходов трудовых мигрантов»⁴⁵. Вслед за директивным документом Министерство труда и социальной защиты издало «рекомендации по реализации» — («*шиши шэцзянь*»), призванные запустить проект на практике.

Через два месяца, в мае 2006, то же министерство издает «Уведомление о целенаправленном расширении участия трудовых мигрантов в медицинском страховании». Согласно новому документу, более 20 млн трудовых мигрантов должны были получить медицинскую страховку к концу 2006 г.; к концу 2008 г. все трудовые мигранты, работающие по долгосрочному найму в городах, должны были быть застрахованы⁴⁶. После издания центральным руководством КНР целеполагающих документов активно началась реализация программы на местном уровне.

Таблица 5

Три модели медицинского страхования трудовых мигрантов

Параметр страховой системы	БМСГР для трудовых мигрантов	НКМС для трудовых мигрантов	«эксклюзивная» система для трудовых мигрантов
Регион внедрения	Пекин, Гуандун	Шэньчжэнь, часть провинции Чжэцзян	Шанхай, Чэнду
Категория участвующих	Работники с сельской пропиской, которые имеют стабильные долгосрочные трудовые отношения с работодателем в городе	Работники с сельской пропиской, которые имеют официальные трудовые отношения с работодателем в городе	Работники с сельской пропиской, работающие по контракту с фиксированным и нефиксированным сроком
Источники финансирования	Страховые вклады работодателя	Страховые вклады работодателя и работника	Страховые вклады работодателя в случае с фиксированным сроком; страховые вклады работника в случае с нефиксированным сроком
Тип компенсируемых медицинских услуг	Услуги стационарного лечения	Услуги стационарного и амбулаторного лечения	Услуги стационарного лечения
Управляющее ведомство	Муниципальный или районный департамент здравоохранения	Муниципальный или районный департамент здравоохранения	Коммерческие страховые компании

Первые попытки внедрить программу страхования трудовых мигрантов были предприняты еще в 1994 г. в провинции Гуандун, но более активные системные меры приходится на период после 2002 г. Так, Шанхай (2002), Чэнду (2003), Пекин (2004),

Шэньчжэнь (2005) и другие привлекательные для трудовых мигрантов регионы начали внедрять программы, нацеленные на предоставление новоприбывшим базовой медицинской страховки⁴⁷. Несмотря на то, что каждый регион устанавливал свои особые порядки страхования трудовых мигрантов, можно выделить три модели: БМСГР для трудовых мигрантов, адаптированная под нужды мигрантов кооперативная система, «независимая» система, созданная непосредственно для трудовых мигрантов (табл. 5).

Не вдаваясь в детальный анализ каждой из этих моделей, подчеркнем главное — возросшую роль правительства в финансировании, организации и регулировании программ медицинского страхования, что свидетельствует о принятии руководством КНР на себя большей ответственности по защите здоровья граждан. Так, в рамках первой модели (БМСГР для мигрантов) правительство снижало планку первичных и последующих страховых взносов, а в особых случаях осуществляло прямое субсидирование для покрытия медицинских расходов мигрантов с особо низкими доходами. Управление осуществлялось муниципальными и районными департаментами здравоохранения, находящимися в подчинении правительства⁴⁸.

В рамках второй модели (кооперативная система для трудовых мигрантов), которая официально была принята в Шэньчжэне 1 марта 2005 г., медицинские услуги предоставлялись заранее установленными медучреждениями в городах. Эта новая система была открыта для всех трудовых мигрантов, работающих в Шэньчжэне, и, согласно закону о рабочих в СЭЗ Шэньчжэнь, была обязательной для их нанимателей. Проникновение правительства в процесс предоставления медицинских услуг и попытки его регулирования могут быть продемонстрированы рядом фактов. Например, КСМС для трудовых мигрантов работала с установленным кругом поставщиков медицинских услуг (больниц, медцентров). Выбирались эти поставщики посредством официальных процедур аккредитации и лицензирования, проводимых муниципальными и районными департаментами здравоохранения и городскими бюро социального обеспечения⁴⁹. Последние также устанавливали стандартизированные процедуры выплаты компенсаций за стационарные медицинские услуги. С июня 2006 г. страховая система для трудовых мигрантов стала обязательной во всех шести районах Шэньчжэня и получала субсидии из городского бюджета⁵⁰.

Третья модель («независимая» система медицинского страхования для трудовых мигрантов) впервые появилась в сентябре 2002 г., когда правительство Шанхая приняло «Временные методы предоставления всестороннего социального страхования трудовым мигрантам в Шанхае». В марте 2003 г. примеру Шанхая последовало правительство города Чэнду. Целью этих мер было создание системы социального страхования исключительно для трудовых мигрантов, независимо от БМСГР и НКСМС⁵¹.

Несмотря на активное экспериментирование и организацию множества пилотных проектов, развитие вышеназванных программ шло медленно. По оценкам некоторых экспертов, к концу 2006 г. 23,67 млн трудовых мигрантов вступили в ту или иную страховую схему. К марту 2007 г. число застрахованных выросло до 24,1 млн⁵². Некоторые источники фиксируют, что в 2006 г. из всех трудовых мигрантов только 23,4% были охвачены той или иной страховой схемой⁵³. Согласно более поздним исследованиям, в конце 2008 г., в Китае насчитывалось порядка 140 млн трудовых мигрантов, более 70% которых не имели медицинской страховки⁵⁴. В настоящее время процент участия трудовых мигрантов в существующих страховых планах в большинстве случаев не превышает 10%⁵⁵.

Например, в провинции Чжэцзян общее число трудовых мигрантов составляет порядка 12 млн чел. (39,15% от общего работающего населения провинции). Лишь 8,17% из них вступили в БМСГР и 9,7% в КСМС для мигрантов; еще 2,55% приобрели коммерческую медицинскую страховку. Иными словами, около 80% всех трудовых мигрантов не застрахованы и платят за услуги здравоохранения из своего кармана⁵⁶. Кон-

кретные цифры могут различаться в зависимости от источника, но все же можно разглядеть общую картину: схемы страхования трудовых мигрантов являются менее удачными, чем базовые варианты страхования городских работников.

Тем не менее, проблемы медицинского страхования трудовых мигрантов выявили ряд дефектов в общей институциональной организации системы здравоохранения КНР. Один из них видится в том, что китайская система здравоохранения управлялась правительствами низших ступеней и, как следствие, имела низкий уровень консолидации ресурсов страхования (*insurance pooling*). Это дезинтегрирует систему и затрудняет движение по ней, что неизбежно создает ряд проблем для такой мобильной группы населения, как трудовые мигранты. Одним из вариантов решения этой проблемы является вывод функции управления медицинским страхованием на уровень центрального правительства. Видимо, поэтому последняя реформа здравоохранения КНР, нацеленная на интеграцию существующих схем в национальный план всеобщего охвата, характеризуется прямым участием центрального правительства КНР в управлении, финансировании и регулировании аккумуляции страховых фондов.

Схема 4: Базовая медицинская страховка для городских жителей

БМСГЖ является последним и самым новым составным звеном существующей системы медицинского страхования в КНР. После создания в 1998 г. БМСГР и воссоздания в 2003 г. НКСМС, а также внедрения в период 2003—2007 гг. программы «*цзяо цзючжун*», трудоустроенные городские жители и основная часть сельских жителей имели гарантии минимума медицинских услуг в случае болезни или получения травм. Однако такой сегмент населения, как городские жители без формального трудоустройства, которых в Китае насчитывают порядка 420 млн чел., оставался за пределами существующих схем⁵⁷. Для многих из них проблема «*каньбин нань, каньбин гуй*» обострялась проблемой «*ибин чжипинь, ибин фаньпинь*» («болезнь приводит к обнищанию и делает его постоянным») ⁵⁸. Поэтому для закрытия дыр в существующей страховой системе стало необходимо создание страхового плана, способного покрыть всех неработающих городских жителей.

Как и многие другие реформы в Китае, создание БМСГЖ началось с экспериментирования. 24 июля 2007 г. Госсовет КНР издал директивный документ № 20 — «Руководящие соображения о проведении экспериментов по созданию системы базового медицинского страхования для городских жителей»⁵⁹. В документе ставилась задача создания страховой схемы для тех, кто не подходил под БМСГР. В их числе ученики начальных и средних школ, подростки, пожилые, нетрудоспособные и другие неработающие жители городов. Вскоре после этого, следуя директивам документа № 20, Министерство труда и социального обеспечения определило 79 городов для экспериментирования с новой системой БМСГЖ. Позже в своем докладе на сессии ВСНП 2008 г. премьер Вэнь Цзябао вновь подтвердил намерение провести к концу 2008 г. эксперименты по внедрению БМСГЖ в половине городов по всему Китаю, с последующим распространением этой модели на все города страны⁶⁰.

Новая система должна была финансироваться из страховых взносов, выплачиваемых частично государством и частично самими гражданами⁶¹. Требовалось, чтобы средний размер страховых взносов был выше, чем в случае с НКСМС, но ниже, чем у БМСГР. Ежегодные субсидии государства на каждого застрахованного по новой программе должны были составить не менее 40 юаней на человека в год. Финансосоостоятельные или недееспособные должны получать дополнительные субсидии в размере 60 юаней на человека, 30 из которых выплачиваются центральным правительством⁶². Важной характеристикой новой программы является высокая степень региональной гибкости. За исключением общих директив, основная масса работы по реализации реформы

легла на местное звено управления, что расширяло компетенцию мест в вопросах организации, стратегии осуществления и финансирования нововведения.

Раньше всех, в октябре 2006 г., реформу начали проводить в городе Чэнду. Среди поздних (октябрь 2007 г.) были города Баотоу, Чандэ и Цзыбо. Большинство городов не распространяло программу БМСГЖ на трудовых мигрантов и их детей, за исключением Урумчи и Сямэни, где медицинская страховка распространялась на детей мигрантов, если те посещали школы. Страховые пакеты включали различные комбинации стационарных и амбулаторных услуг, неотложной медицинской помощи, бесплатных ежегодных медосмотров. Щедрость таких пакетов зависела от материального благополучия региона. Так, ежегодный страховой взнос взрослого человека трудового возраста в городе Синин составлял 110 юаней, а в Харбине 270. Общий объем государственного финансирования также колебался от 40 до 100 юаней на человека в год, за исключением города Сямэнь, где ежегодные государственные субсидии составляли 460 юаней на человека, тогда как в некоторых бедных провинциях субсидии правительства на каждого участника программы БМСГЖ могли достигать минимума в 20 юаней в год⁶³.

Как показывают некоторые исследования, совокупные субсидии центрального и местного правительств покрывали порядка 36% всей стоимости страховки, то есть основную долю финансирования составляли индивидуальные страховые взносы граждан⁶⁴.

Несмотря на то, что вступление в БМСГЖ было добровольным, система развивалась сравнительно быстро. Согласно статистике Министерства здравоохранения КНР, в 2007 г. ею было охвачено 42,91 млн городских жителей. В 2008 г. количество присоединившихся выросло до 118,26 млн. В 2009 г. эта цифра составила 181 млн городских жителей⁶⁵.

Данные о БМСГЖ пока что недостаточны для анализа ее эффективности. Однако наличие положительных отзывов среди городского населения с низкими доходами⁶⁶ говорит об определенном успехе системы в удовлетворении нужд бедных слоев городского населения. Рассмотренные выше четыре страховых схемы (БМСГР, НКМС, БМС для трудовых мигрантов и БМСГЖ) послужили основой для национальной реформы здравоохранения в КНР и введения плана всеобщего охвата.

Новая реформа здравоохранения

Из проведенного выше анализа можно сделать вывод, что в период с 2002 г. Китаю удалось достичь значительного успеха в реформировании системы здравоохранения. В 2002 г. 44,8% городского и 79,1% сельского населения не имели медицинской страховки, а уже в 2009 г. охват НКМС достиг 94% сельского населения, и миллионы городских жителей были застрахованы в рамках программ БМСГР и БМСГЖ. Но несмотря на позитивную динамику, проводимые реформы явно недостаточны.

Системе здравоохранения КНР не хватает интеграции: между существующими страховыми схемами, между регионами, между различными административными структурами. Как следствие, страховое покрытие носит фрагментарный характер. Остро стоят проблемы переноса страховых отношений из региона в регион, в результате чего многие мобильные граждане, особенно трудовые мигранты, не могут получать медицинские услуги не по месту жительства и вынуждены отказываться от предоставляемых медицинских страховок. Число вышедших из страховых планов в некоторых регионах достигало 95%, что получило название «*туйбао жэ*» (лихорадка выхода из страховых планов)⁶⁷.

17 марта 2009 г. были приняты «Рекомендации ЦК КПК и Госсовета по углублению реформы системы здравоохранения»⁶⁸ и «План реализации приоритетов реформы системы здравоохранения в 2009–2011 гг.». Новая реформа должна решить пять основных задач: 1) ускорить создание общей универсальной системы базового медицинского страхования; 2) установить национальный перечень жизненно важных лекарственных

средств: 3) улучшить систему первичной медико-санитарной помощи; 4) постепенно обеспечить равный доступ к базовым медицинским услугам; 5) реформировать государственные больницы. Ключевой элемент новой реформы — это обещание обеспечить доступность основных медицинских услуг для всех граждан Китая. Вопросы равного доступа стали ядром новой реформы медицинского обеспечения в стране («*синь игай*»).

Концептуально реформа нацелена на эффективное решение проблемы «*каньбин нань, каньбин гуй*». Как говорится в документах, «в процессе реализации реформы все городские и сельские жители будут охвачены программой базового медицинского страхования, что уменьшит бремя их расходов на медикаменты и медобслуживание»⁶⁹. Медицинские услуги определяются как «общественное благо» (public good), что подчеркивает общественный и государственный характер здравоохранения — принципиальное изменение по сравнению с рыночно-ориентированным подходом 1980-х — 1990-х гг.⁷⁰ Эти инновации подкреплены увеличившимися субсидиями и новыми подходами к финансированию системы здравоохранения. Но главной характеристикой новой реформы здравоохранения является еще большая централизация процесса подготовки, осуществления и координации политики в сфере медицинского обеспечения, а также попытка интегрировать существующие схемы в план всеобщего охвата.

1. Роль центрального правительства

В случае с «*синь игай*» Госсовет КНР не ограничился изданием директивных документов общего плана (решений, уведомлений, руководств, замечаний), а вел весь процесс реформы от формирования повестки до разработки финальных проектов и оценки их реализации. В работу было вовлечено множество министерств, ведомств, групп интересов и рядовых граждан с тем, чтобы сформировать проект реформы, максимально отвечающий нуждам широкого круга участников.

В сентябре 2006 г. была сформирована Руководящая группа Госсовета КНР, отвечающая за процесс реализации реформы здравоохранения. В группу вошли представители 16 министерств и комитетов, в т.ч. Комитета по национальному развитию и реформам, министерств здравоохранения, финансов, сельского хозяйства, труда и социального обеспечения. Премьер Вэнь Цзябао лично проводил многократные совещания в Чжуннаньхае и заслушивал предложения медицинских работников, экспертов, производителей фармацевтической продукции, жителей деревень и других групп, так или иначе затрагиваемых реформой. Также была организована система национального опроса мнений через Интернет. Было собрано порядка 40 тыс. общественных замечаний и требований.

На всех стадиях проведения реформы была широко развернута экспертно-профессиональная поддержка. В период 2006—2008 гг. Координационная группа Госсовета КНР, возглавляемая первым вице-премьером Ли Кэцяном, провела семинары и полевые обследования в более чем 20-ти провинциях. Осуществлялся сбор информации на местах. Также группа получила 9 проектов реформ от нескольких китайских и международных организаций, включая ВОЗ, Всемирный Банк, международную консалтинговую компанию McKinsey & Co, Пекинский и Фуданьский университеты. Был предложен совместный проект Гарвардского университета и университета Цинхуа и проект Исследовательского центра по вопросам развития при Госсовете⁷¹. Народный университет Китая, Академия общественных наук, Пекинский педагогический университет, университет Чжуншань, Департамент международного развития Великобритании, Китайская Корпорация международного капитала (CICC) также присоединились к процессу разработки реформы⁷². Такая масштабность дискуссии вряд ли была бы возможной без прямой «оркестровки» сверху. Одновременно такая политика свидетельствует о фундаментальных переменах в подходах центрального руководства КНР к социальной сфере в целом и к здравоохранению в частности.

Запланированные субсидии из бюджетных средств на создание страхового покрытия населения составили 120 юаней на человека в год. Финансирование строительства и реконструкции медицинских учреждений, обеспечение государственных институтов здравоохранения кадрами и оборудованием тоже планируется осуществлять за счет бюджетных средств. Для реализации поставленных целей правительства разных уровней должны вложить в здравоохранение в 2009–2011 гг. 850 млрд юаней.

2. Интеграционный характер новой реформы

Новый план подразумевает значительную модернизацию управления системой здравоохранения. С 2009 г. внедряется национальная система стандартизированных записей здоровья пациентов. Предполагается, что она позволит проводить регулярные проверки здоровья различных групп граждан. Ожидается также, что создание баз данных даст возможность предотвращения и контроля таких заболеваний как гипертония, диабет, психические расстройства, ВИЧ/СПИД и туберкулез.

Новая реформа также адресована так называемой «вакуумной зоне» — группам населения, испытывающим трудности в присоединении к различным страховым планам. Центральное правительство взяло на себя обязанность предоставления субсидий медицинского страхования рабочим обанкротившихся предприятий. Трудовые мигранты теперь, помимо БМСГР и НКМС, могут выбрать БМСГЖ по месту регистрации — новая альтернатива медицинского страхования для «подвижного населения».

Для усиления интеграции между институтами здравоохранения различных регионов планируется расширить площадь консолидации страховых ресурсов (*pooling area*). Для этого упрощается процедура доступа к медицинским услугам за пределами места регистрации. Подчеркивается необходимость создания механизмов перевода права получения медицинских услуг из одного региона в другой или из одной системы в другую для временно работающих и мигрантов⁷³. План также подчеркивает необходимость создания механизмов связи между различными схемами медицинского страхования.

Что касается отношения центра и регионов, то центральное правительство, как обычно, поощряет проведение пилотных экспериментов на местном уровне. Однако в этот раз координационная группа по вопросам реформирования системы здравоохранения, отвечающая за повседневную работу по реализации реформы, формируется непосредственно Госсоветом⁷⁴, что говорит о переходе управления реформой системы здравоохранения на высший уровень.

Безусловно, сложно провести детальный анализ реализации последней реформы здравоохранения, полагаясь лишь на рамочные документы Госсовета КНР. Некоторые граждане Китая после ознакомления с проектами реформ, выставленными для всеобщего обозрения и откликов, описывали их в Интернете как *чжунь, сэ, жао* (перегруженные, неясные, неточные) и хотели бы, чтобы правительство сделало дальнейшие проработки. Но все же можно сделать предварительный вывод о появлении нового подхода к вопросам публичной политики в Китае, свидетельствующего о более мощных административных и финансовых возможностях современного руководства КНР.

Заключение

Современная система здравоохранения КНР состоит из различных составных блоков, которые формировались в разное время и в итоге были интегрированы в план всеобщего охвата в 2009 г. Эти преобразования происходили в рамках «реформ второго поколения» — (*«ди эр дай гайгэ»*), важным элементом которых, помимо экономического развития, является строительство государственных институтов⁷⁵. На практическую реализацию национального плана всеобщего охвата уйдут годы и колоссальные ресурсы. Многие конкретные меры этой реализации еще предстоит разработать. Но что становится

ся заметным уже сейчас, так это начало перемен в отношениях между государством и рынком в современном Китае.

За сменой динамики затрат на социальное обеспечение стоит смена роли государства в распределении ресурсов. Сегодняшняя модель развития Китая отличается от той, что доминировала в 1980-е и 1990-е гг. В интервью с Фаридом Закария в 2008 г. премьер Вэнь Цзябао, отвечая на вопрос о китайской модели развития, утверждал, что полная формулировка экономической политики КНР — это предоставление свободы рыночным факторам в процессе распределения ресурсов, но под макроэкономическим регулированием правительства. Другими словами, «обе руки» (как «видимая», так и «невидимая») должны в полной мере выполнять свои функции. Анализ изменений в системе здравоохранения КНР в период нахождения у власти четвертого поколения лидеров страны показал, что была предпринята серия попыток усилить роль центрального правительства в регулировании медицинского обеспечения населения. Руководство КНР осознало негативные последствия саморегулирующегося рынка для социальной сферы и прореагировало проведением полномасштабных реформ социальной направленности.

1. Poverty Facts and Stats. — <http://www.globalissues.org/article/26/poverty-facts-and-stats>.
2. В качестве примера приложения теории «фiasco рынка» к здравоохранению интересны работы: *Kenneth J. Arrow. Uncertainty and the Welfare Economics of Medical Care // American Economic Review* Pittsburg, 1963. Vol. 53, No. 5. P. 941–973. Для анализа эффектов влияния рынка на здравоохранение см. *W. C. Hsiao: Abnormal Economics in the Health Sector // Health Policy. Elsevier Science Ireland Ltd. 1995. No. 32. P. 125—139*.
3. Далее при анализе данных страховых схем в работе используются следующие названия и аббревиатуры: базовая медицинская страховка для городских работников — БМСГР, новая кооперационная схема медицинского страхования сельских жителей — НКМС, Базовая медицинская страховка для городских жителей — БМСГЖ.
4. Чжунгун Чжунян, Гоюань гуньюй шэньхуа иляо вэйшэн тичжи гайгэ дэ цизянь (2009.03.17) [Рекомендации ЦК КПК по углублению реформы здравоохранения], 17 марта 2009 г. — http://www.gov.cn/jrzq/2009-04/06/content_1278721.htm.
5. Исчерпывающий обзор литературы по вопросу эволюции системы здравоохранения КНР представлен в: *Wagstaff et al. China's Health System and Its Reform: A Review of Recent Studies // Health Economics. Published online in Wiley Inter Science. Hoboken. New Jersey, 2009. Vol. 18, Issue S2. P. 7–23. и Eggleston et al. Health Service Delivery in China: A Literature Review // Health Economics. 2008. Vol. 17, Issue 2. P. 149–165*.
6. Гоцзя Тунци: Чжунго гонэй шэнчань цзунчи хэсуань лиши цзыляо (1952–2004) [Национальное бюро статистики Китая: материалы об истории расчетов ВВП Китая (1952–2004)]. Пекин, 2007.
7. *Hu Shanlian, Tang Shenglan, Liu Yuanli, Zhao Yuxin, Maria-Luisa Escobar, David de Ferranti. Reform of how health care is paid for in China: challenges and opportunities // The Lancet. Elsevier Science, Amsterdam, 2008. Vol. 372, Issue 9652. P. 1847*.
8. *Blumenthal D., Hsiao W. Privatization and its discontent — The evolving Chinese health care system // The New England Journal of Medicine. Massachusetts, 2005. Vol. 353, No. 11. P. 1167*.
9. *Ши Гуан, Гун Сэнь. Ди эр баогао: гайгэ кайфан илай Чжунго вэйшэн тоужу цзи ци цизяо фэньси [Доклад № 2: Анализ эффективности системы здравоохранения КНР после начала политики реформ и открытости] // Аналитический доклад для Центра исследований развития Госсовета КНР. — <http://www.drc.gov.cn/cbw.asp?tlst=32618>*.
10. Там же.
11. Профессор Ван Шаогуан, проецируя идеи Карла Поляни об утопии саморегулирующегося рынка на китайскую реальность, называет процесс появления социальной политики в КНР «Да Чжуаньсин» [Великая трансформация] и подчеркивает важность этого исторического момента. См.: *Ван Шаогуан. Да Чжуаньсин: 1980 нянь илай дэ шуансян юньдун [Великая трансформация: встречное движение в Китае после 1980 года] // Чжунго шэхуэй кэсюэ, Пекин. 2008. № 1. С. 129–148. Для анализа, почему такая трансформация случилась в 2002 г., см.: Ван Шаогуан.*

- Цун цзинци чжэнцэ дао шэхуй чжэнцэ дэ лишисин чжуаньбянь [Исторический переход от экономической к социальной политике]. — http://www.cuhk.edu.hk/gpa/wang_files/Publist.htm.
12. Цюаньмянь цзяньшэ сяокан шэхуй, кайчуан Чжунго тэсэ шэхуйчжуй шиэ синь цзюймянь [Доклад Цзян Цзэмина на 16-м съезде ЦК КПК].
 13. *Liu Yuanli*. Reforming China's urban health insurance system // *Health Policy*. 2002. Vol. 60, Issue 2. P. 133–150.
 14. Лаодунбу баосянь фулиши баогао [Доклад отдела страхового обеспечения и социальных гарантий при министерстве труда]. 1988. С. 145.
 15. *Xu Ling, Wang Yan, Charles D. Collins, Tang Shenglan*. Urban health insurance reform and coverage in China using data from National Health Services Surveys in 1998 and 2003 // *BMC Health Services Research*. London, 2007. Vol. 7, No. 37. P. 1—14. — <http://www.biomedcentral.com/1472-6963/7/37>.
 16. *Гун Сэнь*. Баогао сы: чэнчжэнь чжигун иляо баочжан тичжи дэ хуйгу юй чжаньван [Доклад № 4: Обзор и перспективы БМСГР] // Аналитический доклад для Центра исследований развития Госсовета КНР. — <http://www.drc.gov.cn/cbw.asp?tlst=32618>.
 17. Там же.
 18. *Гун Сэнь*. Баогао сы: чэнчжэнь чжигун иляо баочжан тичжи дэ хуйгу юй чжаньван [Доклад № 4: Обзор и перспективы БМСГР] // Аналитический доклад для Центра исследований развития Госсовета КНР. — <http://www.drc.gov.cn/cbw.asp?tlst=32618>.
 19. Данные 3-го национального исследования медицинских услуг в Китае, проведенного в 2003 г.
 20. Гоюань гуаньюй цзяньли чэнчжэнь чжигун цзибэнь иляо баосянь чжиду дэ цзюэдин [Решение Госсовета о развитии системы базового медицинского страхования для городских работников] от 14.12.1998. — http://www.gov.cn/banshi/2005-08/04/content_20256.htm.
 21. *China's Social Security and Its Policy White Book (English version)*. — <http://www.china.org.cn/e-white/20040907/index.htm>.
 22. Лаодун хэ шэхуй баочжан шиэ фачжань шину гуйхуа ганьяо 2006—2010 [План развития трудового и социального обеспечения в одиннадцатой пятилетке 2006—2010]. — http://www.molss.gov.cn/gb/zt/2006-11/08/content_146879.htm.
 23. Там же.
 24. *Яо Ли*. Ба иляо вэйшэн гуңизо дэ чжундянь фан дао нунцунь цюй — Мао Цзэдун 626 чжиши [Делать акцент на сельском здравоохранении — 626-я директива Мао Цзэдуна]. — <http://www.chinese-thought.org/shgc/005968.htm>.
 25. *The World Bank, China: The Health Sector*, Washington, 1984. P.155.
 26. *Цай Жэньхуа*. Чжунго иляо баочжан гайгэ шинон цюаньши [Энциклопедия реформ медицинского обеспечения в Китае]. Пекин, 1998. С. 344.
 27. *Ван Яньчун*. Шилунь гоцзя цзай нунцунь иляо вэйшэн баочжан чжун дэ цзююн [Предварительные наблюдения за ролью государства в сельском медицинском страховании и здравоохранении]. — <http://www.cc.org.cn/wencui/020603200/0206032015.htm>.
 28. Среди наиболее важных:
 - 1991, Госсовет КНР: Гуаньюй гайгэ хэ цзяцян нунцунь иляо вэйшэн гуңизо дэ цинши [Запрос инструкций по проблеме реформирования и развития здравоохранения в сельских районах].
 - 1993, ЦК КПК: Гуаньюй цзяньли шэхуйчжун шинан цзинци тичжи жогань вэньти дэ цзюэдин [Решение о некоторых вопросах строительства социалистической рыночной экономики].
 - 1997, ЦК КПК и Госсовет КНР: Гуаньюй вэйшэн гайгэ юй фачжань дэ цзюэдин [Решение по реформированию и развитию здравоохранения].
 - 1998, 3-й Пленум 15-го съезда КПК: Чжунгун Чжуньян гуаньюй нунье хэ нунцунь гуңизо жогань чжунда вэньти дэ цзюэдин [Решение ЦК КПК по некоторым важным вопросам сельского хозяйства и работы в деревне.]
 - 2001, Госсовет: Гуаньюй нунцунь вэйшэн гайгэ юй фачжань дэ чжидео ицзянь [Инструкции по поводу реформирования и развития здравоохранения в сельских районах].
 29. *Чжан Вэнькан*. Лекция на форуме стратегических инноваций Китайской академии наук, 31 января 2002 г. — <http://www.cas.ac.cn/html/Dir/2002/01/31/5616.htm>. Цитировано в: *Ван Шаогуан*. Великая Трансформация. С. 36.
 30. *Ван Лэйцзюнь*. Баогао у: дуй Чжунго нунцунь иляо баочжан чжиду цзяньшэ дэ фаньсы юй цзяньли [Доклад № 5: Анализ и рекомендации по строительству системы медицинского страхова-

- ния в сельском Китае] // Аналитический доклад для Центра исследований развития Госсовета КНР. — <http://www.drc.gov.cn/cbw.asp?tlst=32618>.
31. *Wang Shaoguang*. China's Health System: From Crisis to Opportunity // *Yale-China Health Journal*. New Haven, 2004. Vol. 3. P. 37.
 32. Чжунгун Чжунъян, Гоюань гуаньюй цзиньбу цзяцян нунцунь вэйшэн гушцзо дэ цзюэдин. — <http://www.ylxwsj.com/Article/ShowArticle.asp?ArticleID=24>.
 33. Там же.
 34. *Wagstaff A., Yip W., Lindelow M. & Hsiao W.C.* China's health system and its reform: A review of recent studies // *Health Economics*. 2009. Vol. 18. Issue 2. P. S7—S23.
 35. *Lei Xiaoyan, Lin Wanchuan*. The New Cooperative Medical Scheme in Rural China: Does More Coverage Mean More Service and Better Health? // *Health Economics*. 2009. Vol. 18, Issue 2. P. 25—46.
 36. *Ibid.* P. 27.
 37. *Wang Shaoguang*. The Great Transformation: The Double Movement in China // *Boundary 2*. Duke University Press, Durham, 2008. Vol. 35, No. 2. P. 34.
 38. Министерство здравоохранения КНР — <http://www.moh.gov.cn/publicfiles/business/htmlfiles/wsb/index.htm>.
 39. China Ministry of Health, 2006.
 40. *Lei Xiaoyan, Li Wanchuan*. *Op. cit.* P. 26.
 41. *Egglesto K., Wang Jian, Rao Keqin*. From plan to market in the health sector? China's experience // *Journal of Asian Economics*. Published by Elsevier Science, 2008. Vol. 19, Issue 5—6. P. 400—412.
 42. *Guo, J., Liu, X., Zhu, X.* Migrant workers are not covered by NCMS // *Outlook Weekly*. 2007. No. 47. Issue 2. P. 12. cf. *Lei & Lin*. *Op. cit.* P. 26.
 43. *Wu Lingling, Chen Xinde*. Вого нунминьгун иляо баосянь вэньти яньцзю [Анализ проблем медицинского страхования трудовых мигрантов в Китае] // Иляо баосянь [Медицинское страхование]. 2010. № 2.
 44. *Wang Shaoguang*. *Op. cit.* P. 34.
 45. *Ibid.*
 46. *Ibid.*
 47. *Яо Цзюнь*. Нунминьгун иляо баосянь чжиду юньсин куныцзин цзи ци лилунь чаньши [Проблемы функционирования системы медицинского страхования трудовых мигрантов и их теоретическое объяснение] // *Tianfu xinlun* [Новостной форму Тяньфу]. 2010. No. 1.
 48. *Zheng Gongcheng, Linda Yeuk-lin Lai Wong*. Чжунго нунминьгун вэньти юй шэхуэй баоху [Проблемы трудовых мигрантов и социальная защита в Китае]. Пекин, 2007.
 49. *Jin Mou, Jinquan Cheng, Dan Zhang, Hanping Jiang, Liangqiang Lin and Sian M Griffiths*. Health care utilization amongst Shenzhen migrant workers: does being insured make a difference? // *BMC Health Services Research*. 2009, No. 9. P. 214.
 50. *Ibid.*
 51. *Wang Shaoguang*. *Op. cit.* P. 34.
 52. *Ibid.* P. 35.
 53. *Zheng Gongcheng, Linda Yeuk-lin Lai Wong*. *Op. cit.* P. 380—381.
 54. *Wu Lingling, Chen Xinde*. *Op. cit.*
 55. Гоюань яньцзюши кэтицзу I: Чжунго нунминьгун дяоянь баогао «А» [Исследовательский отдел Госсовета, Семинар № 1: Доклад исследования трудовых мигрантов Китая «А»], а также Цзун баогао циаоцзу I: Чжунго нунминьгун вэньти яньцзю баогао «С» [Общая проектная группа № 1: Доклад исследования проблемы трудовых мигрантов «С»]. Пекин, 2006.
 56. *Вэй Цзе, Чжоу Лулинь*. Нунминьгун иляо баосянь сяньчжуан цзи моши сюаньцзэ [Положение дел в системе медицинского страхования трудовых мигрантов и выбор модели] // Чжунго вэйшэн шиэ гуаньли [Управление здравоохранением в Китае]. 2010. No. 1. С. 31.
 57. *Lin Wanchuan, Gordon G.L., Chen Gang*. Urban Resident Basic Medical Insurance: a landmark reform towards universal coverage in China // *Health Economics*. 2009. Vol. 18, Issue 2. P. 83.
 58. Чжунго шэхуэй баочжан ван цзунхэ: цюаньянь туйсин чэнчжэнь цзюйминь цзибэнь иляо баосянь [Китайский портал социального обеспечения: Полномасштабное осуществление базового медицинского страхования для городских жителей]. — http://www.cnss.cn/new/ztl/200907/t20090727_238341.htm.
 59. Китайская версия доступна на Интернет-портале правительства КНР. — http://www.gov.cn/zwgk/2007-07/24/content_695118.htm.

60. *Tsing-Mei Cheng*. China's latest health reforms: a conversation with Chinese health minister Chen Zhu // *Health Affairs (Millwood)*. 2008. Vol. 27, Issue 4. P. 1103–1110.
61. *Ibid.*
62. Госсовет КНР, директивный документ № 20: Гоюань гуанюй кайчжань чэнчжэнь цзюйминь цзибэнь иляо баосянь шидянь дэ чжидэо ицянь [Руководство Госсовета по проведению экспериментов в сфере базового медицинского страхования для городских жителей]. — http://www.gov.cn/zwgk/2007-07/24/content_695118.htm.
63. Для детального анализа системы БМСГЖ в 9-ти городах (Баотоу, Чандэ, Чэнду, Цзилинь, Шаосин, Сямэнь, Синьнин, Урумчи, Цзыбо), см.: *Lin Wanchuan, G Liu Gordon and Chen Gang*. *Op.cit.*
64. *Ibid.*
65. Министерство здравоохранения КНР: 2010 Чжунго вэйшэн тунци няньду [Статистический ежегодник здравоохранения 2010]. — <http://www.moh.gov.cn/publicfiles/business/htmlfiles/mohwsbwstjxxzx/s8208/index.htm>.
66. *Lin Wanchuan, G Liu Gordon and Chen Gang*. *Op. cit.* P. 94.
67. *Чжан Янь*. Нунминь гун туйбао ланьчао дэ бэйхоу [За кулисами отказа мигрантов от медицинской страховки] // *Jingji Daokan* [Экономическое руководство]. 2008. No. 2.
68. Английская версия документа доступна на: http://www.china.org.cn/government/scio-press-conferences/2009-04/09/content_17575378.htm.
69. Английская версия плана реализации реформы доступна на: http://www.china.org.cn/government/scio-press-conferences/2009-04/09/content_17575401.htm.
70. *Ibid.*
71. The US-China Business Council 2009. — <http://www.uschina.org/>, State Council Leading Group for Coordinating Healthcare System Reform.
72. Из беседы автора данной статьи с профессором Ван Шаогуаном. Гонконг, март 2010.
73. План реализации (сноска 70).
74. *Ibid.*
75. *Wang Shaoguang, Hu Angang, Zhou Jianming*. Ди эр дай гайгэ чжаньлюэ: цзици туйцзинь гоцзя тичжи цзяньшэ [Второе поколение реформ: активное продвижение строительства государственных институтов] // *Zhanlue yu Guanli* [Стратегия и управление]. 2003. No. 2.

Демографический компонент российско-китайских отношений: вызовы и выгоды

© 2011

Д. Бабаян

Усиление китайского демографического присутствия в России, в том числе на Дальнем Востоке, носит объективный характер, и представляя определенные выгоды для обеих стран в экономическом плане, нередко вызывает в РФ опасения политического характера. В тоже время вероятность того, что в обозримой перспективе Пекин, используя китайское демографическое присутствие в дальневосточном регионе России, прибегнет к попыткам аннексии этих территорий, достаточно мала. Основной стратегией Пекина будет создание с Россией действенных механизмов взаимозависимости, взаимозависимости и взаимовыгодности. Важную роль в этом процессе будет играть крепкая и интегрированная в российское общество китайская диаспора.

Ключевые слова: Китай, Россия, Дальний Восток, китайская миграция, демографическое проникновение, диспропорция в демографическом потенциале, миграционные процессы.

Введение

Российско-китайские отношения являются одним из ключевых направлений современной геополитики. Особое место в них занимает демография. Этот аспект затрагивает в обоих государствах целый спектр проблем исторического, политического, экономического и психологического характера. Более болезненно наличие ощутимой диспропорции в демографическом потенциале обоих государств, особенно на Дальнем Востоке, воспринимается в России.

Процессы, происходящие в КНР

Предпосылкой сохранения этой ситуации является продолжающийся рост населения в КНР, невзирая на принимаемые Пекином меры по контролю над рождаемостью. Предельные параметры численности населения Китая — до 1,6–1,7 млрд чел. — определенные Центром по изучению положения страны Академии наук КНР, по некоторым данным, будут преодолены довольно быстро¹. Согласно расчетам, с 1990 по 2035 г. население страны увеличится примерно на 400 млн чел.²

Параллельно росту населения происходят внутренние миграционные процессы, в частности — приток населения из сел в города. Миграционные потоки из сельской местности могут привести к тому, что в течение ближайших 30 лет, численность сельского населения снизится до отметки 400 млн чел.³ Необходимо также отметить, что эффективное решение проблем, связанных с урбанизацией, является достаточно затратным

предприятием. Так, для абсорбирования сельских мигрантов, направляющихся в города, власти страны только до 2020 г. должны вложить в городскую инфраструктуру до 3,6 трлн долл. США⁴. Поэтому не удивительно, что, сталкиваясь с массовой миграцией, многие крупные города Китая ограничивают ее посредством административных и экономических методов⁵. Одним из выходов из сложившейся ситуации как с экономической, так и с геополитической точек зрения, может быть использование комбинированного подхода к решению демографического вопроса, т.е. не только за счет самого Китая, но и за счет миграции населения за его пределы, в том числе в Россию.

Процессы, происходящие в РФ

Интересно, что поток китайских мигрантов в Россию может быть выгоден с экономической точки зрения. Основным фактором здесь является достаточно тяжелая демографическая ситуация в целом по России и особенно в сибирских и дальневосточных регионах страны. Так, за 1992–2009 гг. число россиян сократилось из-за естественной убыли на 12,9 млн чел., или на 8,7%⁶. По прогнозам Госкомстата России, к 2016 г. численность выходящих за пределы трудоспособного возраста почти вдвое превысит число вступающих в этот возраст⁷. При этом растет смертность среди молодых. За неполное десятилетие с 1991 по 1999 гг. показатель смертности в возрасте от 20 до 29 лет увеличился более чем на 60%. Если эта тенденция сохранится, то только 58% нынешних юношей 16 лет доживут до 60 лет⁸.

Ожидается также, что количество российских женщин, вступающих в так называемый первый детородный возраст (между 20 и 30 годами), сократится в течение 2009–2020 гг. почти на 40%⁹. Данное обстоятельство, естественно, довольно негативно скажется на рождаемости в стране. Данные тенденции будут непосредственно воздействовать на трудоспособность населения России и станут негативно влиять на демографическую ситуацию в стране, делая процесс миграции в Россию неизбежным и необходимым.

Ряд специалистов считает, что для лишь поддержания численности населения России на нынешнем уровне в ближайшие 50 лет она должна принимать более полумиллиона мигрантов ежегодно¹⁰. Другие эксперты подсчитали, что для восстановления экономики и «разбавки» стареющего населения России нужно принимать 5–7 млн мигрантов в год¹¹. При этом китайцы могут стать одним из основных элементов миграционных потоков в Российскую Федерацию.

Этому способствуют географическая близость Китая и экономическая целесообразность. По некоторым подсчетам, если бы Китай экспортировал 1 млн чел. рабочей силы (менее 1% населения России), это обеспечило бы обработку около 10% пахотных земель, с которых можно получить продукции на 10 млрд долл. в год¹². К тому же, наем китайцев обходится намного дешевле найма собственных граждан. Нельзя не учитывать и то, что китайцы очень работоспособны и вдобавок весьма непритворливы.

Потенциальные направления закрепления китайских мигрантов в России

Наиболее вероятным направлением демографического закрепления китайцев в России представляется создание общин в крупных городах страны, в частности, в столице РФ Москве, а также в ее дальневосточных и сибирских регионах. Поскольку наиболее щепетильным с геополитической точки зрения предстает возможное демографическое проникновение граждан Китая на российский Дальний Восток, более детально рассмотрим именно данный аспект.

Население Сибири и Дальнего Востока даже в сравнении с населением приграничных китайских провинций действительно выглядит малочисленным. К примеру, в Приморье, одном из наиболее густонаселенных регионов Дальнего Востока, плотность

населения составляет 12 чел. на 1 км², а в граничащей с Приморьем китайской провинции Цзилинь — 139. В 2001 г. на территории Восточно-Сибирского и Дальневосточного экономического районов проживало немногим более 16 млн чел.¹³, а численность населения трех приграничных с Дальним Востоком провинций КНР (Внутренняя Монголия, Хэйлуцзянь, Цзилинь) в 2001 г. составляла 86 млн чел.¹⁴. На 2008 г. население Восточно-Сибирского экономического района и Дальневосточного Федерального округа составило уже 15,38 млн чел.¹⁵, а население трех вышеуказанных китайских провинций еще в 2005 г. превысило отметку в 89,2 млн чел.¹⁶.

По всей вероятности, убыль населения в этих регионах будет продолжаться. По некоторым прогнозам, трудоспособное население России за Уралом к 2020 г. составит 6–8 млн чел.¹⁷ С 1991 по 2002 гг. Дальний Восток покинули 1,2 млн чел. Ясно, что при таком развитии ситуации в России вероятность демографического проникновения китайцев становится все более реальной. Все указанные процессы происходят на фоне оказания федеральным центром весьма ощутимой поддержки Дальнему Востоку. Начиная с 2000 г. она увеличилась практически в 7 раз и ежегодный объем федеральных трансфертов стабильно превышает 150 млрд руб.¹⁸

Следующим фактором, делающим дальневосточные и сибирские регионы демографически уязвимыми, является структура и размещение населения в данных регионах. Большая его часть располагается в нескольких городах, оставляя обширные территории практические незаселенными. Зачастую эти необитаемые и бесхозные территории пригодны для ведения сельского хозяйства.

Для более наглядного представления ситуации рассмотрим демографию ряда субъектов Дальнего Востока и Сибири. Так, численность постоянного населения Амурской области на 1 января 2011 г. составила 857 422 чел. и по прогнозам территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Амурской области, к 2031 году оно сократится и составит 772403 чел.¹⁹ Между тем, на январь 2001 г. население Амурской области составляло 997 500 чел., а в 1990 г. — 1073 тыс. чел. Практически аналогичная ситуация сложилась и в других регионах Дальнего Востока. К примеру, на 1 декабря 2010 г. численность постоянного населения Забайкальского края уменьшилась с начала года на 2,4 тыс. чел. или на 0,2% и составила 1114,6 тыс. чел.²⁰ И это при том, что население Читинской области на 1 января 2001 г. составляло 1249,5 тыс. чел.

По предварительным итогам Всероссийской переписи населения 2010 г., в Иркутской области проживает 2446,3 тыс. чел.²¹, при том, что на 1 января 2001 г. население Иркутской области составляло 2734,7 тыс. чел., т.е. за 9 лет оно уменьшилось более чем на 288 тыс. чел.

На начало 2010 г. население Кемеровской области составило 2820,6 тыс. чел.²², при том, что на начало 2002 г. население области составляло 2940 тыс. чел.²³, т.е. за 8 лет население там сократилось почти на 120 тыс. чел. Уменьшается население и в Хабаровском крае. На 1 января 2010 г. оно составило 1400 425 чел.²⁴, при том, что на 1 января 2002 г. там проживало 1485,8 тыс. чел. Отметим, что на одном квадратном километре территории края проживает в четыре с лишним раза меньше, чем в среднем по России.

Численность постоянного населения Приморского края на 1 января 2010 г. составила 1981,9 тыс. чел. и естественная убыль населения за январь–ноябрь 2010 г. выросла к соответствующему уровню 2009 г. на 19,5% и составила 4329 чел.²⁵ При этом, в 2008 г. население Приморского края составляло 1995,8 тыс. чел.²⁶ и по сравнению с 2002 г. уменьшилось на 291 тыс. чел. или на 12,7%²⁷. Население Камчатки за последние 10 лет уменьшилось с почти полумиллиона до 370 тыс.²⁸ На начало 2009 г. численность постоянного населения составляла уже 345 тыс. чел.²⁹ Уменьшилось и население Еврейской автономной области. Если по переписи 2002 г. население области составляло почти 191 тыс. чел.³⁰, то на 1 января 2010 г. оно составило 185 тыс. чел.³¹

В этих регионах с огромной территорией (самым маленьким субъектом здесь предстает Еврейская автономная область с территорией в 36,2 тыс. кв. км), большая часть населения, как уже отмечалось выше, располагается в городах, оставляя обширные территории практически незаселенными. Так, в Амурской области более 65% населения проживает в городах, в том числе более 41% — в четырех крупнейших городах области — Благовещенске, Белогорске, Свободном, и Тынде³². Основная часть населения Иркутской области — 79,4%, также проживает в городской местности. В семи крупнейших городах Кемеровской области сконцентрировано почти 62,1% населения. Такая же ситуация в Хабаровском крае: в семи крупных его городах (Хабаровске, Комсомольске-на-Амуре, Амурске, Николаевске-на-Амуре, Советской Гавани, Бикине, Вяземское) сосредоточено почти 70% населения³³.

Как и в других краях и областях Дальнего Востока и Сибири, население в Приморье размещено крайне неравномерно. Густонаселенные районы здесь чередуются со слабо обжитыми территориями. При средней плотности населения в 12 чел. на км², немало таких мест, где она составляет всего 1–2 чел. на квадратный километр. Треть территории края, преимущественно в горной местности, вообще не имеет постоянного населения³⁴. Характер расселения и плотность населения определяются развитием и специализацией хозяйства. Наибольшую плотность населения (около 80 чел./км²) имеют южные районы края. Количество сельских населенных пунктов в последнее время уменьшается. Если в 1959 г. их насчитывалось 1002, то в 2002 г. только 702. При этом почти 43% населения края сосредоточено в трех городах — Владивостоке, Уссурийске и Находке. На 1 января 2010 г. на эти три города приходилось уже 45,2% населения края³⁵.

Приведенные выше данные показывают основные бреши в социально-демографической ситуации вышеуказанных регионов, которые могут способствовать демографическому закреплению в них китайцев, особенно на территориях, пригодных для ведения сельского хозяйства, но ставших практически необитаемыми и бесхозными.

Механизмы демографического закрепления китайцев на территории РФ

В число стратегических механизмов демографического проникновения и закрепления китайских мигрантов в регионах российского Дальнего Востока и Сибири входит углубление с ними экономических отношений. В целом экономическое сотрудничество КНР с регионами российского Дальнего Востока и Сибири развивается достаточно динамично. Китай занимает лидирующее место в товарообороте практически всех субъектов дальневосточных и сибирских регионов.

Особую важность для Китая представляет сельское хозяйство Сибири и Дальнего Востока. В этой сфере у Пекина имеются неплохие шансы для укрепления своих позиций. Уже упомянутая структура демографического расселения дальневосточных и сибирских регионов РФ в значительной степени способствует этому. Китайцы с присущим им трудолюбием в состоянии практически полностью обеспечить сельскохозяйственными продуктами население дальневосточных регионов и даже наладить экспорт некоторых видов этой продукции. Данное обстоятельство может стать весьма существенным условием улучшения не только экономической, но и социальной ситуации на Дальнем Востоке и в Сибири.

В результате активной экономической деятельности китайцев некоторые отрасли экономики Дальнего Востока уже монополизированы ими. Так, уже на начало нынешнего десятилетия львиная доля сельскохозяйственной продукции Дальнего Востока России производилась китайскими и корейскими фермерами³⁶. Китайские фермеры активны и в других регионах России, в т.ч. на Урале. Почти треть всех овощей в Челябинской области производится китайцами на арендованных землях, площадь которых в 2009 г. составила 798 га против 55 несколькими годами ранее³⁷.

В 2006 г. правительство Свердловской области и генеральное консульство КНР в Екатеринбурге договорились о сотрудничестве в сельском хозяйстве, в частности о том, что китайцы будут осваивать и возвращать в сельскохозяйственный оборот заброшенные пахотные земли³⁸. По заявлениям представителей областных властей, в регионе имеются сотни тысяч гектаров бесхозных земель, которые можно было бы передать в аренду китайским иммигрантам сроком на 49 лет.

Численность китайцев на Дальнем Востоке. Мифы и реальность.

Какова же истинная численность китайцев в дальневосточных регионах России? Данные здесь колеблются от 100 тыс. до 5 млн³⁹. Так, в 1997 г. высокопоставленные чиновники Федеральной миграционной службы РФ, оценивая численность незаконных китайских мигрантов в России, утверждали, что их около 1 млн чел., их ежегодный прирост составляет почти 100 тыс. чел.⁴⁰ По некоторым данным, уже в 2002 г. в ряде городов Приморья эмигранты из Китая составляли до 20% населения⁴¹. Миграция китайцев может привести к радикальным изменениям в демографической ситуации в масштабах всей России. Например, по прогнозам Института народно-хозяйственного прогнозирования Российской академии наук, к середине XXI в. китайцы в России станут вторым по численности после русских этносом⁴².

В данном контексте уместно привести слова, высказанные в июле 2001 г. тогдашним президентом РФ В. Путиным во время посещения Благовещенска: «Если в ближайшее время не предпримем реальных усилий по развитию Дальнего Востока, то русское население через несколько десятилетий будет в основном говорить на японском, китайском и корейском языках»⁴³. А бывший губернатор Приморья В. Наздратенко даже предложил переселить 5 млн русских на Дальний Восток, чтобы создать хоть какой-нибудь паритет с Китаем⁴⁴.

Однако имеются и другие данные относительно китайской миграции на российский Дальний Восток. Директор Федеральной миграционной службы РФ К. Ромодановский на совещании по таможенной и миграционной проблематике в приграничных регионах, созванном президентом России Д. Медведевым в июле 2010 г., оценил численность китайцев по всей стране в 248 тыс. чел.⁴⁵ При анализе китайского присутствия в дальневосточных регионах России особый интерес представляет социологическая модель Дж. Берри, предлагающая 4 формы аккультурации мигранта в обществе, которое его принимает (сепарация, интеграция, ассимиляция, маргинализация)⁴⁶. Ключевым компонентом здесь выступает сохранение мигрантом культурной принадлежности к китайскому социуму в России, а также степень его интеграции в общество, которое его принимает. На примере Благовещенска большинство китайцев в России, независимо от их социального статуса, придерживаются поведения, сходного с сепарацией. Интеграция занимает второе место. Эти результаты весьма примечательны и показывают, что китайцы формируют особую систему проживания в дальневосточных регионах России, создавая этнически ориентированные сообщества. Таким образом, следует отметить, что даже если китайская дисапора на Дальнем Востоке еще не сформирована окончательно, то ряд присущих ей специфических черт уже существует.

Геополитические императивы миграции и закрепления китайцев на российском Дальнем Востоке и в Сибири

Очевидно, что демографическая политика КНР является составной частью ее геополитических целей и принципов. Поэтому данный аспект необходимо рассматривать в более широком ракурсе, в частности, в контексте процессов, направленных на установление нового миропорядка. Распад биполярной системы после развала СССР породил и своего рода системный вакуум, заполнение которого мировым центром силы видится по-

разному. США, позиционируя себя мировым лидером, фактически выступают за систему, близкую к однополярной. С подобной позицией не согласны, в числе прочих, Китай и Россия, для которых на данном этапе предпочтительнее многополярное мироустройство.

Но в этой связи возникает ряд проблем. С одной стороны, Китай заинтересован в сильной России, которая была бы одним из полюсов в мировой политике. Ни сегодня, ни в ближайшем будущем КНР вряд ли в состоянии в одиночку противостоять гегемонии США. Россия также неспособна на данном этапе и в ближайшей перспективе сделать это в одиночку. Эффективное противостояние однополярным тенденциям возможно лишь общими усилиями. В тоже самое время сильная Россия более независима в выборе того или иного геополитического вектора. И гипотетически такой выбор может быть не в интересах КНР, особенно если учитывать, что многополярность вовсе не предопределяет перманентный союз или совпадение интересов Москвы и Пекина. Поэтому Китай, как уже отмечалось, должен стремиться создать ситуацию взаимозависимости и взаимоуязвимости во взаимоотношениях с Россией, чтобы в перспективе свести к минимуму возможные последствия от изменения геополитического вектора Москвы.

И здесь ключевую роль приобретает его демографическая политика на Дальнем Востоке. В некоторой степени ее проведение предопределяет элемент безальтернативности. Демографическое проникновение и закрепление в дальневосточных и сибирских регионах может оказаться лучшей подстраховкой на случай неблагоприятного для Пекина развития ситуации. У китайского государства, стремящегося стать одним из ведущих центров силы в мировой политике, по существу нет иного выбора.

Выводы

Демография действительно весьма щепетильный аспект российско-китайских отношений. Тем не менее, очевидно, что без сотрудничества с Китаем России будет трудно улучшить социально-экономическую и демографическую ситуацию на Дальнем Востоке и в Сибири. Об этом несколько раз заявлял президент России Д. Медведев. На одном из совещаний, проходившем в Хабаровске в 2009 г., он заявил следующее: «Один из наших наиболее серьезных и экономически перспективных партнеров — это, конечно, Китай. Он обладает не только емким для нашей промышленности рынком, но и значительными финансовыми ресурсами, которые могут быть инвестированы в нашу экономику... Кроме того, мы исходили из того, что задачи подъема Дальнего Востока, Забайкалья должны быть на рабочем уровне скоординированы с программами развития Северо-Востока Китайской Народной Республики»⁴⁷.

Из данного заявления видно, что Москва достаточно спокойно относится к вовлечению Китая в дальневосточные и сибирские дела, хотя демографическое проникновение Китая может показаться весьма рискованным. Однако, анализируя тему демографического компонента китайской геополитики, необходимо максимально дистанцироваться от эмоций и подходить к этой теме рационально и объективно. По всей видимости, усиление китайского присутствия на Дальнем Востоке, в том числе и демографического, будет продолжаться и в будущем.

Тем не менее, маловероятно, чтобы в будущем Пекин, используя китайское демографическое присутствие в дальневосточных регионах России, прибегнул к попыткам аннексии этих территорий. Данный подход слишком рискован⁴⁸. Основной стратегией Пекина, по-видимому, будет создание с Россией действенных механизмов взаимоуязвимости, взаимозависимости и взаимовыгодности, что позволит свести к минимуму возможные последствия от изменения геополитического вектора Москвы. Наличие крепкой и интегрированной в российское общество китайской диаспоры, особенно на Дальнем Востоке, представляется одним из наиболее целесообразных механизмов создания такой ситуации. В противном случае у Китая появится серьезный и опасный враг, и такое развитие событий может быть чревато непредсказуемыми последствиями.

1. Чэнь Юхуа. Чжунго шэньюй чжэнцэ тяочжэн яньцзю, Жэнькоу яньцзю [Население Китая на рубеже XXI века] // Проблемы корректировки политики рождаемости в Китае. Пекин, 1999. № 6. С. 21–27 (Китаеведение. 2001. № 1. Реферирование: Бергер Я.М.).
2. Му Гуанцзун, Чэнь Вей. Цзоу сян 21 шици ды Чжунго жэнь-коу: синши фэньси юй дуйцэ сы-као. Кайфан шидай [Китайское население на пути в XXI век: анализ ситуации и контрмеры]. Гуанчжоу, 1999. № 3. С. 73–80 (Китаеведение. 2001. № 1. Реферирование: Бергер Я.М.).
3. China's rural population to halve in 30 years: economist, Xinhua. — http://news.xinhuanet.com/english2010/china/2010-02/24/c_13186529.htm, February 24, 2010.
4. Xin Zhiming. Urbanization could cost 24 trillion yuan // China Daily. — http://www.chinadaily.com.cn/china/2010-09/23/content_11338296.htm, September 23, 2010.
5. Zeng Ying. Quicken Urbanization Pace // China Daily. Hong Kong, 1999. 18 Nov. P. 4.
6. В 2009 г. естественная убыль снизилась до 249 тыс. чел. и была немного перекрыта миграционным приростом. — <http://demoscope.ru/weekly/2010/0409/barom03.php>, 8–21 февр. 2010.
7. Горбачева А. Россия поставила общий рекорд по общей смертности // Круг жизни. 2001. № 8, 27 апр. С. 3.
8. Там же.
9. United States Census Bureau. International Data Base, 2000. — <http://www.census.gov/ipc/www/idbnew.html>, April 16, 2001.
10. United Nations Population Division. Replacement Migration. New York, 2000.
11. Кольчик С. XXI век: все не так страшно // Аргументы и факты. 2001. № 1. С. 4.
12. Китайско-российское региональное сотрудничество // Пробл. Дальнего Востока. 2001. № 6.
13. Демоскоп Weekly: Электрон. версия бюл. «Население и общество / Центр демографии и экологии чел. Ин-та народнохозяйственного прогнозирования РАН. — <http://demoscope.ru/weekly/map/rfregions.html>, № 37–38, 8–21 октября 2001.
14. Administrative Divisions of People's Republic of China, People's Daily. — <http://english.peopledaily.com.cn/china/19990914A103.html>.
15. Дальневосточный Федеральный округ // Официальный сайт полномочного представителя президента РФ. — <http://www.dfo.gov.ru/area>; Итоги реализации Концепции демографического развития Республики Бурятия на период до 2010 года // Официальный сайт Министерства экономики Республики Бурятия. — http://economy.buryatia.ru/attached_documents/ОТЧЕТ2008podemografii.rar; Красноярский край: территория, население, Администрация губернатора Красноярского края. — <http://www.krskstate.ru/krasnoyarskkray>; Правительство Иркутской области. — <http://www.govirk.ru/default.aspx>; Забайкальский край, официальный портал. <http://www.e-zab.ru/>; Республики Хакасия, официальный портал органов государственной власти, <http://www.rhlider.ru/>; Правительство Республики Тыва, официальный сайт. — <http://gov.tuva.ru/>.
16. Inner Mongolia 2005 — The Year in Review. // China Internet Information Center. — <http://www.china.org.cn/english/features/ProvinceView/183227.htm>; Jilin 2005 — The Year in Review // China Internet Information Center. — <http://www.china.org.cn/english/features/ProvinceView/184199.htm>; Heilongjiang, 2005 // The Year in Review / China Internet Information Center. — <http://www.china.org.cn/english/features/ProvinceView/170623.htm>.
17. Баранов А. Тупики ларечной идеологии // Независимое военное обозрение. 2000. № 4. С. 6.
18. Стенограмма выступления председателя партии «Единая Россия», премьер-министра РФ Владимира Путина на межрегиональной партийной конференции ДФО «Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока до 2020 года. Программа на 2010–2012 годы». Хабаровск, 6 дек. 2010 г. // Официальный сайт партии «Единая Россия». — <http://er.ru/text.shtml?17/3298,110027>.
19. Прогноз численности населения Амурской области до 2031 года. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Амурской области. http://amurstat.gks.ru/digital/region5/DocLib/07_1_3.htm, accessed February 20, 2011. —
20. Информация о социально-экономическом развитии Забайкальского края за январь-декабрь 2010 года / М-во экон. развития Забайкальского края. — <http://econpmu.e-zab.ru/page/monitoring/2010.php>, accessed February 21, 2011.
21. Иркутская область (статистическая справка). Служба занятости населения Иркутской обл. — <http://www.irkzan.ru/qa/131.3.html>, accessed February 21, 2011.

22. Демография. Официальный сайт администрации Кемеров. обл. — <http://www.ako.ru/Socsfera/demogr.asp?n=1>, accessed February 21, 2011.
23. Администрация Кемеров. обл. — <http://www.ako.ru/Socsfera/demogr.asp?n=1>.
24. Численность населения на 1 янв. 2010 г. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Хабаровскому краю. — http://habstat.gks.ru/digital/region1/OsnPokaz/Chislennost_naselen.htm accessed February 21, 2011.
25. Итоги социально-экономического развития Приморского края. Департамент экономики, поддержки предпринимательства, развития конкуренции, инвестиций и контроля подготовки к саммиту АТЭС Приморского края, Владивосток, 2011, с. 24.
26. Итоги социально-экономического развития Приморского края за 2008 г. Департамент экон. развития Примор. края. Владивосток, 2009. С. 22.
27. Там же. С. 22, 23.
28. *Акопов П.* Непутевая путина // Известия. 2002. 28 авг. С. 8.
29. Краткая характеристика Камчатского края. Правительство Камчат. края. — <http://www.kamchatka.gov.ru/index.php?cont=76&menu=12>.
30. Численность населения субъектов Российской Федерации. Федеральная служба гос. статистики. Всерос. перепись населения 2002 г. — www.perepis2002.ru/ct/doc/population.doc.
31. Изменение численности постоянного населения по компонентам. Официальный интернет-портал органов гос. власти Еврейской автономной обл. — <http://www.eao.ru/?p=37>.
32. *Vasenyov A.* Russia: Overview of Amurskaya Oblast // Business Information Service for the Newly Independent States (BISNIS). — <http://www.bisnis.doc.gov/bisnis/country/011227amurover.htm>, December 2001. P. 1, 2, 4.
33. Население и трудовые ресурсы // Официальный сайт Администрации Хабаров. края. — <http://www.adm.khv.ru/invest2.nsf/folders/General-ru.htm>.
34. Более подробно см.: Размещение населения. Примор. край РФ. Дальневост. геологический ин-т. — <http://www.fegi.ru/PRIMORYE/GEOGR/city.htm>.
35. Численность постоянного населения Российской Федерации по городам, поселкам городского типа и районам на 1 янв. 2010 г. Федеральная служба гос. статистики.
36. *Александров Е.* Чайна-таун размером с Сибирь // Общая газ. 2001. 5–11 июля. С. 6.
37. *Евгеньевич А.* Китайцы создали сельскохозяйственную империю в России // Fermer.ru. — <http://www.fermer.ru/forum/zashchishchennyi-grunt-i-gidroponika/81969>, 21 июля 2010.
38. Подробнее см.: *Терлецкий В.* Китайцы дошли до Урала // Независимая газ. 2006. 2 авг.
39. Russia Far East Turning Chinese? Global Intelligence Update. — www.stratfor.com, July 7, 2000.
40. *Федотов И., Селиванов Л.* Призрак “демографического империализма” // Миграция. 1997. № 3. С. 4.
41. *Александров А.* Поцелуй дракона // Аргументы и факты. 2002. № 48. С. 7.
42. *Камакин А.* Неизвестное лицо российской национальности // Итоги. 2001. 29 мая. С. 39.
43. Информационная программа «Время» (телевизионный канал ОРТ). 22 июля 2000.
44. Russia Far East Turning Chinese? Global Intelligence Update. — www.stratfor.com, July 7, 2000.
45. Стенографический отчет о совещании по таможенной и миграционной проблематике в приграничных регионах. Официальный сайт Президента РФ. — <http://www.kremlin.ru/transcripts/8278>, Благовещенск, 3 июля 2010 года.
46. Подробнее о модели см.: *Berry J.* Immigration, Acculturation, and Adaptation // Applied Psychology: An International Review. 1997. P. 5–68.
47. Стенографический отчет о совещании «О приграничном сотрудничестве с Китаем и Монголией и задачах развития восточных регионов Российской Федерации». Хабаровск, 21 мая 2009 г. Официальный сайт Президента РФ. — <http://www.kremlin.ru/transcripts/4160>, Хабаровск, 21 мая 2009 года.
48. *Hofstede G.* Cultures and Organizations: Software of the Mind. McGraw-Hill, 1991. P. 139.

Коминтерн и начало коммунистической работы в Китае

© 2011

И. Сотникова

В статье на основании архивных документов, в значительной части не опубликованных, прослеживается история первых контактов российских коммунистов с китайскими революционерами. Отмечается активная роль представителей РКП(б) и Коминтерна, прежде всего Г.Н. Войтинского, в создании коммунистических ячеек в ряде крупных городов Китая, а также в политической, организационной и финансовой подготовке I Учредительного съезда Коммунистической партии Китая.

Ключевые слова: Коминтерн, Дальбюро, коммунистические кружки, финансовая помощь

В российской исторической литературе начало коммунистической работы Коминтерна в Китае принято соотносить с II конгрессом Коминтерна (1920 г.). Однако первые контакты российских коммунистов с представителями революционной интеллигенции Китая начались сразу после образования III, Коммунистического, Интернационала в начале марта 1919 г. Одной из задач, которую стал выполнять формирующийся аппарат Исполкома Коминтерна (ИККИ), была политическая помощь зарубежным коммунистам в создании национальных компартий, оказание им материальной поддержки, в том числе для издания газет коммунистической направленности. Организацией коммунистической пропаганды и изданием документов Коминтерна и РКП(б) на различных языках занимался Отдел международной пропаганды, который 4 мая 1919 г. возглавил Я.М. Берзин¹. Практическая работа в данном направлении первоначально велась через Наркомат иностранных дел (НКВД).

Агитационно-пропагандистская работа «для поднятия угнетенных масс на пролетарскую революцию» в Северном и Южном Китае, Корее, Персии, Индии и других странах Востока требовала денег. В 1919 г. заместитель наркома иностранных дел Л.М. Карахан, делегированный коллегией НКВД для связи с ИККИ, обратился к В.И. Ленину с секретной запиской по вопросам финансирования. Он просил отпустить Народному комиссариату по иностранным делам «200 тыс. золотых рублей на поддержку рабочих организаций Востока, посылку агитаторов для целей пропаганды на Востоке»

на первую четверть 1919 г.² Важнейшей характерной чертой Коминтерна была его неразрывная идейно-политическая, организационная и материальная связь с РКП (б) и советским государственным аппаратом, поэтому вопросы финансирования обсуждались высшими органами государства и партии. Так, 18 августа 1919 г. Управляющий делами ИККИ Г. Клингер выступил на заседании Организационного бюро ИККИ с докладом «О расходах III Интернационала». По обсуждавшимся вопросам было решено «Доклад о работе... заслушать в Политбюро. Для группы интернационалистов на юге послать 1 400 000 руб....»³.

Финансовые проблемы не были единственными, которые приходилось решать в процессе реализации политики Коминтерна на Востоке. В России шла гражданская война, и сообщение со странами Дальнего Востока было затруднено. Поэтому опорой для нелегальной пропаганды идей III Интернационала в Восточной Азии, особенно в Китае, стали разбросанные по всей Сибири и российскому Дальнему Востоку региональные властные структуры и партийные органы. РКП(б) была представлена Сибирским областным бюро (Сибоблбюро) ЦК РКП(б), постоянно менявшим свое местопребывание (Уфа — Челябинск — Омск — Новониколаевск), и Дальневосточным бюро (Дальбюро) ЦК РКП(б) в Верхнеудинске (Улан-Удэ) с «филиалом» во Владивостоке. НКВД имел на Дальнем Востоке свое представительство — Сибирскую миссию (Сибмиссию) в Троицкосавске (Кяхта) и т.д. Каждая из этих организаций стремилась начать работу в странах Дальнего Востока, предпринимая в том числе самостоятельные шаги для налаживания связей с китайскими революционерами как на территории России⁴, так и в Китае.

20–21 марта 1919 г. проводившаяся нелегально в Омске III Сибирская конференция РКП(б) для «правильного и своевременного» информирования пролетариата стран Дальнего Востока приняла решение «организовать на Дальнем Востоке информационно-агитационное бюро Сибирского областного комитета», которое должно было «установить связь с коммунистами Востока и Америки, организовать посылку информации к ним и получение таковой от них, организовать устную и письменную агитацию»⁵.

Общественно-политическая ситуация в Китае способствовала позитивному восприятию коммунистической пропаганды в среде интеллигенции. Острый внутренний кризис в стране и итоги Вашингтонской конференции вызвали бурю возмущения, вылившегося в студенческое «движение 4 мая» 1919 г. и подхваченного широкими слоями китайской молодежи и интеллигенции. Еще раньше стало разворачиваться «движение за новую культуру», результатом которого было введение в политическую публицистику и в литературу приближенного к разговорному языку *байхуа*, что позволило приобщить к грамотности миллионы китайцев. «Движение за новую культуру» и «движение 4 мая 1919 г.» приобщили к революционной борьбе образованные слои китайской молодежи и способствовали консолидации молодого китайского рабочего класса, что нашло проявление в его первых организованных выступлениях, в том числе забастовках. Революция 1917 г. в России оказала немалое воздействие на формы этого революционного движения в Китае.

Революционные национально-освободительные идеи, опиравшиеся на заимствованные из Европы доктрины, проявившие себя в полную силу уже в начале XX в., в эпоху «пробуждения Азии», способствовали созданию стихийных молодежных кружков по изучению наиболее радикальной и детально разработанной доктрины революционного спасения — марксизма. Среди их участников можно было встретить сторонников и анархизма, и «легального марксизма», и националистов, и вообще случайных попутчиков. Именно такие интеллигентские, преимущественно пропагандистские, и довольно пестрые по своему составу группы стали базой для основания Компартия Китая.

Уже первые контакты представителей Советской России с китайскими приверженцами марксизма, сведения о которых относятся к весне 1919 г., были вполне успешными. Член харбинской подпольной организации РКП(б) Н.Г. Буртман⁶ встретился в это

время в Пекине с профессором экономики и директором библиотеки Пекинского университета Ли Дачжао, который первым в Китае обратил внимание на значение большевистского опыта и начал интенсивно пропагандировать российский коммунизм. Называя Ли Дачжао осенью 1919 г. «прекрасным марксистом»⁷, Н.Г. Буртман фиксировал определенные итоги этого процесса.

Н.Г. Буртман имел также непосредственное отношение к забастовкам солидарности, проходившим в Тяньцзине после пекинских массовых демонстраций мая 1919 г. В сентябре к нему присоединился венгр А.А. Мюллер, ранее командовавший красноармейским интернациональным отрядом в Сибири. Российские коммунисты, подчеркивая роль пролетариата в революционной борьбе, доказывали студентам необходимость установления прямых связей с текстильщиками и портовиками Тяньцзиня для организации их в профсоюзы. Об этом Н.Г. Буртман неоднократно беседовал с Ли Дачжао и его ближайшим помощником Дэн Чжунся, ставшим горячим сторонником организации профсоюзов. Установив связи с китайскими студентами радикально-демократического направления в Тяньцзине и в Пекине, 15 января 1920 г. группа Н.Г. Буртмана из пяти большевиков покинула Тяньцзинь, а 4 марта прибыла в Верхнеудинск.

В июне 1919 г. один из ответственных работников Сибирской миссии НКВД Ф.И. Гапон предложил создать Восточное бюро с обязательным участием в нем представителей всех народов Дальнего Востока. Инициатива Ф.И. Гапона была поддержана НКВД: к весне 1920 г. при Сибмиссии было создано такое бюро со страноведческими отделами и Президиумом, в который вошли Ф.И. Гапон — от Сибмиссии, Лю Яо — от союза китайских рабочих Иркутска, а также Г.Н. Цой, Э. Ринчино и Борисов⁸. За короткое время своего существования (до июля 1920 г.) Восточное бюро успело создать в Иркутске Союз китайских рабочих при Иркутском губернском исполнительном комитете и реорганизовать китайскую секцию коммунистов при Иркутском губернском парткоме (Восточносибирское бюро китайских коммунистов — отдел Сибмиссии)⁹.

В то же время при Дальбюро ЦК РКП(б) был создан функционально аналогичный Восточному бюро Иностраный отдел по работе среди народов Дальнего Востока. Его председателем стал Н.К. Гончаров, Н.Г. Буртман — заместителем председателя, а Ф.И. Гапон — членом коллегии¹⁰. Дальбюро ЦК РКП(б) заявило в Сибмиссию НКВД о подчинении этому Отделу Союза китайских рабочих и Оргбюро китайских коммунистов.

В Москве, вероятно, не было известно о созданных структурах, поэтому в августе 1919 г. В.Д. Вилленскому-Сибирякову от Политбюро ЦК РКП(б) были даны директивы по осуществлению задач «пробуждения сознательного движения широких масс Дальнего Востока к освобождению, поддержки революционных движений, установления прочной связи с революционными организациями и усиления агитационной работы путем издания коммунистической литературы»¹¹. В.Д. Вилленский-Сибиряков приступил к работе в сентябре 1919 г., однако в феврале 1920 г. постановлением ЦК РКП(б) был переведен во Владивосток для решения дипломатических задач.

Коминтерн, Дальбюро и Сиббюро ЦК РКП(б), НКВД, Центросоюз¹² и другие организации направляли своих представителей на нелегальную работу в Китай с самостоятельными заданиями, не согласуя ни с кем своих действий, не имея общего плана. В их задачи входило не только установление связей с революционными элементами в Китае, но и обращение ценностей в необходимую советскому государству валюту¹³, и политическая разведка.

Планомерная организационная работа в странах Дальнего Востока началась в апреле 1920 г., когда Иностраный отдел Владивостокского отделения Дальбюро ЦК РКП(б) направил в Шанхай под видом работников Центросоюза группу коммунистов во главе с Г.Н. Войтинским (Тригорьев)¹⁴, переводчиком при группе был Ян Минчжай (Шмидт). Всего в Китае в то время работало более 10 ответственных русских коммунистов¹⁵. Перед ними стояла сугубо конспиративная задача: установить регулярные связи с

радикальными деятелями китайской общественности, с тем чтобы помочь им организовать кружки коммунистической направленности.

Г.Н. Войтинский и его группа через русских эмигрантов — профессора Тяньцзиньского университета С.А. Полевого, профессора Пекинского университета и редактора издававшейся в Пекине социалистической газеты на французском языке «Journal de Pekin» А.А. Ивина, заведующего отделением РОСТА-ДАЛЬТА¹⁶ в Пекине, редактора владивостокской газеты «Далекая окраина» Е.А. Ходорова, члена миссии ДВР в Китае А.Ф. Агарева¹⁷, русского китаевода в Ханькоу А.И. Иванова — установили связи с лидерами революционного движения в Пекине, Шанхае, Ханькоу, Кантоне, Нанкине и Тяньцзине. Финансировала деятельность группы Сибмиссия через Центросоюз, переводя деньги Иванову в Пекин, Полевому в Тяньцзинь и Л.Г. Кауфману в Шанхай¹⁸.

В мае 1920 г. талантливый публицист и агитатор, пользовавшийся огромным уважением патриотически настроенной интеллигенции, декан колледжа гуманитарных наук, профессор Пекинского университета Чэнь Дусю, вокруг которого группировались молодые марксисты, при активном участии Г.Н. Войтинского организовал в Шанхае Революционное бюро, состоявшее из пяти человек (кроме Г.Н. Войтинского еще четыре китайских революционера, в числе которых был Ли Дачжао)¹⁹. Ревбюро развернуло работу по формированию коммунистических кружков. Издательская секция Бюро, приобретая типографию в Шанхае и печатавшая марксистскую литературу и материалы, которые получала из Владивостока, имела влияние на ряд китайских газет и журналов: «Шанхайская жизнь», «Чжоубао», «Туй жибао». Немаловажную роль в подготовке идейно-теоретических, политических и организационных предпосылок образования КПК сыграл журнал «Гунчаньдан», нелегально издававшийся шанхайской группой с ноября 1920 г. Особо следует отметить журнал «Синь циннянь», издававшийся профессором Чэнь Дусю и ставший ядром шанхайской революционной работы. Планировалось сплотить разные революционные группы в одну центральную вокруг «Объединенного издательского бюро»²⁰.

Информационно-агитационная секция Ревбюро организовала в Шанхае Русско-китайское информационное бюро во главе с Ян Минчжаем, имевшее отделение в Пекине и поставлявшее сведения в 31 китайскую газету. Такие бюро были организованы также в Харбине (Североманьчжурское бюро) и Владивостоке (Бюро содействия китайской печати). Организационная секция Ревбюро пропагандировала среди студентов необходимость связей с рабочими и солдатами.

В качестве первоочередной задачи Г.Н. Войтинский выдвигал создание бюро, подобных шанхайскому, во всех индустриальных городах Китая, а затем их централизацию на конференции представителей бюро²¹. В октябре 1920 г. при участии Г.Н. Войтинского, Минора (К.А. Стояновича) и С.А. Полевого произошло оформление пекинской коммунистической группы во главе с профессором Ли Дачжао. Г.Н. Войтинский направил Минора из Тяньцзиня в Кантон, чтобы помочь в организации там Гуанчжоуского ревкружка, который был основан в сентябре 1920 г. Одновременно с этим группа Г.Н. Войтинского способствовала образованию Тяньцзиньского бюро (при участии М.Н. Гершевича), а также бюро в Ханькоу²², Ухани и Цзинани. Без участия русских коммунистов были созданы кружки в Нанкине, Чанша и ряде других мест.

В Пекине, куда заблаговременно были вызваны русские представители, 5–7 июля состоялась конференция русских коммунистов, работавших в Китае, на которой они обсудили вопросы предстоящего съезда китайских коммунистических организаций и образование Китайской коммунистической партии²³. Проводил ее прибывший из Владивостока В.Д. Виленский-Сибиряков. Вслед за этим 19 июля 1920 г. в Шанхае прошла общая конференция «наиболее активных китайских товарищей», в организации которой основную роль сыграл Чэнь Дусю. Он же стал секретарем образованной в Шанхае коммунистической ячейки. Г.Н. Войтинский и другие советские коммунисты не только приняли

участие в подготовительной работе (составлении повестки дня и резолюции), но и в заседаниях. Конференция заложила основы будущей Компартии Китая²⁴.

В июле 1920 г. в Иркутске при Сибирском областном бюро ЦК РКП(б) была образована Секция восточных народов²⁵ для объединения «восточной работы» по созданию коммунистических организаций, подготовки кадров агитаторов, а также осуществления агитационно-издательской деятельности. Вышестоящей инстанцией для каждого страноведческого отдела были признаны съезды коммунистических организаций²⁶. В финансовом и организационном отношении Секция подчинялась Сибмиссии. К возглавившей Секцию «тройке», утвержденной Сиббюро ЦК РКП(б) — Н.Г. Буртман (председатель), Н.К. Гончаров и Ф.И. Гапон²⁷, в конце сентября был добавлен секретарь Дальбюро ЦК РКП(б) М.И. Бронштейн²⁸. Фактическую работу вели лишь двое — Н.Г. Буртман и М.И. Бронштейн. 28 июля 1920 г. заведующим китайским отделом Секции был назначен М.М. Абрамсон²⁹.

Г.Н. Войтинскому в Шанхай было направлено указание о его подчинении Секции с вручением ему полномочий представителя для руководства работой в Китае³⁰. Ему предписывалось регулярно докладывать о положении в Китае и контролировать поступающие из России средства³¹. Широкая и углубленная работа китайского отдела Секции требовала значительных расходов, о которой можно судить по предварительной смете. Штат Зарубежного бюро Секции в Шанхае намечался в 15 человек: заведующий бюро и секретарь (с окладом по 250 китайских долларов), три члена редколлегии (по 150 долларов), 10 уполномоченных (по 250 долларов), 24 инструктора из китайцев (по три человека на каждого уполномоченного, по 50 долларов) плюс по 9600 долларов в год для развозов и на обзаведение одеждой и обувью. Разница в зарплате объяснялась тем, что должности заведующего, секретаря, уполномоченных и редколлегии временно будут заняты русскими, для которых прожиточный минимум больше. На издательские расходы бюро планировалось выделение 60 000 долларов, а 20 000 долларов — на непредвиденные расходы (содержание конспиративных квартир, почтово-телеграфные расходы, созыв конференций, переброска работников, доставка литературы). Расходы китайского отдела по работе на территории русского Дальнего Востока по смете должны были составить еще 20 000 долларов³².

М.М. Абрамсон выехал в Харбин для организации Харбинского отделения Секции³³. Тем временем при участии Г.Н. Войтинского состоялся ряд заседаний студенческих организаций в Шанхае, Пекине и Тяньцзине, на которых обсуждался вопрос об объединении всех группировок радикального направления в общий Союз социалистической молодежи. 17 августа в Пекине состоялась конференция представителей студентов нескольких городов: Пекина, Тяньцзиня, Ханькоу, Нанкина и Учана. В Шанхае по инициативе профессора Чэнь Дусю 22 августа 1920 г. был создан Шанхайский союз социалистической молодежи (КСМ)³⁴. Представители союзов молодежи должны были войти в революционные бюро Шанхая, Пекина и Тяньцзиня. В ноябре было официально провозглашено создание Социалистического союза молодежи Китая (ССМК) во главе с ЦК из 18 и Президиумом ЦК из трех человек. Представители Союза вошли в Ревбюро³⁵.

В сентябре 1920 г. для социалистически настроенной молодежи, желавшей поехать учиться в Москву, в Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ), Чэнь Дусю и Г.Н. Войтинский организовали Школу иностранных языков, где в основном изучался русский язык. Преподавал там Ян Минчжай. В 1921 г. первой группе окончивших учебу китайцев (34 человека) Г.Н. Войтинский предоставил деньги для поездки в Россию.

14 октября 1920 г. уполномоченный Сиббюро по восточной работе Н.К. Гончаров и председатель Секции восточных народов Н.Г. Буртман телеграфировали руководству Коминтерна о намерении созвать «ряд предварительных съездов» революционных и коммунистических организаций некоторых дальневосточных стран, включая Китай.

Планировалось, что предварительные конференции завершатся в январе 1921 г.³⁶ По-видимому, в намеченный срок провести конференцию в Китае не удалось, так как 24 декабря 1920 г. Секция наставляла на открытии конференции «не позднее начала марта»³⁷.

II конгресс Коминтерна, проходивший в Москве 19 июля — 7 августа 1920 г., разработал общетеоретическую долговременную программу прокладывания «восточного маршрута» мировой революции путем «выращивания» революций на местах, прежде всего в Китае, наиболее «перспективном» в этом отношении. Ввиду отсутствия достоверной информации о событиях в стране, данная схема носила умозрительный характер и отражала попытку применить российский опыт революции к национально-революционным движениям в совершенно других условиях.

Для практической реализации установок конгресса РКП(б) и Коминтерн решили централизовать соответствующие структуры «восточной работы», объединив их в единое представительство. В октябре 1920 г. новый ИККИ постановил «дальше сосредоточить в особом секретариате», местом пребывания которого был определен Шанхай³⁸. К такому же выводу пришли руководители Сиббюро ЦК РКП(б) и Секции, неоднократно обращавшиеся с подобными предложениями в ЦК РКП(б) и Коминтерн. Постановлениями ЦК РКП(б) от 5 января 1921 г и ИККИ от 7 января 1921 г. в Иркутске было учреждено представительство Коминтерна на Дальнем Востоке — Дальневосточный секретариат Коминтерна (ДВСК). Назначенный 15 января 1921 г. постановлением ИККИ уполномоченным по работе на Дальнем Востоке Б.З. Шумяцкий³⁹ уже в феврале развил бурную деятельность, наставляя на передаче от Дальбюро в Секретариат 2 000 рублей золотом⁴⁰ и подчинении Секретариату местных организаций комсомола, профсоюзам и т.д. Это привело к конфронтации с Дальбюро ЦК РКП(б). Благодаря вмешательству Малого бюро ИККИ средства организаций, прежде занимавшихся «восточной работой», были направлены в ДВСК⁴¹. Реорганизация Секции и Сибмиссии негативно сказалась на работе в Китае, поскольку сотрудники и в Харбине, и в Пекине, и в Шанхае не понимали, кому они подчинялись. Г.Н. Войтинский, вернувшийся из Кантона, выехал в то время из Шанхая в Иркутск для участия в планировавшемся на весну 1921 г. съезде народов Дальнего Востока⁴².

В ДВСК помимо Б.З. Шумяцкого (уполномоченного Коминтерна на Дальнем Востоке) входили его заместитель Ф.И. Гапон (позже Я. Минскер⁴³), ответственные секретари Г.Н. Войтинский и А. Бодрицкий, заведующий Информационным отделом С.И. Слепак. М.М. Абрамсон, а затем И.К. Мамаев исполняли обязанности русского секретаря китайской секции⁴⁴, заместителем секретаря был Власовский. Цао Пэйсин работал инструктором-агитатором⁴⁵. Уполномоченным по работе с молодежью был назначен С.А. Далин, представителем ДВСК в Китае — Б. Никольский (В.А. Нейман, Васильев), управделами — Букатый⁴⁶. 22 марта 1921 г. в должности китайского секретаря китайской секции был утвержден Чжан Тайлэй на условиях исполнения этих обязанностей до I съезда КПК⁴⁷.

26 февраля 1921 г. в письме-отчете Б.З. Шумяцкого в Коминтерн М. Кобецкому сообщалось, что теперь ДВСК руководит всей «восточной работой», а раньше этим занимались «все, кому не лень, путая и мешая друг другу». Поскольку уже было件件но, что «китайский ЦК» (т.е. руководство Союза китайских рабочих в России) на территории ДВР авторитетом не пользуется, Б.З. Шумяцкий докладывал о перенесении центра китайской работы в шанхайское Ревбюро, на которое возлагалось руководство «китайской работой», издание газет и журналов. Для этой работы, подчеркивал Б.З. Шумяцкий, была нужна золотая валюта, а не бриллианты и романовские рубли⁴⁸.

До весны 1921 г. в китайских коммунистических кругах шла деятельная подготовка к Всекитайскому съезду коммунистов, которому предстояло избрать Центральный комитет компартии. До съезда фактическое руководство движением сохранялось за редакцией журнала «Синь циннянь», субсидируемого из России⁴⁹. В конце марта 1921 г.

Б.З. Шумяцкий телеграфировал в Москву, что разработанные ДВСК положения о коммунистической работе в Китае будут рассмотрены съездом китайских коммунистов, который намечалось созвать в мае при участии и руководстве представителей ДВСК в Шанхае⁵⁰, и о выезде Б. Никольского в Китай для руководства там партийной работой⁵¹. В это же время Б.З. Шумяцкий информировал В.И. Ленина и в Коминтерне М. Кобецкого о сбое в финансировании: «...мне нечем подкрепить китайские организации»⁵².

В начале 1921 г. в Китае существовало уже семь-восемь коммунистических ячеек в Пекине, Гуанчжоу, Ухани, Чанша, Цзинани и других местах. Чэнь Дусю рассылал по всем этим организациям письма для установления «предмета обсуждения на [объединительной] конференции, а также места и времени»⁵³. Есть сведения о том, что в марте 1921 г. была созвана предварительная, или подготовительная, конференция, прошедшая, по выражению Б.З. Шумяцкого, «в центре Китая». Согласно письменному докладу китайской делегации III конгрессу Коминтерна, «конференция положила начало размежеванию сторонников марксизма с анархистами и созданию объединенной организации»⁵⁴. В том же документе сообщалось о выработке «Временной программы» китайской компартии⁵⁵.

3 июня 1921 г., когда в Шанхай прибыл новый представитель Коминтерна, член ИККИ голландский коммунист Г. Маринг, работа китайской секции ДВСК была приостановлена в связи с отъездом членов секции на III конгресс Коминтерна⁵⁶. От увиденного в Китае Г. Маринг был не в восторге: китайский крестьянин — мелкий землевладелец, незначительный процент пролетариата, влияние профсоюзов ничтожно, организованности нет, население поголовно неграмотно, лишь 50 китайцев организованы в коммунистические кружки⁵⁷. Предложив организовать школы для обучения рабочих и направить двух сотрудников на Север и на Юг, Г. Маринг попросил у Б.З. Шумяцкого уточнить фронт работ в Китае⁵⁸. Была поставлена задача содействия китайским коммунистам в проведении их форума. 9 июля Г. Маринг отправил в Москву письмо, в котором отмечал: «Надеюсь, что конференция, которую мы собираем в конце июля, принесет большую пользу нашей работе. Небольшие группы товарищей будут сплочены. После этого можно будет начать централизованную работу»⁵⁹.

Учредительный съезд КПК проходил с 23 июля по 5 августа 1921 г. в Шанхае. В его подготовке, финансировании и работе приняли участие представитель ИККИ Г. Маринг и уполномоченный ДВСКИ Б. Никольский.

Не преуменьшая роли внутренних факторов распространения марксизма в Китае, следует отметить, что документы показывают, насколько активную роль играли в этом процессе представители РКП(б) и Коминтерна, и прежде всего талантливый организатор Г.Н. Войтинский. Они направили устремления китайских сторонников социализма в русло практической работы по созданию Компартии Китая, оказав им политическую, организационную и финансовую помощь.

1. Российский Государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 1. Л. 27.
2. Цит. по: Усов В.Н. Советская разведка в Китае в 20-е годы XX века. М., 2011. С. 40.
3. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 112. Д. 7. Л. 32.
4. На территории России, наряду с прочими национальными секциями, была создана китайская секция РКП(б) при Сибирском областном бюро РКП(б). В июне 1920 г. секция была перенесена в Иркутск и впоследствии подчинялась Восточному бюро Сиббюро. На последующую работу по созданию КПК секция практически не имела влияния.
5. Персиц М.А. Восточные интернационалисты в России и некоторые вопросы национально-освободительного движения (1918 — июль 1920 г) // Коминтерн и Восток. М., 1969. С. 64–65. М.А. Персиц ошибочно называет 3-ю конференцию второй, в то время как 2-я состоялась в октябре 1918 г. См.: Партизанская война в тылу Колчака // Коммунист.ру. 2008. 7 нояб.

6. Подробнее см.: *Клик В.Н.* Н.Г. Буртман — революционер-интернационалист // Опыт и уроки истории КПК (К 60-летию образования партии): Тез. докл. научн. конф. 7–8 апреля 1981 г. М., 1981. С. 203–208.
7. *Мюллер А.А.* В пламени революции. Иркутск, 1957. С. 144.
8. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 154. Д. 37. Л. 1–2, 9.
9. Там же. Д. 40–41.
10. Там же. Д. 21. Л. 8.
11. Из доклада В.Д. Виленского-Сибирякова Исполкому Коминтерна о зарубежной работе среди народов Восточной Азии (с сентября 1919 г. по август 1920 г.) // ВКП(б). Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Документы. Т. 1. 1920–1925. М., 1994. С. 36–37.
12. Всероссийский Центральный союз потребительских обществ, официально подчинявшийся Министерству продовольствия, а на деле Сибмиссии НКВД и, вероятно, Разведуправлению РККА.
13. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 154. Д. 100. Л. 9.
14. По сообщению К.В. Шевелева, в группу помимо Войтинского входили К.А. Стоянович, И.К. Мамаев, Л.А. Перлин (*Шевелев К.В.* Из истории образования Коммунистической партии Китая. ИБ ИДВ АН СССР № 79. М., 1976. С. 62). В докладе Исполкому Коминтерна, подписанном заместителем председателя Президиума Секции восточных народов М. Бронштейном и заведующим китайским отделом М. Абрамсоном, утверждалось, что помощниками Войтинского были выпускник Восточного института Титов и видный корейский общественный деятель под псевдонимом В.И. Серебряков (Ким). — Из доклада Исполкому Коминтерна об организации и деятельности Секции восточных народов при Сиббюро ЦК РКП(б) // ВКП(б). Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Т. 1. С. 48.
15. Там же. С. 51.
16. Российское и Дальневосточное телеграфные агентства.
17. Из доклада Исполкому Коминтерна об организации и деятельности Секции восточных народов при Сиббюро ЦК РКП(б). С. 48–49.
18. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 154. Д. 49. Л. 80.
19. Письмо Г.Н. Войтинского в Секцию восточных народов при Сиббюро ЦК РКП(б) // ВКП(б). Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Т. 1. С. 30; Из доклада Исполкому Коминтерна об организации Секции восточных народов при Сиббюро ЦК РКП(б) // Там же. С. 51.
20. Письмо Г.Н. Войтинского неустановленному адресату // Там же. С. 27.
21. Письмо Г.Н. Войтинского в Секцию восточных народов при Сиббюро ЦК РКП(б) // Там же. С. 31.
22. Там же. С. 33.
23. Из доклада В.Д. Виленского-Сибирякова Исполкому Коминтерна о зарубежной работе среди народов Восточной Азии (с сентября 1919 г. по август 1920 г.) // Там же. С. 39.
24. См.: Вопросы китайской революции. Т. I. М., 1927. С. 228.
25. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 154. Д. 52. Л. 53.
26. Там же. Д. 27. Л. 3.
27. Там же. Д. 116. Л. 48–49.
28. Там же. Д. 15. Л. 11.
29. Там же. Д. 8. Л. 2.
30. Там же. Д. 8. Л. 6; Д. 22. Л. 1.
31. Там же. Д. 46. Л. 37.
32. Там же. Д. 111. Л. 5–8.
33. 25 марта 1921 г. помощник заведующего иностранным отделом в Харбине Ронин написал в ДВСКИ о том, что Харбинский отдел, существовавший с мая 1920 г., сменил двух заведующих, но работы никакой не вел. Осуществлялись лишь некие «служебные» функции по реализации конфискованных драгоценностей.
34. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 154. Д. 28. Л. 7.
35. Из доклада Исполкому Коминтерна об организации и деятельности Секции восточных народов при Сиббюро ЦК РКП(б) // ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Т. 1. С. 52.

36. *Персиц М.А.* Из истории становления Коммунистической партии Китая // Народы Азии и Африки. 1971, № 4. С. 50.
37. Там же.
38. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 154. Д. 26. Л. 2.28.
39. Там же. Д. 83. Л. 15.
40. Там же. Д. 104. Л. 4.
41. Там же. Д. 103. Л. 88.
42. Там же. Д. 102. Л. 11–12. Проведение конференции народов Дальнего Востока планировалось Малым бюро ИККИ в Иркутске сначала на весну, а затем на 11 ноября 1921 г. (по вопросам Вашингтонской конференции), проходил же I съезд коммунистических и революционных организаций Дальнего Востока (так это мероприятие обозначалось на мандатах участников) в Москве и Петрограде с 21 января по 2 февраля 1922 г.
43. Там же. Д. 105. Л. 34.
44. Там же. Д. 93. Л. 2.
45. Там же. Д. 93. Л. 26.
46. Там же. Д. 87. Л. 1.
47. Там же. Д. 87. Л. 12; Д. 122. Л. 4–5.
48. Там же. Д. 97. Л. 1–2.
49. Доклад К.Н. Соколова-Страхова о Кантонском правительстве // ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Т. 1. С. 57.
50. Цит. по: *Персиц М.А.* Из истории становления Коммунистической партии Китая. С. 51.
51. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 154. Д. 122. Л. 4–5.
52. Там же. Д. 105. Л. 20.
53. Коммунистическая партия в Китае. Доклад делегации Китайской Коммунистической партии на 3-м конгрессе Ш Коммунистического Интернационала. Иркутск, 1921. С. 27.
54. Там же.
55. Народы Дальнего Востока. Иркутск, 1921. № 1. С. 65.
56. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 154. Д. 122. Л. 8.
57. Там же. Д. 102. Л. 25–33.
58. Там же. Л. 21,22.
59. Цит. по: *Персиц М.А.* Из истории становления Коммунистической партии Китая. С. 51.

Советская помощь Гоминьдану в 1920-е годы: к вопросу о критериях оценки

© 2011

А. Юркевич

Автор доказывает, что главным критерием оценки финансовой и материальной помощи Гоминьдану в 20-е годы должна стать ее эффективность с точки зрения влияния, во-первых, на выполнение задач китайской национальной революции, во-вторых, на осуществление тех целей, которые преследовала в Китае Москва. Опираясь на впервые вводимые в научный оборот документы, автор показывает, что в 1924–1925 гг. советская финансовая помощь была призвана стимулировать создание надежных, централизованно управляемых вооруженных сил, а также эффективной партийной организации Гоминьдана и усиление его организационной деятельности.

Ключевые слова: Китай, советско-китайские отношения, советская помощь китайской революции, военное строительство Гоминьдана

На оценки историками финансовой и материальной помощи, которую Москва оказывала в 1920-х гг. Гоминьдану, неизбежно влияют факторы идеологического и политического характера. О том, какое влияние идеология и политика оказывают на мнения представителей разных историографических школ по поводу количества и качества этой помощи, автор уже писал в статье, опубликованной в ПДВ в 2009 г.¹ Говорилось там и о стремлении некоторых китайских историков принижать значение содействия СССР партии Сунь Ятсена².

Так, китайский историк Ли Цзикуа, в целом признавая значимость российского опыта для военного строительства Гоминьдана³, утверждает, что «советская финансовая и военная помощь была весьма ограниченной, к тому же отнюдь не бескорыстной», хотя «для Сунь Ятсена, не получавшего никакой другой поддержки, это и было большим, чем он мог ожидать»⁴. Тезис о «весьма ограниченном, к тому же отнюдь не бескорыстном» характере советских дотаций Гоминьдану Ли Цзикуа не считает нужным подкреплять какими-то расчетами — для него это факт, не требующий особых доказательств.

Данное мнение имеет большие шансы стать общепринятым среди китайских историков (и не только историков) в нынешнюю эпоху «подъема» страны, когда воспитание чувства национальной гордости превращается в приоритет государственной политики и требует главным образом тех исторических оценок, которые это чувство подпитывают. Однако российские историки вправе видеть такую научную позицию в ином свете — как удар по национальному достоинству и исторической памяти россиян.

Поэтому проблемы заинтересованности («корысти»?) Москвы и оценки помощи китайской революции с ее стороны (много или мало?) вновь грозят приобрести определенную политическую остроту. Отсюда необходимость выработки академических критериев

рнев качества и количества такой помощи, по возможности свободных от идеологических предпочтений.

Прежде всего, как представляется, следует определиться с вопросом о «корысти» и «бескорыстии».

Во-первых, во все времена военно-техническая и финансовая помощь представлялась прежде всего союзникам, а ее масштабы определялись важностью союза для стороны, оказывающей такое содействие, и возможностями этой стороны. Последние у Советской России, только что пережившей разруху и голод, практически утратившей промышленную базу, были отнюдь не безграничны. Безоглядные траты на нужды политических союзников, которых Советский Союз поддерживал в 20-е годы не только в Китае, но и в других странах и регионах мира, были бы свидетельством безответственности и политической наивности государственного руководства. Как бы мы не расценивали политику советской власти с этических и иных позиций, в абсолютной безответственности и близорукости руководство ВКП (б) и СССР обвинить трудно. У страны тогда, как и сейчас, были собственные государственные интересы, которые ее руководство обязано было учитывать и защищать (другое дело, насколько адекватно эти интересы понимались). Вполне «бескорыстной» (кит. *канкай усыдэ* — букв. «великодушной и не преследующей частного интереса») может быть только гуманитарная помощь и никакая другая — и то относительно, учитывая потребность в определенном публичном имидже страны. В этом смысле оценка советского содействия как «небескорыстного» (*бу ши канкай усыдэ*) не может служить поводом ни для обид, ни для осуждения. Помощь союзникам, как и сам союз, всегда подчинены неким целям, и до сих пор никакие организованные политические силы в мире не вступали в союзные отношения исключительно по «великодушно-бескорыстному» зову души (хотя примеров личной жертвенности и героизма при оказании помощи союзникам история знает немало — не является исключением и история советско-китайских отношений).

Более того, необходимо оценивать расходы советской стороны, учитывая ее собственные политические и военные цели, а также степень их реализации посредством оказания союзнику соответствующей поддержки. Иначе говоря, речь должна идти в том числе об эффективности проводимой СССР политики с точки зрения субъективных целей руководства страны и степени их реализации.

Во-вторых, стоит принять во внимание то обстоятельство, что *непосредственные денежные выплаты, как и военные поставки, представляли собой лишь часть расходов, понесенных советской стороной при оказании помощи Гоминьдану*. Так, Р.А. Миrowsкая при подсчетах объемов помощи, оказанной Москвой Гоминьдану и действовавшим на Севере Национальным армиям Фэн Юйсяна только в 1924—1925 гг., справедливо включила в общую сумму этих средств затраты на работу созданных в СССР военных курсов для китайцев (май-октябрь 1925 г.), а также обучение посланцев Китая в Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ) и расходы на организацию Университета трудящихся Китая им. Сунь Ятсена. В результате объем реальных затрат на помощь китайским революционерам только за два года составил около 30 млн руб.⁵ — неизмеримо больше, чем суммы прямых дотаций китайским союзникам и стоимость военных поставок за тот же период.

В-третьих, конкретные «выгоды», полученные стороной-реципиентом, — лишь один из критериев оценки внешнего вспомоществования, и он должен применяться с учетом того, какие задачи решала сторона, принимающая помощь, насколько последняя способствовала решению данных задач, и как эти успехи выглядят с позиций сегодняшнего дня. Соответственно, в нашем случае главным критерием оценки советских дотаций и поставок должна быть их значимость для решения конкретных проблем национальной революции в Китае, возникавших на определенных этапах ее развития.⁶

Оценка советской помощи как «весьма ограниченной и отнюдь не бескорыстной», по сути, выражает следующую позицию: те задачи, которые ставили перед собой китайские революционеры, они вполне благополучно могли решить и без советской помощи — та лишь в какой-то мере содействовала решению.

Но такой вывод российские историки имеют основания оспаривать. Есть документальные доказательства тому, что те мероприятия, которые заложили организационно-политическую и военную базу под политическое возвышение Гоминьдана, — создание действенной партийной организации и пропагандистских органов, системы подготовки индоктринированных в партийном духе военных кадров и централизованно управляемой армии — вряд ли могли быть осуществлены без прямой организационной и материально-финансовой помощи со стороны Москвы.

О том, насколько она была заинтересована в осуществлении такого рода мероприятий, т.е. в какой степени они отвечали ее политическим интересам, говорит доклад главного политического советника ЦИК Гоминьдана М.М. Бородина, направленный в Центр в декабре 1923 г., когда сотрудничество Москвы и Гоминьдана только-только вступило в фазу практической реализации. Там Бородин сформулировал суть трех основных задач, которые необходимо было решить Сунь Ятсену:

«1) Продолжать начатую в Кантоне работу по реорганизации Гоминьдана во всекитайском масштабе. Для этого ему необходимо немедленно организовать прессу в наиболее крупных центрах Китая...

2) Удерживать за собой Гуандун не для того, чтобы, как это было до сих пор, добиваться военных успехов на тех или иных фронтах, мечтая все время об организации походов против Пекина, а для того, чтобы создать в нем базу для развития и направления национально-революционного движения во всем Китае. Для этого необходимо, прежде всего, распропагандировать рабочих, крестьян и мелкую буржуазию на почве конкретных правительственных мероприятий... создать в Гуандуне такой социальный базис, который бы оправдывал существование суневского правительства и давал бы ему возможность выступать с общенациональными заданиями.

3) Реорганизовать и целиком подчинить руководству Гоминьдана армию... Для этого Суню необходимо создать военные школы, обращая серьезное внимание на подготовку политработников»⁷.

Эти задачи полностью соответствовали тем установкам, которые были сформулированы советскими руководителями во время пребывания в Москве «делегации доктора Сунь Ятсена» во главе с Чан Кайши осенью 1923 г.⁸ Не будем подробно обосновывать тот факт, что такая расстановка приоритетов не во всем соответствовала замыслам даже самого Сунь Ятсена, не говоря уже о его окружении, и советской стороне пришлось приложить немало усилий, чтобы подвинуть верхушку Гоминьдана на первоочередное выполнение данных задач — это отдельная большая тема⁹. В данной статье мы только постараемся показать, что главным образом именно на их решение адресно и дозированно направлялись первые финансовые дотации из Москвы, призванные также поддерживать в должном тоне интерес гоминьдановских политиков и военных к этим преобразованиям.

Следует признать, что опубликованные в нашей стране документы не всегда могут служить достаточным основанием для оценки материально-финансовой помощи, реально оказанной Гоминьдану. В большинстве они свидетельствуют о *намерениях*, в том числе представленных в виде решений различных инстанций по поводу сумм и объемов поставок разным адресатам в Китае. Так, в обобщающей сводке, подготовленной Н.Л. Мамасовой, фигурируют сведения из документов и материалов двух основных категорий: решений руководящих органов о выделении финансовых, материальных средств и вооружения; отчетов об израсходованных средствах и объемах выполненных поставок. При этом отчетные данные содержатся всего лишь в трех документах: в протоколе заседания Китайской комиссии Политбюро ЦК КПК от 29 мая 1925 г., в неназванном документе из

фондов Российского государственного военного архива об отпуске кантонскому правительству «оружия и фуража» в октябре 1924 г., докладной записке председателя Киткомиссии И.С. Уншлихта и секретаря Б.Б. Бортовского на имя И.С. Сталина от 30 сентября 1925 г. о сумме поставок артиллерии Национальным армиям Фэн Юйсяна и Кантону в 1924/1925 отчетном году¹⁰. Все остальные документы представляют собой *решения и постановления о выделении* денег, имущества и вооружений. Однако такие решения могли на разных этапах пересматриваться и серьезно корректироваться¹¹, к тому же они, вероятно, не всегда могли выполняться в полной мере по объективным причинам. Так, Политбюро ЦК РКП (б) постановлением от 7 мая 1925 г. для «формирования новых надежных частей в Кантоне» поручало М.В. Фрунзе «направить для этой цели в Кантон группу инструкторов в количестве до 200 человек»¹². Однако даже в 1926—1927 гг. советников в армии Гоминьдана было в два раза меньше. Кроме того, опубликованные документы не во всех случаях позволяют разграничить помощь собственно кантонскому Гоминьдану и его союзникам на Севере — Национальным армиям Фэн Юйсяна, а также разделить то, что из номенклатурного списка уже было поставлено, а что только намечалось к отправке¹³.

Тем более возрастает ценность таких документальных свидетельств, которые позволяют судить о финансировании первоочередных, с точки зрения советской стороны, политических и военных проектов.

Одним из наиболее информативных документов такого рода является содержащийся в фондах РГАСПИ финансовый отчет советской советнической группы в Гуанчжоу за период с 13 ноября по 12 декабря 1924 г. Он свидетельствует, в частности, о том, что всеми финансовыми средствами, поступавшими из СССР, в тот период распоряжалось руководство советнической группы в соответствии с составленной заранее сметой, а советская финансовая помощь предоставлялась под конкретные проекты.

За указанный период (с допуском — с 11 ноября) деньги советническая группа получала трижды. Так, 11 ноября «наличными на устройство квартиры и на обед генералитету» было получено 746 гонк. долл. Относительная незначительность суммы и указание «наличными» позволяет предположить, что она могла поступить непосредственно от главного политического советника и руководителя группы М.М. Бородин, имевшего некоторые «собственные» средства и, как будет показано ниже, в тот период позволявшего себе расходы, объем и предназначение которых не были известны другим членам группы. 13 ноября был получен некий «остаток аванса по отчету т. Айтыкина»¹⁴, 1 445 гонк. долл., и за то же число — «остаток сумм по текущему счету в Центральном китайском банке, по чеку т. Жилко» (ответственного за финансовое делопроизводство в южнокитайской советнической группе, к тому времени ушедшего с Бородиным на Север). 15 ноября для группы поступил «перевод из Шанхая через Интернэйшеналь Банк», 69 280,75 гонк. долл. Таким образом, всего во второй декаде ноября группа получила 77 471,87 гонк. долл. (в примечании указано — «или мекс.», т.е. фиксируется тождественность курсов гонконгского и мексиканского долларов)¹⁵.

Из этой части отчета следует, что деньги советская советническая группа могла получать как наличными (через Бородин?), так и, более крупные суммы, банковскими переводами.

Тот же отчет показывает, что потребности самой группы в ноябре (планировавшиеся расходы на «наш аппарат») составляли 30 044 гонк. (или мекс.) долл. В эту сумму включены 19 650 долл. «по смете военного отдела» (т.е. военной советнической группы); 700 долл. «по содержанию Консульства» (советнической группе фактически подчинялся и содержался ею консульский аппарат); 2 794 долл. «по счету т. Бородин» — сюда входили 550 долл. на содержание автомобиля, полицейских «для эскорта и [охраны] квартиры», 950 долл. на «разъездные и кит. т[оварищей] с ним», 1194 долл. «за фильмы» — видимо, за киноленты, не ясно какого содержания, а также 150 долл. «по разным неупло-

ченным счетам» (орфография оригинала). Задолженности по счету Бородина до 1 ноября составляли 5 410 долл., в том числе за продукты для экипажа военно-почтового судна «Воровский» (которое прибыло в Гуанчжоу 7 или, по другим данным, 8 октября с грузом оружия), лечение моряков, а также лечение сотрудников и «долг сотрудникам по отчетам до I/XI»¹⁶.

Но большая часть предполагавшихся расходов маркировалась рубрикой «Части». Порядок сумм говорит о том, что они перечислялись посредством банковских переводов (именно таким образом советнической группой была получена большая часть денег в рассматриваемый период — с 13 ноября по 12 декабря).

Как и следовало ожидать, в разделе, фиксировавшем финансовые потребности поддерживавшихся группой проектов, на первом месте под рубрикой «Части» стоит: «Вампу /ген. Чан-Кай-ши/ Нацревармия и школа» (так в тексте документа). Здесь организованная и функционировавшая при участии военных советников военная школа Хуанпу, начальником которой был Чан Кайши, и создававшиеся при ней два учебных полка фигурируют как некое единство. Причем новые воинские формирования прямо именуются «Национально-революционной армией», тогда как официально это название (кит. Гоминь гэминцзюнь) вооруженные силы Гоминьдана получили только 1 июля 1925 г. Данный факт говорит о том, что школу Хуанпу и учебные полки уже в ноябре 1924 г. советники мыслили не иначе как основой армии китайской национальной революции. Траты по этой статье должны были составить до 15 ноября 27 500 кант. долл., с 15 по 30 ноября — 77 500 долл. В том же разделе отдельной строкой идут «курсы политработников», организованные тоже на базе Хуанпу, — 3 тыс. долл. Итого на первоочередные, с точки зрения Москвы, военные проекты Гоминьдана планировалось потратить 80 500 кант. долл.

Вторым пунктом — «бронепоезду и бронепоездам» — намечалось выделить 14 244 долл. («организационные: 6000.00 к.д., ежемесячно — 8 244.00 к.д.»). Под «бронепоездом» имелась в виду воинская часть численностью около 400 чел., созданная по инициативе советнической группы и укомплектованная в значительной степени коммунистами. Она предназначалась для охраны железнодорожных коммуникаций и укомплектования десантных групп при бронепоездах (под руководством советников тогда шла работа по переоборудованию двух паровозов с платформами в импровизированные бронепоезда). Третьим пунктом — «на Хунан и Юнан Военшколы» (так в тексте документа, имеются в виду военные школы Хунаньской и Юньнаньской армий) — намечалось 8 тыс. долл.; четвертым — «на крестьянск. Отд. Гоминьдана (так в тексте. — А.Ю.) и школу при нем» — 10 тыс. долл. (примечательно, что советниками они рассматривались как структуры, имевшие военное назначение, поскольку школа при отделе готовила кадры для крестьянских союзов, развернувших в гуандунской деревне настоящую классовую войну). Итого расходы на вооруженные силы Гоминьдана должны были составить 112 744 кант долл., или 90 195 гонк. долл. Важно отметить, что «стимулирующая» роль дотаций на военные нужды наиболее отчетливо проявилась в планах финансирования военных школ «союзных» армий: предполагалось, что советская помощь поможет сделать эти школы проводником влияния гоминьдановского руководства, советников и коммунистов¹⁷.

Всего по отчету потребности группы на ноябрь 1924 г. составили 120 239 гонк. долл. Три четверти этой суммы предназначались для поддержки военных проектов. Однако запланированные финансовые потребности группы были удовлетворены не полностью: в ноябре «недостача» составила 42 768, 25 гонк. долл. — более трети необходимо¹⁸.

Отдельной страницей отчета — «Израсходовано в действительности с 13 ноября по 12 декабря 1924 г.» — показаны реальные расходы группы за тот период.

Их сумма составила 80 868,27 гонк. долл. На содержание аппарата группы и консульства пошло 21 428 гонк. долл. (плюс 2 тыс. гонк. дол. на продукты для экипажа «Воровского»). Для поддержки «частей» было потрачено 71 800 кант. долл. (или 57 440 гонк.), в том числе на «Нацрешвармию и школы» — 47 тыс. кант. долл., плюс 3 тыс. на курсы политработников и 3 тыс. на Хунаньскую школу, перешедшую к тому времени в состав Хуанпу. Был допущен некоторый перерасход средств — 3 396 гонк. (или мексиканских) долл. — за счет кредита, отпущенного правительственным Центральным китайским банком. директор которого Сун Цзывэнь был посредником между советской группой и китайскими частями¹⁹. Согласно тому же документу, за ноябрь еще причиталось: Хуанпу — 30 500 кант. долл., «крестьянскому отделу и остальным не меньше 3000.00» кант. долл., т.е. всего 33 500 кант. долл., или 26 800 гонк. С учетом долгов по отчетам (1 500 гонк. дол.) и оставшейся на тот момент предыдущей задолженности (1 тыс. кант. долл.) всего за указанный период надо было выдать еще 32 696,52 гонк. долл.²⁰

Согласно общей финансовой заявке на декабрь, потребности группы составляли 124 135 гонк. долл. плюс те самые 32 696, 52 гонк. долл., недополученные за ноябрь. Итого до 1 января 1925 г. советническая группа рассчитывала получить 156 831,52 гонк. долл. на январь намечалась та же сумма. Расходы «на аппарат» должны были составить 21 340 гонк. долл. плюс 1000 гонк. долл. в качестве «аванса на телеграф», т.е. телеграфную связь. «На части» было затребовано 127 244 кант. долл., или 101 795 гонк. долл., в том числе на «Вампу», то бишь на «Нацрешвармию и школы», 100 тыс. кант. долл. плюс 3 тыс. на политкурсы, 8 244 кант. долл. на бронепоезд и бронепоезда, 10 тыс. на крестьянский отдел и его школу, и 6 тыс. на «выдачи др. частям: Киткомпартии (вполне военный в тех условиях проект. — А.Ю.), Военшколам и непредвиденные»²¹.

В примечаниях к финотчету и заявкам указывалось, что «частям все суммы исчисляются в кантонских долларах или мелком серебре» при среднем курсе пересчета на гонконгские или мексиканские доллары 1,25. Исчисление в «мелком серебре», учитывая секретность такого рода операций, видимо, должно было маскировать происхождение этих дотаций. Отмечалось также, что «Комитет Компартии сметы не представил, но ему выдается взаимнообразно (так в тексте. — А.Ю.) до 1000.00 кант. долл.»²². Как видим, расходы группы непосредственно на нужды гуандунских коммунистов были невелики. Однако планировались траты на военные и военно-политические проекты, предусматривавшие преимущественное участие коммунистов, — на политкурсы, бронепоезд и крестьянский отдел ЦИК Гоминьдана. Военной школе Юньнаньской армии предполагалось выдать «по крайней мере 4000.00 кант. дол.», поскольку за ноябрь она получила лишь 2 тыс.²³ Под «непредвиденными» понимались «расходы по агентуре, никакой сметой непредвиденные (орфография оригинала. — А.Ю.), т.е. агентурные разведки в тылу противника, до 600 дол.», а также возможный перерасход вследствие колебания обменного курса, для компенсации которого предназначались 400 долл.²⁴

В объяснительной записке к «Краткому финансовому отчету», подписанной, видимо, Германом или Терешатовым²⁵ (подпись можно интерпретировать и так, и так) 12 декабря 1924 г., указано, что с Бородиным, который сопровождал Сунь Ятсена в поездке на Север для участия в планировавшейся в Пекине Объединительной конференции, выехал сотрудник группы Жилко, отвечающий за финансовую отчетность и взявший с собой все соответствующие документы за период до 13 ноября. Кроме того, Бородин захватил в Пекин для утверждения сметы военного отдела (военной части советнической группы) на ноябрь 1924 — январь 1925 г., бронепоезда и утвержденную Галиным (Блюхером) смету Китайского информационного бюро — созданного и финансировавшегося группой подразделения, укомплектованного в основном китайцами и готовившего информационные материалы для прессы. В записке отмечалось: «Вампу, или Нацрешвармия ген. Чан-Кай-ши сметы не имеет, но имеется точно установленная т. Бородиным сумма 100.000.00 кант. дол.»²⁶. Бронепоезд, или «отряд особого назначения», как назы-

вал его Бородин, имел смету, утвержденную лично главным политическим советником. Что касается юньнаньской и хунаньской школ, то они «подали сметы, но на столь крупные суммы, что мы ими руководствоваться не могли, а оставили на них только указанную в отчете сумму, условленную т. Бородиным»²⁷. Крестьянский отдел и его школы на тот момент еще лишь разрабатывали сметы на полгода, которые должен был утвердить ЦИК Гоминьдана, а до того им были выданы «только суммы, крайне необходимые, а в расписании расходов показана сумма, необходимая по их заявлению»²⁸.

В записке объясняется, почему действительная сумма «долга», т.е. средств, которых советнической группе не хватило на расходы, составила не 42 768,25 «мексиканских долларов», как указывалось в первой части документа, а 32 696,52. Экономия была достигнута вследствие незаполненности ряда вакансий в штате «специального отдела» (советнической группы), разницы обменных курсов (перевод американских долларов в мексиканские осуществлялся по курсу не 1,90, а 1,80), сокращения выплат крестьянскому отделу ЦИК Гоминьдана, юньнаньской и хунаньской военным школам.

Из записки следует, что не все расходовавшиеся средства фиксировались в сметах и отчетах. Там отмечалось, что в счет Бородина за ноябрь и декабрь не включены содержание его лично и его аппарата (шифровальщика, секретаря и машинистки) — «за неизменением данных». То же касалось «его политических расходов, т.е. субсидии газетам, по партии Гоминьдан и другие, нам неизвестные расходы»²⁹.

Между тем «политические» расходы Бородина напрямую имели отношение к реализации одной из приоритетных, с точки зрения Москвы, задач Гоминьдана — развития его организационной и пропагандистской работы. В книге А.И. Картуновой о В.К. Блюхере (1970, 2-е изд. 1979), главном военном советнике южнокитайского правительства, приводятся записи из дневника управления Военного отдела (т.е. группы военных советников) в Кантоне, в которых упоминаются расходы М.М. Бородина на поддержку партийного аппарата Гоминьдана и гоминьдановской печати в 1924 г. По словам «правой руки» Сунь Ятсена, губернатора пров. Гуандун и комиссара военной школы Хуанпу Ляо Чжункая, Бородин «производил в свое время следующие денежные выплаты: 1) 5010 кант[онских] долл. на жалованье сотрудникам различных департаментов, ЦК [гоминьдана];

2) 1530 — на расходы по печатанию ленточек, брошюр и т.д.;

3) 2 тыс. гонконгских долл. — на субсидирование газеты в Гонконге;

4) 1 тыс. кантонских долл. — на субсидирование кантонской газеты;

5) 600 гонконгских долл. — на субсидирование шанхайского журнала «Новое строительство»; 6) 600 гонконгских долл. — на субсидирование пекинского ежемесячного журнала «Синь миньго»»³⁰.

В том же документе представлен отчет о состоявшейся 18 ноября 1924 г. встрече главного военного советника с комиссаром школы Хуанпу Ляо Чжункаем. Из лапидарного изложения беседы следует, что из 100 тыс. кант. долл., предназначавшихся к выплате школе Хуанпу за октябрь, были выплачены 84 тыс., а оставшиеся 16 тыс. «октябрьских» были на момент беседы переданы адресату вместе с 47 тыс. «ноябрьских»³¹. Последняя цифра и зафиксирована в приводившемся выше финансовом отчете советнической группы, а остальные выплаты на Хуанпу, о которых говорилось в дневнике военного отдела, видимо, были произведены до 13 ноября. Итого, если опираться на данные дневника, дополненные сведениями из финансового отчета, из 200 тыс. кант. долл., предназначенных к выплате на нужды Хуанпу за два месяца, китайская сторона к 18 ноября получила 147 тыс. При встрече 1 декабря Ляо Чжункаем напомнил о том, «что осталась еще задолженность школе Вампу — 28 тыс. (таким образом, Хуанпу и учебные части получили уже 172 тыс. кант. долл. — А.Ю.). Т[ов]. Г[алин] ответил, что переводы денег сейчас задержаны. В ближайшие дни этот вопрос выяснится, а если же будет необходимо, он попросит одолжить у Суна»³² (директора Центрального китайского банка Сун Цзывэня).

К сожалению, пока не обнаружены документы, позволяющие судить о том, насколько полно была удовлетворена финансовая заявка советнической группы. Но можно уверенно утверждать, что по крайней мере в 1924 г. львиная доля финансовых хлопот группы приходилась не на помощь КПК и не на дотирование закупок оружия, как полагают некоторые китайские историки³³, а на прямое финансирование вооруженных формирований и учебных заведений. На поддержку партийной работы Гоминьдана, в том числе пропагандистской, Бородин предоставил около 10 тыс. кант. долл. — много больше, чем на нужды гуандунских коммунистов. А с учетом ноябрьских расходов на крестьянский отдел ЦИК Гоминьдана сумма дотаций на эти цели в ноябре 1924 г. достигла уже по крайней мере 20 тыс. кант. долл.

В организации финансовой и материальной помощи Гоминьдану не обходилось без недочетов. Деньги приходили нерегулярно, с опозданием и в меньших объемах, чем запрашивала советническая группа. Главный военный советник В.К. Блюхер, оставшийся в Гуанчжоу «на хозяйстве» после отъезда Бородина, считал помощь недостаточной и настаивал на ее увеличении. Формулируя в начале декабря 1924 г. задачу изгнания «безыдейных пришельцев», т.е. юньнаньских и гуансийских «союзных» милитаристов, из Гуандуна, он просил советского полпреда в Китае Л.М. Карахана «учесть, что медленное подбрасывание наших материальных средств нужных результатов не дает, ибо противники на наши усилия отвечают тоже увеличением своих сил»³⁴. О том, что полной уверенности в погашении «задолженности» (задержки оплат счетов плюс намеченных к выплате и, видимо, уже обещанных китайцам сумм) у руководства группы не было, говорит и характер финансового планирования. Согласно отдельной «Смете отдельного броневое отряда», из намеченных на организацию этого подразделения 6 667.60 кант. долл. Блюхер утвердил 6 тыс., из которых, согласно документу, в ноябре *можно было рассчитывать* только на 3—5 тыс., остальные ожидалась «из декабрьской полочки». Между тем общие финансовые потребности броневое отряда в ноябре, по предварительным прикидкам, должны были составить 15 811 кант. долл.³⁵

Однако при всех недостатках в организации денежной помощи Гоминьдану, как можно убедиться, эта помощь в конце 1924 г. составляла главную часть расходов советнической группы, причем носила строго адресный характер. *Советская сторона финансировала почти исключительно перспективные проекты, которые должны были подготовить базу для качественного роста политического авторитета и военной мощи Гоминьдана.* Что касается оценки дотаций и поставок Гоминьдану с точки зрения их влияния на осуществление политических целей Москвы в Китае, то следует признать: *практически до конца 1925 г. прямая советская помощь, при всем ее дозированном характере, была достаточно эффективным рычагом воздействия на политику Гоминьдана в области партийного и военного строительства.*

В конце 1925 — начале 1926 г. ситуация в этом плане стала меняться. Имеющиеся документы не позволяют утверждать, что прямые денежные дотации от СССР продолжали поступать, хотя поставки вооружений и военного имущества постоянно возрастали. Однако новые руководители военной советнической группы — заменивший В.К. Блюхера Н.В. Куйбышев (Кисанька) и его заместители — не склонны были учитывать прежние приоритеты советской военной политики в Китае. Задачу централизации армии Гоминьдана они трактовали как укрепление формально высших руководящих органов — Главного штаба и Главного политического управления, непосредственно возглавлявшихся советниками, пытались игнорировать роль соединений Чан Кайши, созданных на базе учебных полков Хуанпу, как ядра Национально-революционной армии, отказались от их приоритетной поддержки³⁶. Это обстоятельство не в последнюю очередь стало поводом к «событиям 20 марта» 1926 г. — выступлению сторонников Чан Кайши, которое привело к ослаблению влияния коммунистов и советников в войсках Гоминьдана, в самой партии и правительстве.

Снижению зависимости от советской помощи, вероятно, способствовал и быстрый рост налоговых поступлений, связанный с военными успехами армии Гоминьдана и территориальными приобретениями конца 1925 г. – начала 1926 г. Соответственно, увеличивались и финансовые возможности гоминьдановской власти. Благодаря этому с октября 1925 г. по сентябрь 1926 г. правительство смогло потратить только на военные нужды 61 млн. 285 тыс. кант. долл.³⁷ Зависимость от СССР продолжала уменьшаться и в период Северного похода 1926–1927 гг., когда прибывавшее в Гуандун оружие и военное имущество, как утверждают некоторые китайские историки, просто не всегда доходило до фронта³⁸. В конце концов фактор помощи из России стал значить для гоминьдановского руководства меньше, чем политическая угроза со стороны поддерживавшихся Москвой китайских коммунистов. По всей видимости, утрата возможности влиять на политическое поведение лидеров Гоминьдана посредством финансовой и материальной поддержки стала одной из причин неудачи советской политики в Китае в 1927 г.

1. *Юркевич А.* Финансовая поддержка Москвой «партийной армии» Гоминьдана: проблема интерпретации источников // Проблемы Дальнего Востока. 2009. № 2.
2. При этом историки КНР и Тайваня не всегда бывают неправы в своем недоверии к завышенным цифрам советской помощи, фигурирующим в исторической литературе. Опираясь на документы, они показывают, в частности, что доля советской помощи в военных расходах южно-китайского правительства и относительно его потребностей в вооружениях была не такой уж значительной. — См. об этом: *Юркевич А.* Финансовая помощь СССР китайской революции: проблема интерпретации источников // Ежегодник 2009. Восток: грани постижения. Сб. ст. М., 2009. С. 99; *Сунь Цзыхэ.* Цун Хуанпу цзяньцзюнь дао Бэйфа цянхьс гэминцзюнь чжи цзюньцзе взньти [Проблема вооружения революционной армии в период от создания армии в Хуанпу до кануна Северного похода] // Гоминь гэмин юй Хуанпу цзюньсяо [Национальная революция и военная школа Хуанпу]. Чанчунь, 2004. С. 338–376; *Хуан Бинфэн.* Хуанпу цзюньсяо чжи цзинфэй взньти [Проблема текущих расходов военной школы Хуанпу] // Там же. С. 43–62. На тот факт, что в литературе зачастую фигурируют завышенные цифры советской помощи Гоминьдану, указывает также Ли Цзикуа. — *Ли Цзикуа.* Хуанпу цзюньсяо чуанбань юаньчи [Причины создания военной школы Хуанпу] // Там же. С. 120–121. К сожалению, из-за невнимательности автора настоящей статьи в двух предыдущих его публикациях технические погрешности в отреферированном материале превратили Ли Цзикуа из критика завышенных оценок советской помощи в их защитника. — См.: *Юркевич А. Г.* Финансовая помощь СССР китайской революции: проблема интерпретации источников. С. 119; *Он же.* Финансовая поддержка Москвой «партийной армии» Гоминьдана: проблема интерпретации источников. С. 111–112. Автор хотел бы принести китайскому историку искренние извинения за свою ошибку.
3. *Ли Цзикуа.* Указ. соч. С. 120–121.
4. Там же. С. 121.
5. *Мировицкая Р. А.* Советский Союз в стратегии Гоминьдана (20–30-е годы). М., 1991. С. 54–55, 61. Сумма в 30 млн рубл. по курсу тех лет примерно в пять раз превышает совокупный доход южно-китайского гоминьдановского правительства за 1924 г. В том году общие поступления в казну правительства составляли, по разным данным, от 7 986 тыс. юаней (кантонских долл.) до 9,3 млн. — *Хуан Бинфэн.* Указ. соч. С. 59; *Мельникова Н.* Некоторые аспекты финансово-налоговой политики гоминьдановского правительства в Кантоне (1923–1925 гг.) // Китай в 20-е годы: экономика и политика // Информационный бюллетень / АН СССР. Ин-т Дальнего Востока. М., 1983. № 56. С. 162. Видимо, более заслуживают доверия цифра 7 986 тыс., приведенная Хуан Бинфэном, — в приуменьшении суммы правительственного дохода он не заинтересован, поскольку доказывает способность Гоминьдана самостоятельно обеспечить создание и содержание школы Хуанпу. В своих расчетах автор настоящей статьи исходит из того, что кантонский доллар соотносился с гонконгским по курсу 1:1,25 (Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 627. Оп. 1. Д. 7. Л. 123, 130), а советский золотой рубль с мексиканским долларом, соответствующим гонконгскому, — как 1.000:1.007, т.е. курсы этих валют были практически идентичны (Там же; См. также: ВКП (б). Коминтерн и национально-революционное движение в Китае: Документы. Т. 1. 1920–1925. М., 1994. С. 210). Только в 1925 г. благодаря военным и политическим успехам южно-китайского правительства его дохо-

- ды стали составлять примерно 1 500 тыс. кант. долл. в месяц, а в конце года и более 3 млн. — *Хуан Бинфэн*. Указ. соч. С. 60.
6. Именно это обстоятельство имеет в виду Н.Л. Мамаева, отметившая, что значение материально-финансовой поддержки гоминьдановского правительства «определялось не только фактическими суммами, которые, возможно, и не являлись значительными относительно потребностей национально-революционного движения. Эффективность материально-финансовой помощи, сопровождавшейся усилиями Коминтерна по формированию мирового общественного мнения в поддержку национальной революции в Китае, измерялась прежде всего ее своевременностью». — *Мамаева Н.Л.* Коминтерн и Гоминьдан. 1919–1929. М., 1999. С. 281.
 7. ВКП (б). Коминтерн... Т. 1. С. 339–340.
 8. См.: там же. С. 279–281.
 9. Отметим лишь ряд фактов. Осенью 1923 г. Москва, дабы заставить руководство Гоминьдана сосредоточиться на организационно-политической активности, отказала ему в поддержке военного плана «северо-западного маршрута» китайской революции, который ранее склонна была одобрить (см.: Там же. Т. 1. С. 206, 261, 282, 306–308, 312–313). Политика правительства Сунь Ятсена до приезда русских советников и даже в 1924 г. вела к усилению враждебности широких масс населения Гуандуна по отношению к властям (см.: Там же. С. 332; В.К. Блюхер в Китае. 1924–1927 гг.: Новые документы главного военного советника / Сост., отв. ред., авт. введения и примеч. д.и.н. А.И. Картунова. М., 2003. С. 61–63). Реорганизация Гоминьдана в январе 1924 г. была проведена по советской модели «демократического централизма» — своей реорганизационной платформы у Гоминьдана не было. Осенью 1924 г. Сунь Ятсен, вопреки увещаниям советников, все-таки попытался бросить гуандунскую базу и предпринял вновь провалившуюся «Северную экспедицию».
 10. См.: ВКП (б). Коминтерн... Т. 1. С. 565, 628; Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 4. Оп. 2. Д. 13. Л. 289; *Мамаева Н.Л.* Указ. соч. С. 54–55, 61.
 11. Так, в мае-июне 1925 г. неоднократно корректировались суммы расходов на «военно-политическую работу в Китае», а также на содержание военной школы Хуанпу в Гуанчжоу и формирование новых дивизий Чан Кайши. В результате корректировок, в частности, 100 тыс. руб., предназначавшиеся для Хуанпу, были перенацелены «на организацию смешанного транспортно-общества для обслуживания линии Урга-Калган», т.е. для организации поставок Национальным армиям на Севере. — См.: ВКП (б), Коминтерн... Т. 1. С. 554, 565, 570–571, 574.
 12. Там же. Т. 1. С. 554.
 13. См.: Там же. С. 630–631.
 14. Советник Айтикин (Браиловский) прибыл в Гуанчжоу в августе 1924 г. Работал также в военном атташате в Пекине (с октября 1924 г.?). — См.: *Усов В.И.* Советская разведка в Китае: 20-е годы XX века. М., 2008. С. 369.
 15. РГАСПИ. Ф. 627. Оп. 1. Д. 7. Л. 123.
 16. Там же.
 17. В докладе военному атташе полпредства осенью 1924 г. начальник штаба военного отдела советнической группы П. Нилов (Сахновский) писал: «Через военные школы, руководимые из одного учебного центра — инспекции военно-учебных заведений при условии, что в каждой школе будут наши инструктора, мы получаем возможность влиять на подготовку всей армии. Новые офицеры явятся в армии с несколько иными взглядами, так как в школе они получили и получают (так в тексте. — А.Ю.) соответствующую политическую подготовку». — РГАСПИ. Ф. 627. Оп. 1. Д. 7. Л. 19. В 1924 г. советские советники, помимо военной школы Хуанпу, работали также в школах Юньнаньской, Гуансийской, Кантонской и Хунаньской армий, в жандармской школе У Течэна.
 18. Там же. Л. 123–124.
 19. Там же. Л. 128.
 20. Там же. Л. 125.
 21. Там же. Л. 130.
 22. Там же.
 23. Там же.
 24. Там же.
 25. *Герман Иосан (Яган) Гансосич* (1894–1938). В книге А.И. Черепанова (Записки военного советника в Китае. 2-е изд. М., 1976. С. 21 и др.) именуется Яковом. Участник Первой мировой

- (офицер) и Гражданской войн. Выпускник Военной академии РККА (основной курс и Восточный факультет). Участвовал в организации школы Хуанпу и в военных операциях в Гуандуне. С 1926 г. в Разведуправлении штаба РККА, затем в системе ГРУ. В 1936–1938 гг. военный советник в республиканской Испании. Полковник. Репрессирован, реабилитирован в 1959 г. — *Лурье В.М., Кочик В.Я.* ГРУ — дела и люди. СПб.; М., 2002. С. 371.
- Терешиатов Николай* (И. — Иванович?) (1892-?). Участник Первой мировой и Гражданской войн. Окончил Военную академию РККА. В Китай прибыл в составе «первой пятерки» военных советников. Принимал участие в создании военной школы Хуанпу и в операциях в Гуандуне. Большинство упоминаний о его работе в Гуанчжоу содержится в «Записках...» А.И. Черепанова.
26. РГАСПИ. Ф. 627. Оп. 1. Д. 7. Л. 127.
27. Там же.
28. Там же.
29. Там же. Л. 128.
30. *Картунова А.И.* Блюхер в Китае. 1924–1927 гг.: Документированный очерк. Документы. 2-е изд., доп. М., 1979. С. 85.
31. Там же. С. 77.
32. Там же. С. 86.
33. См. об этом: *Юркевич А.Г.* Финансовая поддержка Москвой «партийной армии» Гоминьдана: проблема интерпретации источников. С. 105.
34. В.К. Блюхер в Китае. 1924–1927 гг.: Новые документы... С. 45.
35. РГАСПИ. Ф. 627. Оп. 1. Д. 7. Л. 50–51.
36. См.: *Черепанов А.И.* Записки... С. 325, 384.
37. См.: *Хуан Бинфэн.* Указ. соч. С. 60; *Сунь Цзыхэ.* Указ. соч. С. 343–345.
38. *Сунь Цзыхэ.* Указ. соч. С. 374.

Русские старообрядцы в Китае

© 2011

А. Хисамутдинов

Статья посвящена истории русского старообрядчества в Китае, формированию общин старообрядцев в Маньчжурии, их деятельности, быту и занятиям.

Ключевые слова: российская эмиграция в Китае, старообрядцы, поповцы, беспоповцы.

Исторический опыт старообрядцев, сохранивших традиционную культуру во время вынужденного бегства из России и жизни в других странах, до сих пор не утрачивает своей актуальности. Он может дать ответы на многие вопросы, касающиеся будущего России и нравственного здоровья русского этноса.

О жизни старообрядцев в Китае осталось не так много непосредственных свидетельств. Одно из них — небольшая брошюра представителя старообрядцев-поповцев (приверженцев старого обряда, приемлющих священство) Николая Ефимовича Старцева, описавшего историю старообрядческой церкви в Харбине¹. Меньше известно о старообрядцах-беспоповцах: только некоторые из них оставили воспоминания, записанные с их слов². Некоторые сведения о старообрядцах сохранили эмигрантская печать и произведения литераторов-эмигрантов.

В 1930-е гг. русскими старообрядцами заинтересовалась Япония, предпринимавшая в тот период попытку переселения своих граждан в Маньчжурию. Программа выполнялась с огромными трудностями, и японская администрация обратилась к успешному опыту старообрядцев в Китае, где еще раз подтвердилась их способность адаптироваться к новым для них природно-экологическим, социально-экономическим, демографическим и этнокультурным условиям, о чем неоднократно писал харбинский журнал «Рубеж». Японские исследователи тогда детально изучили старообрядческий быт³. Нужно отметить, что и в современной Японии ученые продолжают заниматься русскими старообрядцами: интересные работы опубликовали профессора Е. Накамура⁴ и Н. Игуо⁵.

Историей старообрядцев в Приморье, в частности, жизнью старообрядческой деревни Романовка, занимается Ю.В. Аргудяева⁶. По этой теме имеются публикации владивостокской исследовательницы В.В. Кобко и других⁷. К сожалению, пока не создано комплексных работ по всему старообрядческому движению из Приморья в Китай, а оттуда по Азиатско-Тихоокеанскому региону, включая Австралию, Южную и Северную Америку.

Еще в XIX в. российское правительство было заинтересовано в освоении дальневосточных земель. В числе первых переселенцев были старообрядцы различных со-

Хисамутдинов Амир Александрович, доктор исторических наук, заведующий кафедрой восточных языков Дальневосточного государственного технического университета (Владивосток). E-mail: Amir.khisamutdinov@vvsu.ru.

Статья выполнена при финансовой поддержке гранта Президиума РАН, код проекта 09-I-П25-01, а также Японского гранта — Grant in — Aid for Scientific Research (21251013)(A). Cultural Adaptation to the Natural and Social Environment in the Forest Areas in the Russian Far East (Roshia kyokuto shinrin chitai ni okeru bunka no kankyo tekio).

гласий. На первом этапе среди них большинство составляли поповцы белокриницкой иерархии. Узнав о том, что на Дальнем Востоке можно найти свободные земли, к ним присоединились липоване — русские старообрядцы, вернувшиеся в Россию из Австрии и поселившиеся в Амурской области. Большие старообрядческие поселения имелись в Южно-Уссурийском крае. В 1911 г. была учреждена Иркутско-Амурская старообрядческая епархия, в состав которой вошли приходы Амурской, Приморской, Забайкальской и Якутской областей, Иркутской губернии.

Октябрьская революция и Гражданская война заставили старообрядцев, в основном «поповцев», покинуть родные места в Сибири, Приморском и Хабаровском краях. Через Алтай и Приморье они эмигрировали в Китай, где центром старообрядцев стал Харбин: там в 1917 г. старообрядцы-поповцы основали общину в честь святых первоверховных апостолов Петра и Павла⁸. Несколько общин старообрядцев-поповцев было образовано и в Трехречье. В начале 1921 г. в Харбин перенесли кафедру епископа Амурско-Иркутского и всего Дальнего Востока, появились старообрядческие печатные издания⁹.

Одним из инициаторов строительства старообрядческой Свято-Петро-Павловской церкви в Харбине стал протоиерей Иоанн Кудрин¹⁰. Он происходил из семьи старообрядцев часовенного согласия Пермской губернии. Его родители присоединились к старообрядцам-поповцам, когда мальчику было семь лет. С восьмилетнего возраста он прислуживал в церкви, а в 19 лет стал начетчиком. В 1906 г. в Москве его произвели в диаконы, затем он был настоятелем церкви в Уфимской губернии. Кудрин хотел получить образование и в 1913 г. стал слушателем сельскохозяйственных курсов в Москве. Работая в кооперации, он публиковал статьи в журналах «Церковь» и «Старообрядческая мысль», являлся председателем Епархиального совета Пермско-Тобольской епархии (к 1917 г.). В Гражданскую войну он был проповедником в 3-й армии правительства А.В. Колчака. В Китае отец Иоанн Кудрин проявил себя миссионером, который не боялся полемик с православными священниками¹¹. Другим видным деятелем старообрядчества был протоиерей Иоанн Шадрин, настоятель Древлеправославного храма во имя Успения Пресвятой Богородицы в Харбине (с 1929 г.). Он жил в Трехречье, в пос. Верх-кули, и считался весьма знающим священником¹².

Дальнейшие события в Советской России привели к значительному увеличению числа старообрядцев в Китае. К 1930 г. коллективизация докатилась и до Дальнего Востока, разрушив традиционный быт и культуру русских крестьян. По селам и деревням стало проходить раскулачивание, при этом закрывались все старообрядческие приходы, как поповцев, так и беспоповцев. Потерпев в 1931–1935 гг. поражение в сопротивлении новой власти, они переправлялись через пограничную реку Уссури около Хутоу, севернее озера Ханка, а также в других местах и селились в Харбине и Трехречье, недалеко от границы с Советской Россией. Это говорит о том, что эмигранты предполагали вернуться на родину после ожидаемого ими падения советского строя. Старообрядческие общины Маньчжурии поддерживали связь между собой.

Драматические события вынужденного переселения описала старообрядка Анна Басаргина, чьи родители зажиточно жили в Каменке Южно-Уссурийского края¹³. Отец имел мельницу, мать занималась домашним хозяйством. При раскулачивании мельницу отобрали, а отец пустился в бега, только ночами приходил навестить семью. На мать Ксению легла ответственность сохранить хотя бы часть хозяйства. При раскулачивании сначала забирали всякую живность, поэтому старообрядцы перекололи всех кур и гусей, засолили и спрятали под квашеной капустой. Затем дело дошло до «имения» — всякого нажитого имущества: устроили аукцион, на котором распродали все, что можно, даже только что скроенные рубашки.

Случалось, что кто-то доносил милиции на односельчан. Поэтому настал момент, когда старообрядческая семья была вынуждена бросить все и уйти из привычных мест. Брат отца, дядя Иосиф, предложил бежать в Китай. Мать продала остатки одежды, чтобы собрать деньги на побег. Это было опасное путешествие, при переправе через реку перевернулась

лодка, погиб трехлетний брат. Однажды, отбившись в пути от старших, отчаявшаяся 12-летняя Анна предложила своей сестре Анисии: «Давай скочим обратно в речку и утонем. Родителей нету, что нам делать»¹⁴. К счастью, позже дети нашли своих родичей.

С помощью проводника-китайца старообрядцы перешли границу, но и в Китае боялись, что их могут передать советской власти. Поэтому город Мишань они обошли стороной. Они поселились на берегу небольшой реки Силинхэ, в двух верстах от впадения ее в реку Муданьцзян и в 10 верстах севернее г. Муданьцзян, на земле, которую один китаец бесплатно им выделил. Свой поселок они назвали Силинхэ по имени речки. Подъехавшие родственники заселили другую деревню — Коломбо.

Наиболее крупным и характерным поселением была деревня Романовка, основанная летом 1936 г. в небольшой долине в окрестностях Хэндаохэцзы, которую обнаружили братья Калугины. Первыми поселенцами стали Иван Селедков с двумя сыновьями и Павел Поносов. Сначала они жили в палатке, а в ноябре 1936 г. поставили в отведенном месте одноклетную избу из дерева, срубленного в окрестном лесу с разрешения властей. В ней они с большим трудом перезимовали, занимаясь охотой. В феврале следующего года к ним пришли из разных мест Маньчжурии еще 14 мужчин, в том числе и Иван Калугин. Они привели лошадей. Проведя межевание пахотной земли и усадебных участков, мужчины начали строительство жилищ для своих семей. В марте в уже готовые избы приехали жены с детьми. Вскоре начались пахота и сев.

К концу 1937 г. в долине образовался целый поселок. Существует несколько версий происхождения названия деревни. Согласно одной из них, она названа по имени Романовской пади и одноименной речки¹⁵. Также можно предположить, что старообрядцы назвали свою деревню по одноименному поселению в Приморье¹⁶. Старообрядцы отмечали в своем ходатайстве властям: «У нас одна вера (мы все староверы), одна родина и занятие (крестьяне-охотники). Мы горячо желаем проживать вместе, служить народу, обществу и государству. Посему убедительно просим вас сдать в аренду участок земли, подходящей для земледелия и постройки поселка... Сейчас в нашей группе 25 семей, в том числе: мужчин — 33, женщин — 28, детей — 1. Имеющийся скот и инвентарь: лошади — 28, коровы — 23, плуги — 2, телеги — 2, бороны — 4»¹⁷.

В центре Романовки стояла молельня, построенная в 1939 г., где находились старинные иконы и книги. Кроме того, каждый бережно хранил у себя святыни, вывезенные из России. Настоятелем был Ксенофонт Петрович Бодунов, изба которого располагалась напротив молельни. Старообрядцы были отличными плотниками и кузнецами: сами строили избы и изготавливали различную домашнюю утварь. Внешне избы были простыми и лишены украшений, но конструктивная продуманность удовлетворяла всем требованиям рациональности и удобства. В частности, большим достоинством их жилищ была хорошая защита от мороза и ветров.

Хозяйство Романовки было преимущественно натуральным. Чем больше леса расчищалось под пашню, тем более земледелие преобладало над скотоводством и охотой. По данным на 1940 г., каждая семья имела по две десятины пашни. Выращивали пшеницу, гречиху, бобы, картофель, овес и ячмень (на корм скоту), кукурузу (для домашней птицы) и т.п. Из домашнего скота романовцы держали лошадей, коров, коз, свиней, кур и т.д. Летом скот пасли на пастбище, а зимой содержали в хлеву. В огороде сажали капусту, огурцы, тыкву, свеклу, помидоры, арбузы, дыни, редиску, редьку и другие овощи. Занимались и пчеловодством. Романовцы не обеспечивали себя полностью продовольствием и фуражом и были вынуждены покупать пшеницу, рис и лук у корейцев, живших поблизости от их поселка. Огороды удобряли навозом, но пашню не удобряли.

Интерьер каждой избы был нарядно украшен: бросались в глаза расшитые шторами яркие занавески, иконы в красном углу, фотографии в рамках под стеклом, фикусы и герань в горшках, раскрашенные сундуки и т.д. Но электричества не было, и жилье освещалось свечами из пчелиного воска.

Хлеб пекли преимущественно пшеничный из дрожжевого или пресного теста. Мясо давали скот, домашняя птица или добыча охотников. Нередко на столе появлялась рыба: в речке около поселка ловилась форель (ленок). В будний день пили квас, а по праздникам из меда, ягод или дикого винограда варили «брагу» или «медовуху». Из кишмиша, дикого винограда и калины варили варенье. Всех поражала красота праздничного наряда романовских женщин: на фоне пейзажа Маньчжурии их национальные костюмы казались необычными.

Романовцы жили необычайно сплоченно. Деньги от продажи пойманного зверя, например, живого тигра, распределяли между всеми семьями. Даже подарки посетителей не попадали кому-либо в исключительное владение. Селяне помогали друг другу не только рабочей силой, но и рабочим скотом, сельскохозяйственными орудиями.

В первой половине 1940-х гг. кроме Романовки в восточной Маньчжурии существовало еще несколько староверческих поселений: Коломбо, Силинхе, Ханьдаохэцзы, Мерген, Татицван, Чипигу (Масаловка) и Медяны. В Силинхе, основанном в 1932 г., жили братья Дмитрий и Логин Гостевские, Герасим Юрков, Сазон Бодунов. В селении Даузицюань, в долине реки Танванхэ, в 12 верстах от железнодорожной станции Вэлин, жили Игнатий Басаргин, его сын Ефим и его четыре двоюродных брата, сыновья Кондратия: Ефим, Анисим, Федул и Степан. Поселения староверов имелись в таких больших городах, как Харбин, Цицикар, Бухэду и Хайлар или около них.

Одним из наиболее популярных видов деятельности старообрядцев являлась охота, тем более что маньчжурская тайга была очень богатой на дичь. В районе трех линий КВЖД промыслили до трех тысяч русских охотников¹⁸. Большинство предпочитали охотиться на птицу или пушного зверя, и только небольшая часть добывала тигра. Особенно удачливым считался житель Ханьдаохэцзы Семен Калугин, который за зимний сезон 1936 г. добыл семь зверей. Другими известными и удачливыми охотниками-профессионалами были Лука Малахов, Федор Мартышев и Петр Калугин¹⁹. По мнению китайских медиков, препарат из тигриного сердца дает человеку необычайное мужество и стойкость, а амулеты из когтей и усов возвращают утраченную любовь. Обычно туша тигра оценивалась от 900 до 1500 гоби (гоби — денежная единица Маньчжоу-го)²⁰, и один убитый тигр мог дать больше прибыли, чем самый удачный охотничий сезон²¹. Охота регулировалась правилами правительства Маньчжоу-диго и Харбинским обществом правильной охоты и рыболовства, которое в 1936 г. было преобразовано в секцию охоты и рыболовства при Главном бюро по делам российской эмиграции в Маньчжурии (БРЭМ). Старообрядцы также занимались отловом живых тигров для продажи в зоопарки.

Популярной была и добыча оленьих пантов, которые использовались для приготовления лекарств традиционной китайской медицины. Китайцы утверждают, что такое лекарство излечивает малокровие, бессонницу, головокружение, ревматизм, слабость десен и зубов, расстройства желудка, камни в почках и другие серьезные болезни. В 30-е годы внимание восточной медицине, в частности, настойкам с использованием оленьих пантов, стали уделять и европейские медики. По этой причине панты в Китае стоили очень дорого: за пару пантов средней величины давали от 500 до 600 гоби, а за крупные можно было получить около 1000 гоби²².

Охота на оленей-пантачей начиналась в Маньчжурии в начале лета и длилась почти до августа. Этот род охоты не таил в себе такой опасности для охотника, как добывание тигра, но требовал большого опыта, навыка и ловкости. Главная трудность заключалась в том, что в период роста пантов олень становится особенно нервным и чутким. В это время он скрывается в глубине тайги, изредка выходя на водопой и кормежку. Охота на оленя основывалась на глубоком знании привычек зверя и навыках охотника. Выследив оленя, охотник целыми часами сидел в засаде. Кроме того, оленя следовало убивать одним выстрелом, чтобы он не мог повредить рога. Иногда оленей подманивали искусственными солончаками. Журнал «Рубеж» писал: «Минувший сезон (1936 г. — А.Х.) пантовой охоты прошел, в общем, довольно удачно. Группе известных здесь охотников на крупного зверя,

во главе с братьями Калугиными, Мартюшевыми и Назаренко, удалось добыть целую коллекцию пантов, принесшую им довольно солидный заработок»²³.

Если в начале освоения территории здесь было много зверя, то со временем его становилось все меньше. Уже в середине 30-х годов ставился вопрос о заповедниках²⁴. По свидетельству писателя-эмигранта Н.А. Байкова, охотой в этих местах занимались до 40 тыс. чел., включая китайцев и представителей коренных народностей. Охотники добывали зверя и дичи на сумму около 20 млн нэн²⁵. Промысловое значение имели 36 видов животного мира. Возглавлял список тигр, который водился в основном в горных лесах пров. Гирин и горах Малого Хингана. В год добывалось около 50 тигров. Особенно ценились кости, кровь, мозг, глаза, когти, печень, сердце, половые органы и, конечно, шкура²⁶.

Историк русской эмиграции И.И. Серебренников записал 11 января 1942 г. в дневнике: «Харбинские газеты сообщили об одном охотничьем подвиге, который совершила недавно в делях Маньчжурии группа русских охотников. Мне хочется сохранить в дневнике сообщение об этом подвиге целиком, и потому я приведу здесь его дословно. Семь тигров, восемь изюбрей и пять кабанов: это знатные результаты охоты, добавлю я от себя. Дальнейшие газетные сведения сообщили нам, что охотники продали свои охотничьи трофеи за 25.000 гоби... Тигры дадут охотникам 25.000 гоби. Вчера представители группы русских охотников с восточной линии Ж. Д. К. Назаренко и С. Калугин закончили переговоры с лицами, желающими приобрести убитых и пойманных живых тигров. Три тигра, включая сюда самого крупного, пошли в одни руки за 10.500 гоби и четвертый за 2.670 гоби, таким образом, убитые тигры дали охотникам 13.170 гоби. Кроме того Синьцзинским зоологическим садом приобретены по официальной цене все живые тигрята, что по предварительным расчетам должно дать им еще 11.000 гоби. Таким образом, включая выручку от продажи изюбрей, 5 охотников выручат 25.000 гоби. Пока тигрята остаются в Харбине. 10 января они будут погружены К. Назаренко в загон и под его присмотром будут отправлены в Синьцзин»²⁷.

Самым тяжелым испытанием для староверов в первые годы жизни в Маньчжурии была борьба с хунхузами. Староверческие селения находились в отдалении от других населенных пунктов, поэтому они часто становились жертвами разбоя. Осенью 1933 г. на пос. Силянхе, который в то время состоял из тринадцати дворов, напала крупная банда. Несмотря на то, что бандитов было вдвое больше, старообрядцы смогли отбить нападение, уничтожив около 50 бандитов²⁸.

Зимой 1938 г. Елисей Калугин, младший сын Ивана, был убит в тайге во время охоты²⁹. Месть за односельчанина-единоверца описал с большой живостью Н.А. Байков в романе «Тайга шумит», изданном в Харбине: «Хунхуз был настигнут подоспевшим товарщиком-охотником и получил меткую пулю с дальнего расстояния. Убитый хунхуз был осмотрен, причем выяснилось, что он из той шайки, которая... имеет укрепленную базу в сорока километрах от Романовки, на берегу Хайлянхе. Численность ее доходила до пятидесяти человек. Узнав об этом убийстве, романовцы решили уничтожить шайку. Был сформирован отряд из 12 поселян во главе с Семеном Калугиным, дядей убитого Елисея. За ночь отряд покрыл по снегу 40 километров и наутро внезапно напал на базу врага. Застигнутые врасплох хунхузы были почти полностью уничтожены, но и романовцы понесли урон: в бою был убит Иван Калугин, брат Семена»³⁰.

Во время жизни в Китае старообрядцы полностью сохранили свою культуру. В первую очередь этому способствовала жизнь в замкнутых общинах и поселениях, находившихся в глубине Маньчжурии, в областях, близких по природно-климатическим условиям дальневосточному региону. Способы адаптации к местным природно-экологическим, социально-экономическим, демографическим и культурным условиям были отработаны еще в России, где старообрядцам уже пришлось испытать переселение и приравниваться к жизни в новых условиях³¹.

Степень открытости к внешнему миру у старообрядцев-поповцев и беспоповцев была различной. Первые деятельно участвовали в социальной жизни эмиграции, не бо-

ьясь открытой полемики с православием. Беспоповцы, напротив, сторонились общественной активности, выбирая более удаленные поселения. И те, и другие занимались хлебопашеством и скотоводством, но первые хозяйствовали на более «коммерческом» уровне, были вовлечены в экономическую жизнь региона и контакты с другими социальными слоями, а «беспоповцы» в основном вели хозяйство для собственных нужд.

В связи с этим неодинаковой была и степень сохранности традиционной русской культуры. Отчасти это было связано и с тем, что поповцы, понимая важность образования, отдавали детей в различные школы и гимназии, часто вдали от дома, что не способствовало сбережению не только традиций, но и самой веры. Различия в уровне сохранности традиционной культуры наблюдались и у разных поколений: у старшего и среднего поколений поповцев он был высоким, у младшего — значительно более низким. Несмотря на различия в укладе жизни «поповцев» и «беспоповцев», они контактировали между собой. Так, «беспоповцы» пользовались старообрядческой литературой, в частности календарями, покупая ее у «поповцев» в Харбине.

При переезде в Китай не произошло больших изменений в материальной культуре старообрядцев. В частности, они носили традиционную нательную и верхнюю одежду и обувь в повседневные и праздничные дни. Однако они заимствовали некоторые предметы материальной культуры у китайцев, например, ткань для одежды. Поэтому она стала более нарядной, чем при жизни в России. Не было внесено новых конструктивных особенностей в строительство жилья и его интерьер: «красный угол» с иконостасом, фотографии родственников по стенам, набивные рисунки на тканях, украшавших комнату. Пищевые продукты и кухонная утварь, которые можно было купить в китайских или русских магазинах, способы заготовки и хранения продуктов, приготовления еды также были традиционными³².

Ничего не изменилось и в семейно-брачных отношениях. Во всем строго соблюдались традиции, особенно внимательно подходили к степени кровного и духовного родства. У беспоповцев почти не случалось выбора партнера из иной этнической среды, тем более что на том этапе хватало женихов и невест. В сельской местности в брак вступали довольно рано: девочки в возрасте 14–16 лет, юноши — в 15–18 лет. В городской местности у старообрядцев-поповцев нередкими были браки с представителями иной веры, но возраст для замужества и женитьбы был выше, чем у беспоповцев.

Не наблюдалось больших изменений и в традиционном разделении производственного и домашнего труда на мужские, женские и детские работы. Мужчины обычно занимались охотой и работой в иных районах. Женщины были хранительницами очага, выполняя всю домашнюю работу и воспитывая детей. Старообрядческие семьи были большими. Особенно это бросалось в глаза по сравнению с «белой» эмиграцией, где в семье чаще всего был один, максимум два ребенка. В семьях староверов росли от пяти до десяти детей, а иногда и больше. Правда, детская смертность была высокой, тем более что у старообрядцев отсутствовала медицинская помощь.

Система образования у поповцев и беспоповцев различалась. У первых существовала начальная ступень в церковно-приходской школе, также они учились в эмигрантских учебных заведениях различного уровня, вплоть до высших. У беспоповцев образование ограничивалось первой ступенью: обучение чтению на древнерусском языке, что было необходимо для проведения религиозных служб. В то же время были случаи, когда старообрядцы для обучения детей нанимали преподавателей из эмигрантов. Кроме того, невысокий уровень образования восполнялся общением с китайскими или японскими детьми и освоением их языков: старообрядцы знали их превосходно³³.

Нормы группового взаимопонимания, конфессиональной общности и культурного самосознания определялись старшим поколением. Старейшины устанавливали нормы поведения, предусматривавшие ряд религиозных запретов, следили за соблюдением традиционных обычаев и обрядов, определяли религиозно-культурные правила для

членов своей общины. контролировали строгие еженедельные и более продолжительные посты, обязательные часы молитвы и прочее.

На взрослых лежала обязанность по приобщению своих детей к образу жизни общин, почитанию родителей, кровного родства и родства по свойству, поддержанию иерархической структуры семейных обязанностей. Они же сохраняли традиционные календарные и семейные (родильно-крестильные, свадебные, похоронно-поминальные) обряды.

Японская оккупация Северной Маньчжурии почти не изменила жизнь старообрядцев. Японцы совершенно не обращали внимания на внутреннюю структуру и особенности старообрядческой общины. Как и все русские эмигранты на севере Китая, старообрядцы были обязаны встать на учет в БРЭМе, заполнив соответствующую анкету. Старообрядческие общины выбирали из своей среды представителя БРЭМа, на котором лежали обязанности по общению с властями³⁴.

Как и вся русская эмиграция, старообрядцы были обязаны участвовать в общественных работах, в частности, в строительстве дорог со своим рабочим скотом или в системе японской гражданской обороны. Япония строила планы по вторжению на территорию советского Дальнего Востока, и русские эмигранты должны были стать связующим звеном между русским населением и японцами. Старообрядцев привлекали и на воинскую службу, готовя их на роль проводников. В основном они проходили подготовку в русском отряде «Асана», которым командовали японские офицеры.

Старообрядческие общины имелись и в Синьцзяне, на северо-западе Китая, где поселились те, кто бежал из России через Алтайские горы — причем не только старообрядцы, но и другие эмигранты, по религиозным или политическим причинам не приемлющие советскую власть. Здесь старообрядцы обосновались, главным образом, неподалеку от городов Кульджа и Урумчи, где нашли плодородные земли. Их жизнь не отличалась от жизни соотечественников в Маньчжурии. Сажали пшеницу, держали пасеки, пшеницу и мед свозили в районные центры или в китайские и казахские поселки на обмен и продажу. Занимались и охотой: ходили на медведя, кабана, оленя, били белку. Особенных контактов между «харбинцами» и «синьцзянцами» не было. Они начались только во время бегства в конце 50-х годов, в Гонконге³⁵.

1945 г. поставил точку на отлаженной жизни старообрядцев в Китае. Советская армия захватила в Харбине архив БРЭМа, и были выявлены те, кто в той или иной степени контактировал с японцами. Сразу же были арестованы и депортированы в СССР почти все старообрядцы-мужчины, кроме нескольких стариков. Советские дипломаты стали проводить в Маньчжурии и Синьцзяне агитацию за возвращение русских на родину. Некоторое время семьи старообрядцев, оставшиеся в Китае, ждали возвращения мужчин, но с каждым годом надежда гасла. В Китае же все прочнее устанавливалась власть коммунистов. На рубеже и в начале 50-х годов русским баптистам и пятидесятникам удавалось уехать через Шанхай на Филиппины и оттуда в другие страны. Через них старообрядцы узнали о правилах эмиграции из Китая³⁶.

С середины 50-х годов из самых глубинных районов Китая, семья за семьей, оставив хозяйства, со скромными пожитками, старообрядцы на попутных грузовиках и повозках добирались до ближайшей железнодорожной станции, а там на поездах, с документами и без них, отправлялись в Тяньцзинь и Шанхай. Уже оттуда на теплоходах в 1958–1959 гг. они уезжали в Гонконг. Китайские таможенники строго следили за тем, чтобы старообрядцы не вывозили из Китая никаких ценностей, включая золото и бумажные деньги³⁷.

Долгие месяцы, пока в кабинетах посольств и консульств решалась их дальнейшая судьба, сотни семей старообрядцев провели в ожидании разрешения на отъезд, чаще всего без работы, довольствуясь небольшим пособием. Устроиться и продержаться в Гонконге им помогали Международный Красный Крест и Объединенный Всемирный Совет Церквей. Оттуда они смогли разъехаться по разным странам. Упомянувшийся выше настоятель старообрядческого храма в Харбине протоиерей Иван Кудрин в 1958 г. уе-

хал из Китая в Австралию. Его стараниями в пригороде Сиднея открыли храм, где отец Иоанн служил до своей смерти в 1960 г.

В Южной Америке до сих пор есть поселения старообрядцев в Аргентине, Бразилии, Парагвае, Уругвае, Боливии. Старообрядцы, расселившиеся в странах Азиатско-Тихоокеанского региона, в том числе оregonские и аляскинские, оторвавшись от родных мест более 60 лет назад и прожив все эти годы в инокультурной среде, тем не менее сумели сохранить свою историческую память, родной язык и многие важные черты традиционной материальной и духовной культуры русского народа. В то же время они стали частью американской нации, восприняв некоторые черты культурного наследия принимающей стороны³⁸.

1. *Старцев Н.Е.* Дальневосточный старообрядец: В память десятилетия освящения старообрядческого храма святых верховных апостолов Петра и Павла в г. Харбине, 1925–1935. Харбин: Изд. К.И. Кудрина, 1935. 32 с.
2. Охота на тигров: По рассказу Пимена Якунина (Николаевск. 22 янв. 1980) / сост. М. Басаргина и В. Фелелова; рис. О. Басаргиной. Nikolaevsk School (Аляска). 1980. 28 с., ил. (на рус., англ. и др. яз.).
3. *Fujiyama Kazuo.* Romanofuka Mura [Деревня Романовка] // *Manshu Minzoku Zuroku*, 2 / *Kokugitsu Chuo Hakubutsukan.* Shinkyo (Чанчунь), 1941; *Idem.* Romanofuka Mura. Tokyo, 1942; *Yamazoe Saburo.* Romanofuka Mura no Hanashi [Рассказы о Романовке]. Shinkyo (Чанчунь), 1941.
4. См., напр.: *Накамура Е.* Романовка — поселок старообрядцев в Маньчжурии (1936–1945 гг.) // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америке. Новосибирск, 1992. С. 247–253; *Он же.* Староверы глазами японцев // Старообрядчество Сибири и Дальнего Востока. Владивосток, 2000. С. 102–108 и др.
5. *Igaue Naho.* Nihonjin to Romanofuka Mura: Nihongawa Shiryo ni Arawareru Kyu-Manshu Roshiajin Kogishikiha Kyoto no Hyosho [Japanese and Romanovka village: Perspectives on Manchurian Old Believers in Japanese documents and visual materials] // *Sever.* Osaka, 2009. No 25. P. 55–77.
6. См.: *Аргудяева Ю.В.* Русские старообрядцы в Маньчжурии. Владивосток, 2008. 400 с.: ил. и др.
7. См., напр.: *Кобко В.В.* Старообрядцы в Синьцзяне // Миграционные процессы в Восточной Азии: Материалы междунар. науч. конф. Владивосток, 1994. С. 174; *Она же.* Судьба репатриации: Синьцзянские старообрядцы в Приморье // Россияне в Азиатско-Тихоокеанском регионе: Сотрудничество на рубеже веков: Материалы первой междунар. науч.-практ. конф. Владивосток, 24–26 сент. 1997 г. Владивосток, 1998. С. 173–179.
8. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. 831. Оп. 2. Д. 29. Л. 36–38.
9. *Тюнин М.* Духовно-нравственные издания г. Харбина: Библиогр. очерк // Хлеб Небесный. Харбин, 1940. № 11. С. 38.
10. *Кудрин И.Г.* Жизнеописание священника и отца семейства. Барнаул, 2006. 288 с.
11. См. соч. И.Г. Кудрина: Древняя Русь и старообрядчество. Харбин, 1929. 44 с.; Священномученик протопоп Аввакум. Харбин, 1931. 47 с.; О единоверии: Беседа новообрядческого священника со старообрядцами. Харбин, 1933. 38 с.; Как Святые Отцы учили о Православной Церкви. Харбин, 1935. 31 с.; Борьба с безбожием. Харбин, 1937. 4 с.; Голос старообрядца в защиту своих упований (По поводу брошюры протонерея Арнстарха Пономарева «Об единоверии»). Харбин, 1939. 174 с.
12. *Шадрин И.* Отчего произошел раскол в Православной Церкви в XVII столетии. Харбин, 1937. 161 с.; Рец.: Дмитрий. Мысли православного богослова // Хлеб Небесный. Харбин, 1941. № 9–10. С. 46–50; № 12. С. 4–11.
13. How we escaped from Russia = Как мы бежали с России / As told to O. Basargin by Anna Basargin = Как рассказала Олимпия Басаргиной Анна Басаргина. Nikolaevsk, 1989. 15 с. (на рус. и англ. яз.).
14. Там же. С. 6.
15. *Гамбоев Н.Н.* Вражда // *Гамбоев Н.Н.* Маньчжурия глазами охотника. Б.м., б.г. С. 79.
16. Названа в честь военного инженера Д.И. Романова, который прокладывал в этом районе первую телефонную линию.
17. *Накамура Ёсикадзу.* Романовка. Поселок староверов в Маньчжурии // Старообрядец. 2005. № 34 [Электронный ресурс]. URL: <http://bichura.ru/content/view/98/1/>; *Накамура Е.* Романовка — поселок старообрядцев в Маньчжурии (1936–1945 гг.) // Традиционная духовная и мате-

- риальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америке. Новосибирск, 1992. С. 250–255.
18. *Муратов Б.* Охота на тигра в Маньчжурни // Рубеж. Харбин, 1936. № 14 (28 марта). С. 17; *Зуев С., Косицын Г.* (по статьям Н.А. Байкова). Охота в Северной Маньчжурни // Политехник. Австралия, 1979. № 10. С. 250–257.
 19. *Гамбоев Н.Н.* Охотничье счастье // *Гамбоев Н.Н.* Указ. соч. С. 22–29.
 20. *Муратов Б.* Охота на тигра в Маньчжурни: опасный, но прибыльный промысел // Рубеж. 1936. № 14 (28 марта). С. 17. См. также: *Он же.* По маньчжурской тайге за тигром: Блестящий трофей охотника Петра Могучего // Там же. № 17 (18 апр.). С. 19.
 21. Три тигра на двоих! (Об охоте Назаренко и Суховесва) // Рубеж. 1937. № 4 (23 янв.). С. 17.
 22. *Муратов Б.* За пантами в тайгу... Самый прибыльный вид охоты // Рубеж. 1936. № 29 (11 июля). С. 18.
 23. Там же. С. 19.
 24. *Байков Н.А.* Промысловые звери и проблема звероводства в Маньчжурни // Вестник Маньчжурни. Харбин, 1934. № 6 (июнь). С. 98–99.
 25. Там же. С. 94.
 26. *Байков Н.А.* Зверовой промысел и пушная торговля Маньчжурни // Там же. 1931. № 10. С. 50–54.
 27. Архив Гуверовского института (США). Коллекция И.И. Серебренникова. Коробка В. 2, папка (folder) 3. Газетная вырезка наклеена на л. 30.
 28. *Гамбоев Н.Н.* Хунхузы в ловушке // *Гамбоев Н.Н.* Указ. соч. С. 5–10.
 29. Хунхузы: По рассказу Анны Басаргиной (6 ноября 1979, Николаевск) = Guerillas: Old Believers life in China. Николаевск, 1980. 14 с. С. 14 (словарь понятий); 2-е изд. 11 с.
 30. *Байков Н.А.* Поселок Романовка // *Байков Н.А.* Тайга шумит: Сб. Харбин, [1939]. С. 176–191.
 31. Подробно об этом см.: *Никитина С.Е.* Устные жанры в конфессиональной культуре (старообрядцы в сопоставлении с молоканами и духоборами) // Русские старообрядцы: язык, культура, история: Сб. ст. к XIV Междунар. съезду славистов. М., 2008. С. 39–40.
 32. *Накамуро Е.* Романовка — поселок старообрядцев в Маньчжурни (1936–1945 гг.). С. 250–255.
 33. *Касаткина Р.Ф.* Вечные странники в Орегоне // Русские старообрядцы: язык, культура, история: Сб. ст. к XIV Междунар. съезду славистов. М., 2008. С. 186.
 34. *Аргудяева Ю.В.* Русские старообрядцы в Маньчжурни. Владивосток, 2008. С. 110–112.
 35. *Лысова А.Н.* Китай — Бразилия — США // Русские старообрядцы: язык, культура, история: Сб. ст. к XIV Междунар. съезду славистов. М., 2008. С. 395–405.
 36. Читатель «Первоходника» // Первоходник. Лос-Анджелес, 1976. № 33. С. 30–37.
 37. *Мартюшев П.Г.* Вот как русские делают // *Зеньковский С.А.* Русское старообрядчество: в 2 т. М., 2009. С. 654–656.
 38. См.: Музей Русской культуры в Сан-Франциско (США). Коллекция А.С. Лукашкина. Папка Русские старообрядцы и Федерация благотворительных организаций в Нью-Йорке и Сан-Франциско (США); *Моррис Р.* Мир молодых старообрядцев в Орегоне // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии Америки. Новосибирск, 1992. С. 17–22.

Религия

Региональные особенности народной религии Китая в социологических исследованиях республиканского периода (первая половина XX века)

© 2011

Е. Завидовская

В статье содержится анализ данных о народной религии в сельском Китае республиканского периода, взятых из социологических исследований 1920–1930-х гг. Представлены сведения о региональной специфике народных верований и храмовых мероприятий в провинциях Цзянсу, Чжэцзян, Хэбэй и в предместьях Пекина.

Ключевые слова: народная религия, социологические исследования, храмовые объединения, храмовый праздник, локальный культ.

Многочисленные социологические исследования, проводившиеся в республиканский период (1911–1949) в разных частях Китая, содержат данные о народной религии, представляющие для нас интерес. Задача данной статьи состоит в том, чтобы осмыслить исследования, проводившиеся главным образом в 1920–1930-х гг., как один из важных источников сведений о народной религии в аграрных районах. Нас интересуют следующие аспекты, нашедшие отражение в этих опросах:

1. Организационная сторона народной религии, связь храмов с сельским сообществом, система управления общинными храмами. Формы включения храмов в сельскую экономику;
2. Взаимоотношения между божествами-покровителями общинных храмов внутри небольших ареалов;
3. Роль специалистов по ритуалу, буддистских и даосских монахов в отправлении коммунальных ритуалов;
4. Локальные и всекитайские центры паломничества, объединения паломников и благотворительные организации внутри сельского сообщества.
5. Региональная специфика обрядности и храмовых организаций.

6. Формы артикуляции информантами религиозных воззрений. Оценка значения религии в жизни крестьянского населения.

Одна из задач нашей работы с республиканскими источниками заключается в рассмотрении механизма сращивания новых структур местного управления, возникших под влиянием внешних импульсов (в частности государственного строительства), с традиционными формами самоуправления, к числу которых относились храмовые комитеты.

В качестве основного источника сведений нами использованы недавно переизданные исследования, вошедшие в серию «Собрание социологических обследований республиканского периода» (Миньго шици шэхуэй дяоча цунбянь, Фучжоу, 2004–2009), в частности в том «Сельское сообщество» (Сянцунь шэхуэй, 2004) данной серии. Помимо того нами привлекались источники, изданные непосредственно в тот период. Эти отчеты, безусловно, являются лишь одним из источников данных о бытовании народной религии, куда можно отнести также большой корпус японских исследований в северных провинциях страны 1930–1940-х гг., статьи и монографии западных и российских ученых того периода, а также большое количество этнографических статей, публиковавшихся в журналах и газетах.

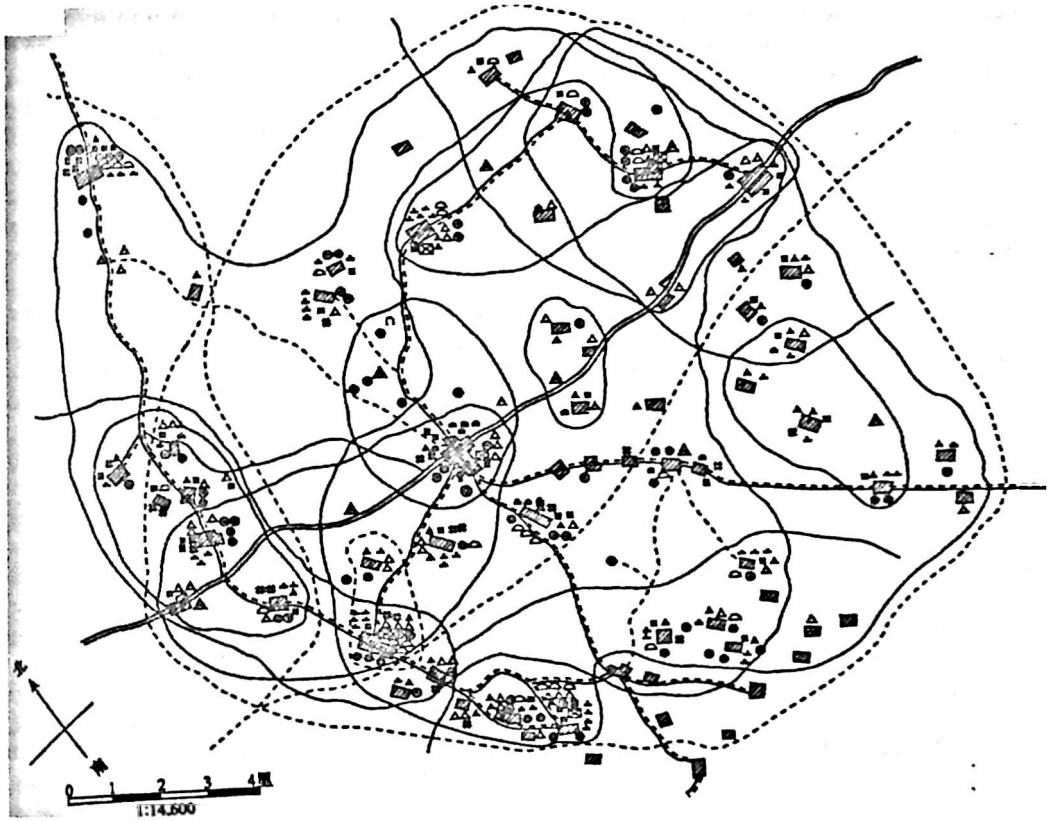
Простонародные верования и религиозные практики зачастую выступали не главным объектом внимания социологов и экономистов, проводивших опросы в сельской местности. Их больше интересовала экономика деревни и земельные отношения. Интересно отметить, что явления религиозной жизни (будь то возведение и поддержание храма или храмовый праздник) предлагалось рассматривать с экономической точки зрения. Ярким примером такой позиции служат написанные социологом Фэн Жуюем «Основные принципы социологического исследования деревни» (1934)¹. Не смотря на то, что основная часть предложенных опросных листов нацелена на выяснение уровня расходов на религиозные цели, надо отметить неплохую осведомленность автора о проявлениях народной религиозности: предлагается подробно выяснять причины возведения храмов, историю богов (исторические это персонажи или мифические), а также происходили ли в храме чудесные случаи, свидетельствующие о проявлении божественной воли *лин-янь*².

Тип исследования, отражающий состояние различных аспектов жизни социума в отдельно взятой местности (*ицзюй яньцзю*), стал одним из ведущих в 1930-х гг. Данные таких изысканий представляют для нас больший интерес, т.к. их локализация фиксирована, там можно почерпнуть сведения о пространственных и региональных особенностях бытования народной религии.

Ниже мы проанализируем несколько примеров, взятых нами из материалов исследований, отражающих региональные особенности организации культов народной религии.

1. Провинция Цзянсу. Исследования Цяо Цимина

Исследование села Чуньхуа чжэнь, уезда Цзяннин близ Напкина, проведенное Цяо Циминем (1897–1970), представляет особый интерес, так как автор его берет за основу западные теории, релевантные состоянию сельского социума, и стремится дать точную характеристику состоянию дел в деревне³. Данные для этого отчета были собраны в рамках масштабного исследования в ряде провинций, руководил которым экономист Дж. Бак (J.L. Buck) в 1921–1925, 1929–1933 годах; Цяо Цимин был членом его группы из Цзиньлинского университета. Он был движим стремлением улучшить работу сельских организаций, и поставил себе задачу прояснить, что же такое сельское сообщество (*rural community*), каковы территориальные границы влияния торговых центров — рынков и религиозных центров — храмов.

Легенда карты села Чуньхуа:

храм Ту-ди	☐	товарная лавка	⊕
△ др. малые храмы	⊕	чайная	⊕
▲ большой храм	⊕	храм предков	⊕
▣ деревня	⊕	колодец	#
■ малая деревня	⊕	печь для обжига	∩
⊕ церковь	⊕	кооператив	⊕
□ част. школа	⊕	мельница	⊕
⊕ гос. школа	⊕	горн., мал. дороги	— — —
— торговый арсал	⊕	земл., камен. дороги	— — —
⋯ арсал школы	⊕	арсал организованного поклонения божествам	— — —
⋯ арсал неорганизованного поклонения божествам	⊕		

В предисловии к отчету Цяо Цимин обозначает, что административные единицы (уезд, район, волость и проч.) не являются показателями границ сельской общины. Свою задачу он видит в обнаружении территориальных единиц, которые признаются как зна-

чимые самим сельским обществом, и эти границы подтверждаются с той или иной степенью точности многими информантами. Его метод предполагает выяснение географического положения центров, а затем окружающих их кольцеобразных ареалов. Цяо Цимин опирался на методiku американского социолога Д. Сандерсона⁴. В качестве теоретической основы были взяты работы американских социологов из школы «социальной экологии» (human ecology), в частности системная работа К. Гальпина «Социальная анатомия сельской общины»⁵. Внимание к пространственному аспекту организации общества выделяет работу Цяо Цимина среди других исследований, вышедших во время «нанкинского десятилетия». Данные из села Чуньхуа чжэнь указывают, что почти все без исключения деревни принадлежали к какому-либо храмовому объединению и имели свой внутريدеревенский храм. Своего храма могло не быть в маленькой деревне с населением около 20 человек, тогда ее жители совершали поклонение в храме соседей. Как показывает автор, хотя ареал влияния храмов не столь широк как ареал сельского рынка *шичжэнь* в селе Чуньхуа, но регулярное поклонение божеством носит строго организованный характер и охватывает практически все население отдельных деревень.

Приведенная ниже схема храмовых ареалов наглядно демонстрирует, что аграрный Китай был охвачен сложной паутиной междеревенских культово-ритуальных связей, которые формировались вокруг центров — сельских храмов⁶. Сплошной чертой выделены ареалы вокруг храмов, поклонение в которых имеет организованную форму, а пунктиром — ареалы поклонения, совершаемого разрозненными верующими. Сразу отмечаем, что по контуру основную часть поселений охватывает сплошная линия — маркер принадлежности к организованным общинам центрального храма, но из нее исключена часть деревень на юге.

Данные Цяо Цимина показывают, что области влияния рынков и центров общинного поклонения могут накладываться одна на другую, отдельная деревня может входить в несколько храмовых общин, но неправомерно было бы утверждать, что лишь по соображениям удобства наибольшее влияние приобретал храм, расположенный поблизости от центра торговли.

В разделе «Религиозная жизнь» автор указывает, что система религиозных объединений самая сложная из всей сельских организаций. Помимо внутريدеревенских храмов необходимо выделить и общинные храмы *шэмяо*, поклонение в которых проводят совместно несколько соседних деревень. Всего на территории вокруг села Чуньхуа чжэнь есть восемь общинных храмов. Наиболее широкий ареал оказался у храма Сунган-мяо близ села Чуньхуа чжэнь, там совершает поклонение 48 общин (деревень), 12 тыс. человек, а также трудно подсчитываемое количество не принадлежащим к общинам верующих (они могут пребывать из соседних сел). Стремление к консолидации сил и ресурсов служит объяснением возникновения подобных объединений нескольких деревень⁷. Самая маленькая община включает три деревни и 369 крестьян. В храме Сунган-мяо идет поклонение божеству локального культа Великому владыке горы Цышань — *Цышань да-ди* (в статье не приводится сведений об этом персонаже)⁸. Община храма Сунган-мяо из 48 деревень была организована в середине XIX века для того, чтобы защититься от набегов армии тайпинов, незначительный внутريدеревенский храм превратился в религиозный центр. Сведений о причинах усиления именно этого культа в отчете не содержится. Мы предполагаем, что причиной могло стать явление божеством своей магической силы *лин-ци*, когда произошел какой-то чудесный случай.

Форма организации храмовых объединений в этом селе мало отличается одна от другой. Из числа крестьян выбираются руководители, каждый год в одни и те же дни проводятся храмовые праздники *сянхуэй*. Во время праздников не только совершают моления о счастье и богатстве, подносят дары, но также обсуждают и коллективно решают вопросы всей общины, например, о ремонте моста, дороги. Каждая из 48 общин в свою очередь делится на более мелкие единицы *хао*, во главе каждой стоит по одному «большому» главе *даюу*, также по двое «малых» глав *сяотоу*. Эти люди выделяют основные

средства на проведение праздника, незначительные суммы дают остальные члены этой общины, из этих средств формируется *сянцзы* (букв. «ароматный капитал»)⁹.

Стремление оказаться в числе спонсоров праздника можно рассматривать как проявление символического обмена верующих с богами; возможность израсходовать средства на нужды храма считается особой честью — чем больше средств человек пожертвует, тем на большее покровительство он может рассчитывать. По нашему мнению, исследователи того периода уделяли недостаточно внимания такому аспекту экономической жизни деревни, как моральные ограничения на уровень доходов, получаемых зажиточными людьми внутри общины. Заслуживает внимания система перераспределения средств внутри общины через храм, овеваянная божественной опекой, когда подношение средств божеству считается благом, улучшающим карму поступком. Эти явления недооценивались проводившими исследования учеными, логика рассуждений которых несет на себе отпечаток западной экономической науки.

Цяо Цимин собрал сведения о том, как проходил в селе Чуньхуа чжэнь самый крупный храмовый праздник. Сначала община храма Сунган-мяо, состоящая из одной деревни, проводит у себя чествование статуи божества из головного храма, которое проносят по деревне с целью изгнания дурных влияний. Через день проходит церемония перемещения Драконового павильончика *лун-тин* из местного храма в головной храм Сунган-мяо, перед этим к нему приносят подношения. Драконовый павильончик бегом обносят вокруг головного храма, после чего начинается церемония поклонения главному богу главами всех общин. В конце проводится церемония окропления петушиной кровью черепицы с крыш домов, принесенной представителями каждой из общин, с целью изгнания нечисти. В завершение шестидневного храмового праздника действующие главы *тоуцзя* вывешивают на общее обозрение отчет о расходах на проведение празднования, также проводятся выборы ответственных за проведение праздника в следующем году¹⁰.

Обследование Цяо Цимина, содержащее массу важных сведений о религиозных мероприятиях и праздниках годового цикла, важно для нас именно своим вниманием к территориальному аспекту народной религии. Тем не менее, ряд особенностей ее функционирования остался не освещенным. Зная, что культ *Цышань да-ди* связан с управлением водной стихией, мы делаем предположение о его связи с Драконовым павильончиком *лун-тин* — в таком случае просматривается связь с культом правителя водной стихии Царя драконов *Лун-вана*. В отчете также не освещены связи между общинными храмами, а также их взаимодействие, наличие или отсутствие иерархических отношений с головным храмом Сунган-мяо. Слишком кратки сведения об организации танцевально-театральных групп *шэхо* из числа крестьян, нет сведений о театральных представлениях в период праздников.

В последней главе исследования автор дает свои рекомендации по улучшению состояния дел в селе и окрестностях. Цяо Цимин, в отличие от массы своих коллег, не делает яростных нападок на народные предрассудки, отмечая, что бремя расходов на храмовые мероприятия в целом незначительно, говорит о важном месте общинного поклонения в жизни людей. Если предпринять попытки к сносу их храмов, то можно натолкнуться на серьезное недовольство жителей.

Цяо Цимин выступал инициатором перевода ряда исследованных им уездов в разряд «экспериментальных районов» *шянь цюй*; помимо вышеуказанного уезда Цзяннин такой статус получили уезды Хэсянь в пров. Аньхой, Вэньцзян в пров. Сычуань, и нескольких уездов пров. Цзянсу. Цзяннин был объявлен «экспериментальным самоуправляющимся уездом» в 1933 г., там была успешно проведена регистрация земель и собственников, что дало ощутимое увеличение отчислений в казну. Успех Цзяннина привел к тому, чтобы этот опыт регистрации начал применяться во всекитайском масштабе¹¹.

В 1937 г. Цяо Цимин возглавил группу из 53 студентов Цзиньлинского университета, которая провела опрос в 103 деревнях, прилежащих к крупным селам (*чжэнь*) в нескольких волостях (*сян*) центральной части того же экспериментального уезда Цзян-

нин¹². Задача состояла в проведении сопоставительного анализа разных экономических и социологических показателей, а также в оценке эффекте трехлетнего эксперимента. При обзоре системы сельских рынков, автор указывает, что расстояние между ними составляло десять ли, что говорит о высокой степени коммерциализации и идущем на убыль уровне натурального хозяйства в этой области¹³.

К сожалению, сведения о религиозной жизни в этом исследовании крайне скудны: отмечается лишь, что «работа по искоренению предрассудков проведена еще недостаточная», тем не менее, не осталось следа от существовавших ранее объединений падомников, стало исполняться меньше благодарственных опер. Храмы Тудин-гуна есть всего в 60% деревень¹⁴. Мы можем предположить, что в расположенном близ Нанкина регионе прошла кампания по сносу храмов «непристойных культов». Методы во время обследования были использованы такие, что полученные данные о народной религии вряд ли можно считать точными. Информантам задавался вопрос об их религиозной принадлежности, большинство приписало себя к буддистам, неверующими назвались одна треть опрошенных. Большинство верующих называли в качестве причин поклонения богам следующие:

1. Оберегает и дает мир боюо князью (бозмый частый ответ);
2. Мы получаем пропитание, полагаясь на небо князью чифань;
3. Помогает человеку учиться хорошему и жить счастливо;
4. Мы следуем установленной традиции¹⁵.

В разделе отчета «Предрассудки» говорится о том, что 71% крестьян совершает молитву богам-покровителям во время появления саранчи и засух. Молебны в случае природных бедствий носят коллективный характер и вовлекают почти всех жителей. 43% опрошенных дают деньги на ремонт храмов, проведение буддистских молебнов *фо чжэи* и пожертвования в храм. Эти показатели значительно варьируются от одной волости к другой, две волости имеют особенно высокие показатели по количеству пожертвований, а также по числу фамильных храмов. Там 67% опрошенных семей приглашают монахов для проведения молебна для спасения души умершего из ада *чаоюу*. Также там высок уровень расходов на свадебные и погребальные расходы, вероятно, это более зажиточные волости. Можно сделать вывод, что указанная выше цифра о количестве верующих не отражает реальное положение дел.

Что касается участия семей в т.н. «объединениях», то в объединении по охране посевов *цинмяохуэй* состоит около 10% опрошенных семей, еще меньший процент состоит в объединении обмена волами для пахоты¹⁶. Мы отмечаем отличие от северных провинций, где *цинмяохуэй* играют значительную роль в местном самоуправлении. Упоминается, что в этих волостях утверждены комитеты по Изменению обычаев (*гайсун цзиньхуэй*) и Улучшения погребальных и свадебных обычаев (*хуньсан гайтян хуэй*). В отчете говорится, что исчезают объединения старого типа и появляются современные без уточнения их особенностей¹⁷.

После 1942 г. Цяо Цимин, занимавший высокий административный пост, начал направлять свои силы на реформирование сельских финансовых и кредитных структур. Так, в частности, в экспериментальных районах он пытался организовать низовые структуры самофинансирования *сяннуун хуэй*, говорил о необходимости внедрения системы кредитования крестьянства и системы закупки и сбыта сельхозпродукции, о важности внедрения новой техники в сельский труд. Как специалист по сельской экономике он не ставил религиозную жизнь села в центр внимания, но в то же время признавал ее большую значимость. Он посвятил главу своей монографии «Экономика и социология деревни Китая» (Шанхай, 1946) вопросу религии в деревне¹⁸. Автор не ставит под сомнение утверждение, что система верований и обрядов китайских крестьян есть религия, но говорит об отсталости этих верований и несоответствии их задачам развития общества — решению этих задач религия, имеющая четкую организацию, отвечала бы более. Цяо Цимин открыто не упоминает христианство, которое многими воспринималось как проводник интересов империалистических держав, но, видимо, имеет в виду именно его.

Сельская религия, по мнению Цяо Цяомина, не обладает нужной степенью «социальности» (*шэжуйси*), то есть поклонение не вменяется всем в обязанность, что в не полной мере соответствует действительности. Цяо Цимин отмечает такие важные стороны народной религии, как система благотворительных фондов, организация паломничеств, разные формы объединения верующих. Он приводит статистическую таблицу о количестве храмов в разных провинциях Китая, больше всего храмов оказалось в провинциях Цзянсу и Хэбэй¹⁹.

Научные изыскания Цяо Цимина 1930 г. стали одним из источников для исследований китайской экономики американскими синологами. Так, инициатор исследований «рыночных общин» (*marketing community*) Г.У. Скиннер (G.W. Skinner) упоминает Цяо Цимина и Ян Моуцяня (Martin Yang), обучавшихся в Корнельском университете, как первых китайских ученых, показавших социальную значимость рыночных систем²⁰. Г.У. Скиннер придавал большое значение выявлению границ рыночных общин для понимания экономической жизни деревни. Силой, организующей общество, он считал экономику, а крестьян называл «рациональными» (*rational peasant*), поэтому его исследования не придают большого значения храмовым общинам как параллельно существующему типу объединений.

2. Данные из района г. Нинбо провинции Чжэцзян

Поклонение жителей обширного ареала в храме Линьинь мяо в уезде Иньсянь провинции Чжэцзян, близ г. Нинбо было зафиксировано в уездной хронике 1935 г. (Иньсянь чжи: юйди чжи) и позднее было проанализировано И. Танакой²¹ и С. Фехтвангом²².

На основе данных уездной хроники И. Танака описал модель храмовой общины. У храма Линьинь мяо (*букв.* Храм божественного ответа) была огромная община, состоящая из десяти объединений *бао*, включавших 72 общины *шэ*, одно *шэ* равнялось одной или нескольким деревням. В главном храме находилось три статуи божеств, центральная статуя покровительствовала объединению десяти деревень (*ши бао*), восточная — восьми деревень, западная — шести деревень. Каждый год одна из деревень выступает как представитель от своего *бао*, т.е. каждый год три деревни-представителя устраивают «шествие с фонарями» *шан дан хуэй*²³. Для нас важно, что это объединение имело чисто религиозную цель, не представляло собой торговую общину вокруг центрального рынка. Объединение имело в окружности 64 км, в его состав входили части территорий нескольких уездов, несколько тысяч человек верующих²⁴. И. Танака привел таблицу объединений *бао* вокруг сорока храмов каждого из кластеров. Божества, которым поклонялись в этих храмах, были явно локального характера, в основном это исторические персонажи (мы не встречаем упоминания божеств из всекитайского пантеона, напр. Гуаньди, Нян-нян или Гуаньинь)²⁵. На основе этих данных трудно ответить на вопрос, являлся ли каждый кластер *бао* не чем иным как девянство дворами (десять дворов составляли один *цзя*, десять *цзя* составляли один *бао*) в системе круговой поруки или коллективной безопасности *баоцзя*. Эта имперская система была возрождена в ряде уездов провинции Чжэцзян в 1930 г., а с 1934 г. система *баоцзя* была распространена на все территории под контролем Гоминьдана²⁶.

3. Народная религия в предместьях Пекина

Окрестности Пекина были удобным местом для проведения исследований учеными и студентами факультета социологии университетов Цинхуа и Яньцзин. Опубликованные в 1932 г. в журнале «Шэжуй сюэцзе» (из. 6, июнь) данные обследования трех деревень в пригороде Пекина дают важные сведения о роли «объединения зеленых ростков» *цинмяохуэй* в управлении всеми делами деревни, включая религиозные мероприятия²⁷. Эти объединения создавались для самообороны и надзора за посевами, получили очень широкое распространение в центральных провинциях Китая с конца XIX в. В деревне Хуанту бэйдянь развитие *цинмяохуэй* прошло два этапа: до 1900 г. существовала

система назначаемых уездом старост *дибао*, которые служили посредниками между деревней и уездом, эта система была прообразом *цинмяохуэй*. В 1900 г. в районе Пекина было неспокойно. 72 деревни сами объединились для поддержания порядка.

Автор отчета Вань Шуюн указывает, что религиозная жизнь деревень связана с коллективными увеселениями и деятельностью *цинмяохуэй*. Наличие прочных связей между деревнями выражается в том, что группы исполнителей *янгэ* и других танцевально-песенных номеров наносят визиты в соседние деревни в период праздника фонарей (первая половина 1 месяца по лунному календарю), иногда ареал визитов значительно расширяется и охватывает крупные храмы Пекина. Группа, исполняющая сценку с элементами боя «Побиваем палками пять тигров» (*у ху гунь*), состоит из школьников во главе с учителем²⁸.

В деревне Хуанту бэйдянь *цинмяохуэй* управляет школой, деревенской управой, отрядом самообороны. В установленный день главы объединения заседают в храме Владыки восточного пика — Дун-юэ мяо и проводят сбор арендной оплаты за землю с каждого крестьянина. Главы *цинмяохуэй* числом 20 человек совершают поклонение Гуаньди в его храме в день благодарения за урожай (в конце 4-го месяца) от лица всей общины. Староста деревни представляет всю деревню и совершает сжигание подносимого богу списка с именами всех жителей деревни, после чего старосты совершают обход всех храмов деревни для поклонения. Во время храмового праздника они ведут учет средств пожертвований от крестьян; установлена минимальная сумма взноса с каждого *му* земли в пользовании у семьи, на эти средства организуется угощение для всех жителей. Праздник благодарения богов за урожай проводится на 15-ый день 7 месяца, представитель от каждой семьи участвует в банкете возле храма Гуаньди. Средства на проведение праздника собираются только с владельцев земли, а не с арендаторов.

На 15-ый день 7 месяца проводится также церемония сожжения лодки *дхармы фачуань*, призванная спасти неприкаянные души утопленников (церемонию начали проводить после того, как в большой канаве с водой когда-то утонул человек, которому начали поклоняться как опасному демону). На средства *цинмяохуэй* изготавливается бумажная лодка и устанавливается перед храмом Гуаньди (там также разместились деревенская управа *цунь гунсо*), на нее помещается фигурка Дицзан-вана (бодхисатвы Кши-тигарбхи), пять буддийских монахов читают «Сутру о [голодном духе] Янькоу» (*Янькоу цзин*)²⁹, ритуал кормления которого входит в цикл отпевания покойного. Среди ночи лодка сжигается.

Результаты исследования в деревне Луцзя цунь близ Пекина, которое провел Цзян Чжи'ан, были опубликованы в июньском выпуске журнала «Шэхуэй сюэцзе» (цз. 8, 1934). Автор следовал методике внедрения в быт информантов, долго жил в деревне и узнал многое о семейных и межлических отношениях между жителями. Из под его пера вышла статья, рисующая картину в целом довольно благополучной деревни. О традициях и праздниках он пишет с теплотой, ему не свойственен обличительный тон.

Автор прямо указывает, что созданное в деревне объединение зеленых ростков *цинмяохуэй*, а также сельская управа *сян гунсо* произошли от религиозных организаций, но «религиозный дух утерян, осталась одна оболочка». Деревня не желала вступать в объединение с соседями для охраны посевов, наняла троих охранников, которые сами могли подвергнуть наказанию пойманного вора, причем деньги на оплату их услуг собирали с хозяев из расчета количества *му* земли в пользовании.

Деревня Луцзя цунь, в отличие от Хуанту бэйдянь, имеет гораздо меньше контактов с соседями, нет упоминаний об участии в храмовой общине. Также можно отметить угасание религиозных мероприятий, перестали проводиться чествования двух богов — Гуаньинь и Гуаньди. Но по-прежнему проводятся несколько осенних благодарений за урожай, во время которых проводится сбор арендной платы за землю.

Работа Ян Жунаня «Общее социологические исследование состояния 64 деревень в западном пригороде Пекина»³⁰ выявляет новые аспекты традиционного самоуправления. Эти деревни находятся на территории экспериментального района недалеко

ко от Пекина. Здесь были введены структуры самоуправления нового образца, но они фактически номинальные. В каждой деревне есть староста и заместитель, они выбираются общим голосованием, но выполнение этой работы не считается хорошим и престижным делом³¹.

Кроме того в каждой деревне есть объединение Пяти тигров уху и Шаолиня *шаолинь хуэй*, исполнителей *янгэ*, «чайные объединения» *чахуэй*, в состав которых входят те, кто совершает паломничества в отдаленные храмы, где раздает другим паломникам бесплатный чай. Две, три или пять деревень создают совместный *цинмяохуэй*, для охраны нанимают безземельных односельчан, которые потенциально могут грабить поля, деньги на содержание охранников поступают с каждого му земли³².

В разделе «Обычаи и верования» этой статьи мы видим типичный для исследователей того периода взгляд свысока, «все жители говорят, что они верят в учение Конфуция *жу* и Будду, но на самом деле они поклоняются деревянным идолам». «они придают большое значение чествованию богов и паломничествам. Когда в деревне пускают клич о сборе пожертвований на нужды религии, никто не откажет. В первый лунный месяц в каждой деревне проходит ярмарка, на четвертый месяц большинство жителей участвует в паломничестве на гору Мяофэн шань»³³.

В ряде указанных обследований пригородов Пекина вскользь упоминается паломничество на гору Мяофэн шань, крупнейший религиозный центр в столичной округе, соперничавший по количеству посетителей с горой Тайшань в провинции Шаньдун. Там совершалось поклонение Генеральше лазоревой зари *Бися юаньцзюнь*, которая считалась дочерью Владыки восточного пика. Если социологические исследования не уделяли этому явлению должного внимания, то этнографы посвятили ему значительное количество отчетов и статей. Вклад этнографов в комплексное исследование паломнических центров и региональных особенностей религиозной практики будет освещен нами в отдельной статье.

4. Данные о народной религии в уезде Динсянь, провинции Хэбэй

Комплексное исследование экспериментального уезда Динсянь в провинции Хэбэй проводилось под руководством Ли Цзиньхана (Динсянь шэхуэй гайкуан дяоча. Пекин: Чжунхуа пинминь цзяюуэй цуцзинь хуэй, 1933). Состоящее из 17 разделов, позже это исследование стало считаться «энциклопедией» сельской жизни Китая.

Народная религия в уезде была одним из аспектов исследования, были приведены данные о количестве храмов в 62 деревнях уезда, а также о количестве храмов до массовых сносов культовых построек в 1914–1915 гг. Раньше один храм приходился в среднем на каждые 24 семьи, после сноса остался один храм на 100 семей³⁴.

Для нас интересны сведения о божествах, в честь которых строились храмы. Приведены таблицы о количестве храмов, в честь разных божеств народного пантеона. Сделан вывод о том, что больше всего было храмов в честь *У дао* — духов Пяти дорог. В храм Духов пяти дорог приходит душа умершего, чтобы потом быть направленной в преисподнюю, сюда же приходят родственники умершего для совершения обряда. Сходными функциями обладает покровитель местности *Гуди*. Второй по количеству храмов в ее честь оказалась Гуаньинь южного моря (*Нань хай даши*), затем следуют храмы *Гуаньюя* и *Чжэнью* (Владыка севера, усмиряющий нечисть) и т.д.³⁵.

В уезде Динсянь уже в последние годы правления Цин начала проводиться кампания по «сносу храмов и утверждению школ», а в 1914–1915 гг. по приказу прогрессивного начальника уезда было снесено 245 храмов. Важно отметить, что храм в честь Предка Ханя — *Ханьцзу*, культ которой имел особое влияние в уезде, остался нетронутым. Ежегодная храмовая ярмарка возле храма Ханьцзу является самой крупной в регионе, привлекает паломников из всех деревень и соседних уездов, некоторые верующие приближаются к храму, простираясь по земле через каждый шаг. Храм в честь Ханьцзу был построен в одной из деревень давно, но культ получил невиданное развитие после

того, как божество явило свою силу и помогло крестьянам в засушливый год, весть об удивительном событии быстро разнеслась по округе.

Авторы отчета не упоминают о постоянных храмовых объединениях в уезде Динсянь. Храмовые праздники организуют жители одной деревни, со всех односельчан собирают взносы в зависимости от количества земли в пользовании и достатка семьи. Несколько деревень могут объединиться для проведения коллективных молебнов в случае природных бедствий — засухи и саранчи, а также в случае солдатских грабежей³⁶. Обследование Ли Цзиханя содержит ценные сведения о тайных учениях и сектах, имевших широкое распространение в этой местности.

Коллеги Ли Цзинханя публиковали отдельные статьи об уезде Динсянь в специальных журналах и в изданиях Фонда поддержки всеобщего просвещения (Пинминь цзяюй цуцзинь хуэй). Так в журнале «Шэцзуй яньцзю» этнограф Хуан Хуацзе поместил статью о танцах, исполняемых женщинами шаманками, в которых вселяются духи³⁷. Эта статья дает материал для сравнения специфики «плясок духов» в разных регионах Китая и выявляет множество общих черт с практикой отроков-медиумов *тан-ки* на современном Тайване. В обследовании самого Ли Цзинханя также приведено подробное описание того, как женщины-медиумы, в которых вселяются бессмертные, проводят излечение больных³⁸.

Что касается степени влияния Объединений для охраны посевов *цинмяохуэй*, то в разделе «Издавна существующие крестьянские объединения» упоминается «крестьянское объединение» *нунхуэй*, которое было создано в 1914 г. для охраны посевов и лесов³⁹. Но помимо этого объединения в каждой деревне есть *цинмяохуэй*, которые утверждаются на период созревания урожая, главой выступает заместитель главы деревни, для охраны собирают ничем не занятых людей, которые каждый день обходят поля, их штрафуют в случае недогляда да ворами⁴⁰.

Заключение

Почерпнутые из социологических исследований порой отрывочные данные позволяют делать вывод о том, что в провинции Хэбэй, вокруг Пекина и в провинции Шаньдун особую роль в местном самоуправлении играли «объединения молодых ростков» *цинмяохуэй*, функции которых не ограничивались только охраной посевов. В провинции Цзянсу влияние *цинмяохуэй* сохраняется, но оно менее заметно. По-прежнему велика роль храмовых объединений в провинциях Цзянсу и Чжэцзян, а в областях, прилегающих к Пекину, заметно ослабление их функций. В предместьях Пекина идет процесс вытеснения традиционных структур новыми отвечающими нуждам государства, при сохранении значимости паломнических объединений в жизни сельского населения.

В качестве божества самого влиятельного культа, охватывающего население села или даже уезда, нередко выступает божество локального значения, что подтверждают данные из уезда Динсянь (поклонение предку *Ханьцзу*), а также села Чуньхуа чжэнь в Цзянсу (поклонение *Цышань да-ди*).

1. Подобные рабочие материалы создавались исследователями, работавшими в экспериментальном уезде Динсянь провинции Хэбэй, инициатором исследований выступало «Объединение поощрения образования простого народа» (Пинминь цзяюй цуцзинь хуй).
2. *Фэн Жуй*. Сянцунь шэцзуй дяоча даган [Основные принципы социологического исследования деревни]. Бэйпин, 1934. С. 123–126.
3. *Цяо Цимин*. Цзяннин сян Чуньхуа чжэнь сянцунь шэцзуй чжи яньцзю (Социологическое исследование сельского общества села Чуньхуа чжэнь уезда Цзяннин) // Миньго шици шэцзуй дяоча цунбянь [Собрание социологических исследований республиканского периода]. Сянцунь шэцзуй цзяюань [Т. Сельское общество]. Фучжоу, 2004. 93–125. [2]
4. *Sanderson D.* Locating the Rural Community. Lesson 152, Cornell Reading Course for the Farm. Cornell University. June, 1920.

5. *Galpin, C.J.* The Social Anatomy of an Agricultural Community. Madison, 1915. Bull. № 34.
6. Там же. С. 97.
7. Там же. С. 106.
8. Цышань да-ди — локальное божество, которое почитается в области Хучжоу пров. Чжэцзян, и Сюаньчэн пров. Аньхуй, а также в районе Гуандэ. Считается, что он справился с потопом, который случился незадолго до потопа, усмиренного Великим Юем или во время правления династии Цинь. — <http://baike.baidu.com/view/1169418.htm> (дата обращения 28.08.2010).
9. Сянцзы (букв. «ароматный капитал») — денежный фонд, в который по желанию передают средства члены храмовой общины на содержание храма и проведение религиозных мероприятий.
10. *Цяо Цимин.* Указ. соч. С. 109–110.
11. *Карнеев А.Н., Козырев В.А., Писарев А.А.* Власть и деревня в республиканском Китае (1911–1945). М., 2005. С. 301–302.
12. *Цзян Цзе, Цяо Цимин.* Цзинцзяо нунцунь шэхуй дяоча [Социологическое исследование деревень в пригороде столицы], Чжунхуа нунсюэ хуйбао, № 159, 1937.04 // Миньго шици шэхуй дяоча цунбянь [Собрание социологических исследований республиканского периода]. Сянцунь шэхуй цзюань [Т. Сельское общество]. Фучжоу, 2004. С. 334–401.
13. Там же. С. 340.
14. Там же. С. 342.
15. Там же. С. 354.
16. Там же. С. 352.
17. Там же. С. 399.
18. *Цяо Цимин.* Чжунго нунцунь шэхуй цзинцизи сюэ [Социология и экономика деревни Китая]. Шанхай, 1946.
19. Там же. С. 367–368.
20. *Skinner G. W.* 1964–1965 Marketing and Social Structure in Rural China // Journal of Asian Studies 24 (1):3–43; (2):195–228; (3):363–99). С. 3.
21. *Танака Иссей.* Чжунго дэ цзунцзу юй сицзюй [Кланы и опера в Китае]. Шанхай, 1992.
22. *Feuchtwang, S.* School Temple and City God. // The City in Late Imperial China. Stanford: 1977. 581–608.
23. *Танака Иссей.* Указ. соч. С. 106.
24. Там же. С. 188.
25. Там же. С. 191–199.
26. *Карнеев А.Н., Козырев В.А., Писарев А.А.* Указ. соч. С. 136, 139.
27. *Вань Шуюн.* Хуанту бэйдянь цунь шэхуй дяоча [Социологическое исследование деревни Хуанту бэйдянь], Шэхуй сюэцзе, 6 цзюань, 1932.06 // Миньго шици шэхуй дяоча цунбянь [Собрание социологических исследований республиканского периода]. Сянцунь шэхуй цзюань [Т. Сельское общество]. Фучжоу, 2004. 78–92.
28. Там же. С. 87.
29. Янь-коу — слугитель ада, голодный дух, изрыгающий пламя.
30. *Ян Жунань.* Бэйпин сицзюа люши сы цунь шэхуй гайкуан дяоча [Общее социологическое исследование 64 деревень в западном предместье Бэйпина] // Голи бэйпин дасюэ нунсюэ юань дяоча яньцзю баогао, 1935. № 5. Янв.
31. Там же. С. 4.
32. Там же. С. 5, 6.
33. Там же. С. 5.
34. *Ли Цзинхань.* Динсянь шэхуй гайкуан дяоча [Исследования общего состояния уезда Динсянь]. Шанхай, 1992. С. 423.
35. Там же. С. 428.
36. Там же. С. 431.
37. Динсянь ую дэ цзяншэнь у [Танец женщин шамапок со снисхождением духа в провинции Динсянь] // Шэхуй яньцзю, № 105. С. 437–440.
38. *Ли Цзинхань.* Указ. соч. С. 398.
39. Там же. С. 94.
40. Там же. С. 98.

В Обществе российско-китайской дружбы

Сегодняшний Китай и китайско-российские отношения

Выступление Чрезвычайного и Полномочного Посла КНР в РФ Ли Хуэя на торжественном собрании Общества российско-китайской дружбы и других общественных организаций, посвященном 62-й годовщине образования Китайской Народной Республики

27 сентября 2011 года

Уважаемый академик Михаил Леонтьевич Титаренко!

Дамы и господа, друзья!

Очень рад приглашению принять участие в торжественном собрании, посвященном 62-й годовщине образования Китайской Народной Республики, совместно организованном Обществом российско-китайской дружбы, Институтом Дальнего Востока РАН и Российско-китайским комитетом дружбы, мира и развития. На протяжении многих лет три эти организации, являясь авангардом в развитии общественных и научных контактов между Китаем и Россией, ведут огромную работу в целях укрепления взаимопонимания, дружбы, взаимного доверия и сотрудничества между народами двух стран. Это весьма важный вклад в содействие полнокровному и устойчивому развитию китайско-российского стратегического партнерства и взаимодействия. Пользуясь случаем, хотел бы выразить глубокое уважение и искреннюю благодарность нашим друзьям, которые всегда поддерживают дружбу и сотрудничество между Китаем и Россией.

1. 62 года, прошедшие с момента образования Китайской Народной Республики — это непростой путь, по которому китайский народ в процессе неустанный поиска движется к процветанию, демократии и цивилизованности. За последние 30 с лишним лет осуществления политики реформ и открытости Китай добился особо выдающихся успехов в развитии национальной экономики и улучшении жизни населения, привлекающих всеобщее внимание.

На начальной стадии преобразований главный конструктор китайских реформ и политики открытости Дэн Сяопин выдвинул стратегическую идею осуществления процесса модернизации страны «в три этапа». На первом этапе необходимо было решить проблему обеспечения народа Китая одеждой и продовольствием. Второй этап связан с всесторонним построением в стране общества средней зажиточности. Третий этап ориентирован на то, чтобы к середине XXI в. в Китае в основном была осуществлена модернизация, и страна достигла бы уровня среднеразвитых государств мира. В настоящее время китайский народ занят практической реализацией великой задачи всестороннего построения общества средней зажиточности.

За 30 с лишним лет поиска и обретения практического опыта на пути реформ и открытости были достигнуты заметные успехи в деле строительства социализма с китайской спецификой. Объем ВВП Китая вырос с 216,5 млрд долл. в 1978 г. до более чем 5,8 трлн долл. в 2010 г., что позволило стране по совокупным экономическим показателям выйти на второе место в мире. Сегодня новый Китай, будучи второй экономической державой мира, занимает в нем второе место по объему внешней торговли и первое по объему экспорта среди всех стран. По существу Китай превратился в важный стимулятор роста мировой экономики: в последние пять лет доля вклада Китая в этот рост в среднем превышает 20%. С момента вступления КНР в 2001 г. в ВТО среднегодовой объем китайского импорта составил 750 млрд долл., что позволило создать более 14 млн рабочих мест в соответствующих странах и регионах. Ожидается, что в ближайшие пять лет объем импорта Китая превысит 8 трлн долл., что обеспечит еще большие возможности для деловых кругов всех стран мира. Благодаря политике реформ в Китае осуществляется модернизация индустриальной структуры, укрепляется основа сельского хозяйства. Ускоряется развитие центральных и западных районов страны, заложены первоначальные основы структур для многообразного развития регионов с учетом их специфики. В настоящее время в Китае стремительно развиваются различные отрасли социальной сферы, значительно увеличились доходы городского и сельского населения. Заметно повысился уровень жизни граждан. Экономическая и совокупная мощь Китая, уровень жизни его населения поднялись на новую высоту, облик страны радикально обновился.

Хотел бы особо отметить, что во время международного финансового кризиса, разразившегося в 2008 г., правительство КНР со всей ответственностью оперативно осуществило действенные меры макроэкономического регулирования, включавшие расширение внутреннего спроса, углубление реформ, улучшение благосостояния населения в целях обеспечения экономического роста. Был принят двухлетний крупномасштабный инвестиционный план на сумму 4 трлн юаней (618 млрд долл.), который охватил сферы инфраструктурного строительства, оптимизации структуры экономики, повышения народного благосостояния и охраны окружающей среды. Рост китайской экономики в 2008, 2009 и 2010 гг. составил соответственно 9,6%, 9,2% и 10,3%. На фоне сохраняющегося воздействия в глобальной экономике негативных последствий финансового кризиса добиться такого результата было очень нелегко. Но нам удалось не только сохранить устойчивое развитие своей собственной экономики, но и дать мощный толчок мировой экономике в целях скорейшего преодоления ею трудной ситуации. В 2011 г. ситуация в китайской экономике остается благоприятной. В первом полугодии ВВП страны вырос по сравнению с аналогичным периодом 2010 г. на 9,6%, активное сальдо внешней торговли уменьшилось на 17,6%. В стимулировании экономики заметно возрастает роль внутреннего спроса. Модель роста китайской экономики в настоящее время трансформируется от опоры на политические стимулы к опоре на собственно экономические факторы развития.

2011 г. в Китае — год начала реализации плана 12-й пятилетки, которая является ключевым периодом всестороннего построения в стране общества средней зажиточности. Основными задачами 12-й пятилетки являются ускорение трансформации модели экономического развития, осуществление научно-обоснованного развития и использование достижений реформ на благо всего народа. Во-первых, мы будем и дальше реализовывать стратегию увеличения внутреннего спроса, проводить упорядоченные и оптимизацию индустриальной структуры, добиваться увеличения вклада потребительского спроса в экономический рост. Во-вторых, мы будем в приоритетном порядке развивать образование, всесторонне повышать квалификацию граждан, чтобы экономическое развитие осуществлялось на основе повышения качества человеческого капитала. В-третьих, мы будем поддерживать инновации и ускорять создание государственной инновационной системы, добиваясь существенного увеличения вклада науки и техники в социально-экономическое развитие. В-четвертых, мы будем и дальше стремиться к экономии ресур-

сов и обеспечению охраны окружающей среды, двигаться по экологичному, низкоуглеродистому и устойчивому пути развития, повышая эффективность использования ресурсов и способность реагировать на изменения климата. В-пятых, мы будем продолжать ставить во главу угла прежде всего человека, уделяя все более пристальное внимание обеспечению достойной жизни народа и достижению всеобщего благосостояния. В-шестых, мы будем продолжать и углублять политику реформ и открытости, решительно устраняя системные и институциональные препоны, будем и дальше наращивать потенциал устойчивого развития.

Хотя Китай добился важного прогресса в деле модернизации, однако он сталкивается с такими острыми проблемами, как несбалансированность, недостаточная скоординированность и устойчивость развития, еще существует множество системных и институциональных препятствий, которые ограничивают научно-обоснованное развитие в нашей стране. Несмотря на весьма сложную внутригосударственную и внешнеполитическую обстановку, правительство и народ Китая преисполнены уверенности и обладают всеми условиями и возможностями, чтобы обеспечить сбалансированное динамичное развитие своей экономики.

Как свидетельствуют факты, быстрое развитие Китая на протяжении 30 лет опиралось на реформы и открытость. Будущее развитие и прогресс Китая также должны осуществляться на основе политики реформ и открытости. Развитие Китая неотделимо от внешнего мира, а мировое развитие равным образом нуждается в Китае. Долгосрочная внешняя открытость как базовая государственная политика Китая остается неизменной. Дальнейшее продвижение по пути мирного развития — стратегический выбор, сделанный китайским народом в соответствии с веяниями эпохи и его интересами. Именно этот путь необходим для эффективного участия Китая в экономической глобализации и доведения модернизации до конца. Мирное развитие Китая — не угроза миру, а шанс для него. Вместе с мировым сообществом Китай готов и дальше прилагать усилия для того, чтобы международная архитектура эволюционировала в направлении большей справедливости, объективности и толерантности, прокладывая путь к построению гармоничного мира.

2. В деле защиты мира во всем мире и содействия всеобщему процветанию, в процессе продвижения к многополярному миру и демократизации международных отношений, в практике осуществления модернизации и улучшения жизни населения Китай считает Россию своим добрым соседом, хорошим другом и надежным партнером. Китайско-российские отношения стратегического партнерства и взаимодействия являются образцом межгосударственных отношений.

62 года тому назад Советский Союз первым признал Китайскую Народную Республику и установил с ней дипломатические отношения. Китайско-российские отношения, пройдя долгий путь, становятся все более зрелыми и стабильными, взаимопонимание и дружба между народами Китая и России углубляются с каждым годом. Китайский народ никогда не забудет большой помощи и поддержки, оказанной Китаю Советским Союзом в начальный период после образования КНР.

Пройдя 62-летний путь и выдержав испытание в разных сложных международных ситуациях, китайско-российские отношения стали более зрелыми отношениями взаимодоверия и сотрудничества. В 1996 г. главы двух государств решили установить партнерские отношения стратегического взаимодействия, открыв новую страницу в китайско-российских отношениях. Подписание в 2001 г. «Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Китайской Народной Республикой и Российской Федерацией» стало исторически знаменательным событием для китайско-российских отношений. В настоящее время между нашими странами уже образовалась надежная система сотрудничества на различных уровнях и на всех направлениях. Китайско-российские отношения переживают самый лучший период развития в своей истории.

(1) Создан механизм регулярных встреч глав государств, парламентов, правительств, между двумя странами проводятся консультации на различных уровнях. Высокий статус данного механизма, широкий охват сферы деятельности являются уникальными во внешних отношениях Китая и весьма редкими в отношениях между державами мира. Эффективная работа этого механизма служит стабильной функциональной основой и организационным обеспечением здорового развития китайско-российских отношений. По данным последних лет, ежегодно между главами государств наших двух стран проводятся минимум четыре встречи, регулярно ведутся обмены и консультации на других уровнях.

(2) Окончательное решение пограничного вопроса и подписание «Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Китайской Народной Республикой и Российской Федерацией» заложили прочную основу для долгосрочного мира между двумя крупными державами евразийского континента. Китай и Россия окончательно разрешили пограничные проблемы, доставшиеся в наследство от истории и долго мешавшие развитию двусторонних отношений, 4300-километровая китайско-российская граница перестала быть передней линией споров и противостояния, а стала узловой сердцевиной мира, дружбы и сотрудничества. Благодаря подписанному 10 лет назад между Китаем и Россией «Договору о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве» мирная идея «навекі дружбы и никогда враги» крепко укоренилась в сердцах народов двух наших стран.

(3) На основе обоюдного уважения, доверительности и взаимопонимания обе стороны поддерживают друг друга по вопросам, касающимся взаимных ключевых интересов — суверенитета, безопасности, развития и т.д., что способствует укреплению стратегического доверия между двумя государствами, повышению способности наших стран в отстаивании законных прав и интересов на международной арене.

(4) Заметные успехи достигнуты в деловом сотрудничестве на основе принципов взаимной выгоды. В 2010 г. объем китайско-российского товарооборота приблизился к 60 млрд долл. США, более чем в 6 раз превысив уровень 2000 г. Взаимная торговля уже восстановлена до уровня, достигнутого накануне мирового финансового кризиса. Непрерывно улучшается структура торговли между двумя странами, наблюдаются благоприятные тенденции в области взаимного инвестирования и совместного производства. Новой точкой роста стала приграничная и межрегиональная кооперация. Китай стал самым крупным торговым партнером России. В первой половине нынешнего года объем китайско-российской торговли составил 35,889 млрд долл. США, увеличившись на 39,6% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года.

(5) Непрерывно развивается и углубляется гуманитарное сотрудничество между нашими странами. В 2006–2007 гг. В Китае и России были успешно проведены Национальные годы, а в 2009–2010 гг. – Годы русского и китайского языков. Эти мероприятия охватывали политическую, торгово-экономическую, научно-техническую и военную сферы, а также области культуры, образования и здравоохранения. В истории китайско-российских отношений был достигнут новый рекорд по многообразию и насыщенности мероприятий, энтузиазму и активности участия в них населения и степени позитивного отклика со стороны широких слоев общественности обеих наших стран. В 2012 и 2013 гг. Китай и Россия проведут Годы туризма, что непременно будет способствовать дальнейшему углублению взаимопонимания и дружбы между народами двух стран, позволит продвинуть многостороннее китайско-российское сотрудничество на новую высоту.

3. С наступлением нового века мировая политико-экономическая архитектура переживает радикальные изменения и преобразования. На новом этапе истории Китай и Россия решают практические задачи модернизации своих стран. У них имеется огромное пространство для двустороннего сотрудничества на международной арене — широкие общие интересы. Для дальнейшего обеспечения устойчивого, здорового и стабильного развития китайско-российских отношений стратегического взаимодействия и партнерства нам необходимо сконцентриро-

вать усилия для осуществления плодотворной деятельности на следующих направлениях.

(1) Следуя духу «Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Китайской Народной Республикой и Российской Федерацией», придерживаясь принципов равноправия, взаимодоверия, откровенного обмена мнениями, Китаю и России надлежит продолжать поддерживать частые контакты на высшем уровне и традицию сотрудничества на различных уровнях, твердо поддерживать друг друга в следовании по пути развития, избранному каждой страной, исходя из ее собственных реалий, в осуществлении скорейшего возрождения и модернизации, а также поддерживать усилия друг друга в защите ключевых интересов каждой из сторон. Государственный визит Председателя КНР Ху Цзиньтао в Россию в июне с.г. увенчался большим успехом. В ходе его было подписано «Совместное заявление Китайской Народной Республики и Российской Федерации по текущей ситуации в мире и основным международным вопросам», а также опубликовано «Совместное заявление в связи с 10-летием Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Китайской Народной Республикой и Российской Федерацией». Председатель Ху Цзиньтао отметил, что цели, принципы и дух, воплощенные в Договоре, отвечают коренным интересам Китая и России, обладают могучей жизненной силой, выдержали испытание временем. На основе этих принципов и духа Договора китайско-российские отношения стратегического взаимодействия и партнерства получили беспрецедентное стремительное развитие. Президент Д. Медведев считает, что Договор создает благоприятные условия для укрепления российско-китайского торгово-экономического сотрудничества, играет важную роль в активизации гуманитарных обменов. Российско-китайские отношения, характеризующиеся взаимодоверием, равноправием и взаимоуважением, стали примером современного международного сотрудничества. Председатель ПК ВСНП КНР У Банго недавно также совершил успешный визит в Россию, в ходе которого руководство наших стран провело углубленный обмен мнениями по вопросу дальнейшего упрочения китайско-российских отношений стратегического взаимодействия и партнерства и достигло единства взглядов по широкому спектру проблем. В октябре с.г. Китай с официальным визитом посетит премьер-министр РФ В. Путин, который проведет с премьером Вэнь Цзябао 16-ю регулярную встречу глав правительств Китая и России. Китайская сторона уделяет большое внимание этому визиту, рассчитывая, что он станет серьезным стимулом в укреплении китайско-российского стратегического взаимодоверия, углублении взаимовыгодного сотрудничества и совместном противодействии кризисам.

(2) Опираясь на опыт совместного преодоления мирового финансового кризиса, Китаю и России необходимо продолжать расширять всестороннее практическое взаимовыгодное сотрудничество, в полной мере используя свои преимущества и потенциал, повышать уровень этого сотрудничества, вести активные поиски новых областей взаимодействия. Во-первых, необходимо продолжать расширение двусторонней торговли, чтобы к 2015 г. достичь цели увеличения двустороннего товарооборота до 100 млрд долл., разработать программу увеличения двустороннего товарооборота к 2020 г. до 200 млрд долл. Во-вторых, следует всесторонне укреплять энергетическое сотрудничество, расширяя взаимодействие в таких областях, как атомная энергетика, угольная отрасль, электроэнергетика, новые виды энергоресурсов и новые технологии, выстроить на взаимовыгодной основе отношения энергетического стратегического долговременного партнерства. В-третьих, необходимо укрепить финансовое и инвестиционное сотрудничество путем надлежащего претворения в жизнь «Программы сотрудничества в инвестиционной области между Китайской Народной Республикой и Российской Федерацией». В-четвертых, следует вести активные поиски форм научно-технического и инновационного сотрудничества, развернуть всестороннее сотрудничество в областях фундаментальных исследований и внедрения в производство результатов научных изысканий. В-пятых, нужно реализовать «Программу сотрудничества между регионами Северо-Востока Ки-

тайской Народной Республики и Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации (2009–2018 гг.)», ускорить процесс строительства соответствующей институциональной основы и инфраструктуры.

(3) Китай и Россия должны продолжать укрепление стратегического взаимодействия при решении важных международных проблем в сферах политики, безопасности и экономики. В настоящее время мировая политико-экономическая архитектура претерпевает сложные и радикальные изменения. Продолжает ощущаться влияние мирового финансово-экономического кризиса, непрерывно возникают новые вызовы и угрозы. Китай и Россия в качестве постоянных членов Совета Безопасности ООН несут особую ответственность за международный мир и безопасность. К тому же, Китай и Россия являются важными членами формата БРИКС и представляют собой серьезную силу в сфере содействия формированию мировой многополярности и демократизации международных отношений. У наших стран имеются широкие общие интересы в деле продвижения реформы международной финансовой системы и увеличения представительства новых развивающихся государств. Влияние китайско-российских отношений далеко не ограничивается двусторонним форматом. Как Китай и Россия в качестве самостоятельных государств, так и сами китайско-российские отношения стали важными факторами, оказывающими всеобъемлющее влияние на современное состояние международных отношений. Дальнейшее углубление стратегического партнерства в международных делах не только соответствует коренным интересам наших стран, но необходимо для формирования справедливого и рационального нового международного порядка.

(4) Китай и Россия должны пройти достаточно долгий путь расширения гуманитарных обменов, углубления взаимопонимания и взаимодоверия между нашими народами. Содействие укреплению китайско-российской дружбы и сотрудничества, несомненно, требует всемерной инициативности правительств обеих стран на официальном уровне. Однако для обеспечения постоянства этого процесса требуется и широкая поддержка среди населения. Необходимо, чтобы граждане обеих стран восприняли партнера по-настоящему, всем сердцем. Для этого нужно время и еще более терпеливая, тщательная работа обеих сторон. История дружественных обменов между Китаем и Россией, крупными странами-соседями, уходит своими корнями в далекое прошлое. Тем, кто следит за общественным мнением в Интернете, нетрудно заметить, что мирная идея дружественного китайско-российского сотрудничества имеет у наших народов прочную общественную основу. В течение многих лет Общество российско-китайской дружбы, Институт Дальнего Востока РАН, Российско-китайский комитет дружбы, мира и развития прилагают многочисленные усилия, содействуя укреплению китайско-российской дружбы как на официальном, так и на общественном уровне, что принесло очевидные результаты. Мы надеемся, что вы внесете еще больший вклад в дело китайско-российской дружбы, и окажем вам в этом всяческую поддержку. Мы также рассчитываем на участие все большего числа китайских и российских неправительственных организаций в великом деле укрепления китайско-российской дружбы.

В заключение я хотел бы подтвердить, что вне зависимости от тех или иных изменений международной обстановки упорное следование путем мирного развития остается неизменным политическим выбором правительства и народа Китая, а всестороннее укрепление и развитие китайско-российских отношений стратегического взаимодействия и партнерства непоколебимо остается приоритетным направлением китайской внешней политики. Не изменится как внешняя политика Китая, так и политика Китая в отношении России. Китай и Россия непременно продолжат идти по пути дружбы и сотрудничества, потому что это не только необходимо для обеспечения коренных интересов наших стран, но отвечает общим чаяниям международного сообщества.

Спасибо за внимание!

Научная жизнь

Китай и Азия: перспективы совместного развития

Выступление 7 сентября 2011 г. в Пекине на открытии
Форума Китайской академии современных международных отношений

© 2011

Цю Юаньтин*

Уважаемые китайские и зарубежные друзья,

Мне доставляет огромное удовольствие принять участие в Форуме 2011 г., проводимом Китайской академией современных международных отношений, и обменяться со многими экспертами и учеными мнениями по вопросам современного развития и сотрудничества в Азии.

После вступления в XXI в. подъем Азии стал важным свидетельством геополитических и экономических перемен в международной жизни. Он явился серьезнейшим фактором влияния на процесс будущего мирового развития, породившим утверждение, что так называемая «глобальная власть перемещается на Восток», и полемику о том, «кто в Азии хозяин». Подъем Азии внес раскол в механизмы регионального сотрудничества, породил многообразие направлений будущего развития этого континента. Важная стратегическая тема, требующая серьезного исследования политологами и экономистами Китая, стран Азии, а также других заинтересованных государств, заключается в том, как оценивать подъем азиатского региона, каким образом идти в ногу с общей тенденцией саморазвития Азии, как способствовать тому, чтобы в результате сотрудничества азиатских стран все они оказались в выигрыше, как обеспечить светлые перспективы для Азии будущего. На Форуме мы можем досконально обсудить эти проблемы. А сейчас мне хотелось бы высказать собственные соображения по ряду вопросов.

1. О путях развития Азии.

Изучая Азию, следует помнить прежде всего о том, в каком историческом контексте осуществлялось ее развитие. На каждом временном отрезке после окончания Второй мировой войны в ней в результате скачкообразного развития вырывались вперед отдельные страны или регионы, предлагавшие новые механизмы для стимулирования развития и азиатской экономической интеграции. В 50–60-е гг. XX в. это была Япония; в 60–70-е гг. — «четыре малых дракона»; в 80–90-е гг. — «четыре малых тигра»; в конце 1990-х гг. — Китай, Индия и др. Их успехи вызывали волнообразный массовый подъем в странах континента, сформировав некую «модель полета диких гусей», характеризующую полицентризм, взаимодополняемость и ступенчатость, что породило новый тип индустриализации под руководством правительства с преимущественной задачей развития и ориентацией на экспорт. Все это генерировало в Азии ненасыщаемую внутреннюю энергию экономической активности.

Подъем Азии опирался как на реформы и принцип открытости стран континента, так и на коллективную энергию и региональное сотрудничество. Почти за два десяти-

* Цю Юаньтин (жен.) — заместитель заведующего Канцелярии ЦК КПК по международным делам.

тилетия региональное экономическое сотрудничество от традиционного регионализма поднялось на уровень регионализма нового типа. Различные организации регионального и субрегионального сотрудничества сформировали сеть, лучами распространившуюся по всей Азии. На фундаменте многообразия образовались площадки диалога и сотрудничества, приемлемые для различных сторон. Это содействовало упорядоченной трансформации экономической политики, а также сотрудничества в сфере политики и безопасности от разномыслия к согласию. Азия является средоточием споров, противоречий и «горячих точек», ситуация с безопасностью здесь чрезвычайно сложна. Тем не менее, мы видим, что на протяжении последних 20 лет обстановка в азиатском регионе не менее безопасна, чем в других регионах. Между государствами Азии не возникло крупных конфликтов и войн, а благодаря азиатскому благоразумию и методу откладывания споров, спорные вопросы, затрагивающие суверенитет, а также столкновения в горячих точках, с помощью диалога и дискуссий переводятся в контролируемую плоскость.

Хотелось бы подчеркнуть, что независимо от того, идет ли речь о чудесах развития, демонстрируемых множеством новых поднимающихся экономик Азии, или о формировании специфических механизмов и сетей регионального сотрудничества азиатского типа — все они имеют внутренние закономерности своего развития и право на существование. Все они — плоды собственных усилий и борьбы азиатских стран, результат изучения и заимствования полезного опыта других регионов, развития добрососедства и дружественных связей между странами Азии. В целом этому благоприятствовали также стабильная международная и региональная обстановка, поощрение экономической глобализации и региональной интеграции.

2. О значении подъема Азии.

Касаясь подвижек в мировой архитектонике, мы чаще всего говорим об изменениях в соотношении сил крупных держав и о массовом подъеме новых поднимающихся крупных государств. В равной степени глобальное значение имеет и подъем Азии, который, выходя за рамки своей значимости как одного из трех столпов мировой геэкономии, в будущем еще больше обогатит существо всемирной многополярности.

Подъем Азии — это возрождение и развитие древней мировой цивилизации, ведь в ней находятся три из четырех государств, принадлежащих к древним великим цивилизациям. Три великих мировых религии также берут истоки из этого региона. Азия внесла выдающийся вклад в цивилизационный и научно-технический прогресс человечества. Вкупе с другими цивилизациями азиатская цивилизация и восточная мудрость непременно озарят своим ярким светом XXI столетие.

Подъем Азии — это совместное развитие плюралистичных и разнообразных культур. Страны со столь многообразным культурно-историческим фоном способны добиваться взаимоуважения, постепенно формируя региональное сознание на основе азиатской ментальности, что стало бы показательным примером плюрализма в развитии для всего мира.

Подъем Азии несет процветание и развитие для 62% мирового населения. Поиск множеством государств собственных особых путей развития будет способствовать тому, что развитие человечества достигнет нового этапа благосостояния большинства населения мира.

Подъем Азии — это углубление процесса совместного самоусиления на пути регионализма открытого типа. Обособленная формула объединения множества малых и средних государств как ведущей силы при участии крупных государств изменяет структурную модель, позволявшую крупным странам вершить дела в регионе и в региональном сотрудничестве.

Подъем Азии предусматривает интеграцию с мировой экономической системой, взаимосвязь с другими регионами, взаимное стимулирование, общее развитие, отказ от агрессивной экспансии и колониальных захватов. Подъем Азии не несет с собой геополитических и территориально-экономических невзгод. Для других континентов и всего мира он означает не вызов, а возможность развития.

Подъем Азии должен получить поддержку стран и регионов мира, его фундаментальный опыт и особый путь должны обрести всестороннее уважение. Обеспеченные в Азии на протяжении многих лет обстановка мирного сотрудничества и тенденция мощного развития должны оберегаться и поддерживаться.

3. Проблемы, стоящие перед Азией.

В начале второго десятилетия XXI в. в развитии Азии наступает новый исторический этап — этап новых возможностей, которые открываются с развитием экономической глобализации, многополярности, информатизации общества и региональной интеграции. Вместе с тем перед нею стоит целый ряд существенных проблем.

Во-первых, мировая экономика находится в фазе структурной перестройки. В условиях, когда мир еще не оправился от воздействия международного финансового кризиса, экономическая ситуация вне и внутри Азии остается напряженной. Внутренние структурные проблемы видны невооруженным глазом, несбалансированность развития слишком очевидна. Число препон, мешающих устойчивому развитию, непрерывно растет, устарелые модели развития и методики роста нуждаются в корректировке. Следует сосредоточить внимание на выявлении новых преимуществ и пестовании новых движущих сил будущего развития.

Во-вторых, региональная архитектура проходит этап изменений и упорядочения и находится в ожидании новых перемен в соотношениях сил различных стран. Между некоторыми из них вспыхивают противоречия, возникает недоверие и различные подозрения. Порою доходит даже до обращения к старым механизмам обеспечения безопасности в условиях существования новых реалий. Это отравляет региональную атмосферу добрососедского дружественного сотрудничества, снижает его эффективность. Всем необходимо перестраиваться психологически, чтобы новым взглядом, в соответствии с новой эпохой оценивать рост друг друга, продолжая поиск путей углубления отношений благожелательности, взаимодействия, взаимодоверия и сотрудничества в интересах всеобщего блага.

В-третьих, ситуация в сфере региональной безопасности становится все более сложной, не затихают оставленные в наследство историей споры вокруг разграничения территориальных вод. Помимо корейской ядерной проблемы, растет число других региональных «горячих точек», активизировались «три силы зла» — терроризм, экстремизм, сепаратизм. В некоторых странах не прекращаются беспорядки, возникшие в ходе социальных перемен, растет количество глобальных и региональных нетрадиционных вызовов безопасности, и если не реагировать на них должным образом или «подливать масла в огонь», это может усложнить ситуацию и еще более затруднить разрешение споров. Азия и другие заинтересованные страны, проявляя максимум доброй воли в защите регионального мира и стабильности, должны создавать условия для установления в регионе режима безопасности, отвечающего обстановке в нем и его интересам.

И, наконец, некоторые проблемы возникли в самом процессе и направленности регионального сотрудничества. Следует урегулировать вопрос о взаимоотношениях ведущих и ведомых в различных механизмах сотрудничества, отношения, касающиеся интересов какой-то отдельной страны и общих интересов, взаимозависимость между нетерпимостью к другим и открытостью, взаимосвязи между экономическим сотрудничеством и сотрудничеством в сфере политики и безопасности, между старыми и новыми концепциями безопасности, и в конечном счете, стимулировать продолжение и углубление здорового регионального сотрудничества.

4. О перспективах развития Азии.

Китайцы часто повторяют истину, гласящую, что следует подняться повыше, чтобы увидеть дали. Ведь если направление неясно, можно заблудиться и пойти окольным путем. Что касается перспектив общего развития Азии, считаю, что для нее нет иного пути, кроме конечного формирования общности интересов и судеб. Это верно как для Азии, так и для всего мира.

Экономическая глобализация и региональная интеграция толкают мир и регионы к развитию как одно неделимое целое, и это становится ведущей тенденцией, воздействующей на будущие международные и региональные отношения. Взаимная зависимость и переплетение интересов различных стран становятся все более тесными. Сегодня, когда постоянно растет число глобальных проблем и общих вызовов, складывается ситуация существования всеобщей взаимосвязанности и неразрывности. Соседние страны еще более соединены тесными узами и общими интересами, а различия между ними не должны создавать препятствий для сотрудничества. Напротив, они призваны стать источниками, пополняющими на взаимной основе движущие силы многообразных форм развития.

При внимательном взгляде на нынешнюю ситуацию в мире обнаружится, что повсюду наблюдаются трудности, за преодоление которых надо возносить молитвы Будде, и перед всеми возникли совершенно новые проблемы оздоровления общества, упорядочения государственных и глобальных структур. Возникают ли все эти проблемы в результате развития или подъема каких-либо государств, или же они — следствие различий в идеологии и государственном строе? А может быть, они возникают в результате взаимных угроз в отношениях между крупными державами? Все это не так. Указанные проблемы — следствие эпохальных перемен, вызванных экономической глобализацией, следствие нашей неспособности угнаться за этими изменениями и адаптироваться к ним или следствие политики, не отвечающей духу времени. Только налаживание широчайшего международного и регионального сотрудничества и обменов позволит противостоять таким вызовам.

Перед лицом новых перемен XXI в. нам необходимо переосмыслить некоторые традиционные постулаты, механизмы и практику международных отношений, определить, соответствуют ли они новым изменениям новой эпохи и отвечают ли насущным требованиям развертывания широкого международного сотрудничества. Например, действительно и эффективно ли в эпоху глобализации, когда государства так сильно взаимозависимы, регулировать международные отношения, опираясь на концепцию игр с «нулевой суммой»; использовать идеологию, постулирующую деление всех и вся на врагов и друзей; опираясь на мышление времен «холодной войны», оказывать давление на новые поднимающиеся страны; сколачивать свои группировки с помощью военных союзов; решать споры о суверенитете на путях конфронтации, регулировать проблемы «горячих точек» с помощью вооруженной силы? И осуществимо ли это? Не нуждаются ли теория и практика международных отношений в революционных преобразованиях?!

Я искренне надеюсь, что среди мыслящих людей в различных странах найдутся подлинные интеллектуалы, которые посвятят себя служению миру, а не подготовке к войне. Руководствуясь новыми идеями о создании «глобальной деревни» и «общего дома» и признавая общность судеб в мировых и региональных рамках, они будут стремиться к поиску общих интересов и устремлений всего человечества и добиваться того, чтобы сотрудничество государств отвечало многообразию вызовов и интересам устойчивого мирового развития. Есть ли у нашего мира и азиатского региона иной путь, кроме данного? Лишь разобравшись с предельной четкостью в этой ключевой проблеме выбора направлений и ориентиров, и придя к пониманию того, как совместно развиваться и сотрудничать в Азии, мы сможем добиваться все больших и больших результатов.

5. Надежда Китая на общее развитие Азии.

Так называемый подъем Китая по сути является лишь составной частью подъема Азии и целой большой группы новых поднимающихся государств. Вместе с тем подъем Китая — это нечто иное, как процесс модернизации крупной развивающейся страны, сосредоточившей пятую часть мирового и около трети азиатского населения. Хотя Китай достиг некоторых успехов, однако он по-прежнему сталкивается с серьезными проблемами демографического, ресурсного и экологического давления, несбалансированности, нескоординированности и неустойчивости развития. Осуществление модернизации и обеспечение благосостояния 1,3 млрд его населения — дело весьма отдаленное. Развитие Китая не должно вызывать беспокойства в мире. Отношения Китая с Азией и траек-

тория развития регионального сотрудничества за последние 30 лет показывают, что само развитие Китая неизменно содействовало подъему Азии и в еще большей степени будет благоприятствовать ее развитию в будущем. Кроме того, Китаем и азиатскими странами уже сформирован эффективный механизм взаимного стимулирования и общего роста. В Китае выработана также комплексная политика добрососедства, дружбы и сотрудничества с Азией. У него нет никаких оснований для отхода от этой действенной политики.

Китай неоднократно подчеркивал, что будет неуклонно следовать по пути мира, неизменно придерживаться стратегии открытости на базе взаимных интересов и общего выигрыша, последовательно отводить Азии приоритетное место в своей внешней политике, твердо проводить в жизнь внешнеполитический курс, предусматривающий добрые отношения и партнерство с его соседями. Активно развивая добрососедство, дружбу и взаимовыгодное сотрудничество со странами Азии, Китай не претендует на командную роль и, тем более, не намерен третировать и вызывающе вести себя в отношении кого-либо. В интересах реализации цели стимулирования общего развития и совместного строительства гармоничной Азии мы выступаем, во-первых, за уважение многообразия цивилизаций, за развитие добрососедства и дружбы, за поиск общего при сохранении различий, за то, чтобы многообразие в политике, культуре и общественных системах в Азии служило активной стимулирующей силой для укрепления обменов и сотрудничества. Нельзя допускать, чтобы различия создавали отчужденность и препятствия — только так можно поднимать уровень сотрудничества в различных областях.

Во-вторых, мы выступаем за изменение методов развития и придание этому развитию скоординированного характера. Необходимо подстраиваться к новым тенденциям мирового развития и новым ориентирам структурной перестройки, ускорять трансформацию методов такого развития и структурное упорядочение экономики, содействовать устойчивому и здоровому развитию экономики и общества в Азии.

В-третьих, мы выступаем за усиление координации в политике, более широкую общность интересов. Крупные государства должны оказывать поддержку малым, богатые страны должны помогать бедным, чтобы плоды развития служили на благо всем странам региона.

В-четвертых, надлежит реализовать на практике новую концепцию безопасности, добиваться общей безопасности. Следует отказаться от мышления времен «холодной войны» и концепции игр с «нулевой суммой» и, полагаясь на присущие народам Азии мудрость, добрую волю и терпение, проявлять заботу об интересах взаимной безопасности. Путем диалога и консультаций снимать противоречия, поддерживать мирную и стабильную среду в регионе.

В-пятых, следует добиваться взаимной выгоды и общего выигрыша, углублять региональное сотрудничество, придерживаться регионализма открытого типа, в соответствии с принципами консультаций и единства, последовательности и постепенности, содействовать выявлению преимуществ и рациональному развитию различных механизмов регионального сотрудничества. Горячо приветствуем активное включение внерегиональных участников в процесс азиатского сотрудничества, надеемся, что они сыграют еще более конструктивную роль, способствуя вместе с нами миру, стабильности и процветанию Азии.

Желаю успеха в работе Форума. Благодарю за внимание.

Рецензии

Снайдер С. Возвышение Китая и две Кореи: политика, экономика, безопасность

Snyder S. China's rise and the two Koreas: Politics, economics, security. Boulder; L.: Rienner, 2009. XI, 241 p.

Драматические события последних лет, происходящие на Корейском полуострове, все более привлекают внимание отечественных и зарубежных исследователей. Ядерная угроза со стороны КНДР, исход северокорейских беженцев в Северо-Восточный Китай, непрекращающиеся военные столкновения между Севером и Югом Кореи в Желтом море и другие тревожные явления становятся факторами, угрожающими международной безопасности в Северо-Восточной Азии. Соседние государства и прежде всего Китай с тревогой наблюдают за событиями на Корейском полуострове и, избегая прямого вмешательства, стремятся опосредованно снизить военно-политическую напряженность в этом районе.

Комплексной проблеме формирования китайской стратегии в отношении двух корейских государств посвящена монография известного американского исследователя Скота Снайдера «Возвышение Китая и две Кореи: политика, экономика, безопасность».

Предваряя свое исследование замечанием о том, что экономический рост Китая способен повлиять на изменение баланса сил на Корейском полуострове и отмечая, что экономика Китая и РК «взаимоприятельны», С. Снайдер подчеркивает, что так было не всегда. В период «холодной войны» Китай руководствовался идеологическими соображениями и не уделял должного внимания своим экономическим интересам, всецело ориентируясь на поддержание тесных политико-экономических связей с Пхеньяном.

После завершения «холодной войны» экономические аргументы стали определяющим фактором в формировании международных отношений в Восточной Азии, открыв новые экономические и политические возможно-

сти для Китая и РК. По мнению С. Снайдера, южнокорейский опыт создания экспортно-ориентированной экономики и проведения модернизации промышленности был заимствован китайским руководством и хорошо зарекомендовал себя в КНР.

В период 1990-х — 2000-х гг. влияние Китая на РК стремительно росло, несмотря на некоторое недоверие Сеула из-за продолжающегося тесного военно-политического китайско-северокорейского сотрудничества. Значительно вырос объем китайско-южнокорейской торговли: если в 1992 г. он составлял 6,4 млрд долл., то в 2008 г. превысил 123 млрд долл. (С. 50). Китай превратился в основного торгово-экономического партнера РК. Значительно увеличился туристический обмен между двумя странами: в 2006 г. 4 млн южнокорейцев (около 10% населения) посетили Китай и более 1 млн китайцев побывали в РК. В том же году в Китае обучалось 57 тыс. южнокорейских студентов, что составило треть от всех студентов-иностранцев (С. 2).

Неуклонный рост китайской экономики, сопровождаемый увеличением объема китайско-южнокорейской торговли, значительными двусторонними инвестиционными потоками и другими видами обменов, породил в южнокорейском обществе мнение, что «будущее РК всецело зависит от Китая». В связи с этим автор полагает, что «китайский экономический рост имеет потенциал влияния на дальнейшее развитие региональных политических связей», а также способен «кардинально изменить характер региональной безопасности» (С. 3). Китайский экономический подъем непосредственно влияет на американскую систему безопасности в Азии.

В связи с этим С. Снайдер задает во-

прос о возможности использования Китаем экономической зависимости РК в собственных политических целях, например, создания с этой страной тесного альянса. «Располагают ли США возможностью предотвратить воплощение в жизнь такой тенденции? Что произойдет с РК, если отношения между Китаем и США испортятся? Не окажется ли она «меж двух огней» — экономической зависимости от Китая и зависимости по безопасности от США?», — спрашивает автор (С. 15).

Отвечая на эти вопросы, он утверждает, что хотя внешняя политика Южной Кореи находится под влиянием тесных экономических связей с Китаем, пока нет признаков того, что Сеул намерен установить стратегические отношения с Пекином или отказаться от преимуществ, которые получает от военно-политического союза с Вашингтоном (С. 5). Тем не менее, он вынужден признать, что Китай становится центральной силой в Азии, и продолжение китайского экономического роста неминуемо приведет к усилению зависимости китайских соседей от Пекина.

Китай и дальше будет поддерживать тесные контакты с корейскими государствами, что способствует региональной стабильности мирному развитию событий на Корейском полуострове. В частности, экономический подъем Китая благотворно влияет на КНДР. Китайская гуманитарная помощь позволяет стабилизировать внутреннюю ситуацию в этой стране и предотвратить коллапс северокорейского политического режима. Вместе с тем С. Снайдер отмечает, что китайское влияние на КНДР имеет пределы. Отсутствием реального влияния на Пхеньян он объясняет факт проведения Пхеньяном ядерного испытания в октябре 2006 г. и неудачи в перенесении в КНДР китайского опыта проведения экономических реформ.

С. Снайдер подчеркивает, что китайские руководители учли негативный опыт СССР при нормализации отношений с РК в 1990 г. и не стали отказывать КНДР в экономической помощи (С. 32). В то же время установление официальных дипломатических отношений между Китаем и РК привело к прекращению официальных тайваньско-южнокорейских отношений, в результате чего «произошла маргинализация международного положения Тайваня» (С. 35). В начале 1990-х гг. потеря Тайваня как торгово-экономического партнера была весьма болезненной для южнокорейского бизнеса, но перспектива открытия обширного китайского рынка перевесила все сомнения. Период 1990-х гг. прошел под знаком «китайского

бума» в РК, значительно расширив внешнеэкономические связи южнокорейского капитала. Автор также отмечает, что финансовый кризис 1997–1998 гг. и вступление Китая в ВТО оказали непосредственное влияние на формирование экономической взаимозависимости двух стран.

В течение всего изучаемого периода, утверждает С. Снайдер, наблюдался положительный для РК торговый баланс с Китаем, тогда как торговый баланс с США был отрицательным (С. 53). Однако, по мнению автора, тесные экономические связи с Китаем «...пока не ограничивают политическое и военное сотрудничество РК с США» (С. 79).

С. Снайдер выделил и проанализировал основные «вызовы», которые влияли на развитие китайско-южнокорейских отношений. Прежде всего, это касалось различий во взглядах в отношении КНДР, северокорейских беженцев в Северо-Восточном Китае, старых исторических обид (например, разногласий в оценке международного статуса средневекового государства Когурё), роли США на Корейском полуострове, продолжения неофициальных тайваньско-южнокорейских связей и др. Автор рассмотрел эти вопросы под углом их влияния (положительного или отрицательного) на двустороннее экономическое сотрудничество и выяснил, при каких обстоятельствах китайско-южнокорейские политические противоречия способны поколебать крепкие экономические связи. Он выделяет три периода в развитии китайско-южнокорейских отношений.

Первый период — 1993–1998 гг. — формальная равноудаленная политика Китая в отношении двух корейских государств.

Второй период — 1998–2003 гг. знаменателен межкорейским примирением, региональной стабильностью и сотрудничеством.

Третий период — 2003–2008 гг. — время усиления консолидации и появления новых вызовов. Китайско-южнокорейские связи продолжили всестороннее развитие. Между тем на них стали оказывать негативное влияние новые вызовы. В частности, в РК началась публичная дискуссия о правильной трактовке истории средневекового государства Когурё.

Одновременно с этим южнокорейские парламентарии начали обсуждение вопроса о легитимности современной китайско-северокорейской границы и выдвинули требование вернуть Корею территорию бывшего Кандо (современный Корейский автономный округ с центром в г. Яньцзи, КНР), поскольку они полагали незаконным японо-китайское пограничное соглашение 1909 г. и требовали его анну-

лирования. Эти южнокорейские требования сопровождались сепаратистскими настроениями среди корейского населения Корейского автономного округа. Китайские корейцы в массовом порядке отправлялись на заработки в РК. Многие из них получали южнокорейское гражданство. Последнее обстоятельство вызывало беспокойство у южнокорейских политиков, поскольку массовый исход китайских корейцев из пограничного с КНДР района был «способен поколебать корейское влияние в этом районе Китая» (С. 97).

Южнокорейский бизнес проявил обеспокоенность и в связи с ростом китайского военно-политического и экономического влияния в КНДР, так как рассматривал последнюю как сферу собственного влияния. Северокорейские беженцы в Китае внесли свою долю в некоторое охлаждение китайско-южнокорейских отношений. Все это привело к разочарованию Китаем в южнокорейском обществе. В 2006 г. только 40% опрошенных южнокорейцев положительно отзывались о Китае. В 1990-е гг. рейтинг Китая при социологических опросах был в два раза выше (С. 95).

Тем не менее, несмотря на имеющиеся противоречия, обе стороны сохраняют, по мнению автора, тесные торгово-экономические связи, которые «ведут к совместному процветанию». Однако их дальнейшее развитие, полагает С. Снайдер, во многом будет зависеть от позиции США и Японии (С. 106).

Касаясь характера китайско-северокорейских отношений, С. Снайдер подчеркивает экономическую зависимость КНДР от Китая. Двусторонняя торговля имеет стабильно отрицательный для КНДР баланс. Китай — основной северокорейский инвестор (70% от всех иностранных инвестиций в 2006 г.). Для Китая инвестиции в соседнюю страну являются «инструментом формирования стабильной обстановки в периферийных районах» (С. 116).

Оценивая китайскую позицию в период обострения ядерных кризисов на Корейском полуострове, С. Снайдер отмечает, что Китай, поддерживая тесные дипломатические и политические связи с КНДР, находилась в привилегированном положении и всячески пользовался этим. Поэтому в течение первого ядерного кризиса в администрации президента Б. Клинтона полагали, что «Китай является ключом в решении северокорейской проблемы» (С. 117). Аналогичного мнения придерживались и в администрации президента Дж. Буша-мл., обращаясь за поддержкой к китайскому руководству всякий раз при обострении ситуации на Корей-

ском полуострове.

Китай сыграл посредническую роль в преддверии первого межкорейского саммита. Так, в марте и апреле 2000 г. представители Севера и Юга Кореи секретно встречались в Пекине и Шанхае для обсуждения деталей саммита руководителей двух корейских государств. Непосредственно перед корейским саммитом китайский министр иностранных дел Тан Цзясюань опубликовал приветственный меморандум, в котором выражалось одобрение предстоящему саммиту, и предлагалась всесторонняя помощь обеим корейским сторонам в продвижении межкорейского диалога (С. 122).

С. Снайдер уделяет пристальное внимание изучению китайских планов в отношении КНДР, выделяя шесть проблем, над решением которых работают китайские кореееды.

Первая проблема заключается в том, что Китаю ради собственного развития жизненно необходимо мирное окружение и нераспространение ядерного оружия в регионе. В связи с этим Китаю приходится проявлять активность в предотвращении эскалации напряженности между США и КНДР. С. Снайдер приводит мнение известного китайского корееведа Ян Боцзяна, утверждающего, что ядерный кризис в КНДР поставил Китай перед сложным выбором — сохранять дружественные отношения с традиционным союзником или поддерживать требование держав о введении санкций против КНДР.

В прошлом Китаю пришлось вести из-за Кореи разорительную японо-китайскую войну 1894–1895 гг., а затем принять участие в Корейской войне 1950–1953 гг. Поэтому в настоящее время стратегические устремления Китая направлены на то, чтобы не доводить дело до новой войны и сохранить КНДР в качестве буфера. К тому же Китай, по мнению С. Снайдера, опасается американского доминирования на «объединенном Корейском полуострове», ищет удобный случай для расширения сферы своего влияния и стремится «освободиться от американского присутствия в этом регионе» (С. 142).

Вторая проблема состоит в сохраняющейся экономической закрытости КНДР. Северокорейская самоизоляция противоречит китайскому курсу многостороннего экономического сотрудничества, ведущего к «всеобщему процветанию». Китай настойчиво рекомендовал КНДР проводить экономические реформы, но северокорейские лидеры рассматривают их как угрозу для собственной власти. С. Снайдер отмечает, что северокорейская экономическая

стагнация и бедность населения не позволяют северо-восточным провинциям Китая осуществлять взаимовыгодный трансграничный обмен товарами. Следовательно, для Китая северокорейская изоляция является препятствием на пути развития региональной экономической кооперации и укрепления безопасности, поскольку позволяет американским войскам оставаться на Корейском полуострове (С. 144).

Третья проблема касается внутренней нестабильности в КНДР. Невозможность северокорейских властей сдерживать потоки беженцев в Китай приводит к нестабильности вдоль китайско-северокорейской границы.

Четвертая проблема состоит в необходимости преодолеть противоречие между желанием сохранить КНДР в качестве буфера и провозглашением «риторической поддержки самостоятельному объединению Кореи». Тесные отношения Китая и двух Корей ведут к созданию своеобразного треугольника, где Китай становится доминирующей стороной. В рамках этого треугольника Китай уделяет больше внимания РК как стороне, которая предположительно будет доминировать в объединенной Кореи. В то же время в Сеуле понимают, что корейская политика Пекина в первую очередь отвечает китайским интересам, и относятся к Китаю с недоверием (С. 146).

Пятая проблема для Китая заключается в проведении такой политики в отношении двух Корей, которая была бы способна предотвратить усиление стратегических позиций США на полуострове. Для этого, полагают китайские ученые (с которыми С. Снайдер солидаризируется), необходимо поддерживать стабильность в китайско-американских стратегических отношениях. При таком условии КНДР может сохраниться для Китая как стратегический ресурс (С. 147).

Превращение Корейского полуострова в зону, свободную от ядерного оружия — также в интересах Китая и США, хотя это, возможно, и не усилит американские стратегические позиции, замечает С. Снайдер.

Для наращивания китайского влияния на полуострове необходимо, считает он, развитие трехстороннего сотрудничества между Китаем, КНДР и РК. Кооперация такого рода снимет сомнения у КНДР и разделит между Китаем и РК ответственность за оказание помощи Пхеньяну, а в дальнейшем, возможно, приведет к созданию механизма по поддержанию коллективной безопасности в Северо-Восточной Азии (С. 147).

Шестая проблема состоит в трудности

разрешения противоречий, касающихся КНДР. Проведение китайской дипломатией переговоров с КНДР и США, инициатива проведения шестисторонних переговоров добавили кредит доверия Китаю, повысив его международный статус. Однако это не даст Китаю «рычаг давления на США в их корейской политике». Поэтому, по словам китайского политолога Ян Сиюя, «решение северокорейской ядерной проблемы не находится в китайских руках» (С. 148). Поскольку шестисторонний формат переговоров по ядерной проблеме Корейского полуострова не достигает своей цели, то, по мнению китайских ученых, необходимо создание постоянного многостороннего механизма по решению региональных проблем. В связи с этим они рассматривают сохранение военно-политических союзов США с азиатскими странами как пережиток «холодной войны». Необходимо избавляться от него и переходить к многостороннему сотрудничеству (С. 148).

Касаясь северокорейского ядерного испытания и ядерной проблемы на Корейском полуострове в целом, китайские ученые полагают, что для решения этих проблем американскому правительству следует смягчить свою позицию в отношении КНДР и начать прямой диалог с Пхеньяном. С. Снайдер, по-видимому, согласен с их утверждением, поскольку отмечает, что факт проведения северокорейского ядерного испытания может свидетельствовать об ограниченности китайских возможностей повлиять на Пхеньян (С. 149).

С. Снайдер указывает, что первое ядерное испытание, проведенное в КНДР, вызвало волну обсуждений среди китайских экспертов, которые всесторонне проанализировали последствия этого шага и высказали свое мнение о возможных действиях Китая. Общее мнение состояло в рекомендации превратить Корейский полуостров в безъядерную зону. Из всей массы других высказываний С. Снайдер выделил замечание профессора Ши Иньхуна, который квалифицировал китайское участие в Корейской войне как «ошибку» и предположил, что в случае начала новой войны из-за северокорейских ядерных испытаний «Китай вмешаться не будет» (С. 151).

После ядерного испытания Китай предпринял ряд мер, чтобы повлиять на КНДР. Прежде всего, это касается расширения торгово-экономических связей. Китай продемонстрировал северокорейским руководителям преимущества экономических реформ и открытости экономики внешнему миру (С. 158).

С. Снайдер считает возможным обра-

зование устойчивого треугольника, куда войдут Китай, США и РК, и в котором каждая сторона будет помогать остальным решать вопросы по денуклеаризации КНДР. В дальнейшем это сотрудничество способно стабилизировать международную ситуацию в Северо-Восточной Азии (С. 179–180).

В своем исследовании С. Снайдер также затронул вопрос нового витка японо-китайского соперничества в Восточной Азии.

Автор полагает, то у РК есть несколько путей, чтобы снизить напряженность на полуострове в результате японо-китайского соперничества и избежать новой «холодной войны». Первый из них — координировать действия в рамках треугольника США — Япония — РК для противодействия китайскому влиянию. Второй — объединение Кореи. Однако последнее, как полагает С. Снайдер, способно еще более усилить японо-китайскую борьбу за влияние на объединенную Корею (С. 194). Третий путь — усиление экономической взаимозависимости между Китаем, РК и Японией. Это может произойти, если объединенная Корея «забудет старые обиды» и не станет вмешиваться в их политику в отношении корейских общин. Вместе с тем, автор сомневается, что эти отдаленные общие цели смогут пересилить современные реалии и националистические чувства, которые являются частью внешней и внутренней политики не только обеих Кореи, но и элементом политики других стран Северо-Восточной Азии (С. 196).

Вновь обращаясь к анализу китайско-южнокорейских отношений, С. Снайдер подчеркивает, что единственной причиной, которая могла бы привести Китай и РК к конфликту, является КНДР. Возрастающая экономическая зависимость КНДР от Китая вызывает беспо-

койство в Сеуле. Южнокорейский бизнес опасается, что это позволит Китаю монополизировать эксплуатацию северо-корейских природных ресурсов, а в дальнейшем помешать объединению Кореи (С. 205).

Наряду с проблемой будущего КНДР в южнокорейских политических кругах обсуждается вопрос о возрастающей экономической зависимости от Китая и самой РК. Так, например, в 2006 г. 43% южнокорейских инвестиций шло в Китай. В последующие годы это заставило южнокорейский бизнес «не складывать все яйца в одну корзину», а диверсифицировать свои зарубежные инвестиции (С. 205).

В заключении автор высказывает предположение, что в будущем приоритеты Китая и США могут войти в противоречие. В частности, это касается вопроса объединения Кореи или обострения японо-китайского соперничества, что потребует продолжения американского военного присутствия в регионе. Поэтому С. Снайдер рассматривает США как стабилизирующий фактор в Северо-Восточной Азии. Он также полагает, что США будут искать пути для активизации собственного участия в экономической интеграции и станут политическим и экономическим противовесом возрастающему китайскому влиянию (С. 206–207).

В целом исследование С. Снайдера можно оценить как предельно прагматичное, сконцентрированное на получении ответов на ранее поставленные вопросы и не отвлекающееся на критику отдельных шагов Китая или КНДР. Автор вполне справился с поставленной целью, исчерпывающе оценив в какой степени возрастание китайского влияния на Корейском полуострове может представлять угрозу для США в Северо-Восточной Азии.

Contents

POLITICS

- K. Antipov.* Developments in the Arab East and the Stand of China
Chen Zhihuo. The Strategic Interests of China and India in Afghanistan

RESULTS OF THE 11TH AND TARGETS OF THE 12TH FIVE-YEAR PLAN IN CHINA

- L. Volkova.* China's Agriculture
E. Kranina. The Development of China's Livestock
V. Chuvankova. The Development of Private Sector in China

ECONOMY

- V. Porryakov.* Shenzhen: the Success Story
D. Streltsov. The Potential of Russian-Japanese Cooperation in Energy Conservation and Its Feasibility

THEORY AND METHODOLOGY

- D. Gordienko.* The Global Crisis and China's Economic Security

THE RUSSIAN FAR EAST

- I. Gantimurov.* Activities of the Border Authorities for the Protection of Biological Resources of the Seas in the Far East

STATE AND SOCIETY

- Cho Joohaeng.* The Development Strategy of Local E-government in the Republic of Korea
A. Korolev. The Search for a Model of Health Insurance in China
D. Babayan. The Demographic Component of Sino-Russian Relations: Challenges and Benefits

HISTORY

- I. Sotnikova.* The Comintern and the Beginning of Communist Activities in China
A. Jurkiewicz. Soviet Aid to the Kuomintang in the 1920s: the Problem of Assessment Criteria
A. Khisamutdinov. Russian Old Believers in China

RELIGION

- E. Zavidovskaya.* Regional Peculiarities of Chinese Folk Religion in Sociological Studies of the Republican Period (First Half of the 20th Century)

IN THE RUSSIAN-CHINESE FRIENDSHIP SOCIETY

- Li Hui.* Today's China and the Sino-Russian Relations

SCIENTIFIC EVENTS

- Qiu Yuanpin.* China and Asia: Prospects for Joint Development

BOOK REVIEW

- L. Zablovskaya.* Snyder S. The Rise of China and the Two Koreas: Politics, Economics, Security

Contents

Summary

Far Eastern Affairs Contents for 2011

Summary

K. Antipov. Developments in the Arab East and the Stand of China

The article examines the impact of events in the Arab world on the policy of the PRC. An analysis of activities to improve Beijing's foreign economic relations in the region has been made. Particular attention is paid to trends in Sino-US relations, as well as the possibility of Sino-Russian cooperation.

Key words: China, the Middle East, Africa, Libya, China-US relations, Sino-Russian cooperation.

Chen Zhihao. The Strategic Interests of China and India in Afghanistan

The author considers the complex issues of security in Afghanistan, the strategic interests of China and India in this country, examines the prospects for an Afghan settlement.

Key words: war in Afghanistan, China, India, NATO, the fight against terrorism.

L. Volkova. China's Agriculture

Describing the development of the agricultural sector of China's economy in 2010 and for the entire period of the 11th Five-Year Plan, the author pays particular attention to the cereal production as the basis for food security. The main determinants of grain production are reviewed. Problems and challenges in agricultural development in China were also pointed.

Key words: cereal production, crop yield, irrigation construction, arable fund, the income of peasants.

E. Kranina. The Development of China's Livestock

China established one of the most advanced systems of selection of highly productive breeds of poultry and livestock of all kinds. It has also elaborated effective alternative technologies for livestock applied in different regions of the country. Large pig and dairy farms are increasing in numbers.

Keywords: industrial farming, grazing resources, breeding programs, scientific and industrial complexes, veterinary vaccines.

V. Chuvankova. The Development of Private Sector in China

The article showed the current status of individual and private economy in China, discussed new regulations of the State to ensure favourable economic and legal environment in order to encourage private enterprises.

Keywords: individual and private enterprises, investment, economic potential, the reform of monopoly industries, the legal framework.

V. Portyakov. Shenzhen: the Success Story

Thirty years of the development of Shenzhen — one of the most famous symbols of China's modernization policy, economic reforms and external openness — are under review. Three stages of the process are considered. The period of 1980–1991 relates to formation of a special economic zone of Shenzhen. In 1992–2002 Shenzhen has played a vanguard role in China as an example of deepening market reform and functioning as the "world factory". In 2003–2010 to the forefront came innovation and integration activities of Shenzhen.

Key words: special economic zone, Shenzhen, foreign trade openness, innovative model of development, integration with Hong Kong.

D. Streltsov. The Potential of Russian-Japanese Cooperation in Energy Conservation and Its Feasibility

Cooperation with Japan in energy efficiency will allow Russia to increase export potential of its energy producing industries. The article discusses specific types of cooperation, which began its rapid development after May 2009, when the relevant Russian-Japanese memorandum had been signed.

Keywords: Russian-Japanese cooperation, energy conservation, joint implementations, "smart business" in the field of energy, wind power.

D. Gordienko. The Global Crisis and China's Economic Security

The issue of China's economic security is considered on the base of the global crisis through the synthesis of 19 indicators of economic activity — the methodology adopted in recent years by number of domestic and foreign analysts.

Key words: economic security of the State, China's anti-crisis program, integrated economic indicators.

I. Gantimurov. Activities of the Border Authorities for the Protection of Biological Resources of the Seas in the Far East

The article highlights the activities of border authorities in Russia to protect its national interests in the Far Eastern seas. Particular attention is paid to fighting against foreign poaching in order to ensure effective fishing industry of the country.

Key words: marine guards, protection of biological resources, the Far East, the poaching of biological resources, the 200-mile maritime economic zone.

Cho Joohaeng. The Development Strategy of Local E-government in the Republic of Korea

Main activities of local authorities in the ROK had been computerized by the end of 2007. Now the local e-government project has entered the second stage of implementation.

Keywords: information technologies, local e-government, computerization of local government administration, continuous operation.

A. Korolev. The Search for a Model of Health Insurance in China

The search for an optimal model of medical care is presented as the development of several independent systems of insurance coverage. After decades of market reforms the Chinese leadership is trying to re-engage in health management and make it effective.

Key words: China, medical insurance, medical care models.

D. Babayan. The Demographic Component of Sino-Russian Relations: Challenges and Benefits

Increasing China's demographic presence in Russia, particularly in the Far East, is an objective phenomenon. Providing some economic benefits to both countries, it often causes political fear among Russian people. Beijing's basic strategy in this regard will be the establishment together with Russia of an effective mechanism for mutual vulnerability, interdependence and mutual benefit.

Key words: China, Russia, Far East, Chinese migration, population penetration, imbalance in demographic potential, migration process.

I. Sotnikova. The Comintern and the Beginning of Communist Activities in China

On the base of little-known archival documents the author traces the history of the first contacts between the Russian Communists and Chinese revolutionaries. Special attention is paid to the active role of the RCP and Comintern representatives in establishing of Communist cells in China, as well as in the preparations of the founding congress of the Communist Party of China.

Keywords: Comintern, Far Eastern Bureau, communist circles, financial assistance.

A. Jurkiewicz. Soviet aid to the Kuomintang in the 1920s: the Problem of Assessment Criteria

Based on the papers newly used in scientific research, the author shows that in 1924–1925 the Soviet financial assistance was designed to stimulate the creation of reliable, centrally managed armed forces, as well as effective KMT Party organization and the strengthening of its administrative activities.

Key words: China, Sino-Soviet relations, Soviet aid to Chinese revolution, the Kuomintang military construction.

A. Khisanutdinov. Russian Old Believers in China

The article describes the history of Russian Old Believers in China, forming communities of Old Believers in Manchuria, their activities, life and pursuits.

Keywords: Russian emigration in China, the Old Believers, priest followers, priestless.

E. Zavidovskaya. Regional Peculiarities of Chinese Folk Religion in Sociological Studies of the Republican Period (First Half of the 20th Century)

The paper contains an analysis of data about people's religion in rural China in the Republican period, taken from case studies of 1920–1930's. It provides information about the regional specificity of folk beliefs and temple activities in the provinces of Jiangsu, Zhejiang, Hebei and in the suburbs of Beijing.

Key words: folk religion, social science research, combining temple, temple festival, local cult.

Содержание журнала «Проблемы Дальнего Востока» за 2011 год

От главного редактора № 1

УЧЕННЫЕ-КИТАЕВЕДЫ — ЛАУРЕАТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРЕМИИ РФ

Указ Президента Российской Федерации о присуждении Государственных премий Российской Федерации в области науки и технологий 2010 года № 4
 Высокая награда российских китайцев № 4
 Выступления российских китайцев — лауреатов Государственной премии при вручении награды в Кремле № 4
А. Кобзев. Энциклопедизм как форма взаимопознания русской и китайской культур № 4

ДОКУМЕНТЫ

Астанинская декларация десятилетия Шанхайской организации сотрудничества № 4
 Совместное заявление Президента Российской Федерации и Председателя Китайской Народной Республики в связи с 10-летием Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой № 4
 Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики по текущей ситуации в мире и основным международным вопросам № 4
 Совместное коммюнике 10-й встречи министров иностранных дел Российской Федерации, Республики Индии и Китайской Народной Республики № 1

К ДЕСЯТИЛЕТИЮ ДОГОВОРА О ДОБРОСОСЕДСТВЕ, ДРУЖБЕ И СОТРУДНИЧЕСТВЕ МЕЖДУ РФ И КНР

М. Титаренко, В. Трифонов. Надежная основа российско-китайского стратегического партнерства, дружбы и соразвития № 3
А. Волохова, О. Воронаева. Итоги Года китайского языка в России и некоторые современные проблемы его преподавания и изучения № 3

ДЕСЯТАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ УЧЕНЫХ РОССИИ, ИНДИИ И КИТАЯ

Пресс-релиз 10-й трехсторонней конференции ученых России, Индии и Китая № 1
С. Лузянин. ШОС: проблемы безопасности и перспективы сотрудничества в Евразии № 1
М. Моханти. Потенциальные возможности РИК в решении глобальных и региональных проблем № 1
Чжоу Ган. Китайско-индийские отношения в рамках трехстороннего китайско-российско-индийского сотрудничества № 1
С. Уянава. РИК: проблемы и перспектив секторального диалога № 1
Л. Норонха. Копенгагенская договоренность и сотрудничества в формате России—Индия—Китай № 1
Чжао Цзюнь. Проблемы безопасности в Центральной Азии и возможности наращивания сотрудничества Китая, России и Индии в сфере безопасности № 1

КРУГЛЫЙ СТОЛ В ПДВ

Меняющийся Китай в меняющемся мире № 1

ИТОГИ 11-Й И ЗАДАЧИ 12-Й ПЯТИЛЕТКИ В КИТАЕ

И. Вахрушин. Фондовый рынок КНР: итоги развития, задачи и перспективы № 5
Л. Волкова. Сельское хозяйство Китая № 6

<i>В. Жигулева.</i> Взаимодействие внутреннего и внешнего факторов роста китайской экономики.....	№ 4
<i>П. Каменнов.</i> Военно-промышленный комплекс КНР.....	№ 5
<i>Н. Коледенкова.</i> Машиностроительный комплекс КНР.....	№ 5
<i>Е. Крапина.</i> Развитие животноводства Китая.....	№ 6
<i>З. Мурамцева.</i> Промышленная политика КНР в 2006–2015 гг. в свете задач индустриализации нового типа.....	№ 4
<i>А. Островский.</i> Экономика КНР на пороге 12-й пятилетки: итоги и перспективы.....	№ 4
<i>А. Салицкий, И. Тамберг.</i> Внешнеэкономические связи КНР: новые тенденции.....	№ 4
<i>Т. Терентьева.</i> Вывоз капитала как фактор реализации внешнеэкономической стратегии КНР.....	№ 5
<i>В. Чуванкова.</i> Развитие частного предпринимательства в КНР.....	№ 6

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

<i>А. Ларин.</i> Китайская модернизация: некоторые подсказки для России.....	№ 4
<i>А. Крушинский.</i> Постсоветский фактор «китайского чуда».....	№ 4

ПОЛИТИКА

<i>К. Антипов.</i> События на арабском Востоке и позиция Китая.....	№ 6
<i>К. Барский.</i> Россия в АТР: достижения, задачи, перспективы.....	№ 2
<i>Я. Бергер.</i> Об идейно-политической ситуации в Китае в преддверии XVIII съезда КПК.....	№ 5
<i>А. Воронин.</i> Стратегическому партнерству России и Вьетнама 10 лет. Итоги и перспективы.....	№ 2
<i>В. Гришук.</i> Проблемы отношений Японии с государствами Корейского полуострова.....	№ 2
<i>А. Давыдов.</i> Китайско-американские отношения на новом этапе: что впереди?.....	
<i>А. Жебит.</i> Корейский полуостров: у опасной черты.....	№ 1
<i>О. Казаков.</i> Землетрясение в Японии: гуманитарные, технологические и политические измерения.....	№ 3
<i>Я. Лексютина.</i> Обострение напряженности в Южно-Китайском море: взгляд из ЮВА, КНР и США.....	№ 5
<i>Г. Локиши.</i> Новый этап обновления партии и страны.....	№ 2
<i>В. Портяков.</i> Внешнеполитический инструментарий Китайской Народной Республики в процессе перемен.....	№ 1
<i>А. Семин.</i> Токио—Пекин: конфликтный потенциал сохраняется?.....	№ 4
<i>Д. Смирнов.</i> Особенности трансформации идейно-политической основы модернизации КНР в условиях перехода к рыночной экономике.....	№ 5
<i>О. Тимофеев.</i> Эволюция американо-китайского диалога в начале XXI в.....	№ 3
<i>Чэнь Чжикао.</i> Стратегические интересы Китая и Индии в Афганистане.....	№ 6
<i>А. Шлыдов.</i> Возно-морские силы Китая на пути модернизации и развития.....	№ 3

ЭКОНОМИКА

<i>М. Александрова.</i> Внешнеэкономическая деятельность провинции Ляонин в период реформ и открытости.....	№ 5
<i>Е. Баженова.</i> Снэцзян в авангарде развития западных районов КНР.....	№ 2
<i>А. Коржубаев, Л. Эдер.</i> Иностраннные инвестиции в нефтегазовом комплексе России.....	№ 2
<i>З. Мурамцева, Чжан Сюэцзюнь.</i> Химическое производство как индикатор индустриального развития КНР.....	№ 3
<i>В. Нехорошков.</i> Перспективы развития проекта соединения Транссибирской и Транскорейской магистралей: инвестиционный аспект.....	№ 1
<i>В. Нехорошков.</i> Россия—Китай: факторы регионального сотрудничества.....	№ 2
<i>М. Потапов.</i> Китай во время и после мирового кризиса.....	№ 1
<i>В. Портяков.</i> Шэньчжэнь: история успеха.....	№ 6
<i>С. Сазонов.</i> Порядок и класс. Решение проблем городского транспорта в КНР.....	№ 3

<i>Д. Стрельцов.</i> Потенциал российско-японского сотрудничества в сфере энергосбережения и возможности его реализации	№ 6
<i>Р. Тамберг.</i> Компании КНР в нефтяной отрасли африканских стран	№ 3
<i>Д. Шербаков.</i> Инвестиционное сотрудничество России и Японии на российском Дальнем Востоке: перспективы развития	№ 3

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

<i>Л. Бадалян, В. Криворотов.</i> Особый путь Китая: новая парадигма производства — объектно-ориентированный дизайн и проблемы освоения труднодоступных территорий	№ 4
<i>О. Борох.</i> Экономические дискуссии в КНР в посткризисный период	№ 4
<i>Д. Гордиенко.</i> Мировой кризис и экономическая безопасность Китая	№ 6

РОССИЙСКИЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

<i>И. Гантимуров.</i> Деятельность пограничных органов по охране биологических ресурсов морей Дальнего Востока	№ 6
<i>П. Минакир, О. Прокапато.</i> Программы и стратегии развития российского Дальнего Востока	№ 5
<i>С. Мицук, М. Кулаков, М. Хавинсон.</i> Иностранная рабочая сила на рынке труда Еврейской автономной области: анализ и прогноз	№ 3
<i>В. Ширяев.</i> Развитие пограничной охраны на Дальнем Востоке СССР (1922–1941 гг.)	№ 5

ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ

<i>Е. Бирюлин.</i> Политика Китая по проблемам изменения климата	№ 5
<i>Е. Кранина.</i> Инновационная модель обеспечения экологической безопасности Китая	№ 2
<i>Н. Сухомлинов.</i> Особенности природопользования на российском Дальнем Востоке на первоначальном этапе его освоения	№ 2

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

<i>Д. Бабаян.</i> Демографический компонент российско-китайских отношений: вызовы и выгоды	№ 6
<i>А. Еришов.</i> Реформирование механизма управления энергетикой КНР в процессе модернизации страны	№ 2
<i>А. Королев.</i> Поиски модели медицинского страхования в КНР	№ 6
<i>Е. Степанова.</i> Женщины и власть на Тайване	№ 2
<i>А. Сидорова.</i> Проблема безработицы среди выпускников вузов КНР в свете реформы высшего образования	№ 4
<i>А. Тулохонов, А. Рабогошвили.</i> Национальный вопрос во внутренней политике КНР: уроки и выводы для России	№ 2
<i>П. Троцкий.</i> Основные направления борьбы с преступностью в современном Китае	№ 2
<i>Чжоу Чжун Хэн.</i> Стратегия развития местного электронного правительства в Республике Корея	№ 6
<i>Д. Шкиттина.</i> КНР: охрана конституционных прав граждан через институт трудового договора	№ 2

ИСТОРИЯ

<i>В. Корнеев.</i> Дальний Восток СССР в годы Великой Отечественной войны в новейшей отечественной историографии (1991–2010)	№ 3
<i>Н. Мамаева.</i> Синьхайская революция и идея конституционного правления	№ 5
<i>Р. Медведев.</i> Китай и распад СССР	№ 1
<i>А. Панцов, Д. Спичак.</i> Дэн Сяопин в Москве (1926–1927): идейное становление революционера и будущего реформатора	№ 4
<i>Д. Сенина.</i> Становление и этапы развития банковской системы Японии	№ 3
<i>И. Сотникова.</i> Коминтерн и начало коммунистической работы в Китае	№ 6

<i>И. Сотникова.</i> Помощь СССР Китаю в антияпонской войне 1937–1945 гг.	№ 3
<i>С. Тужилин.</i> «Провокаторы»: тайная война на Дальнем Востоке (конец 1930-х — начало 1940-х гг.)	№ 3
<i>В. Усов.</i> Тайны Чжуннаньхая. Генерал-майор Мао Синьюй — внук Мао Цзэдуна	№ 2
<i>А. Хисамудинов.</i> Русские старообрядцы в Китае	№ 6
<i>А. Юркевич.</i> Советская помощь Гоминьдану в 1920-е годы: к вопросу о критериях оценки	№ 6

ФИЛОСОФИЯ

<i>Лян Шумин.</i> Об учении Конфуция [Перевод А.Б. Старостиной из книги «Культуры Востока и Запада и их философии»	№ 5
--	-----

РЕЛИГИЯ

<i>Е. Завидовская.</i> Региональные особенности народной религии Китая в социологических исследованиях республиканского периода (первая половина XX века)	№ 6
---	-----

КУЛЬТУРА

<i>Е. Иконникова, А. Никонова.</i> Русская каторга в «Записках о Сагарэне» Самукавы Котаро	№ 3
--	-----

В ОБЩЕСТВЕ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЙ ДРУЖБЫ

<i>Г. Куликова.</i> VIII отчетно-выборная конференция ОРКД	№ 2
<i>Г. Куликова.</i> 10 лет Договору о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой	№ 5
<i>Ли Хуэй.</i> Современный Китай и китайско-российские отношения	№ 6

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>М. Александрова.</i> Конференция «Тихоокеанская Россия — 2050»	№ 2
<i>К. Асмолов, В. Самсонова, Ким Ен Ун.</i> XV научная конференция корееведов России и стран СНГ	№ 3
<i>Е. Баженова.</i> «Столетие перемен и преемственности в Китае, 1911–2011». VI Синологический конгресс в Португалии	№ 5
<i>С. Горбунова.</i> II Всероссийская научная конференция «Актуальные проблемы новейшей истории Китая»	№ 5
<i>В. Дмитриева.</i> Московскому корееведению — 65 лет	№ 4
Визит экс-президента Республики Корея Ким Ён Сама	№ 4
<i>А. Давыдов, В. Портяков.</i> Российские китаеведы во Вьетнаме	№ 4
<i>О. Железняк.</i> К 120-летию со дня рождения Н.И. Конрада (1891–1970)	№ 5
<i>А. Клименко.</i> Российско-китайская научная конференция в ИДВ РАН «Роль СССР и Китая в достижении победы во Второй мировой войне»	№ 1
<i>Л. Кондрашова, А. Ломанов.</i> Четвертый форум изучения Китая в Шанхае	№ 3
<i>А. Крушинский.</i> И цзин в XXI веке. 5-я международная ицзиноведческая конференция в Сянгане	№ 1
<i>Е. Лапшина, В. Чуванкова.</i> Защита диссертаций в ИДВ РАН в 2010 году	№ 2
<i>Цю Юаньпин.</i> Китай и Азия: перспективы совместного развития.	№ 6

РЕЦЕНЗИИ

<i>Л. Забровская.</i> Снайдер С. Возвышение Китая и две Корен: политика, экономика, безопасность	№ 6
<i>Н. Захарова.</i> Завьялова О.И. Большой мир китайского языка	№ 3
<i>В. Кузьминков.</i> Фергюссон Д. Российско-японские отношения, 1907–2007	№ 2
<i>А. Ломанов.</i> Хэ Фан о некоторых аспектах истории международных отношений КНР	№ 5
<i>С. Лузянин, Е. Сафронова.</i> Чуфрин Г.И. Россия в Центральной Азии	№ 3
<i>А. Лукин.</i> Калдер К., Мин Е. Рождение Северо-Восточной Азии	№ 3
<i>А. Островский.</i> Хуан Яшэн. Капитализм по-китайски: Государство и бизнес	№ 2

<i>А. Сенаторов.</i> Кошкин А.А. Россия и Япония: Узлы противоречий	№ 2
<i>В. Усов.</i> Мао Цзэдун. Маленькая красная книжка	№ 3
<i>В. Усов.</i> Хэ Фан о роли Чжан Вэньтяня в истории КПК и его отношениях с Мао Цзэдуном.....	№ 5

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

Юбилей Людмилы Дмитриевны Бони	№ 5
Владимиру Георгиевичу Ганшину — 60 лет	№ 3
Ким Ен Уну — 70 лет.....	№ 5
75-летие Анатолия Васильевича Семна	№ 3
Игорю Владимировичу Ушакову — 60 лет.....	№ 3
Юбилей Цветовой Ирины Алексеевны	№ 5
Вадиму Ивановичу Шабалину — 80 лет.....	№ 4

Анкета читателя ПДВ	№ 3
---------------------------	-----

Contents.....	№№ 1–6
---------------	--------

Summary.....	№№ 1–6
--------------	--------

Содержание журнала «Проблемы Дальнего Востока» за 2011 год.....	№ 6
---	-----

Владимир Георгиевич Ганшин
21.04.1951–10.10.2011 гг.

Российское китаеведение понесло тяжелую утрату.

10 октября 2011 года на 61-м году жизни скоропостижно скончался один из ведущих специалистов в области политологии и истории Китая, кандидат исторических наук Владимир Георгиевич Ганшин.

В. Г. Ганшин родился 21 апреля 1951 г. в г. Феодосия Крымской области.

После окончания в 1973 г. Института стран Азии и Африки при МГУ им. М.В. Ломоносова на протяжении многих лет он находился на журналистской работе. был членом Союза журналистов СССР. С 1973 по 1979 гг. В.Г. Ганшин работал в Агентстве печати новости (АПН), затем с 1979 по 1991 гг. — в газете «Известия». С 1984 по 1987 гг. в качестве специального корреспондента этой газеты он находился в МНР и КНДР. В 1991 г. В.Г. Ганшин перешел на работу в коммерческую дирекцию «Азиатский торговый дом», а с 1994 г. был ведущим специалистом Госкино России.

Научной работой Владимир Георгиевич стал заниматься еще в 1970-е гг., и в 1979 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук, что в немалой степени способствовало и его успешной журналистской деятельности.

Науке он целиком посвятил себя с 2000 г., когда после окончания работы в Госкино стал старшим научным сотрудником Института Дальнего Востока РАН. В январе 2004 г. В. Г. Ганшин возглавил научно-издательский отдел Института, а в сентябре 2008 г. стал руководителем Центра научной информации и документации ИДВ РАН. На занимаемых в ИДВ руководящих должностях В.Г. Ганшин максимально использовал свой богатый опыт практической журналистики, не забывая и о научных интересах. За время работы в Институте опубликовал монографию и ряд интересных содержательных статей о состоянии гражданского общества в Китае. В последние годы Владимир Георгиевич являлся членом Ученого совета ИДВ РАН, при его непосредственном участии было подготовлено и сдано в издательство немало книг, выпущенных в Институте Дальнего Востока, включая ряд ежегодников «Китайская Народная Республика».

Видный ученый, на редкость доброжелательный и отзывчивый человек, патриот и гражданин, Владимир Георгиевич пользовался всеобщим уважением, авторитетом и любовью в коллективе ИДВ РАН, среди российских и зарубежных китаеведов.

Светлая память о Владимире Георгиевиче Ганшине навсегда сохранится в сердцах его друзей и коллег.

*Дирекция, профсоюзный комитет, коллектив ИДВ РАН,
Редколлегия и редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока»*

Уважаемые авторы журнала «Проблемы Дальнего Востока»!

Доводим до Вашего сведения, что в соответствии с требованиями Академиздатцентра «Наука» РАН с января 2006 г. Вы должны присылать в редакцию вместе с текстом статьи заполненный бланк договора. Бланк договора Вы можете найти на сайте нашего журнала www.ifes-ras.ru или на сайте Академиздатцентра «Наука» www.naukaran.ru. Обращаем Ваше внимание на то, что договор вступает в силу только после принятия редакцией журнала решения о публикации статьи.

Для оформления авторского гонорара необходимо представить в редакцию следующие сведения:

- дата рождения (число, месяц, год);
- домашний адрес с индексом;
- паспортные данные;
- номер страхового свидетельства Пенсионного фонда РФ;
- номер лицевого счета и реквизиты банка.

Журнал «Проблемы Дальнего Востока» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается. К тексту статьи соискателя ученой степени должна быть приложена рецензия.

Интересующие вас вопросы вы можете задать зав. редакцией журнала
Елене Александровне Лапшиной по телефону 8 (499) 124-02-15.

На электронную версию журнала «Проблемы Дальнего Востока» можно подписаться в компании «Рунет». Телефон (495) 935-01-01.

С условиями подписки можно ознакомиться на сайте www.elibrary.ru. ISSN 0131-2812
Стоимость подписки на 2011 год — 4400 руб.

Мнение автора не обязательно совпадает с точкой зрения редакции.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Перепечатка материалов без согласия редакции не разрешается.

*При использовании их в любой форме, в том числе в электронных СМИ,
ссылка на журнал «Проблемы Дальнего Востока» обязательна.*

Сдано в набор 25.10.2011 г. Подписано к печати 22.11.2011 г. Формат бумаги 70x100 1/8
Цифровая печать. Усл. печ. л. 15,6. Усл. кр.-отт. 9,2 тыс. Уч.-изд. л. 14,6 Бум. л. 6,0
Тираж 596 экз. Зак. 1878

Издатель: Российская академия наук. Издательство «Наука»,
117997, Москва, Профсоюзная, 90
Адрес редакции: 117997, Москва, Нахимовский проспект, 32
Тел. 8 (499) 124-09-02; E-mail: pdv@ifes-ras.ru

Оригинал-макет © 2011 г. Дмитрий Славинский
Отпечатано в ППП, «Типография «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 6

Требования к материалам, предоставляемым авторами в редакцию

Редакция и редколлегия журнала «Проблемы Дальнего Востока» принимают к публикации рукописи статей, отражающих научную разработку различных аспектов современного положения и тенденций развития стран и регионов российского и зарубежного Дальнего Востока, процессов в АТР, многосторонних и двусторонних отношений стран региона. Журнал помещает также статьи и документальные публикации, посвященные проблемам прошлого стран Дальнего Востока, которые важны для понимания современности. Приветствуется также направление в журнал рецензий на новейшие издания по соответствующей тематике.

- Объем публикации, как правило, не должен превышать 1 а.л. (40 000 знаков).
- Статья должна сопровождаться аннотацией с кратким изложением ее основных положений (около 600 знаков) и перечнем ключевых слов, отражающих ее содержание, на русском и английском языках.
- К статьям, присылаемым в редакцию, должны быть приложены сведения об авторах (ФИО, место работы, должность, ученая степень и звание, контактный телефон, e-mail). Все текстовые материалы представляются в электронном виде на дискете 3,5" с распечатками через 2 интервала
- Графические файлы предоставляются отдельно в файлах формата TIFF с разрешением не менее 300 dpi
- Китайские имена и названия приводятся в русской транскрипции, основанной на системе Pinyin
- Все сноски и библиографические ссылки приводятся в конце статьи. Описания китайских, японских и вьетнамских изданий приводятся в транслитерации с последующим переводом на русский язык заглавия в квадратных скобках. Остальные печатные издания описываются на языке оригинала.

Правила оформления сносок:

Книги: Автор. Заглавие. Место издания. Год издания. С....

Публикации в периодических изданиях: Автор. Заглавие // Название издания. Место издания, год. Том, № (для газет – дата). С....

Составные части сборников и монографий: Автор. Заглавие. Место издания, год. С. ...

Материалы из WEB-сайтов описываются по тем же правилам, отделяясь от адреса сайта знаком (, –)

Консультации по вопросам подготовки статьи к опубликованию в журнале можно получить по тел.: (499) 124 09 02.

Редакция оставляет за собой право редакторской правки.

Ответственность за достоверность опубликованных в статьях сведений несут авторы.